

ЮРИСТЫ ЗА КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ

СВОБОДА МИРНЫХ СОБРАНИЙ
В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
И КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

СБОРНИК РЕШЕНИЙ И ПОСТАНОВЛЕНИЙ

Москва
РИО «Новая юстиция»
2011

УДК [342.4:342.729](4)(094.9)
ББК 67.910.822я46+67.911.11я46
С25

Составители:

Дикман С.С. — кандидат юридических наук,
юрист-аналитик АНО «Юрикс»;
Терехов К.И. — аспирант НИУ-ВШЭ, юрист АНО «ЮРИКС»

Свобода мирных собраний в практике Европейского Суда и Комиссии по правам человека: сб. решений и постановлений / С.С. Дикман, К.И. Терехов; под общ. ред. С.С. Дикмана. — М.: РИО «Новая юстиция», 2011. — 360 с.

ISBN 978-5-91028-070-4

Настоящий сборник представляет собой подборку решений и постановлений Европейского Суда по правам человека и Комиссии по правам человека по свободе мирных собраний (статья 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). В него вошли как «классические» решения, в которых Европейским Судом были определены базовые стандарты свободы собраний, так и решения по менее известным делам, но также включающие важнейшие положения о содержании свободы собраний. Многие из опубликованных в данном сборнике текстов постановлений Европейского Суда впервые переведены на русский язык.

Настоящее издание будет интересно как практикующим юристам, так и исследователям в области прав человека, а также преподавателям, студентам и всем, интересующимся вопросами защиты прав человека.

При составлении сборника были использованы переводы АНО «ЮРИКС», а также тексты постановлений Европейского Суда, опубликованные в книге «Свобода собраний в Постановлениях Европейского Суда по правам человека» (Воронеж: Артефакт, 2009. — 328 с.).

Данное издание осуществляется в рамках программы микропроектов «Европейская инициатива в области демократии и прав человека» (ЕИДПЧ — EIDHR), которая реализуется Европейской Комиссией и финансируется из бюджета Европейского союза. Ответственность за содержание сборника несет исключительно АНО «ЮРИКС», и оно ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как отражающее позицию Европейского союза.

© АНО «ЮРИКС», 2011
© С.С. Дикман, К.И. Терехов, 2011
© Авторы переводов, 2011
© РИО «Новая юстиция»
(оформление, редподготовка), 2011

СОДЕРЖАНИЕ

С.С. Дикман. О свободе собраний в практике Европейского Суда по правам человека.....	5
---	----------

РАЗДЕЛ I. ПОСТАНОВЛЕНИЯ И РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА И КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА	10
--	-----------

«Христиане против расизма и фашизма» против Соединенного Королевства	10
Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии.....	26
Эзелин против Франции	37
Станков и Объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии	64
Сиссе против Франции	103
Ойа Атаман против Турции.....	117
Сергей Кузнецов против России.....	128
Бачковский и другие против Польши.....	144
Баранкевич против России	170
Букта и другие против Венгрии.....	183
Патый и другие против Венгрии.....	192
Эва Мольнар против Венгрии.....	205
Самют Карабулут против Турции	216
Христианско-демократическая народная партия против Молдавии (№ 2)	230
Экши и Оджак против Турции	242

Бичиджи против Турции	252
Баррако против Франции.....	268
Алексеев против России	280

РАЗДЕЛ II. ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ И РЕШЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ ПО СТАТЬЕ 11 КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД	314
---	------------

РАЗДЕЛ III. РЕЗЮМЕ ИЗБРАННЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ И РЕШЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ ПО СТАТЬЕ 11 КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД.....	321
--	------------

О СВОБОДЕ СОБРАНИЙ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

С.С. Дикман

Свобода мирных собраний представляет собой одно из основных политических прав, без эффективной реализации которого невозможно полноценное развитие демократических институтов и гражданского общества. Право собираться мирно и без оружия для выражения своего мнения, а также для обсуждения вопросов, важных для общества в целом или небольшой его части, является одним из показателей уровня развития демократии в государстве.

Получив закрепление в международных документах о правах человека, свобода собраний остается во многих странах, включая Россию, предметом серьезных ограничений. При разработке законов, регулирующих порядок проведения публичных мероприятий, власти государств часто устанавливают чрезмерные административные барьеры, фактически препятствующие реализации данного права. Нередко законодатели руководствуются при этом целями обеспечения общественной безопасности, которые действительно могут служить основанием для ограничения политических прав и свобод.

Для России первостепенное значение имеет Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция), часть 2 статьи 11 которой определяет, что ограничение права на свободу собраний возможно только в «интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

Однако при введении любых ограничений необходимо соблюдать баланс между целями ограничений (обеспечение безопасности общества) и гарантированными правами. Ограничения же должны быть при этом пропорциональны возможной опасности. Важно различать собственно общественную безопасность и некоторые неудобства для других граждан, которые неизбежны при осуществлении права на мирные собрания (например, перекрытие движения по части улиц города из-за проведения демонстрации) и которые не могут служить поводом для ограничения права.

Международные стандарты устанавливают исчерпывающий перечень оснований для ограничения, поэтому, если государство вводит дополнительные ограничения, оно тем самым может нарушить свои международные обязательства.

Минимальные стандарты свободы собраний, соблюдение которых необходимо в любом демократическом государстве, были выработаны, в частности, в практике Европейского Суда по правам человека по статье 11 Конвенции, а также обобщены в Руководящих принципах по свободе мирных собраний, принятых Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее — ОБСЕ) в 2007 г. Следует учитывать, что если документы ОБСЕ представляют собой развернутые рекомендации государствам по обеспечению свободы собраний, то постановления Европейского Суда имеют обязательный характер, и несоблюдение установленных в них минимальных требований может повлечь признание нарушения права со стороны государства.

При анализе практики Европейского Суда становится очевидно, что свобода собраний часто пересекается со свободой выражения мнения и свободой убеждений, и нередко нарушение одной из свобод автоматически влечет за собой ограничения в отношении другой.

К настоящему моменту Европейский Суд выработал обширную практику, раскрывающую содержание свободы собраний и определяющую несколько важнейших условий полноценной реализации этой свободы.

Так, в деле «Информационный союз “Lentia” и другие против Австрии» (24 ноября 1993 г., § 38, Серия А, № 276) Европейский Суд указал, что понимание свободы собраний исключительно как негативного права, т.е. обязанности государства воздерживаться от вмешательства, не соответствовало бы целям статьи 11 и Конвенции в целом. У каждого государства имеется позитивное обязательство обеспечить все условия для осуществления свободы мирных собраний.

Одним из элементов гарантии реализации свободы собраний является обеспечение безопасности ее участников и организаторов. Этот стандарт был впервые установлен в решении по делу «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (21 июня 1988 г., Серия А, № 139). При этом отмечалось, что возможность насильственного столкновения с контрдемонстрацией не может являться основанием для запрета собрания. Подобным образом недопустимо запрещать демонстрацию, если известно, что в ней потенциально могут участвовать агрессивно настроенные граждане, не являющиеся членами объединения, организующего демонстрацию (см. дело «“Христиане против расизма и фашизма” против Соединенного Королевства»).

Важным стандартом стала гарантия реализации свободы собраний, даже если заявленная цель собрания может не нравиться значитель-

ной части общества. В деле «Станков и Объединенная македонская организация “Илинден” против Болгарии» (жалобы №№ 29221/95 и 29225/95, § 90, *ECHR* 2001-IX) Европейский Суд отметил, что «свобода собраний, предусмотренная статьей 11 Конвенции, защищает демонстрацию, которая может раздражать или оскорблять лиц, выступающих против идей или целей, которые она пытается продвигать». Данный стандарт был развит в Постановлениях Европейского Суда по жалобам «Бачковский и другие против Польши», «Алексеев против России» и некоторых других. Так, в Постановлении по делу «Сергей Кузнецов против России» Европейский Суд указывает: «любые меры, связанные с вмешательством в свободу собраний и выражения, кроме случаев призыва к насилию или отвержения демократических принципов, — при этом, какими бы шокирующими и неприемлемыми ни казались властям отдельные взгляды или высказывания — наносят ущерб демократии и часто даже опасны для нее» («Сергей Кузнецов против России», жалоба № 10877/04, § 45, 23 октября 2008 г.). В то же время право на контрдемонстрацию со стороны лиц, разделяющих противоположную точку зрения, также является реализацией свободы собраний, и такие формы выражения не должны подавляться (см. дело «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии»).

Участники мирных собраний не должны опасаться преследований со стороны государства за свое участие в них. Этот принцип был сформулирован в деле «Эзелин против Франции» и получил развитие, в частности, в Постановлениях по делам «Бачковский и другие против Польши» и «Алексеев против России». В деле «Бачковский и другие против Польши» Европейский Суд пришел к выводу, что даже сама угроза преследования за участие в несогласованном митинге представляет собой нарушение статьи 11 Конвенции.

Свобода собраний может быть реализована, даже если это будет причинять определенные неудобства для других лиц, например, в случае перекрытия движения на автомагистралях или изменения маршрутов следования общественного транспорта. В деле «Ойа Атаман против Турции» Европейский Суд указал, что «любое событие в общественном месте может вызвать определенные помехи в повседневном течении жизни, в том числе срыв перевозок, и, в отсутствии насилия со стороны демонстрантов, важно, чтобы правительство продемонстрировало определенную терпимость к мирным собраниям с тем, чтобы свобода собраний не была лишена своего смысла и содержания» («Ойа Атаман против Турции», жалоба № 74552/01, §§ 41–42). При этом необходимо обеспечение баланса между правом, закрепленным Конвенцией, и интересами других граждан, т.е. в случае возможного ограничения свободы собраний власти обязаны обосновать общественную

необходимость такого ограничения (см. дела «Пятый против Венгрии», «Махмудов против России»).

Любые ограничения свободы собраний должны быть соразмерны целям, ради которых они применяются. Например, если существует риск возникновения массовых беспорядков в результате демонстрации, один только факт наличия риска не может служить достаточным основанием для запрета публичного мероприятия (см. дело «Баранкевич против России»), равно как угрозы со стороны противников публичного мероприятия не должны вести к его запрету, а государство должно предпринять все усилия, чтобы обеспечить надлежащую защиту его участникам (см. дело «Алексеев против России»).

Еще одним стандартом свободы собраний является так называемая доктрина немедленной реакции — право на проведение спонтанной демонстрации или другого публичного мероприятия, когда уведомление властей в установленные законом сроки лишило бы это мероприятие смысла. В деле «Букта и другие против Венгрии» Европейский Суд отметил, что «при конкретных обстоятельствах дела, когда немедленный отклик на политическое событие в форме демонстрации мог быть оправдан, решение о роспуске продолжающегося мирного собрания исключительно в связи с отсутствием предварительного уведомления, без каких-либо незаконных действий со стороны демонстрантов, представлял собой несоразмерное ограничение свободы мирных собраний». В то же время в деле «Эва Мольнар против Венгрии» Европейский Суд подчеркивает, что в подобных случаях необходимость спонтанной реакции должна быть обоснованна.

Европейский Суд неоднократно обращался к вопросу о регулировании свободы собраний в национальном законодательстве государств — участников Конвенции, выработав конкретные требования к ограничительным нормам. Так, любые ограничения собраний должны быть пропорциональны целям, ради которых они накладываются. Это подразумевает, что будут использованы наименьшие средства вмешательства, включая наказания, которые могут быть применены за нарушение положений о свободе собраний (см. дело «Эзелин против Франции»). Европейский Суд допускает наличие процедуры уведомления о предстоящем мероприятии и даже установление требования о получении разрешения на его проведение, однако форма и содержание таких процедур не должны приводить к необоснованному срыву мероприятия (см. дела «Рэй, Алмонд и “Переговоры сейчас!” против Соединенного Королевства»).

Принятие властями решений о согласовании мероприятия должно основываться на конкретных обстоятельствах дела, а общее применение правил и использование лишь предположений о возможных негативных последствиях мероприятия ведет к необоснованному огра-

ничению свободы собраний и, соответственно, к нарушению статьи 11 Конвенции (см. дела «Махмудов против России», «Станков и Объединенная македонская организация “Илинден” против Болгарии»). С другой стороны, нарушением будет признаваться и факт использования различных правил в отношении идентичных ситуаций (при отсутствии разумного и объективного обоснования) (см. дело «“Христиане против расизма и фашизма” против Соединенного Королевства»).

Конвенция содержит требования о том, чтобы любые ограничения прав не только преследовали правомерную цель, но и были основаны на законе, т.е. формально закреплены и четко описывали условия ограничения для того, чтобы каждый мог предвидеть, в каких именно ситуациях его поведение будет нарушать действующие нормы (см. дело «Стил против Соединенного Королевства»).

Базовые стандарты свободы собраний, описанные выше, не являются исчерпывающими: в новых постановлениях Европейский Суд продолжает расширять и уточнять содержание статьи 11 Конвенции в соответствии с развитием общества и трансформацией ориентиров европейского публичного порядка.

РАЗДЕЛ I

ПОСТАНОВЛЕНИЯ И РЕШЕНИЯ

ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА И КОМИССИИ

ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОМИССИЯ

ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

«ХРИСТИАНЕ ПРОТИВ РАСИЗМА И ФАШИЗМА»

ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

(Christians against Racism and Fascism v. United Kingdom)

Жалоба № 8440/78

Решение о приемлемости от 16 июля 1980 г.

ФАКТЫ

Факты дела, представленные ассоциацией-заявителем в лице ее адвокатов, Хилари Килчин (возможно, Хитчин), адвокатом правового департамента Национального совета гражданских свобод, и профессором Иеном Браунли, могут быть кратко изложены следующим образом.

I. Ассоциация-заявитель, именуемая «Христиане против расизма и фашизма» (далее — CARAF), представляет собой организацию, формально учрежденную на конференции в Лондоне 28 января 1978 г. по инициативе ряда церковных организаций, включая отдел общинных и расовых отношений Британского совета церквей, Католическую комиссию за расовую справедливость и Совет друзей за социальную ответственность, после неформального сотрудничества по вопросам расовых отношений с июня 1977 г.

Провозглашенные цели CARAF:

«i. Объединиться в любви к Богу и нашим соседям перед лицом расистской и фашистской идеологии.

- ii. Выступать в качестве общего экуменического голоса христианской церкви по вопросам расизма и фашизма.
- iii. Содействовать осознанию христианами опасности фашизма и угроз, исходящих от фашистских организаций.
- iv. Поддерживать развитие местных христианских инициатив, направленных на уменьшение эффективности фашистской пропаганды.
- v. Призывать церковных лидеров к противостоянию на национальном уровне разъединяющей политике и деятельности таких организаций, как Национальный фронт и Национальная партия.
- vi. Поддерживать иные инициативы, направленные на содействие расовой справедливости и борьбу с фашизмом».

2. Высшими органами ассоциации являются Годовое собрание и Исполнительный комитет, который уполномочен осуществлять общее руководство деятельностью CARAF. Исполнительный комитет принял решение подать настоящую жалобу в Комиссию, когда шествие, решение о котором приняло Годовое собрание, было запрещено, поскольку оно подпадало под действие приказа, изданного комиссаром метрополитенской полиции на основании пункта 3 статьи 3 Закона об общественном порядке 1936 г.

3. Решение о проведении шествия от Собора Святого Павла в лондонском Сити до Вестминстерского собора в Вестминстере 22 апреля 1978 г. было принято на первом Годовом собрании CARAF 28 января 1978 г. Шествие планировалось провести для привлечения внимания общественности к CARAF и, таким образом, для содействия целям организации. Информировать общественность планировалось с помощью распространения листовки, разъясняющей цели CARAF. Предполагалось также нести во главе шествия большой транспарант с полным названием организации. Он должен был быть единственным транспарантом, привлекающим внимание к христианскому единству участников шествия. Шествие должно было находиться в поле зрения большей части прохожих по его маршруту, кроме того, предварительное оповещение и последующее освещение мероприятия должны были охватить еще большее число людей. Таким образом, оно имело цель информировать общественность о новой организации и о том значении, которое христианские организации придают активному противодействию расизму и фашизму. Эта информация считалась особенно важной в период широкого освещения деятельности групп, проповедующих расистские и фашистские взгляды.

4. Хотя уведомление полиции относительно планов шествия являлось необязательным, CARAF поставила в известность полицию Сити, в частности, для принятия мер в сфере дорожного движения и во избежание столкновений с полицией в день демонстрации. Встреча председателя Исполнительного комитета CARAF почтенного Ро-

берта Нинда с полицейскими властями была назначена на 22 февраля 1978 г., но была перенесена на 27 февраля, по-видимому, для того, чтобы обеспечить дополнительное присутствие представителей метрополитенской полиции. Однако эта отложенная встреча была отменена, поскольку тем временем комиссар метрополитенской полиции запретил проведение всех публичных шествий в округе Лондонской метрополитенской полиции на двухмесячный срок.

5. Приказ сформулировался следующим образом:

«Закон об общественном порядке 1936 г.

Поскольку я, Дэвид Блэксток Макни, комиссар метрополитенской полиции, полагаю, что с учетом особых обстоятельств, существующих в моем полицейском округе, полномочия, предоставленные мне пунктом 1 статьи 3 Закона об общественном порядке 1936 г., не являются достаточными для того, чтобы я мог пресечь серьезные общественные беспорядки, отмечавшиеся при проведении публичных шествий в округе метрополитенской полиции,

настоящим я, Дэвид Блэксток Макни, комиссар метрополитенской полиции, с согласия статс-секретаря, во исполнение полномочий, предоставленных мне пунктом 3 статьи 3 указанного Закона, данным приказом запрещаю на срок два месяца с 6.00 пятницы 24 февраля 1978 г. проведение всех публичных шествий, за исключением имеющих религиозный, образовательный, праздничный или церемониальный характер, обычно проводящихся в округе метрополитенской полиции.

(подписано) ДЭВИД МАКНИ

комиссар метрополитенской полиции

Датировано 22 февраля 1978 г.

Нью-Скотленд-Ярд,

Лондон SW1H 0BG

Настоящим удостоверяю, что вышеуказанный Приказ издан комиссаром полиции с моего согласия.

(подписано) МЕРЛИН РИС

Статс-секретарь по Министерству внутренних дел».

6. Запрет, по-видимому, имел целью пресечение шествия в лондонском округе Илфорд, организуемого Национальным фронтом 25 февраля 1978 г. Однако поскольку срок его действия истекал только 24 апреля 1978 г., он также распространялся на шествие ассоциации-заявителя, намеченное на 22 апреля 1978 г.

Преподобный Нинд предпринял некоторые попытки добиться признания религиозного характера шествия, и в этих целях было предложено избрать более ограниченный маршрут между аббатством и собором в Вестминстере с проведением богослужения в аббатстве и соборе и осуществить шествие в спокойной и мирной манере во главе с хо-

ристами в облачении. Примерно 28 февраля 1978 г. это предложение было доведено до сведения метрополитенской полиции, однако ответ последней заключался в том, что шествие все равно будет противоречить запрету комиссара, поскольку оно не являлось бы обычным мероприятием. С учетом недостатка времени для проведения альтернативных мероприятий 22 апреля 1978 г. дополнительные переговоры о поиске альтернативной формы шествия были прекращены. Вместо этого CARAF обратилась за разрешением на проведение публичного митинга в Гайд-парке без шествия и получила его.

В Гайд-парке также действовали ограничения, преподобный Нинд был уведомлен департаментом окружающей среды о том, что распространение листовок с гимном не разрешено. Отмечается, что общественное влияние демонстрации в значительной степени уменьшилось в связи с тем, что первоначально намеченное шествие не состоялось.

7. Комиссар метрополитенской¹ полиции издал приказ о запрете от 22 февраля 1978 г. в соответствии с полномочиями, переданными ему в силу Закона об общественном порядке 1936 г., статья 3 которого предусматривает следующее:

«Полномочия по поддержанию общественного порядка в случае шествий

(1) Если начальник полиции с учетом времени или места и обстоятельств, в которых происходит любое публичное шествие или будет происходить, и маршрута, которым следует или будет следовать шествие, имеет разумные основания полагать, что шествие может вызвать серьезные беспорядки, он вправе дать указание лицам, организующим или принимающим участие в шествии, устанавливающее такие условия, которые представляются ему необходимыми для сохранения общественного порядка, включая условия, предписывающие маршрут следования шествия, и условия, запрещающие шествию вступать в любое публичное место, упомянутое в указании:

при этом в соответствии с данным пунктом не могут устанавливаться условия, ограничивающие демонстрацию флагов, транспарантов или эмблем, за исключением тех, которые разумно представляются необходимыми для устранения угрозы нарушения мира.

(2) <...>

(3) Если комиссар полиции лондонского Сити или комиссар метрополитенской полиции полагает, что при конкретных обстоятельствах, существующих в его полицейском округе или в любой его части, полномочия, которыми он наделен в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, являются недостаточными для предотвращения серьезных общественных беспорядков, вызванных проведением публичных шествий в этом округе

¹ Наименование должности, вероятно, связано с тем, что Лондон образует особую административную единицу — метрополитенское графство (*прим. переводчика*).

или его части, он вправе с согласия статс-секретаря издать приказ, запрещающий на срок, не превышающий трех месяцев, определенный в приказе, проведение любых публичных шествий или любого вида публичных шествий, указанных в нем, в полицейском округе или в его части, в зависимости от обстоятельств.

(4) Любое лицо, сознательно не исполняющее отданное указание или условия, установленные в соответствии с этой статьей, или организующее или содействующее организации любого публичного шествия, проводимого или подлежащего проведению в нарушение приказа, изданного в соответствии с настоящей статьей, или подстрекающее любое лицо к участию в таком шествии, является виновным в правонарушении¹».

8. По сведениям, представленным министром внутренних дел 10 марта 1978 г., в ответ на письменный запрос, переданный ему в парламенте г-жой Джо Ричардсон, членом парламента от Баркинга, ранее такие полномочия использовались в следующих случаях:

«С июня 1937 г. до начала Второй мировой войны в соответствии с пунктом 3 статьи 3 Закона об общественном порядке 1936 г. были изданы десять последовательных приказов, запрещающих все публичные шествия политического характера в районе Ист-Энд Лондона. Первые два приказа были изданы на 46 недель, остальные — на три месяца.

В апреле 1948 г. был издан приказ, запрещающий все публичные шествия политического характера на трехмесячный срок в Ист-Энде и районах Сток-Ньюингтон, Стамфорд-Хилл и Хакни. С мая 1948 по февраль 1949 г. были изданы три последовательных приказа, сроком на три месяца каждый, о запрете политических шествий во всем округе метрополитенской полиции. Семь приказов с теми же сроками и на ту же продолжительность были изданы в марте 1949 г., октябре 1949 г. и с февраля 1959 г.² по февраль 1951 г.

Приказы издавались в сентябре 1960 г. о запрете всех политических шествий, за исключением имеющих исключительно религиозный характер, на трехмесячный срок в Сент-Панкрассе; в сентябре 1961 г. о запрете политического шествия, организованного “Комитетом 100”, на 24 часа в Центральном Лондоне; в августе 1962 г. о запрете всех политических шествий на 48 часов в округе метрополитенской полиции; и в июле 1963 г. о запрете всех политических шествий на 48 часов в Ист-Энде Лондона и прилегающих боро».

9. Впоследствии по вопросу о запрещающем приказе от 22 февраля 1978 г. состоялись парламентские дебаты 27 февраля, на которых министр внутренних дел указал, что Закон об общественном порядке

¹ Последнее слово в цитате может также означать «преступление» (прим. переводчика).

² Так в оригинале (прим. переводчика).

1936 г. пересматривается, но, по мнению начальников полиции, необходимы несколько изменений. Далее он отметил с конкретной ссылкой на оспариваемый запрещающий приказ:

«Существенный момент заключается в том, что решение должно приниматься комиссаром полиции в метрополитенском округе и главными констеблями в других местах. Я долго и упорно размышлял об этом. Решение принимается на основании закона и правопорядка, и я не думаю, что его должен принимать министр внутренних дел. Это правильно, что министр внутренних дел в какой-то мере причастен, но ни один министр внутренних дел не должен принимать решения на основе того, что ему не нравится марш или участники марша, или потому, что, по его мнению, они причинят неудобства в этом районе. Что означают эти соображения? Решение должны принимать полицейские, я аплодирую решению комиссара, принятому в прошлые выходные, и согласен с ним».

Впоследствии на тех же дебатах статс-секретарь отметил:

«Комиссар полиции метрополитенского округа принял это решение без консультаций со мной» (Хансард¹, 27 февраля 1978 г., колонки 61–64).

10. Мотивы, которыми руководствовался комиссар при издании приказа, раскрыты в последующей переписке. В письме от 13 марта 1978 г., содержавшем ответ на письменный запрос г-жи Джо Ричардсон, члена парламента от Баркинга и председателя группы гражданских свобод, представленной в парламенте Лейбористской партии, комиссар указал, что двухмесячный срок был установлен для успокоения общества после запрета шествия Национального фронта 25 февраля 1978 г. Письма Министерства внутренних дел от 18 апреля 1978 г. г-же Ричардсон и от 14 июня 1978 г. г-же Х. из Национального совета гражданских свобод оправдывали объем и длительность запрета, независимо от его воздействия на другие шествия.

В письме г-же Х., в частности, указывалось: «При нынешней ситуации все предложения о запрете шествий должны исходить от местного главного констебля (или в Лондоне от комиссара), и он обязан в соответствии с законом принимать свое решение исключительно по основаниям общественного порядка. Полицейские начальники не обращаются с такими предложениями, если они не являются очевидно необходимыми для предотвращения серьезных общественных беспорядков — и министр внутренних дел в равной степени стремится не допускать неразумного вмешательства в право на мирные собрания и общественный протест. Однако вы учтете, что при обстоятельствах,

¹ Официальный отчет о дебатах в парламенте (*прим. переводчика*).

которые повлекли издание недавних приказов, данные начальники полиции стремились обеспечить, чтобы положения приказов не оставляли организаторам этих шествий, которые могли вызвать серьезные общественные беспорядки, возможности обойти их с помощью определенных уловок, таких как представление своих шествий как проводимых с целью, не охватываемой условиями запрета.

Для этого приказы формулировались в общих выражениях, несмотря на то, что это имело последствия в виде запрета ряда шествий, в которые никто при обычных условиях не имел бы намерения вмешиваться любым способом. Статья 3 Закона об общественном порядке 1936 г. не допускает запрета отдельных шествий; любой приказ должен запрещать все политические шествия или любой вид политического шествия, указанные в нем, и министр внутренних дел не имеет полномочий для освобождения отдельных шествий от положений приказа».

11. Ассоциация-заявитель утверждает, что приказ комиссара метрополитенской полиции не подлежал обжалованию или любой форме судебной проверки. Запрещающий приказ может быть оспорен, только если он не соответствует нормам закона или касается конкретного шествия. Поскольку оспариваемый приказ был издан в соответствии с принципами законодательства, которые включают широкие дискреционные полномочия комиссара полиции и министра внутренних дел, в настоящем деле не имелось оснований для его пересмотра.

Жалоба и правовые доводы ассоциации-заявителя

1. Ассоциация-заявитель утверждает, что не располагала эффективными внутренними средствами правовой защиты юридического характера в значении статьи 26 Конвенции.

Что касается шестимесячного срока, он должен исчисляться не с даты принятия запрещающего приказа (22 февраля 1978 г.), а с даты действительного ограничения свободы ассоциации-заявителя (22 апреля 1978 г.). Запрещающий приказ создал ситуацию, продолжавшуюся в течение двух месяцев, однако существовала возможность его отмены до приближения даты планируемого шествия. Жалобы ассоциации направлены против продолжения его действия на 22 апреля 1978 г. Кроме того, будучи актом исполнительной власти на основании жалобы ассоциации-заявителя, запрещающий приказ не являлся окончательным решением, связанным с каким-либо внутренним средством правовой защиты, использованным ассоциацией-заявителем.

Таким образом, ассоциация-заявитель полагает, что следует считать, что условия статьи 26 Конвенции ею соблюдены.

2. Ассоциация-заявитель ссылается на нарушения пункта 1 статьи 5, статей 10, 11 и 14 Конвенции и сохраняет за собой право представить новые доводы о нарушении Конвенции.

(a) Что касается предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции, утверждается, что право на свободу и безопасность лица включает свободу осуществления права, предусмотренного Конвенцией, в отсутствие страха подвергнуться запрету, подкрепленного полномочиями для задержания. Лицо, затронутое приказом, не может обжаловать последствия решения для своих действий, и ни одна из процедур, предусмотренных законом, не применима к полномочиям, вытекающим из статьи 3 Закона об общественном порядке.

(b) Что касается предполагаемого нарушения статьи 10 Конвенции, ассоциация-заявитель утверждает, что запланированное политическое шествие являлось средством выражения мнений организации и ее сторонников, а также информирования общественности о тревоге, испытываемой христианами относительно расистских и фашистских идей. Путем запрета шествия ассоциация-заявитель была лишена возможности выражения и сообщения своих взглядов. Указывается, что данное вмешательство не было оправданным в отсутствие какой-либо угрозы общественному порядку, исходящей от предполагаемого шествия. Предполагаемое шествие имело мирный и законный характер, и в качестве такового избегало конфликта и провокации, должно было стать демонстрацией нормального политического выражения в демократическом обществе. Его запрет, таким образом, не мог быть оправдан в интересах демократического общества, общественной безопасности или предотвращения преступлений. Если предполагалась угроза беспорядков в связи с шествием ассоциации-заявителя, следует отметить, что данное шествие было отделено длительным периодом от демонстрации Национального фронта 25 февраля 1978 г., в связи с которой подобные опасения могли быть оправданными. Утверждается, что в отношении таких опасений беспорядков, которые могли существовать, запрет представлял собой неразумную и непропорциональную меру, в частности, что касается срока его применения, и, таким образом, противоречил статье 10 Конвенции.

(c) Что касается предполагаемого нарушения статьи 11 Конвенции, утверждается, что также имело место вмешательство в осуществление права ассоциации-заявителя на свободу мирных собраний, и это вмешательство не могло быть оправданным по тем же причинам, что вмешательство в ее свободу выражения мнения.

(d) Ассоциация-заявитель особо подчеркивает утверждение о том, что обжалуемая мера являлась также дискриминационной и противоречила статье 14 Конвенции.

В этом отношении указывается, что полномочия, переданные начальникам полиции статьей 3 Закона об общественном порядке 1936 г., несоразмерны потребностям общественного порядка, поскольку неизбежны по своим последствиям и, следовательно, подвергают дискриминации организации, не представляющие угрозы общественному порядку. Ассоциация-заявитель подчеркивает, что ее предполагаемое шествие не могло быть ни в коем случае сопоставлено с демонстрациями Национального фронта, и что власти фактически признавали, что не следует ему препятствовать. По их мнению, недискриминация по смыслу статьи 14 Конвенции предполагает, что, хотя сходные организации могут подвергаться аналогичному обращению, является дискриминацией подвергать одним и тем же условиям типы или категории деятельности или мнений, которые в существенной степени не сходны друг с другом.

Ассоциация-заявитель также возражает против различия между ее предполагавшимся шествием и «обычно проводящимися» шествиями, на которые запрет не распространялся. Она полагает, что это различие не имеет связи с положениями статей 10 и 11 Конвенции, и что неразумность различия подчеркивается тем фактом, что подобно обычному шествию предполагавшееся шествие не вызывало особой необходимости в предотвращении беспорядков.

ПРАВО

1. Ассоциация-заявитель жалуется на запрет всех политических шествий, «за исключением имеющих религиозный, образовательный, праздничный или церемониальный характер, обычно проводящихся», установленный лондонскими полицейскими властями в соответствии с пунктом 3 статьи 3 Закона об общественном порядке 1936 г. на срок с 24 февраля по 23 апреля 1978 г. Ассоциация-заявитель считает, что эта мера, насколько она затрагивала ее планы организовать шествие в Лондоне 22 апреля 1978 г., являлась неоправданным вмешательством в ее свободу выражения мнения (статья 10 Конвенции) и свободу мирных собраний (статья 11 Конвенции). Также утверждается, что мера имела дискриминационный характер и противоречила статье 14 Конвенции в ряде отношений, и, наконец, санкции, которыми грозило несоблюдение запрета, составляли неоправданное вмешательство в личную свободу лица, гарантированную статьей 5 Конвенции.

2. Комиссия, прежде всего, отмечает, что обжалуемая мера является общим правилом, вводимым полицией на определенный срок во исполнение переданных ей полномочий в соответствии с применимым законодательством. Это правило являлось обязательным для всех, включая ассоциацию-заявителя, которая намеревалась организовать

шествие в Лондоне в период, относящийся к обстоятельствам дела, и дополнительное административное решение в отношении конкретной деятельности, планируемой ассоциацией, не требовалось, отсутствовало также средство правовой защиты, с помощью которого ассоциация могла бы оспорить данную меру как таковую или ее применение к планируемому шествию 22 апреля 1978 г. Таким образом, вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты в соответствии со статьей 26 Конвенции для ассоциации-заявителя не возникает, и единственный вопрос с точки зрения этой статьи, соответственно, заключается в том, была ли жалоба подана в срок, т.е. в пределах шестимесячного срока, предусмотренного данным положением. Этот срок обычно исчисляется с даты принятия окончательного национального решения, но, если, как в настоящем деле, национальное решение для применения общей меры к конкретному делу не требуется, применимой датой является время, когда заявитель был реально затронут этой мерой. В настоящем деле это была дата шествия, запланированного ассоциацией-заявителем, т.е. 22 апреля 1978 г. Поскольку жалоба была подана в Комиссию 29 августа 1978 г., т.е. менее чем через шесть месяцев с даты запланированного шествия, она не может быть отклонена в связи с несоблюдением условий статьи 26 Конвенции, и Комиссия, таким образом, должна рассмотреть существо жалобы ассоциации-заявителя.

3. Ассоциация-заявитель утверждает, что запрет на проведение ее запланированного шествия являлся вмешательством в ее право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции. Однако Комиссия ограничится рассмотрением жалобы в аспектах, затрагивающих статьи 11 и 14 Конвенции. Как и в деле по жалобе № 8191/78 («Юрское объединение» и «Юрское единство» против Швейцарии» (*Rassemblement jurassien and Unité jurassienne v. Switzerland*), решение о приемлемости от 10 октября 1979 г., D. R. 17. P. 93), доводы с точки зрения статьи 10 Конвенции должны рассматриваться как субсидиарные по отношению к доводам о праве на мирное собрание. В настоящем деле проблема свободы выражения мнения не может быть отделена от свободы собраний, гарантированной статьей 11 Конвенции, и именно последняя затронута прежде всего. При обстоятельствах настоящего дела, соответственно, отсутствует необходимость рассмотрения жалобы с точки зрения статьи 10 Конвенции.

4. Статья 11 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства».

Ассоциация-заявитель утверждает, что запрет ее запланированного шествия представлял собой вмешательство в ее право на свободу мирного собрания, гарантированное этим положением. Государство-ответчик, не возражая против применения понятия свободы собраний к демонстрации в форме политического шествия, тем не менее выразило сомнения в применимости статьи 11 Конвенции в настоящем деле, поскольку запланированное шествие ассоциации-заявителя, по его мнению, не могло считаться «мирным» с учетом возможной деятельности оппонентов и экстремистов.

Комиссия признает, что свобода мирных собраний охватывает не только митинги, проводящиеся в одном месте, но также политические шествия. Кроме того, эта свобода может осуществляться не только индивидуальными участниками такой демонстрации, но и ее организаторами, включая корпоративные организации, такие как ассоциация-заявитель.

В соответствии с пунктом 1 статьи 11 Конвенции право на свободу мирного собрания гарантируется каждому, кто намерен организовать мирную демонстрацию. По мнению Комиссии, возможность насильственных контрдemonстраций или присоединения к демонстрации экстремистов с насильственными намерениями, не являющихся членами ассоциации-организатора, не устраняет этого права. Даже если существует реальная угроза того, что политическое шествие выльется в беспорядки вследствие событий, выходящих из-под контроля его организаторов, такое шествие не выходит за пределы пункта 1 статьи 11 Конвенции только по этой причине, но все ограничения, установленные для такого собрания, должны соответствовать условиям пункта 2 этого положения. Отсюда следует, что ассоциация-заявитель по этому делу вправе обоснованно утверждать, что в значении статьи 25 Конвенции она является жертвой вмешательства в ее право на свободу собраний, гарантированное пунктом 1 статьи 11 Конвенции, и это вмешательство должно быть оправданным с точки зрения пункта 2 статьи 11 Конвенции.

5. Это положение требует, во-первых, чтобы любое ограничение свободы мирных собраний было предусмотрено законом. В этом отношении не оспаривалось, что запрет всех политических шествий в Лондо-

не в соответствующий период был основан на пункте 3 статьи 3 Закона об общественном порядке 1936 г. Комиссия не сомневается в том, что эта мера была действительно предусмотрена законом, как того требует пункт 2 статьи 11 Конвенции.

Далее, упомянутое положение требует, чтобы ограничение свободы ассоциации-заявителя преследовало одну из законных целей, перечисленных в нем. Положение допускает, в частности, ограничения, установленные в интересах общественной безопасности, предотвращения беспорядков или преступлений и для защиты прав и свобод других лиц. На эти цели ссылалось государство-ответчик в настоящем деле. Комиссия признает, что любая из этих целей может быть применима, и, в частности, указанные меры при обстоятельствах настоящего дела были приняты с целью предотвращения беспорядков. Это следует не только из названия и текста применимого законодательства, но и из неоспариваемого описания властями Соединенного Королевства ситуации, в которой оно применялось, а также из самих условий запрета от 22 февраля 1978 г. Он содержал ссылку на особые обстоятельства, в которых применение условий в соответствии с пунктом 1 статьи 3 Закона об общественном порядке считалось недостаточным для предотвращения «серьезных общественных беспорядков», которые могли иметь место при проведении политических шествий. Комиссия, таким образом, находит, что обжалуемая мера преследовала цели, допускаемые пунктом 2 статьи 11 Конвенции.

Наконец, упомянутое положение Конвенции содержит требование о том, чтобы любые ограничения осуществления свободы мирных собраний являлись необходимыми в демократическом обществе. В этом отношении стороны полностью разошлись во мнениях относительно оправданности обжалуемой меры. Ассоциация-заявитель оспаривала необходимость в демократическом обществе широких полномочий, которыми наделял полицию¹ Закон об общественном порядке 1936 г., и необходимость их применения в отношении мирной демонстрации, проведение которой предполагалось 22 апреля 1978 г. Власти Соединенного Королевства, с другой стороны, ссылаясь на пределы усмотрения, которыми пользуются Высокие Договаривающиеся Стороны согласно упомянутому положению Конвенции, считали принятую меру необходимой. По их мнению, необходимо было учитывать напряженную обстановку в Лондоне в период, относящийся к обстоятельствам дела, и описанную в их объяснениях, в частности, реальную угрозу возникновения общественных беспорядков, связанных с маршами Национального фронта и демонстрациями того же типа. Власти Соединенного Королевства, таким образом, утверждали, что

¹ Возможно, в оригинале допущена опечатка (*прим. переводчика*).

продление срока действия запрета до апреля 1978 г. и его применение к запланированному шествию ассоциации-заявителя из опасения беспорядков, причиненных ее противниками или экстремистами, были оправданы с точки зрения пункта 2 статьи 11 Конвенции.

Комиссия отмечает, что законодательство, принятое Соединенным Королевством для предотвращения беспорядков в связи с политическими шествиями, хотя и не исключало возможность установления особых условий для проведения конкретной демонстрации, но не допускало запрета такой демонстрации в индивидуальном деле. Закон об общественном порядке 1936 г. предусматривает лишь общие меры, такие как запрет всех политических шествий или любого вида политических шествий в определенной зоне в определенное время. Комиссия признает, что эта правовая ситуация основана на соображениях, направленных на обеспечение равного применения закона, поскольку он исключает возможность принятия произвольных мер против конкретной демонстрации. Общий запрет демонстраций может быть оправданным только при наличии реальной угрозы того, что они приведут к беспорядкам, которые не могут быть предотвращены менее жесткими мерами. В этой связи орган власти должен также учитывать последствия запрета для шествий, которые сами по себе не составляют угрозы общественного порядка. Только если неудобство, которое может быть причинено такому шествию запретом, явно перевешивается соображениями безопасности, оправдывающими издание запрета, и отсутствует возможность избежания таких нежелательных побочных последствий, запрет с помощью сужения пределов его действия в отношении территории и продолжительности может считаться необходимым в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции.

С учетом вышеизложенных соображений Комиссия находит, что ситуация, существовавшая в Соединенном Королевстве в период, относящийся к обстоятельствам дела, описанная государством-ответчиком и, по-видимому, не оспаривавшаяся ассоциацией-заявителем, характеризовалась напряженной атмосферой, обусловленной рядом беспорядков и волнений, вызванных политическими шествиями Национального фронта и контрдemonстрациями, связанными с ними. Хотя в каждом случае привлекались весьма значительные полицейские силы, не представлялось возможным предотвратить нанесение серьезного ущерба лицам и имуществу. Аналогичные демонстрации назревали в нескольких районах Лондона, где наиболее серьезные столкновения происходили в связи с маршем Национального фронта, состоявшемся примерно за полгода до этого, в августе 1977 г. Один марш Национального фронта был намечен на 25 февраля 1978 г. в районе Редбридж, другие могли произойти в связи с дополнительными выборами в парламент в районе Ламбет 20 апреля 1978 г. Митинг Национального

фронта в последнем районе 15 апреля 1978 г. фактически потребовал привлечения 2 400 полицейских.

Комиссия полагает, что при таких обстоятельствах не был неразумным запрет компетентными органами всех политических шествий, за исключением обычных для соответствующего периода, т.е. происходящих не позднее чем за три дня до даты дополнительных выборов в районе Ламбет. Принимая во внимание опыт событий в Манчестере, где Национальный фронт обошел местный запрет путем организации марша в другом районе, также не являлось неразумным распространение запрета на все лондонские полицейские округа. Последствия для других демонстраций, включая марш, намеченный ассоциацией-заявителем на 22 апреля 1978 г., не были столь серьезными, чтобы поставить под сомнение необходимость запрета как такового. Хотя комиссар метрополитенской полиции принял решение, зная о планах ассоциации-заявителя, он не был, по мнению Комиссии, обязан принимать специальные меры, допускающие реализацию этих планов в установленную дату. Притом что ассоциация-заявитель имела абсолютно мирные намерения, тем не менее ясно, что ее цели были очевидно направлены против политики Национального фронта, и, таким образом, нельзя было исключить, что предполагаемое шествие может повлечь беспорядки. Кроме того, ассоциация-заявитель могла организовать свое шествие всего через два дня после первоначальной намеченной даты. В эту дату она могла провести свое шествие в любом месте за пределами полицейских округов Лондона, и даже в их пределах она могла и фактически провела собрание в иной форме по отношению к политическому шествию. Комиссия полагает, что можно было разумно ожидать от ассоциации-заявителя перенесения отрицательных последствий запрета запланированного шествия, которые не были несоразмерными цели, преследуемой этим запретом.

Комиссия, таким образом, заключает, что обжалуемая мера, включая ее последствия для запланированного шествия ассоциации-заявителя, может считаться оправданной в качестве необходимой в демократическом обществе в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции. Отсюда следует, что жалоба ассоциации-заявителя в этом отношении является явно необоснованной в значении пункта 2 статьи 27 Конвенции.

6. Ассоциация-заявитель также жаловалась на то, что запрет публичных шествий в Лондоне являлся дискриминационным и противоречащим статье 14 Конвенции в ряде отношений. Указанная статья предусматривает следующее:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических

или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

Власти Соединенного Королевства утверждали, что упомянутая жалоба ассоциации-заявителя является не совместимой с положениями Конвенции, поскольку статья 14 Конвенции привлекается обособленно. Ассоциация-заявитель, однако, уточнила, что по сути она имела в виду предъявление жалобы в связи с осуществлением своих прав, предусмотренных статьями 11 Конвенции, и Комиссия рассмотрит жалобу на этой основе.

(a) Ассоциация-заявитель первоначально жаловалась на исключение, сделанное в запрете для шествий, имеющих религиозный, образовательный, праздничный или церемониальный характер, и обычно проводящихся. Она указывает, что различие между этими обычными шествиями и всеми другими политическими шествиями, включая запланированное ею, не имело объективного и разумного обоснования с учетом критериев, указанных в пункте 2 статьи 11 Конвенции, поскольку обычное шествие также могло вылиться в беспорядки. Комиссия отмечает, однако, что общая возможность беспорядков вследствие обычных шествий не имеет значения. Поскольку применение этой меры в настоящем деле было ограничено по месту и времени, следует исходить из того, что компетентные органы могли предвидеть, что ни одно из обычных шествий, проводимых в Лондоне в соответствующий период, не грозило осложнениями, в то время как при отсутствии обязанности заблаговременного уведомлять власти о запланированной демонстрации они не могли предвидеть, какие еще шествия планируются в то время. Таким образом, не являлось разумным предположение властей о том, что шествия, помимо обычных мероприятий, с большей вероятностью, чем те, могут повлечь беспорядки. Комиссия, соответственно, полагает, что в значении статьи 14 Конвенции различие не составляло дискриминации в отношении осуществления свободы мирных собраний (статья 11 Конвенции) ассоциацией-заявителем. Таким образом, в этой части жалоба также является явно необоснованной в значении пункта 2 статьи 27 Конвенции.

(b) Ассоциация-заявитель также жаловалась на то, что указанная мера представляла собой дискриминацию организаций, которые не представляли угрозы общественному порядку, поскольку они претерпевали то же обращение, что и организации, которые действительно представляли такую угрозу. Однако даже если предположить, что избирательный подход к существенно различным объектам при определенных обстоятельствах действительно может вызывать вопрос с точ-

ки зрения статьи 14 Конвенции, Комиссия полагает, что в настоящем деле нет необходимости разрешать эту проблему.

Не оспаривается, что ассоциация-заявитель не выступает за насилие.

Однако вопрос заключается не в ее отличии в этом отношении от других организаций, а в выяснении вероятности того, что демонстрация выльется в общественные беспорядки. В этом аспекте не являлось неразумным применение объективного критерия, а рассмотрение не субъективных обстоятельств, связанных с насильственными или мирными намерениями организаторов такой демонстрации. По крайней мере, что касается шествия ассоциации-заявителя, очевидно, что власти рассматривали его как чреватое угрозой беспорядков, и они не отнесли его сознательно или произвольно в категорию демонстраций, с которыми оно не имело ничего общего. Таким образом, Комиссия не усматривает признаков дискриминации в позиции властей. Отсюда следует, что в этой части жалоба ассоциации-заявителя также является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с пунктом 2 статьи 27 Конвенции.

7. Наконец, Комиссия рассмотрела жалобу ассоциации-заявителя на то, что санкции за несоблюдение запрета, которым было отменено ее запланированное шествие, представляли собой вмешательство в право лица на безопасность, гарантированное пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Однако Комиссия находит, что в этой части жалоба не была мотивирована в рамках разбирательства и, соответственно, подлежит отклонению как явно необоснованная в значении пункта 2 статьи 27 Конвенции.

По вышеизложенным причинам Комиссия
ОБЪЯВЛЯЕТ ДАННУЮ ЖАЛОБУ НЕПРИЕМЛЕМОЙ.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЛАТФОРМА «ВРАЧИ ЗА ЖИЗНЬ» ПРОТИВ АВСТРИИ¹ (Plattform «Ärzte Für Das Leben» v. Austria)

Жалоба № 10126/82

Постановление Суда

Страсбург, 21 июня 1988 г.

По делу «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» Европейский Суд по правам человека на основании статьи 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) и соответствующих положений Регламента Суда, заседаая Большой Палатой в составе:

Р. Риссдала (R. Ryssdal), *Председателя Палаты*,
Ф. Гелькюклю (F. Golcuklu),
Ф. Матшера (F. Matscher),
Дж. П. Фарина (J. P. Farinha),
Р. Макдональда (R. Macdonald),
А. Шпильманна (A. Spielmann),
Дж. А. Карилло Сальцедо (J.A. Carillo Salcedo), *судей*,
а также М.-А. Эйссена (M.-A. Eissen), *Секретаря Суда*,
Г. Петцольда (H. Petzold), *помощника Секретаря Суда*,
проведя 25 марта и 25 мая 1988 г. закрытые заседания, вынес следующее Постановление в последний из вышеуказанных дней.

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было передано Комиссией на рассмотрение Европейского Суда по правам человека (далее — Европейский Суд) 14 мая 1978 г. в трехмесячный срок, предусмотренный пунктом 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции. Жалоба (№ 10126/82) по статье 25 против Австрии была подана в Комиссию организацией Платформа «Врачи за жизнь» (далее — ассоциация-заявитель) 3 сентября 1982 г.

Ходатайство Комиссии основано на статьях 44 и 48 Конвенции и Австрийской декларации, признающей обязательную юрисдикцию Европейского Суда (статья 46). Предметом ходатайства стало получение

¹ Перевод с английского выполнен Ольгой Голиковой.

ние решения Европейского Суда относительно того, свидетельствуют ли материалы данного дела о нарушении государством-ответчиком своих обязательств согласно статье 13 Конвенции.

2. В ответ на запрос, поданный в соответствии с подпунктом «с» пункта 3 Правила 33 Регламента Суда, ассоциация-заявитель сообщила о своем желании присутствовать на заседаниях Европейского Суда и назначила адвоката, представляющего интересы заявителя (Правило 30 Регламента).

3. В состав Палаты, которая должна была разбирать дело, вошли как избранный судья австрийской национальности Ф. Матшер (статья 43 Конвенции) и Р. Риссдал как Председатель Суда (подпункт «b» пункта 3 Правила 21 Регламента). 23 марта 1987 г. в присутствии Секретаря Председатель Суда путем жребия назначил пятерых остальных членов Суда, а именно: Дж. Пинхейро Фарина, Р. Макдональда, Е. Герсинга, А. Шпильманна и А.М. Доннера (статья 43 Конвенции и пункт 4 Правила 21 Регламента). Позднее вместо А.М. Доннера и Е. Герсинга в заседаниях участвовали Ф. Гелькюкю и К. Сальцедо, судьи-заместители, по причине невозможности присутствия первых в Суде (пункт 1 Правила 22 и пункт 1 Правила 24 Регламента).

4. 20 июня 1987 г. Председатель Суда дал официальное разрешение использовать немецкий язык адвокату ассоциации-заявителя (пункт 3 Правила 27 Регламента).

5. Р. Риссдал в качестве Председателя Суда (пункт 5 Правила 21 Регламента), действуя через секретаря, провел переговоры с представителем Правительства Австрии (далее — Правительство), представителем Комиссии, адвокатом ассоциации-заявителя, и

(a) 8 июля 1987 г. принял решение о том, что на данной стадии нет необходимости подавать состязательные бумаги (пункт 1 Правила 37 Регламента);

(b) 3 ноября 1987 г. постановил, что устные слушания должны начаться 21 марта 1988 г. (Правило 38 Регламента).

16 сентября 1987 г. Секретарем Европейского Суда были получены жалобы ассоциации-заявителя по статье 50 Конвенции.

7. Слушание дела происходило публично и проходило во Дворце Прав человека в г. Страсбурге в назначенный день. Непосредственно перед началом слушания Европейский Суд провел подготовительное совещание.

В Европейский Суд явились:

(a) со стороны Правительства:

Х. Турк, *юрисконсульт,*

представитель Министерства иностранных дел,

В. Окресек, *Федеральный канцлер,*

Ф. Хольцхальмер, *Федеральное министерство внутренних дел, адвокат;*

(b) со стороны Комиссии:

Г. Батлинер, *представитель*;

(с) со стороны заявителя:

А. Адам, *адвокат, советник*.

Суд выслушал выступления, а также ответы на вопросы Европейского Суда Х. Турка и В. Окресака, представляющих Правительство, Г. Батлинера, представляющего Комиссию, и А. Адама со стороны заявителя.

ФАКТЫ

8. Платформа «Врачи за жизнь» — ассоциация врачей, которые выступают против легализации аборт и требуют внесения изменений в Австрийское законодательство по данному вопросу. В 1980 и 1982 гг. ассоциация-заявитель провела две демонстрации, которые были сорваны ее противниками, несмотря на присутствие полиции.

I. ДЕМОНСТРАЦИЯ В ШТАДЛЬ-ПАУРА

А. Подготовка демонстрации

9. Ассоциация-заявитель приняла решение об отправлении богослужения в церкви Штадль-Паура (Верхняя Австрия) 28 декабря 1980 г., после чего планировала проследовать в приемную врача-гинеколога. В соответствии с положениями части 2 Закона о собраниях 1953 г. (см. § 40 в докладе Комиссии) ассоциация-заявитель уведомила полицейские власти общины Вельс-Ланд. Органы правопорядка санкционировали движение демонстрации по дороге общественного пользования. Тем не менее полицейские власти были вынуждены запретить проведение двух других демонстраций, объявленных сторонниками свободы абортов, поскольку эти демонстрации должны были состояться в то же время и в том же месте, что и демонстрация ассоциации-заявителя.

10. Во избежание инцидентов организаторы попытались незадолго до начала шествия, предварительно уведомив полицию, изменить план проведения акции. Было принято решение отменить акцию протеста у приемного отделения и направить процессию к алтарю на холме, значительно удаленном от церкви, и там провести службу.

11. Представители органов правопорядка указали демонстрантам на тот факт, что основные полицейские кордоны были развернуты по первоначально намеченному пути следования процессии, и что характер местности не позволит контролировать поведение толпы на новом маршруте. Полиция согласилась предоставить сопровождение, но предупредила демонстрантов, что не сможет оградить участников

процессии от провокаций со стороны противников демонстрации, таких как забрасывание демонстрантов яйцами и срыв богослужения.

В. Инциденты

12. Во время литургии многочисленные противники демонстрации, которые проигнорировали положение Закона о собраниях о необходимости уведомления властей, прибыли к зданию церкви и отказались выполнять требования полиции покинуть место проведения демонстрации. Они препятствовали продвижению процессии к холму, вклиниваясь в колонны демонстрантов и выкрикивая тексты произносимых молитв. Аналогичное поведение повторилось на самом богослужении: около 500 человек всячески пытались сорвать службу, используя репродукторы и закидывая участников акции яйцами и дерном.

13. К моменту окончания богослужения, когда обстановка накалилась до предела и вероятность применения физической силы стала очевидной, специальные подразделения по борьбе с беспорядками, которые до сего момента оставались безучастными к происходящему, выстроились между оппозиционными группами, тем самым предоставив демонстрантам возможность вернуться в здание церкви.

14. В письме к Верхне-Австрийскому управлению безопасности председатель ассоциации-заявителя охарактеризовал поведение противников демонстрации как «сравнительно мирное»: прежде имели место нападения противников ассоциации-заявителя на ее членов и полицейских.

С. Судебная защита после демонстрации

1. Обращения в суд

(а) Жалоба в порядке служебного надзора

15. 21 января 1981 г. ассоциация-заявитель подала жалобу в порядке служебного надзора (*Dienstaufsichtsbeschwerde* — см. §§ 47–50 доклада Комиссии), в которой утверждалось, что представители местных силовых структур не справились с задачей обеспечения безопасности демонстрантов.

Верхне-Австрийское управление безопасности квалифицировало действия полиции как адекватные ситуации и не посчитало нужным применять дисциплинарные меры. Невмешательство полиции объяснялось сложностью предотвращения словесных оскорблений и защиты демонстрантов от метательных предметов, которые не представляли серьезной угрозы их здоровью и жизни в условиях открытого пространства. Выбор

тактики поведения был продиктован нежеланием органов правопорядка разжигать конфликт сторон.

(b) Жалоба в Конституционный суд

16. Впоследствии ассоциация-заявитель подала апелляцию в Конституционный суд (*Verfassungbeschwerde* — жалоба в Конституционный суд о нарушении органами государственной власти чьих-либо гражданских прав — см. §§ 41—43 доклада Комиссии). Факт передачи дела на рассмотрение в Конституционный суд объяснялся тем, что бездействие местных властей повлекло за собой в данном конкретном случае нарушение фундаментальных прав, гарантированных Конституцией Австрии: свободы собраний и свободы отправления религиозных обрядов.

11 декабря 1981 г. Конституционный суд заслушал показания свидетелей с целью выяснения обстоятельств дела. В судебном решении, вынесенном 1 марта 1982 г., Конституционный суд постановил, что данная жалоба ему неподсудна, и, как следствие, объявил ее неприемлемой. Конституционный суд отметил, что жалоба ассоциации-заявителя не касалась «решений» или действий правительства, непосредственно нарушающих Конституцию (статья 144 Конституции Австрии (см. *Официальный свод судебных решений Конституционного суда № 9334/1982*)).

2. Официальные разбирательства

(a) Уголовное судопроизводство

17. Ассоциация-заявитель не требовала возбуждения уголовных дел, не подавала жалобы, не выносила дополнительных обвинений (*Subsidiaranklage* — см. §§ 58—64 доклада Комиссии).

Тем не менее Верхне-Австрийское управление безопасности и местное полицейское управление инициировали проведение расследования с целью выявления и привлечения к ответственности лиц, воспрепятствовавших проведению демонстрации. В рамках расследования частная организация «Австрийская гражданская инициатива по защите человеческого достоинства» (*Osterreichische Buergerinitiative zum Schutz der Menschenwuerde*) подала жалобу на одного из противников демонстрации, члена парламента, обвиняя его в воспрепятствовании осуществления богослужения и разжигании ненависти по статьям 188, 189 и 283, а также в нарушении Раздела 2 Закона о собраниях 1953 г. Обвинения были предъявлены еще двум гражданам.

Прокурор Вэльса прекратил судебные разбирательства 1 апреля 1981 г. на основании статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса.

(b) Административно-уголовное судопроизводство

18. С одного человека был взыскан штраф в размере 1 000 австрийских шиллингов за бросание яиц в демонстрантов (Раздел IX Закона, вводящего в действие акты административного производства (см. § 66 доклада Комиссии)).

II. ДЕМОНСТРАЦИЯ В ЗАЛЬЦБУРГЕ

19. Уполномоченные структуры органов охраны правопорядка дали разрешение на проведение второй демонстрации против легализации аборт, которая должна была состояться 1 мая 1982 г. на площади перед собором в г. Зальцбурге. На той же площади в тот же день должен был проводиться ежегодный митинг Социалистической партии, но его пришлось отменить по причине того, что ассоциация-заявитель первой объявила о намерении провести свою акцию. Демонстрация началась в 14 часов 15 минут и закончилась богослужением в соборе. Приблизительно в 14 часов 30 минут около 350 человек, выражая несогласие гневными криками, проследовали колоннами через три арочных прохода, ведущих к площади, и собрались у собора. Около 100 полицейских выставили кордон вокруг демонстрантов, чтобы защитить их от возможного нападения. Сторонники правого крыла Националистической партии (МОР) выразили поддержку противникам легализации абортов, чем еще больше накалили обстановку. Попытки полиции уговорить председателя ассоциации-заявителя отдать распоряжение о роспуске этих людей результата не дали.

Полиция очистила площадь, чтобы не допустить срыва религиозной церемонии.

20. Упомянутые инциденты не повлекли за собой судебных разбирательств. Принимая во внимание решение, вынесенное Конституционным судом 1 марта 1982 г., ассоциация-заявитель решила, что подавать повторную апелляцию не имеет смысла.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

21. Ассоциация-заявитель обратилась в Комиссию по правам человека 13 сентября 1982 г. (дело № 10126/82). Ассоциация заявила, что полиция не приняла мер по защите участников демонстраций, которые состоялись 28 декабря 1980 г. в г. Штадль-Паура и 1 мая 1982 г.

в г. Зальцбурге, ссылаясь на факты нарушения статей 9–11 Конвенции. Кроме того, ассоциация-заявитель утверждала, ссылаясь на статью 13 Конвенции, что Австрия не предоставила «какое-либо эффективное средство правовой защиты перед государственными органами», гарантирующее соблюдение соответствующих прав.

22. 17 октября 1985 г. Комиссия объявила жалобы по статьям 9–11 Конвенции неприемлемыми как явно необоснованные, с другой стороны, Комиссия признала жалобу по статье 13 Конвенции приемлемой. В докладе от 12 марта 1987 г. (статья 31) Комиссия единогласно пришла к выводу, что не имело места нарушение статьи 13 Конвенции.

Полный текст заключения Комиссии, а также краткое изложение норм соответствующего внутригосударственного права содержатся в приложении к данному судебному решению.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

23. На слушании дела 21 марта 1988 г. Правительство обратилось в Европейский Суд с просьбой вынести решение о том, что «положения статьи 13 Конвенции не были нарушены, и что факты, которые привели к настоящему спору, не выявили никаких нарушений Конвенции».

ПРАВО

24. Ассоциация-заявитель утверждала, что Австрия не предоставила какое-либо эффективное средство правовой защиты по ее жалобе на основании статьи 11 Конвенции, а также ссылаясь на статью 13, которая предусматривает следующее:

«Каждый человек, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственными органами даже в том случае, если такое нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

25. Основной довод Правительства заключался в том, что статья 13 Конвенции применяется только в тех случаях, когда нарушено существенное положение Конвенции. В качестве доказательства был процитирован французский текст, включающий фразу «*ont été violes*», которая, по мнению Правительства, более ясная и определенная, чем соответствующее английское выражение «*are violated*» («нарушены»).

Европейский Суд не согласен с этим доводом. В соответствии с судебной практикой статья 13 Конвенции гарантирует эффективное

средство правовой защиты перед государственной инстанцией каждому, кто обоснованно утверждает, что является жертвой нарушения прав и свобод, защищаемых Конвенцией; любая другая интерпретация делает статью бессмысленной (см. Постановление Европейского Суда по делу от 27 апреля 1988 г. «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» (*Boyle and Rice v. United Kingdom*), Серия А, т. 131, с. 23, § 52).

26. Хотя Комиссия посчитала, что жалоба на основании статьи 11 Конвенции неприемлема как явно необоснованная, она сочла, что жалоба приемлема на основании статьи 13 Конвенции. Правительство посчитало нелогичным объявить одну и ту же жалобу явно необоснованной по существенному положению Конвенции и приемлемой на основании статьи 13 Конвенции.

27. Европейский Суд не намерен давать абстрактное определение понятию «приемлемость». Чтобы установить, применима ли статья 13 Конвенции в данном случае, Европейскому Суду достаточно определить с учетом фактов дела и существа затронутых юридических проблем, является ли жалоба о том, что не были выполнены требования статьи 11 Конвенции, приемлемой, хотя Комиссия отклонила ее и сочла явно необоснованной. Решение Комиссии о приемлемости жалобы по статье 13 Конвенции может дать Европейскому Суду полезные указания в отношении обоснованности этой жалобы (см. вышеупомянутое Постановление Европейского Суда по делу «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» (*Boyle and Rice v. United Kingdom*), Серия А, т. 131, с. 23–24, §§ 54–55).

28. Во время разбирательства в Комиссии представители ассоциации-заявителя утверждали, что австрийские власти, не приняв практических шагов по обеспечению беспрепятственного проведения демонстрации, пренебрегли истинным значением свободы собраний.

29. По утверждению Правительства, статья 11 Конвенции не обязывает государство принимать меры по защите демонстраций. Свобода мирных собраний, провозглашенная в статье 12 Конституции Австрии 1867 г., главным образом гарантирует защиту личности от прямого вмешательства государства. В отличие от некоторых других положений Конвенции и Конституции Австрии статья 11 Конвенции не распространяется на отношения между физическими лицами. Во всяком случае, выбор средств, которые можно было использовать в данной ситуации, остается на усмотрение государства.

30. В решении от 17 октября 1985 г. о приемлемости жалобы Комиссия подробно рассмотрела вопрос, подразумевает ли статья 11 Конвенции требование к государству защищать демонстрации от тех, кто

желает помешать их проведению или сорвать их. Комиссия ответила на этот вопрос положительно.

31. Европейский Суд не призван развивать общую теорию об обязательствах позитивного характера, следующих из Конвенции, но прежде, чем установить, обоснованна ли жалоба ассоциации-заявителя, он должен дать толкование статьи 11 Конвенции.

32. Любая демонстрация может раздражать или оскорблять тех, кто выступает против идей или требований, в поддержку которых она проводится. Тем не менее у участников демонстрации должна быть возможность проводить ее, не опасаясь физического насилия со стороны своих противников. Такие опасения могли бы воспрепятствовать публичному выражению общественно значимых позиций у ассоциаций и иных групп. В демократическом обществе право на проведение контрдемонстрации не может ограничивать осуществление права на демонстрацию.

Исходя из этого, обеспечение истинной, эффективной свободы проведения мирных собраний не может сводиться лишь к обязанности государства воздерживаться от вмешательства: негативная концепция роли государства противоречит предмету и цели статьи 11 Конвенции. Как и статья 8 Конвенции, статья 11 требует порой совершения позитивных действий, при необходимости — и в области отношений между физическими лицами (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу от 26 марта 1985 г. «Х и У против Нидерландов» (*X and Y v. Netherlands*), Серия А, т. 91, с. 11, § 23).

33. Соглашаясь с Правительством и Комиссией, Европейский Суд пришел к выводу, что в австрийском праве есть меры позитивного характера по защите демонстраций. Например, статьи 284 и 285 Уголовного кодекса предусматривают наказание за создание помех, разгон или срыв собрания, проведение которого не запрещено; статьи 6, 13 и 14(2) Закона о собраниях наделяют власти полномочиями в определенных случаях запрещать, прекращать или распускать собрание, используя силу. Указанные правовые документы применимы и к организации контрдемонстраций (см. §§ 54 и 40 доклада Комиссии).

34. Несмотря на то, что в обязанности государств — участников Конвенции входит принятие разумных и надлежащих мер для обеспечения мирного характера проводимых в соответствии с законом демонстраций, они не могут дать абсолютных гарантий в этом отношении, хотя и располагают широкими полномочиями при выборе такого рода мер (см., *mutatis mutandis*, Решения по делу от 28 мая 1985 г. «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» (*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom*), Серия А, т. 94, с. 33–34, § 67, и по делу Риса от 17 октября 1986 г., Серия А, т. 106, с. 14–15, §§ 35–37).

В этой области статья 11 Конвенции обязывает государства принимать меры, но не обязывает их получать определенные результаты.

35. По утверждению ассоциации-заявителя, полиция во время проведения каждой из упомянутых демонстраций вела себя безучастно. По мнению Правительства и Комиссии, в условиях отсутствия каких-либо серьезных эксцессов прямое вмешательство не было оправданно и неизбежно спровоцировало бы акты физического насилия.

36. Европейский Суд не оценивает уместность или эффективность действий полиции в подобных случаях, а лишь определяет обоснованность жалобы на то, что соответствующие власти не приняли необходимых мер.

37. Что касается инцидентов в г. Штадль-Паура 28 декабря 1980 г. (см. §§ 9–13 настоящего Постановления), то необходимо прежде всего отметить, что были запрещены обе демонстрации, планировавшиеся сторонниками свободы аборт (уведомление было подано 30 ноября), которые должны были проводиться в то же время и в том же месте, что и демонстрация ассоциации-заявителя. Вдоль первоначально запланированного пути следования демонстрации было размещено большое количество полицейских сил как в форме, так и в штатском, и представители полиции не отказывались обеспечивать защиту демонстрации, даже когда ассоциация-заявитель приняла решение об изменении маршрута. И наконец, не был причинен ущерб и не произошло никаких серьезных столкновений; участники контрдemonстрации выкрикивали лозунги, махали плакатами, бросали яйца и дерн, что не мешало продвижению процессии и завершению проводившейся на открытом воздухе религиозной службы; когда страсти накалились до такой степени, что возникла угроза применения действий насильственного характера, специальные подразделения по борьбе с беспорядками развели враждующие группировки.

38. Что касается демонстрации в г. Зальцбурге (см. § 19 настоящего Постановления), то для ее проведения организаторы избрали 1 мая, день традиционного социалистического марша, который пришлось отменить, так как на площадь перед собором претендовала ассоциация-заявитель, подавшая заявление раньше. Более того, для того, чтобы разделить участников демонстрации и их противников и предотвратить опасность их столкновения, на место проведения демонстрации были направлены 100 полицейских; они очистили и оцепили площадь, чтобы не допустить срыва религиозной церемонии.

39. Таким образом, совершенно очевидно, что австрийские власти приняли все разумные и надлежащие меры для защиты демонстрантов.

Таким образом, ничто в настоящем деле не подтверждает нарушение статьи 11 Конвенции. В данном случае статья 13 Конвенции не применима.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно

постановляет, что не имело места нарушение статьи 11 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в г. Страсбурге 21 июня 1988 г.

Р. Риссдал
Председатель Палаты Суда

М.-А. Эйссен
Секретарь Суда

ЭЗЕЛИН ПРОТИВ ФРАНЦИИ¹
(Ezelin v. France)

Жалоба № 11800/85

Постановление Суда

Страсбург, 26 апреля 1991 г.

По делу «Эзелин против Франции»² Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) в судебном заседании в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция)³ и согласно Регламенту Суда⁴ Палатой в составе:

Р. Риссдала (R. Ryssdal), *Председателя Палаты*,

Дж. Кремона (J. Cremona),

Ф. Гелькюкю (F. Golcuklu),

Ф. Матшера (F. Matscher),

Л.-Э. Петтити (L.-E. Pettiti),

Б. Уолша (B. Walsh),

А. Шпильманна (A. Spielmann),

Ж. Де Мейера (J. De Meyer),

Р. Пекканен (R. Pekkanen), *судей*,

а также при участии

М.-А. Эйссена (M.-A. Eissen), *Секретаря Суда*,

Г. Петцольда (H. Petzold), *помощника Секретаря Суда*,

проведя 21 ноября 1990 г. и 18 марта 1991 г. закрытые заседания, вынес следующее Постановление в последний из вышеуказанных дней.

¹ Перевод с английского выполнен Верой Пономаревой.

² Делу присвоен номер 21/1990/212/274. Первое число — номер дела в списке дел, направленных на рассмотрение Европейского Суда в год, указанный вторым числом. Последние два числа указывают номер дела в списке дел, рассмотренных Судом начиная с даты его создания, и в списке соответствующих первоначальных заявлений в Комиссию.

³ С изменениями, внесенными статьей 11 Протокола № 8 (P8-11), вступившего в силу 1 января 1990 г.

⁴ Изменения в Регламент Суда, вступившие в силу 1 апреля 1989 г., действительны при рассмотрении этого дела.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело направлено в Европейский Суд Европейской Комиссией по правам человека (далее — Комиссия) 6 апреля 1990 г. в трехмесячный срок, установленный пунктом 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции. Дело возбуждено по жалобе (№ 11800/85) против Французской Республики, поданной в Комиссию, согласно статье 25 гражданином этого государства Роланом Эзелином (далее — заявитель) 26 октября 1985 г.

2. Обращение Комиссии основывалось на статьях 44 и 48 Конвенции и на Декларации, в которой Франция признала обязательной юрисдикцию Европейского Суда (статья 46). Целью этого обращения было принятие решения относительно того, имеет ли место в данном деле нарушение государством-ответчиком своих обязательств по статьям 10 и 11 Конвенции.

3. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с подпунктом «с» пункта 3 Правила 33 Регламента Суда, заявитель сообщил, что он желает принять участие в слушаниях и назначил адвоката для представления его интересов в суде (Правило 30 Регламента).

4. В состав формируемой Палаты вошли по должности (*ex officio*) Л.-Е. Петтити, избранный судья французской национальности (статья 43 Конвенции), и Р. Риссдал, Председатель Суда (подпункт «b» пункта 3 Правила 21 Регламента). 3 мая 1990 г. в присутствии Секретаря Председатель путем жребия назначил семерых остальных судей, а именно: Ж. Кремона, Ф. Матшера, Б. Уолша, А. Шпильманна, Ж. Де Мейера, Е. Палма и Р. Пекканена (статья 43 Конвенции и пункт 4 Правила 21 Регламента). Впоследствии Ф. Гелькюкю заменил Е. Палм по причине невозможности последнего принимать участие в дальнейшем рассмотрении дела (пункт 1 Правила 22 и пункт 1 Правила 24 Регламента).

5. Р. Риссдал вступил в должность Председателя Палаты (пункт 5 Правила 21 Регламента) и, действуя через Секретаря, проконсультировал представителя французского Правительства (далее — Правительство), делегата Комиссии и адвоката заявителя по процедурным вопросам (пункт 1 Правила 37 Регламента). Согласно порядку, установленному 21 мая 1990 г., Секретарь получил иск заявителя по статье 50 Конвенции 27 июля и меморандум Правительства 16 августа. В письме от 21 сентября представитель Комиссии сообщил Секретарю, что делегат предоставит свои комментарии на слушаниях.

6. Проконсультировав через Секретаря тех, кто предстанет перед судом, Председатель указал 6 июля 1990 г., что устные слушания должны быть открытыми 20 ноября (Правило 38 Регламента).

7. Слушания проходили во Дворце прав человека в г. Страсбурге в назначенный день. Предварительно Суд провел подготовительное заседание.

В Европейский Суд явились:

(a) от имени Правительства:

Ж.-П. Пуиссоше, директор Департамента по правовым вопросам Министерства иностранных дел, Уполномоченный Франции при Европейском Суде по правам человека;

М. Пикар, магистрат, представляющий Департамент по правовым вопросам Министерства иностранных дел;

Ж. Сури, магистрат, представляющий Департамент по правовым вопросам Министерства юстиции;

Ф. Вервел, глава Атлантического бюро Министерства заморских департаментов и территорий, консультант;

(b) от имени Комиссии:

А. Вайтцель, делегат;

(c) от имени заявителя:

С. Вакет, адвокат, выступающий в Государственном совете и Кассационном суде, консультант.

Суд заслушал доводы Ж.-П. Пуиссоше от имени Правительства, А. Вайтцеля от имени Комиссии и С. Вакета от имени заявителя.

8. 15 февраля 1991 г. заявитель выпустил ваучеры в поддержку своего требования о возмещении судебных издержек. От Правительства и делегата Комиссии не поступило никаких комментариев.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Ролан Эзелин — гражданин Франции, проживающий в Бас-Тер (Гваделупа), является практикующим адвокатом.

А. Предыстория дела

10. 12 февраля 1983 г. несколько профсоюзов и движений за независимость Гваделупы проводили демонстрацию в Бас-Тере, чтобы выразить свой протест против двух решений суда. В результате трое активистов были оштрафованы и арестованы за нанесение ущерба общественным зданиям. Заявитель, который на тот момент являлся вице-председателем профсоюза коллегии адвокатов Гваделупы, принимал участие в демонстрации и нес в руках плакат.

11. Старший суперинтендант полиции Бас-Тер в тот же день составил доклад и отправил его местному государственному обвинителю. В докладе с 11 приложениями был представлен следующий отчет:

«Я был проинформирован по радиосвязи о том, что сегодня с 9 часов несколько движений за независимость проводят демонстрацию на Шам Д'Арбо, Бас-Тер. Мы следили за движением этой демонстрации, которая проходит в форме шествия по городу. Демонстранты вышли в 10 часов 30 минут и шли по улицам города, скандируя лозунги, направленные против полиции и суда. Во время шествия на многие здания, в частности, на здание Национального банка (*Institute D'Emission D'outre-Mer*), известного как Главное казначейство, — были нанесены граффити.

Группа из 450–500 человек покинула Шам Д'Арбо и присоединилась к другой группе в 500 человек на улице Шольшер. Они сформировали компактную группу численностью около 1 000 человек, возглавляемую лидерами, которые через громкоговорители объявляли лозунги для скандирования. Среди этих лидеров были опознаны Ролан Тезаурос (Университет Вест-Индии-Гайаны); Люк Райнетт, лидер MPC¹, бывший член СВА, вышедший из тюрьмы после 10 мая 1981 г.; Макс Сафрано, предполагаемый лидер ALN (Национальной освободительной армии, против которого ранее были выдвинуты уголовные обвинения и который был выпущен из тюрьмы Бас-Тер днем ранее; Фернан Курье из профсоюза UTS/UGTG, недавно (1 февраля 1983 г.) приговоренный апелляционным судом Бас-Тер к 15 суткам ареста и штрафу в размере 10 000 франков; сестра Жозефа Самсона, который был приговорен к тому же наказанию 7 февраля 1983 г. уголовным судом Бас-Тер; Розан Муньен, член профсоюза UTA/UGTG; Марк-Антуан, осужденный апелляционным судом Бас-Тер 7 сентября 1983 г. вместе с Александром, и другие, известные как особые фанатики и убежденные экстремисты, включая Рупэр, и др. Шествие уже достигло особняка Кур-Ноливо, вышло на улицу Республики и могло вскоре приблизиться к фасаду полицейского участка.

В этот момент я доложил о происходящем главному констеблю (позывной "*Polairee*"), находившемуся у здания суда с двумя нарядами полиции для противодействия уличным беспорядкам. Эти наряды мы договорились развернуть в конце бульвара Феликс-Эбуэ, чтобы преградить путь к суду и предотвратить причинение ущерба зданиям суда и совета департамента.

В 11 часов 10 минут демонстранты достигли полицейского участка и собрались напротив него.

Пока я готовился к отражению нападений на здание, демонстранты заняли позицию напротив полицейского участка. К ним обращались лидеры, прибывшие из других районов, незнакомые присутствовавшим полицейским. Выступающие, говорившие на креольском диалекте, призвали полицию выйти и присоединиться к ним. Затем последовала жестокая тирада против полицейского Божандра, который был обвинен в преда-

¹ Популярное движение за независимость Гваделупы (*прим. переводчика*).

тельстве, после чего толпа демонстрантов стала ритмично скандировать: *“Beaugendre MAKO! Un jour ou te paye!”*¹.

Среди демонстрантов были замечены Ролан Тезаурос, Люк Райнетт, Макс Сафрано, Фернан Курье, Розан Муньен, Рупэр, Марк-Антуан, семья Самсон (см. доклад № 1), доктор Корентин (см. доклад № 7) и г-н Эзелин, барристер; последние двое держали лозунг со словами “Юристы — врачи” (см. доклад № 7). Однако большинство демонстрантов, включая наиболее возбужденных и агрессивных, кажется, были не из Бас-Тер, а с острова Гранд-Тер и, следовательно, были незнакомы полицейским. Демонстранты покинули полицейский участок около 11 часов 30 минут и направились к суду, а также к зданию совета департамента. Тогда мой старший констебль, который все это время был в курсе событий, сообщил, что отказался от планов оцепить нижнюю часть бульвара Эбуэ с целью не допустить демонстрантов к двум опасным точкам — суду и совету департамента, потому что численное превосходство демонстрантов было слишком велико.

Шествие проследовало дальше по бульвару Феликс-Эбуэ и достигло Шам Д’Арбо и рассредоточилось после двух продолжительных остановок. Во время остановок участники произносили речи и скандировали лозунги сначала напротив суда, с целью оскорбить судей, а затем около тюрьмы, чтобы выразить солидарность с заключенными активистами. Когда демонстранты прошли, выяснилось, что они использовали эти остановки, чтобы написать оскорбительные надписи зеленым, красным и черным цветами на стенах административных зданий.

Расследованию, которое было произведено тут же, не удалось выявить виновных в порче зданий. Согласно полученной информации большинство надписей было сделано девушками, живущими за пределами Бас-Тер, несомненно с целью затянуть процесс опознания. Одной из них была учительница из Пуант-а-Питре, но это не установлено достоверно. Служба разведки (*Renseignement Genereaux*) подтвердила, что лица, ответственные за надписи, были в числе демонстрантов, прибывших на автомобиле из Пуант-а-Питре. Их личности были неизвестны.

Я посылаю вам этот доклад в данном виде.

Однако сотрудники моего участка уделяют все необходимое внимание этому делу.

Любые новые обстоятельства или информация, которые позволят установить личности преступников, будут немедленно использованы, и я не замедлю сообщить их вам».

В. Судебное следствие

12. 21 февраля 1983 г. было возбуждено судебное следствие в отношении неизвестного лица или лиц по обвинению в нанесении противо-

¹ В переводе с французского означает «Однажды ты заплатишь!» (прим. переводчика).

законного ущерба общественным зданиям и оскорблении судебной власти.

13. 24 февраля 1983 г. главный государственный обвинитель в апелляционном суде Бас-Тер написал председателю коллегии адвокатов Гваделупы следующее:

«Я посылаю вам копию доклада полиции от 21 февраля, из которого следует, что г-н Эзелин, член коллегии адвокатов Гваделупы, участвовал в демонстрации против судебной власти при обстоятельствах, которые могут повлечь уголовную ответственность по статье 26 Уголовного кодекса» (см. § 23).

«Прошу Вас сообщить мне Ваше мнение по этому делу после того, как Вы выслушаете объяснения своего коллеги».

14. В письме от 14 марта 1983 г. председатель коллегии адвокатов сообщил старшему государственному обвинителю о результатах своего расследования следующее:

«...Г-н Эзелин не держал лозунг вместе с другим человеком, он сам держал плакат со словами “Профсоюз коллегии адвокатов Гваделупы против Акта о безопасности и свободе”.

Ему нельзя приписать ни одного действия, жеста или фразы, оскорбляющих судебную власть.

Его участие в демонстрации, таким образом, было ограничено протестом против применения Акта о безопасности и свободе».

Он заключил, что:

«На основании случившегося, и принимая во внимание:

(а) факты: даже если предположить худшее в отношении г-на Эзелина, доклад старшего суперинтенданта не обвиняет его в оскорбительных жестах, действиях или высказываниях;

(б) положения статьи 226 Уголовного кодекса, то мне не кажется, что мой коллега г-н Эзелин мог нарушить какое-либо обязательство тем, что воспользовался своим правом присоединиться к демонстрации, которая не была запрещена, и держать плакат со словами “Профсоюз коллегии адвокатов Гваделупы против Акта о безопасности и свободе”».

15. 25 апреля 1983 г. заявитель был вызван к судье, ведущему судебное следствие, чтобы дать показания в качестве свидетеля. На допросе он заявил, что ничего не может сказать по существу дела.

16. 19 мая 1983 г. судебное следствие закончилось вынесением приказа об освобождении, поскольку не удалось получить доказательств, которые позволили бы идентифицировать ответственных за нанесение надписей или за оскорбления и угрозы, произнесенные в ходе демонстрации.

С. Дисциплинарные наказания заявителя

1. Решение Совета коллегии адвокатов

17. 1 июня 1983 г. главный государственный обвинитель послал председателю коллегии адвокатов жалобу на заявителя, следующего содержания:

«В продолжение моего письма от 24 февраля 1983 г. и нашего разговора 31 мая я хочу привлечь Ваше внимание на основании статьи 113 Постановления от 9 июня 1972 г. (см. ниже § 25) к поведению г-на Эзелина, имя которого значится в составе коллегии адвокатов Гваделупы.

В предыдущем письме я посылал Вам копию доклада полиции от 21 февраля 1983 г., в котором был предоставлен отчет об участии г-на Эзелина в демонстрации в Бас-Тер 12 февраля 1983 г. Целью демонстрации являлось выражение протеста против двух судебных решений, первое из которых было вынесено 1 февраля 1983 г. апелляционным судом Бас-Тер в отношении Фернана Курье, другое – принято 7 февраля 1983 г. трибуналом высшей инстанции Бас-Тер в отношении Жерара Квидаля и Жозефа Самсона. Они были обвинены в нанесении ущерба общественным зданиям.

В ходе демонстрации на здание суда были нанесены краской несколько особенно оскорбительных надписей. Надписи называли одного из судей, участвовавшего в принятии одного из решений, фашистом, а всех судей – “мако”¹.

Демонстранты неоднократно скандировали угрозы в адрес полицейских, присутствовавших на этом событии.

Судья начал судебное следствие в отношении неизвестного лица или лиц по обвинению в нанесении противозаконного ущерба общественным зданиям, оскорблении судебной власти, пособничестве и подстрекательстве.

Все лица, которые, согласно докладу, принимали участие в демонстрации, были опрошены и сообщили, что либо не видели, чтобы кто-либо наносил надписи, либо, по крайней мере, не знают людей, ответственных за это.

Только г-н Эзелин отказался отвечать на вопросы.

Поскольку в результате рассмотрения дело было закончено приказом об освобождении, я посылаю вам копию протокола его допроса в качестве свидетеля. Допрос был отложен более чем на месяц для его удобства.

Такое отношение, по моему мнению, подкрепляет предположение о том, что г-н Эзелин, которому была известна цель демонстрации (см. копии буклетов, которые на ней раздавались), хотел своим участием открыто присоединиться к критике судебной власти в Гваделупе со стороны политической организации, и о том, что во время происшествий ни угрозы, ни оскорбительные надписи, направленные против судей, не удивили и не шокировали его как барристера.

¹ В переводе с французского означает проститутки (*прим. переводчика*).

Более того, его отказ отвечать на вопросы судьи, ведущего судебное следствие, отражает его презрительное отношение к правосудию.

Учитывая эти обстоятельства, я считаю, что в данном случае была нарушена статья 106 Постановления от 9 июня 1972 г. (см. § 25 настоящего Постановления) и прошу Вас провести дисциплинарные слушания в отношении г-на Эзелина перед Советом коллегии адвокатов».

18. На дисциплинарных слушаниях, проведенных согласно статье 104 Постановления № 72-468 от 9 июня 1972 г. (см. § 25 настоящего Постановления), Совет коллегии адвокатов 25 июля 1983 г. принял следующее решение:

«...По запросу главного общественного обвинителя председатель Совета коллегии адвокатов 14 марта 1983 г. уже представил свое мнение относительно первой серии обвинений против г-на Эзелина. Из этого мнения, а также из дальнейших объяснений, полученных от г-на Эзелина, следует, что он принял участие в демонстрации по призыву профсоюза коллегии адвокатов Гваделупы, одним из лидеров которого он является, с целью выразить свой протест против прямого заключения под стражу — без проведения предварительного судебного расследования — и продления срока действия так называемого Акта о безопасности и свободе, который с тех пор был отменен. Из судебного расследования не следует, что г-н Эзелин нарушил статью 106 Постановления от 9 июня 1972 г. в связи с участием в вышеупомянутой демонстрации, и что к нему может быть применено какое-либо дисциплинарное наказание. Более того, допросы об этих событиях закончились приказом об освобождении, который уже вступил в силу.

Что касается второй серии обвинений против г-на Эзелина в ходе судебного следствия и объяснений г-на Эзелина следует, что отказ от дачи показаний судье, ведущему следствие, объясняется его опасениями в связи со статьей 105 Уголовно-процессуального кодекса (см. § 24 настоящего Постановления) и желанием соблюсти статью 89 Постановления от 9 июня 1972 г. (см. § 25 настоящего Постановления), так как некоторые люди, вызванные судьей, ведущим следствие, в связи с событиями, по которым он был приглашен в качестве свидетеля, ранее консультировались с ним как с адвокатом.

Г-н Эзелин подтвердил, что в письме от 24 февраля 1983 г. главный государственный обвинитель действительно сообщил председателю коллегии адвокатов, что г-н Эзелин “принял участие в публичной демонстрации против судебной власти при обстоятельствах, которые могут повлечь уголовную ответственность по статье 226 Уголовного кодекса”.

Г-н Эзелин, будучи уведомлен об этом обвинении, справедливо опирался на положения статьи 105 Уголовно-процессуального кодекса.

То, что г-н Эзелин не объяснил судье причины своего отказа от дачи показаний, возможно, вызывает сожаления, однако, по мнению Совета, этот отказ не может рассматриваться как выражение презрения к правосудию и судебной власти. Более того, если бы отказ создавал достаточно

серьезное препятствие для адекватного рассмотрения дела, судья, ведущий судебное следствие, мог бы воспользоваться положениями статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса (см. § 24 настоящего Постановления). Прокурор также мог сделать необходимые заявления до приказа об освобождении и закрытии дела, по которому г-н Эзелин был вызван в качестве свидетеля.

Таким образом, учитывая объяснения г-на Эзелина и его безупречное профессиональное поведение, Совет полагает, что основания для наложения дисциплинарных санкций на г-на Эзелина отсутствуют.

По этим причинам Совет коллегии адвокатов, исполняя присущую ему дисциплинарную функцию и от имени первой инстанции,

Решает:

1. Нет никаких оснований для наложения дисциплинарных санкций на г-на Ролана Эзелина в связи с вопросами, поднятыми главным государственным обвинителем 1 июня 1983 г.

2. Совет рекомендует председателю коллегии адвокатов напомнить г-ну Эзелину и остальным сотрудникам устоявшиеся правила поведения в тех ситуациях, в которых они выступают в качестве адвоката».

2. Решение апелляционного суда Бас-Тер от 12 декабря 1983 г.

19. Главный государственный обвинитель опротестовал вышеприведенное решение в апелляционном суде Бас-Тер. На слушаниях он попросил суд наложить на заявителя дисциплинарное наказание в виде предупреждения.

20. 12 декабря 1983 г. апелляционный суд отменил решение Совета коллегии адвокатов и наложил более тяжкое, чем предупреждение, дисциплинарное наказание — выговор, указав при этом, в частности:

«Установлено, что 12 февраля 1983 г. г-н Эзелин принимал участие в демонстрации на улицах Бас-Тер.

Доклад полиции и приобщенные к делу документы ясно и неоднозначно свидетельствуют о том, что признанной целью демонстрации, организованной движениями за независимость в округе, было выражение протеста против приговоров, вынесенных недавно в отношении трех активистов: 15 дней ареста и штрафа в размере 10 000 франков за нанесение ущерба административным зданиям».

(Далее следовало краткое изложение доклада, приведенного в § 11 настоящего Постановления)

«Нет оснований утверждать, что г-н Эзелин, участвуя в демонстрации, проявлял какую-либо иную активность, чем постоянное присутствие и несение плаката.

После этих событий было начато судебное следствие в отношении неизвестного лица или лиц по обвинению в нанесении ущерба обществен-

ным зданиям, оскорблении судебной власти, пособничестве и подстрекательстве. Г-н Эзелин был вызван судьей, ведущим судебное следствие, в качестве свидетеля вместе с несколькими другими людьми, которые были опознаны полицейскими. После принятия присяги его допрос продолжался, как записано ниже:

“Вы объясняете мне обстоятельства, которые послужили основанием для этого дела. Мне нечего сказать по этому поводу...”

После паузы: Я повторяю, что мне нечего сказать по данному вопросу.

Вопрос: Вы присутствовали на демонстрации, которая проходила 12 февраля прошлого года на улицах Бас-Тер? Если да, видели ли вы, как кто-либо писал что-либо на стенах различных зданий в городе?

Ответ: Мне нечего пояснить по этому вопросу.

Прочитано, подтверждено и подписано мной и секретарем”.

Из вышеприведенного следует, что г-н Эзелин, адвокат апелляционного суда и член Совета коллегии адвокатов, участвовал в демонстрации, которая, несомненно, проходила при вышеописанных обстоятельствах.

Во время демонстрации постоянно звучали серьезные угрозы в адрес констебля, участники выкрикивали оскорбления в отношении других лиц, включая судью апелляционного суда, известную в регионе фигуру, и в отношении судебной власти в целом. Стены зданий суда и совета департамента были покрыты особенно оскорбительными надписями, направленными против этих же людей.

Не подлежит сомнению, что г-н Эзелин, который был участником шествия, в частности, в тот момент, когда оно останавливалось у полицейского участка, суда и тюрьмы, не мог не видеть, как эти оскорбительные надписи наносились очень крупными буквами на стенах суда, который в равной степени является местом работы судей и барристеров, и на здании совета департамента. Он не мог не слышать угроз и оскорблений, которые постоянно раздавались в адрес одних и тех же людей.

Он присутствовал там в качестве адвоката, поскольку нес плакат, заявлявший о его профессии, но не отмежеввался от оскорбительных действий демонстрантов и не покинул шествие.

Такое поведение члена коллегии адвокатов, который публично заявляет о ненужности своей профессии, не может быть оправдано личными убеждениями или инструкциями профсоюза (на что ссылается г-н Эзелин) и является нарушением беспристрастности согласно статье 106 Постановления от 9 июня 1972 г. Более того, г-н Эзелин на допросе в качестве свидетеля отказался предоставить судье, ведущему следствие, показания по тем вопросам, которые были ему известны, без объяснения каких-либо причин.

Таким образом, он нарушил пункт 3 статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса, который обязателен для исполнения всеми гражданами, и о требованиях которого он как юрист не мог не знать.

Поскольку г-н Эзелин нарушил устав и не проявил беспристрастности, он навлек на себя дисциплинарные санкции по статье 107 Постановления от 9 июня 1972 года (см. § 25 настоящего Постановления).

Принимая во внимание единогласный положительный отзыв о его профессиональном поведении, суд полагает, что нужно применить наказание в виде выговора.

Таким образом, суд, принимая во внимание раздел 22 и далее Акт № 71-1130 от 31 декабря 1971 г. и статьи 104 и далее Постановления № 72-468, заседаая открыто и в полном составе, отменяет решение, принятое 25 июля 1983 г. Советом коллегии адвокатов департамента Гваделупа в апелляционном суде Бас-Тер, заседаая в качестве дисциплинарного совета, и приговаривает г-на Эзелина, члена этой коллегии, к дисциплинарному наказанию в виде выговора и возлагает на него судебные издержки...» (*Gazette du Palais, 9 февраля 1984, судебные решения, с. 76—77*).

3. Решение суда кассационной инстанции от 19 июня 1985 г.

21. Заявитель подал апелляционную жалобу на основании закона. В частности, он утверждал, что дисциплинарные санкции были наложены на него в нарушение статей 10 и 11 Конвенции.

19 июня 1985 г. Кассационный суд (первая судебная коллегия по гражданским делам) вынес решение, отменяющее ранее вынесенное определение. В нем говорилось, в том числе:

«Апелляционный суд... не признал г-на Эзелина виновным в силу коллективной ответственности за уголовные преступления, совершенные другими демонстрантами, но констатировал, что во время демонстрации, целью которой было выражение громкого протеста против приговоров, вынесенных накануне, на все стены суда были нанесены оскорбительные надписи против судебной власти в целом, а также в адрес судьи апелляционного суда, названного по имени, и барристера, который был известной фигурой в департаменте.

Апелляционный суд добавил, что г-н Эзелин, присутствовавший на демонстрации как адвокат, слышавший угрозы и оскорбления и видевший надписи, нанесенные на стены суда, место работы судей равно как и барристеров, ни разу не выразил свое неодобрение в отношении этих нарушений, не покинул шествие, чтобы отмежеваться от преступных действий. Было решено, что из этого следует, что такое поведение нарушает правило беспристрастности и подлежит дисциплинарному наказанию...

Статья 109 Уголовно-процессуального кодекса возлагает обязанность давать показания на любого человека, который выступает свидетелем. Согласно статье 106 Постановления от 9 июня 1972 г. любое нарушение законов или подзаконных актов составляет административное преступление, вне зависимости от того, вправе ли судья оштрафовать свидетеля, который отказывается давать показания. Апелляционный суд выяснил, что в ответ на вопросы, поставленные судьей, ведущим следствие, в частности, на вопрос «Присутствовали ли Вы на демонстрации на улицах Бас-Тер 12 февраля 1983 года?» г-н Эзелин ответил только: «Мне нечего сказать по этому вопросу». Суд добавил, что г-н Эзелин не предоставил никаких

объяснений своей позиции. Это позволило заключить, что г-н Эзелин, отказавшийся давать показания, не объяснив причин своего отказа ни статьей 105 Уголовно-процессуального кодекса, ни профессиональной тайной, нарушил закон, а также правило беспристрастности перед лицом судьи, что является дисциплинарным нарушением.

Таким образом, апелляционный суд подкрепил свое решение законом, в то время как ни одно из оснований для апелляции не обосновано» (*Gazette du Palais*, 11–12 октября 1985 г., судебные решения, с. 16 и 17).

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

22. Необходимо изложить положения законов Франции.

А. Общие положения

1. Уголовный кодекс

23. Пункт 1 статьи 226:

«Человек, попытавшийся при каких-либо обстоятельствах публично дискредитировать действиями, письменной или устной речью какое-либо действие или решение, принятое судом, таким образом, что это могло повредить его авторитету, подлежит аресту на срок не менее одного, но не более шести месяцев и штрафу в размере не менее 500 франков и не более 90 000 франков, или только одному из этих наказаний».

2. Уголовно-процессуальный кодекс

24. Статья 105:

«Судья, ведущий судебное следствие, а также судьи и старшие офицеры полиции (*officiers de police judiciaire*), действующие на основании судебного ордера, в целях предотвращения нарушения права на защиту, не должны рассматривать в качестве свидетелей лиц, в отношении которых существуют весомые и последовательные непротиворечивые доказательства вины».

Статья 109:

«Лицо, вызванное на допрос в качестве свидетеля, должно явиться, принять присягу и дать показания, согласно положениям статьи 378 Уголовного кодекса (обязанность хранить профессиональную тайну).

Если свидетель не явился, он может быть доставлен полицией к судье, ведущему следствие, по заявлению государственного обвинителя. На свидетеля может быть наложен штраф размером не менее 2 500 и не

более 5 000 франков. Если свидетель явился впоследствии, принес извинения и предоставил объяснение, он может быть освобожден от наказания судьей, ведущим следствие, по заявлению государственного обвинителя.

Такое же наказание, по запросу государственного обвинителя, может быть наложено на свидетеля, который явился, но отказался принимать присягу и давать показания».

В. Положения, относящиеся к адвокатам

1. Положение от 9 июня 1972 г. «О профессии адвоката, в исполнение Акта от 31 декабря 1971 г., реформирующего некоторые судебные и юридические профессии»

25. Статья 89:

«Адвокат ни в коем случае не должен раскрывать информацию в нарушение профессиональной тайны. В частности, он должен соблюдать тайну судебного следствия по уголовным делам, воздерживаясь от сообщения какой-либо информации по делу и от публикации писем или других документов, касающихся следствия».

Статья 104:

«Совет коллегии адвокатов, заседаая в качестве дисциплинарной комиссии, должен возбудить расследование и наказать преступления и ненадлежащее поведение адвоката, если он в соответствующее время вступил в коллегию в качестве адвоката, стажера или общественного защитника».

Статья 106:

«Любое нарушение адвокатом законодательных или подзаконных актов, профессиональных правил, отступление от принципов неподкупности, честности и беспристрастности, даже за пределами профессиональной сферы, влечет за собой ответственность в виде дисциплинарных санкций, перечисленных в статье 107».

Статья 107:

«Дисциплинарным наказанием может быть:

- предупреждение;
- выговор;
- временное отстранение от профессиональной деятельности на период до трех лет;
- исключение из списка адвокатов, стажеров или общественных защитников.

Предупреждение, выговор или временное отстранение могут повлечь за собой утрату членства в коллегии адвокатов на период не более десяти лет, если это обозначено в решении, налагающем дисциплинарное наказание.

В качестве дополнительного наказания Совет коллегии адвокатов может принять решение о том, что информация о дисциплинарных наказаниях должна быть опубликована в издании коллегии».

Статья 113:

«Председатель коллегии адвокатов, по своей инициативе или на основании заявления от главного государственного обвинителя или любой затронутой стороны, должен сделать запрос о поведении адвоката. Затем председатель либо прекращает следствие, либо передает рассмотрение дела в Совет коллегии адвокатов.

В случае получения жалобы председатель должен проинформировать заявителя. Если заявление поступило от главного государственного обвинителя, он должен уведомить последнего <...>».

2. Акт от 15 июня 1982 г. «О процедуре, применяемой в случае ненадлежащего профессионального поведения адвоката на судебных слушаниях»

26. Адвокаты связаны клятвой, которую они принимают при вступлении в должность. Текст клятвы изложен в разделе 1 Акта от 15 июня 1982 г.:

«Как адвокат я клянусь защищать и советовать достойно, добросовестно, независимо и гуманно».

До вступления Акта в законную силу клятва формулировалась следующим образом:

«Я клянусь как адвокат защищать и советовать достойно, добросовестно, независимо и гуманно, уважая суды, государственную власть и правила коллегии адвокатов, не произносить и не публиковать ничего, что противоречит уставу, законодательству, морали, безопасности государства или общественному порядку» (статья 23 Постановления от 9 июня 1972 г.).

«Адвокат, давший клятву до вступления в силу Акта от 15 июня 1982 г., считается принявшим клятву в ее настоящей форме».

27. В решении от 9 июня 1964 г. Кассационный суд (первая судебная коллегия по гражданским делам) постановил, что клятва «также обязывает адвоката при любых обстоятельствах соблюдать уважение к су-

дам и государственной власти <...>» (*Juris-Classeur periodique*, 1964, II, № 13797, запись J.A.).

Более того, в решении от 10 июня 1965 г. (судебная коллегия по уголовным делам Бювье) Кассационный суд постановил, что адвокат, обязанный выразить протест против любого нарушения права на защиту, тем не менее должен воздерживаться от любых суждений о чести или беспристрастности судьи.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

28. Жалоба, поданная г-ном Эзелином в Комиссию (№ 11800/85) 16 октября 1985 г., основана на статьях 10 и 11 Конвенции. Он заявил, что дисциплинарные санкции, наложенные на него, грубо нарушают его право на свободу выражения мнения и право на свободу мирных собраний.

29. Комиссия приняла заявление к рассмотрению 13 марта 1989 г. В докладе от 14 декабря 1989 г. (сделанном согласно статье 31 Конвенции) она выразила мнение о том, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции (15 голосов против шести), и что не возникло вопросов для отдельного рассмотрения по статье 10 Конвенции. Полный текст мнения Комиссии и особое мнение, содержащееся в докладе, представлены в приложении к этому решению.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

30. На слушаниях 10 ноября 1990 г. представитель Правительства защищал сообщения, сделанные в его меморандуме. Он просил Европейский Суд вынести решение о том, что нарушения статей 11 не имели место, и поддержать мнение Комиссии о том, что нет причин для отдельного рассмотрения дела по статье 10 Конвенции.

Адвокат заявителя просил Европейский Суд признать, что имело место ограничение свободы выражения мнения и нарушение права на свободу мирных собраний, гарантированные статьями 10 и 11 Конвенции, а также присудить его клиенту запрашиваемую компенсацию.

ПРАВО

31. Заявитель считает, что дисциплинарные санкции, наложенные на него апелляционным судом Бас-Тер, препятствовали реализации его прав на свободу выражения мнения и свободу мирных собраний, гарантированных статьями 10 и 11 Конвенции.

32. Правительство обратило внимание на то, что целью санкций являлось также наказание г-на Эзелина за его отказ давать показания судье, ведущему следствие. Они критиковали Комиссию за утверждение о том, что участие заявителя в демонстрации было единственным основанием в деле.

33. Фактически заявитель был наказан за то, что он не выразил своего неодобрения «оскорбительных действий демонстрантов», не покинул шествие, чтобы отмежеваться от них, а также отказался давать показания, не сославшись при этом на статью 105 Уголовного кодекса о профессиональной тайне (см. §§ 10 и 21 настоящего Постановления). Он был вызван судьей, ведущим судебное следствие, в связи с его участием в демонстрации. Поэтому вопрос отказа от дачи показаний, который как таковой не подпадает под статьи 10 и 11 Конвенции, второстепенен. Более того, стоит отметить, что г-н Эзелин не хранил абсолютное молчание в присутствии судьи, ведущего расследование: он заявил, что ему нечего сказать по данному вопросу, так что судья не усмотрел возможности применить пункт 3 статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса (см. §§ 15, 20 и 21 настоящего Постановления).

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

34. Заявитель обосновывает один из своих доводов статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый человек имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступности, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

35. В обстоятельствах данного дела эта статья должна рассматриваться как *lex generalis* по отношению к статье 11 Конвенции (*lex specialis*), таким образом, нет необходимости рассматривать ее отдельно. По этому вопросу Европейский Суд согласен с Комиссией.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

36. Основным рассматриваемый вопрос касается статьи 11 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в них для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступности, защиты здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции и государственного управления».

37. Несмотря на свою автономность и конкретную сферу применения, статья 11 Конвенции в настоящем деле должна рассматриваться в свете статьи 10 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу от 13 августа 1981 г. «Юнг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства» (Yong, James and Webster v. United Kingdom), Серия А, № 44, с. 23, § 57). Защита личного мнения, гарантированная статьей 10 Конвенции, является одной из целей свободы мирных собраний, закрепленной в статье 11 Конвенции.

А. Имело ли место вмешательство в право на свободу собраний

38. Согласно доводам Правительства г-н Эзелин не пострадал от нарушения его прав на свободу собраний и свободу выражения мнения: он беспрепятственно смог принять участие в шествии 12 февраля 1983 г. и публично выразить свои убеждения в своем профессиональном качестве и таким образом, каким хотел; на него наложили взыскание только после этого события и на основании личного поступка, не соответствовавшего обязательствам его профессии.

39. Европейский Суд не может принять этот довод. Термин «ограничение» в пункте 2 статьи 11 и статьи 10 Конвенции не может быть истолкован как включающий санкции, в том числе карательные, предпринятые только накануне или во время, но не после собрания (см., в частности, относительно статьи 10 Конвенции Постановление Европейского Суда по делам: от 7 декабря 1976 г. «Хандисайд против Соединенного Королевства» (Handyside v. United Kingdom), Серия А,

№ 24, с. 21, § 43; от 24 мая 1988 г. «Мюллер и другие против Швейцарии» (Muller and Others v. Switzerland), Серия А, № 133, с. 19, § 28).

40. Правительство утверждает, что несмотря на мирную природу намерений и характер поведения самого г-на Эзелина, санкции, на которые он жалуется, ни в коей мере не нарушили его право на свободу мирных собраний, учитывая, что демонстрация вышла из-под контроля.

По мнению Комиссии, заявитель не может быть обвинен в том, что его намерения не являлись мирными.

41. Европейский Суд обращает внимание, что власти были уведомлены о демонстрации, и она не была запрещена. Присоединившись к ней, заявитель воспользовался своим правом на свободу мирных собраний. Более того, ни отчет старшего суперинтенданта полиции Бас-Тер, ни какое-либо другое свидетельство не подтверждает того факта, что г-н Эзелин сам угрожал или делал надписи.

Апелляционный суд счел доказанными обвинения в том, что г-н Эзелин «не отмежеввался от преступных и оскорбительных действий, предпринятых демонстрантами и не покинул шествие» (см. § 20 настоящего Постановления). Кассационный суд отметил, что он ни разу «не выразил своего неодобрения этих нарушений или не покинул шествие, чтобы отмежеваться от этих преступных действий» (см. § 21 настоящего Постановления).

Европейский Суд полагает, что в этом случае было нарушено право заявителя на свободу мирных собраний.

В. Являлось ли вмешательство оправданным

42. Таким образом, необходимо установить, были ли санкции, в отношении которых подана жалоба, «предписаны законом», оправданы хотя бы одной из законных целей, изложенных в пункте 2 статьи 11 Конвенции, и «необходимы в демократическом обществе».

1. Предусмотрено законом

43. Заявитель утверждает, что статья 106 Постановления от 9 июня 1972 г. ни в коем случае не была направлена на ограничение права собраний адвокатов; более того, общий характер слов «нарушение... беспристрастности» не позволяет определить нарушение заранее и дает возможность применить любые санкции после случившегося.

44. Правительство, напротив, считает, что это положение обязует адвокатов, которые являются «представителями суда» (*auxiliaires de la justice*), уважать ряд профессиональных принципов правового и этического характера. Положение четко определяет, в каких случаях поведе-

ние, повлекшее за собой наказание, противоречит правилам профессии, как, например, в рассматриваемом деле.

45. Согласно практике рассмотрения Европейским Судом предыдущих дел, норма не может считаться «законом», если она не сформулирована с достаточной точностью, чтобы дать возможность гражданам — если понадобится с помощью консультации — предвидеть, насколько возможны в данных обстоятельствах последствия, которые может повлечь данное действие (см. среди прочих источников, вышеупомянутое Постановление по делу «Мюллер и другие против Швейцарии», Серия А, № 133, с. 20, § 29). Тем не менее опыт показывает, что невозможно достичь абсолютной точности в формулировке законов, в особенности в тех сферах, где ситуация изменяется согласно преобладающим представлениям в обществе (см. там же).

В рассматриваемом деле правовая основа санкций, на которые подана жалоба, полностью находится в сфере специальных профессиональных правил адвокатов. Статья 106 Постановления от 9 июня 1972 г. однозначно гласит, что у каждого адвоката, даже за пределами профессиональной деятельности, есть особые обязательства (см. § 25 настоящего Постановления). Кассационный суд вынес решение о том, что эти обязательства включают уважение к судебной власти (см. § 27 настоящего Постановления).

Учитывая изложенное выше, следует вывод, что нарушение было «предусмотрено законом».

2. Законная цель

46. По утверждению заявителя, санкции не преследовали законную цель; они препятствовали ему в выражении мнений и требований.

Правительство, с другой стороны, обосновало применение санкций необходимостью «предотвратить беспорядок».

47. Из показаний очевидно, что г-н Эзелин подвергся наказанию за то, что не отмежевался от неконтролируемых событий, которые произошли во время демонстрации. Как заметила Комиссия, власти придерживаются мнения, что такое отношение отражает тот факт, что заявитель как адвокат одобрял и активно поддерживал такие нарушения. Следовательно, вмешательство преследовало законную цель «предотвращения беспорядка».

3. «Необходимость в демократическом обществе»

48. Согласно доводам заявителя вмешательство, послужившее основанием для жалобы не было «необходимо в демократическом обществе». По его словам, заявлять о том, что он должен был покинуть

шествие для того, чтобы выразить свое неодобрение действий, совершенных другими демонстрантами, значит отрицать его право на свободу мирных собраний.

49. Правительство, с другой стороны, привело довод о том, что рассматриваемая мера, без сомнения, отвечала «общественной необходимости», учитывая, в частности, работу г-на Эзелина в качестве адвоката, а также местные особенности.

Не отмежевавшись от неконтролируемых событий, которые произошли во время демонстрации, заявитель *ipso facto* одобрил их. Более того, Правительство заявило, что для институтов судебной власти было важно отреагировать на поведение «представителя суда» (*auxiliaries de la justice*), которое причинило серьезный ущерб авторитету судебной власти и уважению судебных решений. Наконец, серьезность нарушений профессиональных обязанностей, вмененных заявителю, оправдывает наложенные на него санкции, которые представляли собой легкое символическое наказание, не нарушившее принцип пропорциональности, изложенный в предыдущих решениях суда.

50. Комиссия возразила, что дисциплинарное наказание, основанное на впечатлении от поведения г-на Эзелина, не соотносится со строгим требованием «сильной общественной необходимости» и, таким образом, не может считаться «необходимым в демократическом обществе».

51. Европейский Суд рассмотрел обсуждаемые дисциплинарные санкции в свете дела в целом, для того чтобы установить, были ли они пропорциональны преследуемой законной цели, учитывая общественную значимость свободы мирных собраний и свободы выражения мнения, которые тесно связаны в этом случае.

52. Принцип пропорциональности требует соблюдения баланса между преследуемыми целями, перечисленными в пункте 2 статьи 11 Конвенции, и требованиями гарантий свободы выражения мнения через слово, жесты или даже молчание людей, собравшихся на улице или в других публичных местах. Стремление к справедливому балансу не должно приводить к тому, что опасение применения дисциплинарных санкций будет препятствовать адвокатам в выражении своего мнения.

53. Следует признать, что наказание, наложенное на г-на Эзелина, находится в самом низу шкалы дисциплинарных наказаний, перечисленных в статье 107 Постановления от 9 июня 1972 г. (см. § 25 настоящего Постановления). Оно имело в большей степени моральное значение, так как не влекло за собой никакого, даже временного, запрета на работу по профессии или на членство в Совете коллегии адвокатов. Тем не менее Европейский Суд полагает, что свобода принимать участие в мирных собраниях — в данном случае в незапрещенной демонстрации — настолько важна, что не может быть ограничена нико-

им образом, даже для адвоката, если только сам человек не совершит предосудительных действий на таком мероприятии. То есть санкции, послужившие предметом жалобы, какими бы минимальными они не были, не кажутся «необходимыми в демократическом обществе». Соответственно, это является нарушением статьи 11 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 50 КОНВЕНЦИИ

54. Статья 50 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Европейского Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне».

В соответствии с этим положением заявитель потребовал компенсации ущерба и возмещения судебных издержек.

А. Ущерб

55. Г-н Эзелин потребовал компенсации за нематериальный ущерб в размере 25 000 французских франков на основании того, что последовавшие публикации о санкциях, которые послужили предметом жалобы в правовых журналах и местной прессе, нанесли ущерб его репутации и интересам.

56. Правительство оставило этот вопрос на усмотрение Европейского Суда в случае, если он решит, что ущерб действительно был нанесен.

Делегат Комиссии заявил, что компенсация должна быть назначена, но не предложил конкретной суммы.

57. Учитывая обстоятельства дела, признание того факта, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции, компенсация ущерба, причиненного г-ну Эзелину, является справедливой.

В. Судебные издержки и расходы

58. Заявитель также потребовал возмещения судебных издержек, понесенных в Кассационном суде (15 000 французских франков) и в институтах Конвенции (Комиссии — 10 000 французских франков,

Европейском Суде — 15 000 французских франков), в общем размере 40 000 французских франков.

Правительство и делегаты Комиссии не дали никаких комментариев.

59. На основании имеющейся информации и предыдущих решений Европейский Суд, рассмотрев их беспристрастно, полностью признает требования заявителя.

На основании изложенного Европейский Суд:

1) *постановил* единогласно, что нет необходимости рассматривать дело отдельно по статье 10 Конвенции;

2) *постановил* шестью голосами против трех, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;

3) *постановил* единогласно, что само данное решение является достаточной справедливой компенсацией предполагаемого нематериального ущерба;

4) *постановил* единогласно, что Правительство-ответчик должно возместить заявителю издержки и расходы в размере 40 000 (сорока тысяч) французских франков.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в г. Страсбурге 26 апреля 1991 г.

Р. Риссдал
Председатель Палаты Суда

М.-А. Эйссен
Секретарь Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 51 Конвенции и пунктом 2 Правила 53 Регламента Суда к решению прилагаются следующие мнения:

(a) частично особое мнение судьи Р. Риссдала;

(b) особое мнение судьи Ф. Матшера;

(c) особое мнение судьи Л.-Э. Петтити;

(d) совпадающее с мнением большинства мнение судьи Ж. Де Мейера.

Р. Риссдал
Председатель Палаты Суда

М.-А. Эйссен
Секретарь Суда

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Р. РИССДАЛА

Я согласен с тем, что нет необходимости рассматривать дело отдельно по статье 10 Конвенции и что имело место нарушение права г-на Эзелина на свободу мирных собраний по статье 11 Конвенции. Я также считаю, что оно было предписано законом и преследовало законную цель согласно пункту 2 статьи 11 Конвенции, а именно предотвращение беспорядка. Тем не менее основной вопрос заключается в том, было ли вмешательство необходимым в демократическом обществе. Именно в отношении этого вопроса мои взгляды отличаются от большинства мнений судей в Европейском Суде.

Французский дисциплинарный кодекс юристов может отличаться от кодексов других стран, особенно в отношении применения дисциплинарных санкций к адвокату за «нарушение принципов неподкупности, честности и беспристрастности», как установлено статьей 106 Положения от 9 июня 1972 г. Однако государству может быть предоставлена определенная свобода усмотрения при признании необходимости в демократическом обществе установления правил, определяющих профессиональное поведение, и принятии решений о том, были ли они нарушены в каждом конкретном случае.

Несмотря на то, что мнения относительно того, было ли уместным решение Апелляционного суда, подтвержденное Кассационным судом, могут отличаться, я не могу сказать, что дисциплинарная санкция в виде выговора за два профессиональных проступка г-на Эзелина вышла далеко за пределы усмотрения национальных властей. Необходимо отметить, что в существующей шкале наказаний выговор является одной из самых мягких дисциплинарных санкций, которая в данном случае не повлекла никаких ограничений на свободу заявителя заниматься юриспруденцией.

Таким образом, я заключаю, что нарушение статьи 11 Конвенции не имело места в настоящем случае.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Ф. МАТШЕРА

Европейская конвенция не включает напрямую никаких правил, относящихся к профессиональной этике. Она относит их к компетенции сторон. Очевидно, что национальные правила должны согласовываться с Конвенцией, но в этой сфере стороны имеют право на достаточно большую степень усмотрения.

Отношение к поведению членов коллегии адвокатов может отличаться в разных странах. По правилам Франции члены коллегии адвокатов должны соблюдать «беспристрастность» (*délicatesse*). Ту же идею,

хотя и сформулированную по-другому, можно найти в законодательстве или профессиональных правилах нескольких европейских стран.

По моему мнению, нет ни малейшего сомнения — в свете обстоятельств дела, изложенных в документах — в том, что заявитель серьезно нарушил обязанность соблюдать «беспристрастность», предписанную ему как адвокату профессиональными этическими правилами. (Под обстоятельствами дела имеются в виду открытое участие в демонстрации, в ходе которой слишком активные участники выкрикивали и писали на стенах зданий оскорбления и угрозы против судей и полиции, при этом заявитель ассоциировал себя с демонстрантами, оскорбительное поведение по отношению к судье, который вызвал его для допроса.)

Насколько я понимаю, остается неопределенным вопрос о том, можно ли требовать от адвоката соблюдать правило «беспристрастности» в сегодняшнем либеральном обществе, или, используя язык Конвенции (или язык предыдущих постановлений Европейского Суда), была ли санкция (которая в любом случае была минимальной и, следовательно, пропорциональной в данных обстоятельствах), наложенная за поведение, противоречащее требованию «беспристрастности», «необходимой в демократическом обществе».

Большинство судей в Европейском Суде полагает, что нет. Однако по изложенным мною причинам я не могу разделить их мнение.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Л.-Э. ПЕТТИТИ

Я не проголосовал вместе с большинством судей по следующим причинам.

Я полагаю, что большинство судей, так же как и Комиссия, ограничились рассмотрением дела в аспекте статьи 11 Конвенции. Тем не менее имел место и второй аспект.

1. Что касается свободы проведения демонстраций и толкования пункта 2 статьи 11 Конвенции, неочевидно, что минимальные, исключительно моральные санкции, наложенные после происшествия, имели достаточно сильное действие, чтобы препятствовать свободе демонстраций.

Что касается остального, то большинство судей не уделили необходимого внимания пределам пропорциональности в деле (см., в том числе, Постановление Европейского Суда по делам «Хандисайд против Соединенного Королевства», «Мюллер и другие против Швейцарии» и «Маркт Интерн против ФРГ».

2. Другой аспект был затронут представителем Правительства Франции в меморандуме и на слушаниях: может ли государство регулировать отношения между судебной властью и коллегией адвокатов в области профессиональной этики так, чтобы иметь возможность оценивать по-

ведение участников судебного процесса с точки зрения беспристрастности, которая требуется от членов коллегии адвокатов и судей, в случае этой демонстрации или в отношении других отдельных происшествий?

Если так, согласуются ли санкции, наложенные в результате дисциплинарного рассмотрения и на основании национального законодательства, с положениями Конвенции с точки зрения предела свободы усмотрения/пропорциональности?

Я не смог найти точного ответа на эти два вопроса в обосновании Постановления Европейского Суда.

По первому вопросу, с моей точки зрения, большинство судей не обосновали свой довод о том, что последовавшие санкции могли отвлечь человека от участия в другой демонстрации в дальнейшем.

Если это действительно так, необходимо в каждом случае выражать мнение относительно пропорциональности: уточняя, когда примененные санкции становятся непропорциональными? Европейский Суд мог бы принять подход, основанный на аргументах, изложенных в деле «Альберт и Ле Комт против Бельгии» при определении критериев применения статьи 6 Конвенции в связи с соблюдением гражданских прав и обязанностей. Более того, были ли опротестованные санкции сдерживающим средством или исключительно символической мерой?

Требование о том, что вмешательство, признанное законным, должно быть пропорционально соблюдению общественного интереса, предполагает прямо пропорциональное соотношение между этими элементами.

В тех случаях, когда Европейский Суд оценивает это соотношение, он рассматривает его в общем виде, в свете пределов свободы усмотрения, находящейся в компетенции государств. Тем не менее я не нахожу в настоящей аргументации Европейского Суда этих обычных критериев ни в отношении сильной общественной необходимости, ни в отношении необходимости в демократическом обществе. Комиссия и Европейский Суд сосредоточились в основном на рассмотрении вопроса свободы демонстраций.

Не было никакой критики, основанной на положениях Конвенции и направленной на поведение властей в отношении самой демонстрации. Европейский Суд истолковал статью 11 Конвенции с точки зрения последовавших санкций.

Поскольку Европейский Суд утверждает, что статью 10 Конвенции нужно рассматривать как *lex generalis* по отношению к статье 11 Конвенции, *lex specialis*, и, следовательно, нет необходимости рассматривать статью 10 Конвенции отдельно, постольку необходимо заметить, что пункт 2 статьи 10 Конвенции гласит следующее:

«Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограниче-

ниями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступности, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Сходное понятие можно найти в анализе пропорциональности.

В § 52 настоящего Постановления Европейский Суд сослался на необходимость установить справедливый баланс, чтобы не препятствовать отдельным лицам в выражении их взглядов, а в § 53 говорится, что свобода участия в собрании не может быть ограничена, пока человек не повел себя предосудительно.

Косвенно эта аргументация предполагает наличие ссылки на оценку пропорциональности или на определение того, что является предосудительным; это не было выражено прямо в постановлении Европейского Суда. Разумеется, диапазон решения Европейского Суда ограничен переданным в него делом, а также тем фактом, что рассмотрение Европейским Судом права свободно участвовать в демонстрациях вытеснило рассмотрение других проблем. Европейский Суд в кратком изложении дела заметил, что не было создано никаких препятствий на пути демонстрации, несмотря на ее противоречивый характер, и что ни одно уголовное дело не дошло до суда, все они закончились приказом об освобождении, который не оспаривался.

По другому вопросу обоснование решения может показаться спорным: большинство судей отвергает доводы Правительства относительно отказа давать показания (статья 109 Уголовно-процессуального кодекса), приняв точку зрения, что вызов в качестве свидетеля был следствием участия в демонстрации. Требования статьи 109 Кодекса применяются вне зависимости от фактов, предшествовавших вызову к судье. Было бы предпочтительно в этой связи обратить внимание на особое положение адвокатов и соответствующую практику по этому вопросу, сложившуюся во Франции.

Мне также жаль, что большинство судей не сослалось на пределы свободы усмотрения, предоставленной государству в этой области и основанной на пунктах 2 статей 10 и 11 Конвенции. Если бы это было сделано, Европейский Суд, без сомнения, процитировал бы предыдущие решения, в которых указывается, что право на усмотрение предоставляется государствам в большей или меньшей степени в зависимости от рассматриваемых дел и статей.

Можно было бы заметить, что в случае отношений судья—адвокат и дисциплинарного расследования (правильное соотношение = поведе-

ние человека: суровость санкций) степень усмотрения может быть, по крайней мере, столь же широкой, как в делах Хандисайд и Маркт Интерн. Во всех случаях неизбежно возникал вопрос пропорциональности, который нужно было рассматривать и определять, что не было сделано.

Поскольку Европейский Суд, согласившись с Комиссией по этому вопросу, не рассматривал напрямую (см. § 33 настоящего Постановления) проблему отношений судья—адвокат в свете статей 106 и 107 Постановления от 9 июня 1972 г. и статьи 8 Акта от 15 июня 1982 г. в отношении присяги, решение оставляет вопрос соответствия этих положений Конвенции открытым. Совет коллегии адвокатов также отметил вышеупомянутые положения, потому что в пункте 2 исполнительной части его решения он напомнил всей коллегии о «традиционных правилах хорошего поведения и разумного рассмотрения в суде во всех действиях, в которые они могут быть вовлечены в качестве адвоката».

Таким образом, существует парадокс, который может сделать аргументацию суда противоречивой. Поскольку дисциплинарные санкции поставлены в зависимость от наличия наказуемого или предосудительного поведения, власти поощряются в принятии решений по уголовным делам, в то время как французская традиция, особенно в отношении обвинения по мелким делам, предпочитает оставлять дело для рассмотрения в рамках дисциплинарного расследования по статье 106.

Европейский Суд, как и Комиссия, показал важность свободы демонстраций, но создало ли рассматриваемое дело подходящий прецедент для выражения этого принципа?

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Ж. ДЕ МЕЙЕРА

Я охотно признаю, что «не было необходимости в отдельном рассмотрении дела по статье 10 Конвенции». Но, по моему мнению, это должно было означать, что необходимо рассмотреть его не просто в связи со статьей 11 Конвенции, даже рассматривая эту статью «в свете статьи 10 Конвенции», а, скорее, в связи с обеими статьями, взятыми вместе.

Принимая участие в рассматриваемой демонстрации, заявитель фактически воспользовался и свободой выражения мнения, и свободой собраний, и поведение, вызвавшее критику, имело место как в рамках первого, так и последнего. В этом случае обе свободы были «тесно связаны»: соблюдение каждой из них было неотъемлемо связано с соблюдением другой.

По моему мнению, аргументация, выдвинутая в решении, показывает, что имело место нарушение и свободы выражения мнения, и свободы собраний.

**СТАНКОВ И ОБЪЕДИНЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАКЕДОНИИ
«ИЛИНДЕН» ПРОТИВ БОЛГАРИИ¹
(Stankov and the United Macedonian Organisation
«Ilinden» v. Bulgaria)**

Жалобы №№ 29221/95, 29225/95

Постановление Суда

Страсбург, 2 октября 2001 г.

По делу «Станков и Объединенная организация Македонии “Илинден” против Болгарии» Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) (Секция А), заседая в составе:

Е. Палма (Е. Palm), *Председателя Секции*,

В. Томассена (W. Thomassen),

Л. Феррари Браво (L. Ferrari Bravo),

Ж. Кассадевала (J. Casadevall),

Б. Зупанчича (B. Zupancic),

Т. Пантиру (T. Pantiru),

С. Ботучаровой (S. Botoucharova), *судей*,

а также М. О’Бойл (М. О’Boyle), *Секретаря Суда*, проведя 17 октября 2000 г. и 11 сентября 2001 г. закрытые заседания, вынес следующее Постановление в последний из вышеуказанных дней.

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело инициировано жалобами (№№ 29221/95 и 29225/95), поданными Борисом Станковым (Boris Stankov) и Объединенной организацией Македонии «Илинден» (далее — заявители) в Европейскую Комиссию по правам человека против Республики Болгария в соответствии с бывшей статьей 25 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция). Жалобы были поданы 29 июля 1994 г. Дополнительные жалобы подавались в различное время с 1994 по 1997 г. (см. приложение к Частичному решению Европейской Комиссии о приемлемости жалобы от 21 октября 1996 г. и Окончательное решение Европейской Комиссии о приемлемости жалобы от 29 июня 1998 г.).

2. Заявители назначили в качестве своего представителя в Европейском Суде Йордана Костадинова Иванова (Jordan Kostadinov Ivanov),

¹ Перевод с английского выполнен М.В. Виноградовым.

гражданина Болгарии из г. Сандански (Sandanski), который некоторое время являлся председателем ассоциации-заявителя. В июне 1998 г. Иванов в свою очередь назначил представителем Л. Хинкера (L. Hincker), адвоката из г. Страсбурга. Л. Хинкер впервые обратился в Европейский Суд 19 июня 1998 г., но не участвовал в разбирательстве до устных слушаний (см. § 7 настоящего Постановления).

Власти Болгарии были представлены Г. Самарасом (G. Samaras), Министерство юстиции Болгарии.

3. Заявители жаловались на нарушение статьи 11 Конвенции в связи с отказом властей Болгарии в проведении их мемориальных собраний 31 июля 1994 г., 22 апреля и 30 июля 1995 г., 20 апреля и 2 августа 1997 г.

4. Объединив жалобы и объявив их 21 октября 1996 г. частично неприемлемыми, 29 июня 1998 г. Европейская Комиссия объявила оставшуюся часть жалобы приемлемой для рассмотрения по существу. Поскольку Европейская Комиссия не закончила рассмотрение дела до 1 ноября 1999 г., дело было передано в Европейский Суд в этот же день в соответствии со вторым предложением пункта 3 статьи 5 Протокола № 11 к Конвенции.

5. Жалоба была передана на рассмотрение в Секцию А Европейского Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента). В рамках данной Секции для рассмотрения дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции) была созвана Палата в соответствии с пунктом 1 Правила 26 Регламента.

6. В письме от 9 мая 2000 г. сторонам было предложено представить письменные доводы по существу дела до 30 июня 2000 г.

Письмом от 22 июня 2000 г. заявители представили короткие письменные доводы по существу дела. Меморандум властей Болгарии был представлен 25 июня 2000 г.

7. Слушания по делу, первоначально назначенные на 12 сентября 2000 г., но отложенные по просьбе властей Болгарии, проходили во Дворце прав человека в г. Страсбурге 17 октября 2000 г. (пункт 2 Правила 59 Регламента).

В Европейский Суд явились:

(a) от имени Правительства Болгарии:

Г. Самарас, Министерство юстиции Болгарии;

(b) от имени заявителей:

Л. Хинкер, адвокат,

М. Лемэтр (M. Lemaitre), советник.

Также присутствовал председатель ассоциации-заявителя Йордан Костадинов Иванов.

Европейский Суд заслушал обращения Л. Хинкера и Г. Самараса.

8. 24 октября 2000 г. адвокат заявителей подал письменные доводы о требовании справедливой компенсации, заявленные на устных слушаниях по делу. Власти Болгарии дали на них свой ответ 29 декабря 2000 г.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Объединенная организация Македонии «Илинден» (далее — ассоциация-заявитель, или ассоциация «Илинден») является ассоциацией, находящейся в юго-восточной части Болгарии (в местности, известной как Пиринская область или географический район Пиринская Македония).

Борис Станков — гражданин Болгарии, 1926 года рождения, проживает в г. Петрич (*Petrich*). В данное время он являлся председателем подразделения ассоциации-заявителя.

А. Предыстория дела

1. Основание и роспуск ассоциации-заявителя

10. Объединенная организация Македонии «Илинден» была основана 14 апреля 1990 г. Ее целью, согласно уставу и программе, являлось «объединение всех македонцев Болгарии на региональной и культурной основе» и установление «признания македонского национального меньшинства в Болгарии». Статьи 8 и 9 устава гласили, что организация не будет подрывать территориальную целостность Болгарии и «не будет использовать насилие, жестокие, бесчеловечные или незаконные способы».

Согласно доводам заявителей, предъявленным в Европейский Суд, основной деятельностью ассоциации-заявителя являлась организация празднований памятных исторических событий, важных для македонцев, проживающих в Болгарии. На протяжении некоторого времени ассоциация-заявитель издавала газету.

11. В 1990 г. ассоциация «Илинден» подала документы на регистрацию, но ей в этом было отказано. В ходе судебного разбирательства о правомочности отказа районный суд г. Благоевград и Верховный суд Болгарии изучили устав ассоциации, ее программу и другие письменные источники.

12. В своих решениях от июля и ноября 1990 г. и марта 1991 г. суды признавали, что цели ассоциации-заявителя были направлены против целостности нации, что ассоциация способствовала национальной и

этнической вражде и является опасной для территориальной целостности Болгарии. Таким образом, ее регистрация противоречила бы статьям 3, 8 и части 3 статьи 52 Конституции Болгарии 1971 г., действовавшей в то время. В частности, цели ассоциации включали в себя «политическое развитие Македонии» и создание «объединенного независимого македонского государства». Более того, в жалобе, поданной в Верховный суд, ассоциация заявила, что «македонский народ не приемлет болгарское, греческое или сербское правление». Формальное заявление устава ассоциации-заявителя о том, что она не посягает на территориальную целостность Болгарии, оказалось противоречащим остальным материалам.

13. Постановление Верховного суда Болгарии от 11 марта 1991 г. гласит:

«Низшие суды правильно установили, что цели [ассоциации-заявителя] согласно ее уставу и программе направлены против единства нации... [Материалы дела] свидетельствуют о том, что ассоциация-заявитель стремится распространить идею македонизма среди населения Болгарии, особенно в определенных географических областях. [Эти идеи] предполагают “денационализацию” населения Болгарии и его превращение в население Македонии... Следовательно, цели [ассоциации-заявителя] направлены против единства нации и, таким образом, являются запрещенными частью 3 статьи 35 Конституции [1971 года]...».

14. Сторонами не оспаривалось, что в соответствующее время у ассоциации-заявителя произошла смена лидера и в ней происходил внутренний конфликт. Ее местные подразделения и отдельные группы имели различные взгляды и осуществляли разную деятельность.

2. Митинги, проводившиеся до рассматриваемого периода

15. Ассоциация-заявитель в первый раз провела митинг 22 апреля 1990 г. в монастыре Рожен, у памятника Яне Сандански.

16. 20 апреля 1991 г. ассоциация-заявитель организовала памятный митинг в монастыре Рожен. Участники приняли декларацию, поданную президенту Болгарии и парламенту, в которой указывалось:

«1. Наши права как меньшинства, которых мы были лишены, должны быть гарантированы нам в соответствии с международными соглашениями о национальных меньшинствах.

В связи с этим мы выдвигаем требования:

2. Введение изучения македонского языка, истории и культуры Македонии во всех образовательных учреждениях Пиринской Македонии.

3. Право на радио- и телевизионное вещание на македонском языке.

<...>

5. Нужно положить конец процессам ассимиляции и разрушения македонской культуры.

6. Право на издание литературы на македонском языке.

7. ...Чтобы Македонская церковь была независимой...

8. Чтобы все политические партии Болгарии на территории Пиринской Македонии были распущены или переименованы в македонские; они должны защищать национальные права народа Македонии.

<...>

14. Полная культурная, экономическая и политическая автономия Пиринской Македонии и вывод оккупационных войск Болгарии из Пиринской Македонии...

<...>

16. Если власти Болгарии не ответят положительно на наши требования, ассоциация «Илинден» обратится в Организацию Объединенных Наций, Конференцию по безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейский парламент, к Великим державам в интересах сохранения мира на Балканах и в Европе, в целях избежания военных конфликтов ввиду чрезвычайного национализма в Болгарии, Сербии, Греции и Албании, со следующими требованиями: аннулировать сепаратистский военный союз от 20 февраля 1912 г. Болгарии, Сербии и Греции, вывести войска захватчиков с оккупированных территорий, <...> способствовать объединению Македонии под руководством ООН и защитой Великих Наций <...>».

17. Согласно отчету полиции, составленному в 1998 г. начальником полиции района и поданному в Европейский Суд властями Болгарии, на митингах 22 апреля 1990 г. и 20 апреля 1991 г. были сделаны «агрессивные антиболгарские заявления». В частности, 22 апреля 1990 г. была зачитана декларация с требованием признания македонского меньшинства и его культурной автономии. В отчете не отмечены какие-либо инциденты, произошедшие на этом митинге.

В отчете по митингу 20 апреля 1991 г. сказано, что 300—350 сторонников ассоциации «Илинден» собрались в ходе проведения официального поминовения годовщины смерти Яне Сандански, на которое пришли около 4 000 участников. Члены ассоциации «Илинден» стояли на отдельной платформе и, предположительно, освистывали сотрудников полиции, называли болгар «варварами», «завоевателями» и «поработителями», призывали их «освободить» регион от своего присутствия. В отчете далее указывалось, что произошел «шокирующий» инцидент: лицо известного политика Б. (В.) облили пивом. Предположительно, полиция предотвратила дальнейшие беспорядки. В отчете сделаны выводы:

«...Акции, организованные ассоциацией «Илинден», имели провокационный характер. Существовала реальная опасность возникновения инцидентов. По этим причинам с 1992 г. муниципальные органы власти обычно отказывают в разрешении проведения таких акций. В целях за-

щиты правопорядка обычно прибегают к помощи органов прокуратуры и полиции».

18. Заявители представили копии фотографий, письменные показания и заявления лиц, которые утверждали, что несколько раз с 1990 по 1994 г. осуществлялись действия со стороны полиции и частных лиц, препятствующие деятельности ассоциации-заявителя.

Они также представили копии газетных статей, в которых ассоциация «Илинден» обвинялась в оскорблении национальных символов Болгарии, ее лидеры описывались как необразованные, умственно отсталые лица, изменники, отрицалось присутствие македонского национального меньшинства в Болгарии. Заявители утверждали, что эти статьи повлияли на общественное мнение Болгарии, которым власти манипулировали.

В. Запреты проведения митингов в рассматриваемый период

1. События июля 1994 г.

19. В июле 1994 г. Станков, будучи председателем подразделения ассоциации-заявителя в г. Петриче, запросил у мэра г. Петрича разрешение на проведение митинга в районе Самуиловой крепости 31 июля 1994 г. в память об историческом событии. 13 июля 1994 г. мэр города в разрешении отказал, но причин отказа не привел. Ассоциация-заявитель обратилась в районный суд г. Петрича, который 16 июля 1994 г. оставил заявление без удовлетворения. Районный суд признал, что, поскольку ассоциации-заявителю было отказано в регистрации, существуют достаточные основания того, что демонстрация станет опасной для общественного порядка и может нарушить права и свободы других лиц.

28 июля 1994 г. Йордану Костадинову Иванову, представителю ассоциации-заявителя, прислали письменное предупреждение от полиции воздержаться от участия в традиционной ярмарке в Самуиловой крепости. Предупреждение было обосновано применимыми положениями права.

20. Несмотря на отказ властей, 31 июля 1994 г. некоторые члены ассоциации-заявителя (по утверждению заявителей, их было 120–150 человек) попытались приблизиться к исторической части Самуиловой крепости, но силы полиции, которые, по словам заявителей, были хорошо вооружены, блокировали им путь.

По утверждению властей Болгарии, заявления о том, что местность была блокирована, являются «явно необоснованными».

2. События апреля 1995 г.

21. 10 апреля 1995 г. ассоциация-заявитель попросила мэра г. Сандански санкционировать проведение 22 апреля 1995 г. митинга на могиле Яне Сандански в монастыре Рожен в память о 80-летней годовщине его смерти.

14 апреля 1995 г. в проведении митинга было отказано, поскольку ассоциация-заявитель не была надлежащим образом зарегистрирована. 15 апреля 1995 г. ассоциация-заявитель обратилась в районный суд г. Сандански, утверждая, что в нарушение международного права, народ Македонии лишен права на свою собственную культурную жизнь. Районный суд не рассматривал эту жалобу.

22. 22 апреля 1995 г. муниципалитет г. Сандански принял решение о проведении официальной церемонии памяти годовщины смерти Яне Сандански. Церемония началась примерно в 10 часов.

Заявители утверждали, что группе их сторонников, приехавших в монастырь Рожен 22 апреля 1995 г., сотрудниками полиции было приказано оставить свои машины в г. Мельник, находящемся неподалеку, и доехать до монастыря общественным транспортом. Там им позволили посетить могилу, возложить венок и зажечь свечи. Однако им не разрешили принести с собой плакаты, щиты и музыкальные инструменты, которые они привезли, и произносить речи у могилы. Предположительно, полиция сняла ленточку с венка. Участники отметили событие без музыки возле монастыря, но вдали от могилы.

3. События июля 1995 г.

23. В июле 1995 г. ассоциация-заявитель снова попросила санкционировать проведение памятного митинга 30 июля 1995 г. в Самуиловой крепости, историческом месте вблизи г. Петрича. 14 июля 1995 г. мэр г. Петрича отказал в этом, не указав причин. По жалобе ассоциации-заявителя отказ был утвержден постановлением районного суда г. Петрича 18 июля 1995 г. Районный суд признал, что «проведение памятного митинга ассоциацией “Илинден” 30 июля 1995 г. в Самуиловой крепости может представлять собой опасность для общественного порядка».

4. События апреля 1997 г.

24. 8 апреля 1997 г. ассоциация-заявитель проинформировала мэра г. Сандански и местную полицию, что она проведет митинг 20 апреля 1997 г. в монастыре Рожен в память о годовщине смерти Яне Сандански. В письме мэру она указывала, что Яне Сандански,

который в Болгарии считается болгарским национальным героем, в действительности был «македонским борцом за национальную независимость Македонии от турецкого господства и против болгарских угнетателей».

11 апреля 1997 г. мэр отказался предоставить такое разрешение. Он указывал, что разрешение на проведение дня памяти по такому историческому событию было запрошено директором местной средней школы 4 апреля 1997 г. Далее мэр объяснил, что день памяти будет организован совместно школой и муниципалитетом и что «каждый может прийти лично».

25. 15 апреля 1997 г. ассоциация «Илинден» подала жалобу в районный суд г. Сандански на отказ мэра, утверждая, что он не позволил ей организовать митинг на могиле их национального героя в качестве «отдельного этнического сообщества».

17 апреля 1997 г. председатель районного суда г. Сандански издал приказ, в котором содержался отказ в рассмотрении жалобы по существу, поскольку она была подана от имени незарегистрированной организации.

26. День, когда приказ был доведен до ассоциации-заявителя, не установлен. Заявители изначально отрицали, что получали ответ на их жалобу, но в более поздних доводах, представленных в Европейскую Комиссию, указывали, что 5 мая 1997 г. они ознакомились с приказом от 17 апреля 1997 г.

27. Поскольку ошибки в жалобе не были исправлены в установленный законом семидневный срок, 5 мая 1997 г. председатель районного суда г. Сандански принял решение о прекращении рассмотрения жалобы. Это решение было доведено до ассоциации-заявителя 13 августа 1997 г.

28. Заявители утверждали, что 20 апреля 1997 г. силы полиции не разрешили группе их сторонников приблизиться к монастырю Рожен, а двое были подвергнуты жестокому обращению. Они утверждали, что 20 апреля 1997 г. только 13 учеников и двое учителей из местной средней школы пришли в монастырь Рожен. Ученики возложили венок в присутствии полиции и ушли две минуты спустя.

5. События июля и августа 1997 г.

29. 14 июля 1997 г. Станков, будучи председателем подразделения ассоциации в г. Петриче, запросил разрешение на проведение памятного митинга 2 августа 1997 г. в Самуиловой крепости в пригороде г. Петрича. 17 июля 1997 г. мэр отказал в этой просьбе, отметив, что ассоциация-заявитель не является «зарегистрированной организацией».

30. 20 июля 1997 г. ассоциация-заявитель обжаловала в районном суде г. Петрича отказ мэра, утверждая, что нет положения закона, запрещающего проведение митингов организациями, которые не являются «зарегистрированными», и что планируемая общественная акция будет мирной и не будет представлять угрозы общественному порядку.

Решением от 1 августа 1997 г. районный суд г. Петрича отклонил жалобу по существу. Он установил, что ассоциация-заявитель не была надлежащим образом зарегистрирована «в соответствии с законодательством государства», а также не было доказано, что лица, действовавшие от ее имени, действительно ее представляли. В результате оказалось неясно, кто организует акцию и будет ответственен за поддержание порядка во время митинга согласно статьям 9 и 10 Закона о порядке проведения митингов и шествий. Районный суд пришел к выводу, что неясность относительно организаторов акции представляет собой угрозу общественному порядку и реализации прав и свобод других лиц.

31. Заявители утверждали, что 2 августа 1997 г. полиция не позволила группе сторонников ассоциации-заявителя посетить историческое место вблизи г. Петрича.

С. Иные доказательства, касающиеся целей и деятельности ассоциации-заявителя и ее сторонников

32. Стороны представили доводы и копии документов, касающихся деятельности ассоциации-заявителя.

Оказалось, что некоторые документы, на которые ссылались власти Болгарии, касаются утверждений лиц, принадлежащих к фракциям или подразделениям ассоциации-заявителя. Эти группы явно расходятся в своих взглядах и деятельности.

33. Власти Болгарии ссылались на декларацию от 20 апреля 1991 г. (см. § 16 настоящего Постановления), на отчет полиции относительно митингов, состоявшихся в 1990 и 1991 гг. (см. § 17 настоящего Постановления) и на иные материалы.

Власти Болгарии отмечали, что в ходе митингов в письмах в различные органы и заявлениях в средствах массовой информации лица, являющиеся членами ассоциации-заявителя, и ее сторонники заявляли, что желают, чтобы болгары покинули Пиринскую Македонию, и утверждали, что «не может быть мира на Балканах до тех пор, пока болгары, греки и все остальные не признают национальные права македонского народа, и ни в одном балканском государстве не будет демократии без этого признания».

34. Власти Болгарии представили копии нескольких выпусков изданий «Вестник за Македонците в Балгария и По Света» и «Македонска

пошта», памфлеты, опубликованные одной из фракций, связанной с ассоциацией-заявителем, и копии материалов прессы. Они содержат информацию о закрытом собрании одной из фракций ассоциации-заявителя, состоявшемся 28 сентября 1997 г. Предположительно, на собрании было объявлено, что 10 августа 1998 г. Пиринская Македония станет «политически, экономически и культурно автономной» или независимой. Это должно было случиться, поскольку в этот день, спустя 85 лет после Бухарестского договора 1913 г., его Договаривающиеся Стороны, предположительно, должны были уйти с «порабощенных» македонских территорий.

Издание «Македонска пошта» далее призывало всех македонцев принять участие в процессии в г. Софии 3 августа 1998 г. В призыве говорилось, что ее участники не должны иметь при себе оружия.

35. Рукописный плакат, предположительно сделанный последователями ассоциации-заявителя в г. Петриче, призывал к бойкоту парламентских выборов 1994 г., чтобы «предотвратить установление законных болгарских властей» в Пиринской Македонии. Кроме того, в документе содержался призыв к созданию единого македонского государства и к вмешательству Совета Безопасности ООН «по модели Гренады, Кувейта и Гаити».

36. В призыве к бойкоту выборов 1997 г. указывалось, что македонцам следует воздержаться от голосования в знак протеста против непризнания их прав как национального меньшинства.

37. В обращении, опубликованном в прессе бывшей Югославской Республики Македония (далее — Македония), лидеры фракции, являющейся частью ассоциации-заявителя, критиковали власти Болгарии ввиду их отказа признать македонский язык и македонское национальное меньшинство в Болгарии и обратились к различным международным организациям с просьбой оказать давление на власти Болгарии.

38. Власти Болгарии предоставили копию «меморандума» от 1 июля 1997 г., направленного в ООН, подписанного активистами ассоциации-заявителя или ее фракции. В нем содержались краткое обозрение исторических событий, жалобы на обращение властей Болгарии и следующие основные требования: общие права национального меньшинства, доступ к государственным архивам Болгарии, возвращение конфискованных материалов, пересмотр истории Болгарии, пересмотр международных договоров 1912 и 1913 гг., роспуск «политической полиции», роспуск националистических и воинственных партий и организаций, регистрация ассоциации «Илинден» в качестве законной организации македонцев в Болгарии, ведение радиотрансляций на македонском языке, проведение расследований нарушений, совершенных против македонцев, предоставление экономической помощи.

В обращении также указывалось:

«...Осознавая нынешние экономические и политические реалии на Балканах, в Европе и в мире, мы не идем путем конфронтации, давления или насилия. Наш путь по получению наших прав как македонского национального меньшинства в Болгарии и Пиринской Македонии, где находятся наши этнические и исторические корни, — это путь мирных способов и переговоров...

Наши мирные и законные средства... — в пользу властей, которые... отрицают наличие македонского национального меньшинства. Наши демократические способы против нас: власти могут позволить себе использование политического, экономического и психологического давления и применение оружия».

39. В Европейском Суде власти Болгарии ссылались на постановление Конституционного суда Болгарии от 29 февраля 2000 г. по делу, касающемуся конституционности политической партии Объединенная организация Македонии «Илинден-Пирин» (далее — партия «УМОПИРИН»): партии экономического развития и интеграции населения, зарегистрированной компетентными органами в 1999 г. Конституционный суд признал, что цели партии направлены против территориальной целостности государства, и, следовательно, партия является неконституционной.

40. Конституционный суд отметил, что партия «УМОПИРИН» должна рассматриваться в качестве правопреемника или последователя ассоциации-заявителя. На этом основании Конституционный суд неоднократно ссылался на историю и деятельность ассоциации-заявителя при разрешении вопроса о том, являлась ли партия «УМОПИРИН» конституционной. В частности, Конституционный суд принял во внимание требования, указанные в декларации ассоциации-заявителя в 1991 г. (см. § 16 настоящего Постановления). Он также полагал, что карты региона, отображающие в качестве части Македонии территории Болгарии и Греции, были опубликованы ассоциацией-заявителем и что ею продолжались призывы к созданию автономии и даже к отделению от Болгарии. Конституционный суд далее отметил, что представители ассоциации-заявителя делали агрессивные замечания в адрес болгарской нации.

41. Таким образом, Конституционный суд признал, что ассоциация-заявитель и партия «УМОПИРИН» рассматривали регион Пирин в качестве территории, находящейся лишь под временным контролем Болгарии, которая скоро должна стать независимой. Их деятельность, таким образом, была направлена против территориальной целостности государства и запрещена как таковая пунктом 2 статьи 44 Конституции Болгарии 1991 г. Данный запрет соответствует пункту 2 статьи 11 Конвенции, и нет сомнений, что деятельность, направленная против

территориальной целостности государства, представляет собой угрозу национальной безопасности.

Постановление было принято девятью голосами против трех. Судьи, голосовавшие против, изложили свои особые мнения, которые не были опубликованы.

**Д. Доказательства, представленные властями Болгарии
в подтверждение их утверждения о том, что некоторые члены
ассоциации-заявителя владели оружием**

42. В подкрепление этих утверждений власти Болгарии представили копии двух документов.

43. Первый является копией статьи из ежедневной газеты «Континент» от 1–2 марта 1997 г. В газете сообщалось, что Д.П.К. (О.Р.К.) был арестован в г. Петриче за угрозы в адрес сотрудников полиции взорвать их дома, поскольку они мешали ведению его бизнеса. В ходе ареста полиция предположительно обнаружила взрывчатые вещества в доме Д.П.К. Далее в короткой публикации говорилось, что Д.П.К. был, предположительно, лидером ассоциации «Илинден» и «македонским активистом».

44. Второй довод представляет собой фотокопию листовки, в которой говорится о создании организации и содержится приглашение всем желающим вступить в нее. На листовке нет подписи. Предположительно, она датирована 1995 г. и, видимо, напечатана на машинке.

В листовке объяснялось, что новая Объединенная организация Македонии «Нова» (Нова) не желает заменить ассоциацию «Илинден». В ней также критиковались некоторые лидеры ассоциации-заявителя. Кроме того, в листовке говорилось, что новая организация сформирует военизированные группы, чтобы «помочь выжить Республике Македония».

45. Власти Болгарии не представили каких-либо комментариев или дополнительной информации о содержании двух поданных ими документов.

46. В ходе слушаний в Европейском Суде в ответ на вопрос, поставленный перед ними, представительница Правительства проинформировала Европейский Суд, что против членов ассоциации-заявителя уголовное разбирательство по фактам настоящего дела никогда не возбуждалось.

**Е. Краткое изложение властями Болгарии
исторического контекста**

47. Власти Болгарии подчеркнули, что информация об историческом контексте и текущей ситуации в Болгарии и на Балканах существенна

для понимания данного дела. Их объяснения можно кратко изложить следующим образом:

«Исторически болгарская нация сформировалась из жителей различных географических регионов, один из которых был географическим районом Македонии. В 1878 г., когда Болгария частично освободилась от турецкого господства, Берлинский мирный договор оставил регион “Македония” в границах Турции. С 1878 по 1913 г. болгарское население Македонии организовало пять безуспешных восстаний, чтобы освободиться от турецкого правления и объединиться с Болгарией. После этого произошла массовая миграция жителей из этого региона в Болгарию. Сотни тысяч македонских болгар поселились в Болгарию.

В 1934 г. так называемый македонский народ был впервые объявлен в резолюции Коммунистического Интернационала. До этого в данном регионе ни один достоверный исторический источник не упоминает никакой другой славянский народ, кроме как болгар. После Второй мировой войны коммунистическая власть в Югославии объявила концепцию отдельного выделения македонского народа. Были созданы отдельные язык и алфавит, введенные Декретом от 2 августа 1944 г. Массовая кампания ассимиляции, сопровождавшаяся жестокостью, была проведена в Югославии. Некоторое время Коммунистическая партия Болгарии, воодушевленная идеей создания Болгаро-Югославской федерации, также инициировала кампанию по насильственному насаждению “македонской” национальности населению региона Пиринская Македония. В 1946 и 1956 гг. была проведена перепись населения в данном регионе, чтобы объявить это население “македонцами”. Кампания была прекращена в 1963 г. частично в связи с отказом населения менять свою национальность. В тех частях географического региона Македонии, которые входили в Югославию, реалии биполярного мира времен “холодной войны”, когда отношения между Югославией и социалистическим блоком во главе с СССР были напряженными, обостряли ощущение безнадежности и озлобленности населения и чувства страха, что объединение с Болгарией никогда не станет возможным. Насильственное установление македонской национальности режимом Тито также сыграло решающую роль.

Таким образом, даже если процесс формирования нового народа имел место, он был ограничен территорией бывшей Югославской Республики Македония.

В ходе переписи населения 1992 г. только 3 019 граждан Болгарии указали свою национальность как македонскую и македонский в качестве их родного языка. Другие 7 784 отметили, что являются македонцами в географическом смысле, но указали свое болгарское национальное сознание и болгарский в качестве родного языка.

Лица, считающие себя македонцами, вовсе не притесняются в Болгарии. Они имеют собственную культурную и образовательную организацию “Светлина” (Светлина). Издаются книги и газеты на македонском языке».

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

48. Положения Конституции Болгарии от июля 1991 г.¹ относительно свободы собраний устанавливают следующее:

«Статья 43

1. Граждане имеют право собираться мирно и без оружия на собрания и манифестации.
2. Порядок организации и проведения собраний и манифестаций определяется законом.
3. Для собраний в закрытых помещениях разрешения не требуется.

Статья 44

<...>

2. Запрещаются организации, чья деятельность направлена против суверенитета, территориальной целостности страны и единства нации, к разжиганию расовой, национальной, этнической или религиозной вражды, к нарушению прав и свобод граждан, как и организации, которые создают тайные или военизированные структуры или стремятся достичь своих целей насильственным путем».

49. Правовые требования к проведению митингов содержатся в Законе о порядке проведения митингов и шествий 1990 г. Его положения устанавливают следующее:

«Статья 2

Митинги и шествия могут быть организованы частными лицами, ассоциациями, политическими и иными общественными организациями.

<...>

Статья 6

<...>

2. Каждый организатор или участник (шествия или митинга) несет ответственность за ущерб, причиненный в результате его ошибок в ходе (акции).

<...>

Статья 8

1. Если митинг проводится на улице, организаторы должны уведомить в письменном виде Народный Совет или мэрию не позднее чем за 48 часов до начала [митинга] и обязаны указать [имена] организаторов, цель [митинга] и место и время его проведения. <...>

¹ Здесь и далее текст Конституции Республики Болгария цит. по: Конституции государств Европы. В 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 394—422 (прим. переводчика).

Статья 9

1. Организаторы митинга должны принять все меры, необходимые для обеспечения поддержания порядка в ходе акции. <...>

Статья 10

1. Митинг должен возглавлять председатель.
2. Участники должны соблюдать инструкции председателя относительно соблюдения общественного порядка <...>».

50. Основания запретов на проведение митингов также установлены Законом о порядке проведения митингов и шествий:

«Статья 12

1. Если время или место проведения митинга или маршрут шествия создают ситуацию, угрожающую общественному порядку или безопасности дорожного движения, председатель Исполнительного Комитета Народного Совета или мэр предлагают варианты их изменения.

2. Председатель Исполнительного Комитета Народного Совета или мэр имеют право запретить проведение митинга, демонстрации или шествия, если есть достоверная информация о том, что:

1) мероприятие направлено на насильственную смену конституционного порядка или против территориальной целостности страны;

2) мероприятие представляет собой угрозу для правопорядка в местном сообществе;

3) мероприятие нарушает права и свободы других лиц.

3. Запрет налагается в письменной форме с приведением обоснования в срок не позднее чем через 24 часа после уведомления.

4. Организатор митинга, демонстрации или шествия может обжаловать запрет в Исполнительный Комитет Народного Совета в порядке, предусмотренном в следующих пунктах. Исполнительный Комитет принимает решение в течение 24 часов.

5. Если Исполнительный Комитет Народного Совета не принял решения в установленный срок, шествие, демонстрация или митинг могут быть проведены.

6. Если жалоба оставлена без удовлетворения, спор должен быть передан в соответствующий районный суд, который должен вынести решение в течение пяти дней. Решение суда является окончательным».

51. Закон о порядке проведения митингов и шествий был принят в 1990 г., когда действовала Конституция Болгарии 1971 г. Согласно этой Конституции местными органами исполнительной власти являлись исполнительные комитеты районных народных советов. Мэрами, на которых имеются ссылки в некоторых положениях Закона о порядке проведения митингов и шествий, являлись представители исполнительных комитетов, действовавших в деревнях и городах, которые находились под юрисдикцией соответствующих народных советов.

Конституция Болгарии 1991 г. отменила институт исполнительных комитетов и ввела пост мэра, избираемого прямым всеобщим голосованием в качестве «органа исполнительной власти муниципалитета» (статья 139 Конституции Болгарии).

ПРАВО

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ БОЛГАРИИ

52. Власти Болгарии напомнили и расширили свои возражения, сделанные на стадии рассмотрения приемлемости жалобы. Они считали, что определенные расхождения в утверждениях заявителей в различных органах власти показывают, что в жалобе имеют место злоупотребления институтом защиты их прав. Власти Болгарии далее утверждали, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, а жалобы являются явно необоснованными.

Комментируя решение Европейской Комиссии о праве ассоциации «Илинден» на обращение в Европейский Суд, власти Болгарии, не оспаривая в своем меморандуме вывод Европейской Комиссии, утверждали, что судебные решения 1990 и 1991 гг. (см. §§ 11–13 настоящего Постановления) имели правовое значение для запрета деятельности «Илинден» как ассоциации и как группы лиц. На устных слушаниях представительница Правительства попросила Европейский Суд признать на этих основаниях, что ассоциация-заявитель не имела права обращаться в Европейский Суд.

Статус Станкова не имеет никакого отношения к данному вопросу. Однако власти Болгарии считали, что он не был надлежащим образом представлен в Европейском Суде, поскольку не давал полномочий своему представителю Иванову делегировать свои права Хинкеру, который упоминал ассоциацию «Илинден» лишь в своем письме в Европейский Суд, указывая на свое участие в разбирательстве в качестве адвоката. Далее власти Болгарии в доводах по статье 41 Конвенции поставили под вопрос легитимность полномочий Хинкера по представлению ассоциации-заявителя, в то время как не было принято общее решение членов ассоциации, разрешающее Иванову делегировать свои права другому лицу.

53. Заявители предложили Европейскому Суду вынести решение по существу дела.

54. Европейский Суд напомнил, что согласно конвенционной системе, действующей после 1 ноября 1998 г., если власти государства-ответчика повторяют свои возражения, представленные и рассмотренные на стадии приемлемости жалобы, его задачей является установление

того, существуют ли особые обстоятельства, делающие необходимым повторное рассмотрение вопросов о приемлемости (см. Постановление Европейского Суда по делам «Беликова против Болгарии» (*Belikova v. Bulgaria*), жалоба № 41488/98, *ЕЧП*, 1999-У, § 57, и «Базич против Австрии» (*Basic v. Austria*), жалоба № 29800/96, § 34). Положения пункта 4 статьи 35 Конвенции, позволяющие Европейскому Суду объявлять жалобу неприемлемой на любой стадии разбирательства, не означают, что государство-ответчик может поставить вопрос о приемлемости жалобы на любой стадии разбирательства, если он мог быть поставлен раньше (см. пункт 88 Пояснительного отчета к Протоколу № 11 к Конвенции и Правило 55 Регламента), или напомнить, что они уже были отклонены.

55. В отличие от дел «Беликова против Болгарии» и «Базич против Австрии» в настоящем деле вопросы о приемлемости жалобы рассматривались Европейской Комиссией до вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции, а не Европейским Судом. Тем не менее Европейский Суд посчитал, что согласно пункту 3 статьи 35 Конвенции жалобы, объявленные приемлемыми Европейской Комиссией и переданные в Европейский Суд до того, как Европейская Комиссия завершила их изучение, должны считаться «приемлемыми». Постановление Палаты в таких делах не является окончательным и подлежит применению в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции. Таким образом, Суд установил, что в делах по пункту 3 статьи 5 Протокола № 11 к Конвенции вопросы приемлемости могут быть снова поставлены, если имеются особые обстоятельства, требующие подобного пересмотра.

56. В настоящем деле власти Болгарии особо напомнили свои возражения о приемлемости жалобы, которые уже были рассмотрены и отклонены Европейской Комиссией в решении от 29 июня 1998 г.

57. Европейский Суд отметил, что Европейская Комиссия подробно рассмотрела доводы властей Болгарии и дала полное обоснование своего решения. Тщательно изучив доводы властей Болгарии, включая их комментарии в свете недавних изменений, Европейский Суд решил, что в деле отсутствуют новые элементы, которые стали бы основанием для пересмотра вопроса приемлемости жалобы.

Относительно представительства Станкова в Европейском Суде заявитель, основываясь на доверенности, подписанной им и Ивановым (см. § 2 настоящего Постановления), убежден, что он должным образом представлен. Наконец, Европейский Суд не усмотрел ничего, что могло бы поставить под сомнение полномочия Хинкера по представлению ассоциации «Илинден». Европейский Суд оставил открытым вопрос о том, утратили ли власти Болгарии право поднимать этот вопрос после представления своих доводов по статье 41 Конвенции.

Таким образом, предварительные возражения властей Болгарии должны быть отклонены.

II. ОБЪЕМ ДЕЛА

58. Власти Болгарии ссылались на доказательства, которые прямо не касались памятных митингов 31 июля 1994 г., 22 апреля и 30 июля 1995 г., 20 апреля и 2 августа 1997 г. Они утверждали, что запрет на проведение митингов в эти дни должен рассматриваться как предыстория других событий, имевших место до и после данных митингов. Должна приниматься во внимание вся информация о деятельности ассоциации-заявителя и других связанных с ней организаций и лиц. Власти Болгарии передали обширную информацию о событиях с 1990 по 1993 г., а также об изменениях, произошедших после принятия Европейской Комиссией Окончательного решения о приемлемости жалобы от 29 июня 1998 г.

Заявители также ссылались на доказательства относительно событий, не входящих в объем дела, тем не менее оспаривая приемлемость некоторых материалов, представленных властями Болгарии.

59. Европейский Суд напомнил, что решение о приемлемости определяет границы рассматриваемого дела. Следовательно, его задачей не является вынесение решения по жалобам о событиях, происходивших с 1990 по 1993 г. (объявленными неприемлемыми Европейской Комиссией). Он также не должен выражать в Постановлении мнение о соответствии запретов на проведение митингов в 1998–2000 гг. или постановления Конституционного суда Болгарии от 29 февраля 2000 г. положениям Конвенции (эти вопросы были подняты в других жалобах, рассматриваемых Европейским Судом №№ 44079/98, 59489/00 и 59491/00).

Объем данного дела ограничен жалобами заявителей на то, что власти запретили проведение митингов 31 июля 1994 г., 22 апреля и 30 июля 1995 г., 20 апреля и 2 августа 1997 г. Европейский Суд примет во внимание доказательства, касающиеся других событий, насколько это может соотноситься с настоящим делом.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

60. Заявители жаловались на нарушение статьи 11 Конвенции, которая в применимых частях устанавливает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...».

А. Доводы сторон

1. Заявители

61. Заявители утверждали, что запрет на проведение митингов, организуемых ими в память о некоторых исторических событиях, и отношение властей в разное время были направлены на подавление свободного выражения идей мирного собрания. Как таковые они являются вмешательством в их права в значении статьи 11 Конвенции, предусмотренные в качестве *lex specialis* относительно статьи 10 Конвенции.

62. Они утверждали, что вмешательство не было «предусмотрено законом», поскольку отсутствие регистрации их ассоциации, на которое ссылались мэры, не является основанием для запрета проведения демонстраций согласно статье 12 Закона о порядке проведения митингов и шествий.

63. Более того, они отклонили как необоснованные утверждения властей Болгарии, что собрания, организуемые ими, представляют собой угрозу. Собрания имели исключительно мирный характер: их цель была отметить исторические события, считающиеся важной частью истории македонского народа. Собрания, которые обычно длились три часа, всегда начинались с речей, а затем зачитывались стихи, игралась музыка, пелись песни.

64. Заявители далее поставили под вопрос законность целей, преследуемых в результате запрета.

По мнению заявителей, целью властей являлось подавление распространения идеи о том, что в Болгарии существует македонское национальное меньшинство. По всей видимости, верно то, что большинство населения Болгарии считает, что в их стране не существует македонского национального меньшинства и что демонстрация идей заявителей могла шокировать и представлять собой угрозу для этого большинства. Однако в плюралистическом демократическом обществе важно позволить национальным меньшинствам свободно выражать свои идеи, и власти были обязаны обеспечить заявителям право на проведение мирных демонстраций.

65. Далее они утверждали, что запреты, на которые они жаловались, хотя и ограниченные конкретными историческими местами и дата-

ми, в действительности являются запретом проведения ассоциацией-заявителем митингов, поскольку ей не было разрешено проведение ни одного митинга. Такой абсолютный запрет, по мнению заявителей, был несоразмерным.

Ничто в материалах, представленных властями Болгарии, не приводит к выводу о том, что заявители желали отделиться от Болгарии. Даже если были какие-то подозрения в связи с этим, общий запрет на проведение митингов является несоразмерной реакцией.

2. Власти Болгарии

66. Власти Болгарии поставили под сомнение желание заявителей проводить «мирные» демонстрации, поскольку, предположительно, имеются доказательства того, что некоторые члены организации были вооружены. В связи с этим была сделана ссылка на два представленных ими документа (см. §§ 42–46 настоящего Постановления). Они также ссылались на доказательства, предположительно, свидетельствующие о том, что с 1990 г. митинги ассоциации «Илинден» всегда сопровождались конфликтами и столкновениями, как словесными, так и физическими между сторонниками ассоциации и другими лицами. Это было неизбежно, поскольку на таких митингах делались провокационные антиболгарские заявления и звучали угрозы.

67. Далее власти Болгарии подчеркнули, что членам ассоциации-заявителя никогда не препятствовали в посещении данных исторических мест при условии, что они не будут проносить с собой плакаты и иные предметы, содержащие лозунги против единства нации, территориальной целостности страны или прав других лиц. Таким образом, свобода на собрания заявителей была соблюдена.

68. Если считать, что имело место вмешательство в права заявителей по статье 11 Конвенции, такое вмешательство было законным и основанным на положениях Конституции Болгарии и Закона о порядке проведения митингов и шествий.

Власти Болгарии не согласились с утверждением заявителей, что причины запрета постоянно менялись, таким образом, предположительно, скрывая отсутствие четкого правового обоснования. Причиной всех запретов неизменно являлись антиконституционная деятельность, заявления ассоциации-заявителя (которые, предположительно, угрожали территориальной целостности страны и национальной безопасности) и опасность возникновения инцидентов, угрожающих общественному порядку.

69. Ссылаясь на постановления Верховного суда Болгарии 1990 и 1991 гг. (см. §§ 12 и 13 настоящего Постановления) и постановление Конституционного суда Болгарии от 29 февраля 2000 г. (см. §§ 39–41

настоящего Постановления), власти Болгарии указывали, что ассоциация-заявитель была распущена, поскольку было установлено, что ее деятельность угрожает территориальной целостности страны и является антиконституционной. «Достоверная информация» о том, что собрание может быть направлено против территориальной целостности страны, являлась достаточным основанием для запрета собрания согласно пункту 2 статьи 12 Закона о порядке проведения митингов и шествий (см. § 49 настоящего Постановления). В постановлениях о роспуске ассоциации «Илинден» содержится достаточно информации в связи с этим. В то время как незарегистрированная организация, несомненно, может организовывать митинги, деятельность ассоциации-заявителя была запрещена. Ссылка властей в их решениях о запрете проведения митингов на тот факт, что ассоциации-заявителю было отказано в регистрации, соответствовала закону.

70. К тому же обжалуемые меры преследовали ряд законных целей: защиту национальной безопасности и территориальной целостности, защиту прав и свобод других лиц, обеспечение общественного порядка в общине и предотвращение беспорядков и преступлений.

71. По мнению властей Болгарии, ассоциация «Илинден» нарушила права и свободы других лиц, поскольку она стремилась создать македонскую нацию среди людей, принадлежащих к болгарской нации, и требовала установления македонской национальности и создания органов власти в Пирине взамен болгарских. Небольшое число сторонников этих идей — примерно 3 000 человек в регионе с населением примерно 360 000 человек — полагают, что вправе говорить от имени всех людей.

Наиболее важно, что ассоциация-заявитель является сепаратистской группой, которая стремится к отделению области Пирин от Болгарии. Она представляет собой прямую угрозу для национальной безопасности и территориальной целостности страны.

72. Ссылаясь на историческое и современное положение Болгарии на Балканах (см. § 47 настоящего Постановления), власти Болгарии утверждали, что упорство ассоциации-заявителя в установлении дифференциации и реализации «коллективных прав», несмотря на тот факт, что каждый в Болгарии пользуется полным объемом прав и свобод, включая культурные и политические, показывает, что ее подлинной целью является насаждение среди болгарского населения чужой национальной принадлежности.

Даже если македонское национальное меньшинство присутствует в Болгарии, способы и средства пропаганды, используемые ассоциацией «Илинден», направлены не на защиту прав меньшинства, а на превращение болгарского населения в македонское и отделение области от страны.

73. В контексте сложного перехода от тоталитарных режимов к демократии, принимая во внимание сопутствующие экономический и политический кризисы, напряженность между проживающими вместе общинами, существующими в регионе, была особо взрывоопасной. События в бывшей Югославии являются тому примером. Пропаганда сепаратизма в этих условиях расценивается властями Болгарии как угроза национальной безопасности и миру в регионе.

Более того, национальные власти находятся в лучшем положении при оценке этой опасности. Можно предположить, что одни и те же факты могут иметь разные последствия в разных странах в зависимости от ситуации. Факты по данному делу должны рассматриваться, однако, в общем контексте сложной ситуации в регионе.

74. Время и место, выбранные ассоциацией-заявителем для проведения ее регулярных митингов, были неподходящими. Они совпадали с традиционными посещаемыми большим количеством людей церемониями и ярмарками, памятные событиями исторической важности, которые затрагивают деликатные вопросы. Провокационное отношение ассоциации-заявителя приводило к возникновению инцидентов в прошлом и вызвало негативную реакцию у населения. Поэтому власти ввели практику не давать разрешений на проведение митингов ассоциацией «Илинден» в то же время и в том же месте, где проходят официальные празднования.

Ссылаясь на решения Европейской Комиссии по жалобам № 8191/78 («Юрское объединение» и «Юрское единство» против Швейцарии» (*Rassemblement Jurassien and Unité Jurassienne v. Switzerland* § 17, с. 93) и № 8440/78 («Христиане против расизма и фашизма» против Соединенного Королевства» (*Christians against Racism and Fascism v. United Kingdom*), § 21, с. 138), власти Болгарии утверждали, что, принимая во внимание рамки усмотрения государств, запрет демонстраций в условиях общественной напряженности, если власти могли предвидеть столкновения, оправдан в целях охраны общественного порядка.

75. По мнению Правительства, обжалуемые запреты были соразмерны преследуемым законным целям и не нарушали статью 11 Конвенции.

В. Мнение Европейского Суда

1. Предполагаемое нарушение статьи 11 Конвенции

76. Власти Болгарии выразили сомнения относительно мирного характера митингов ассоциации-заявителя и на этих основаниях оспорили применимость статьи 11 Конвенции.

77. Европейский Суд напомнил, что статья 11 Конвенции защищает право на «мирные собрания». Это понятие, согласно прецедентному

праву Европейской Комиссии, не охватывает демонстрации, которые организаторы и участники проводили с насильственными намерениями (см.: Решения Европейской Комиссии по жалобе № 13079/87 от 6 марта 1989 г., п. 60, с. 256; по жалобе № 8440/78 от 16 июля 1980 г., п. 21, с. 138).

78. В настоящем деле, внимательно изучив все предоставленные ему материалы, Европейский Суд не установил, что лица, участвовавшие в организации запрещенных митингов, имели насильственные намерения (см. §§ 10, 12, 13, 16, 17, 20, 22, 28, 31–46 настоящего Постановления). Таким образом, статья 11 Конвенции применима в данном деле.

2. Имело ли место вмешательство в свободу собраний

79. Европейский Суд отметил, что в каждом рассматриваемом случае власти запрещали проведение митингов, запланированных обоими заявителями. Действительно, это было сложившейся практикой, которой неукоснительно следовали с 1992 г. (см. §§ 17 и 74 настоящего Постановления). В июле 1994 г. председатель ассоциации-заявителя и другое лицо получили предупреждения полиции держаться подальше от места, где они планировали проведение памятного митинга.

Один раз, 22 апреля 1995 г., несмотря на запрет, наложенный мэром, сторонникам ассоциации-заявителя разрешили приблизиться к историческому месту, где они намеревались провести свой митинг, и там они смогли возложить венок к могиле Яне Сандански и зажечь свечи. Однако это стало возможным при условии, что участники откажутся от своих плакатов и призывов. На месте не было позволено произносить речи. Участникам разрешили отметить этот праздник лишь в отдалении от памятного места (см. § 22 настоящего Постановления).

Такое отношение властей, позволивших членам ассоциации-заявителя посетить официальную церемонию, проводимую в том же месте и в то же время по случаю того же исторического события, при условии, что они не принесут своих плакатов и не проведут отдельной демонстрации, было повторено в решении мэра от 11 апреля 1997 г. и в доводах властей Болгарии, представленных в Европейский Суд (см. §§ 24 и 66 настоящего Постановления).

80. На основании вышеизложенного Европейский Суд счел, что имело место вмешательство в свободу собраний обоих заявителей по статье 11 Конвенции.

3. Было ли вмешательство предусмотрено законом

81. Европейский Суд отметил, что причины, приведенные властями в обоснование запрета митингов, были непостоянными и неточны-

ми. В них все время повторялась ссылка на отсутствие регистрации ассоциации-заявителя, факт, который сам по себе, согласно применимому законодательству, не может служить основанием для запрета проведения митинга. Два раза мэры не приводили причин, и это было лишь частично исправлено районными судами в решениях по поданным жалобам (см. §§ 19, 21, 23, 24, 29 и 30 настоящего Постановления).

Европейский Суд, однако, посчитал, что власти ссылались на предполагаемую угрозу общественному порядку, которая, согласно национальному законодательству, являлась одним из оснований вмешательства в право на мирные собрания. Тот факт, что ассоциации «Илинден» отказали в регистрации, вероятно, был расценен как применимый при установлении предполагаемой опасности для общественного порядка (см. §§ 19 и 30 настоящего Постановления). Более того, обжалуемые запреты были наложены решениями компетентных мэров и судов в соответствии с процедурой, установленной Законом о порядке проведения митингов и шествий.

82. В данных обстоятельствах Европейский Суд признал, что вмешательство в свободу собраний заявителей может рассматриваться как «предусмотренное законом».

Поскольку заявители оспорили весомость вывода властей о том, что существовала угроза общественной безопасности, этот вопрос будет рассмотрен в контексте вопроса о том, преследовало ли вмешательство в свободу собраний заявителей законную цель, и было ли оно необходимо в демократическом обществе в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции.

4. Преследовало ли вмешательство правомерную цель

83. По мнению властей Болгарии, меры, предпринятые в отношении памятных митингов ассоциации «Илинден», преследовали несколько законных целей: защиту национальной безопасности и территориальной целостности, защиту прав и свобод других лиц, обеспечение общественного порядка в общинах и предотвращение беспорядков и совершения преступлений.

Заявители не согласились с этим. По их мнению, целью обжалуемых запретов был отказ в осуществлении коллективных прав македонского меньшинства.

84. Европейский Суд напомнил, что список исключений из прав на свободу выражения мнения и собраний, содержащийся в статьях 10 и 11 Конвенции, является закрытым. Определения этих исключений строго ограничительны и должны толковаться в узком смысле (см. Постановление Европейского Суда по делу от 10 июля 1998 г. «Сидиropу-пос и другие против Греции» (*Sidiropoulos and Others v. Greece, Report*

1998-IV, §§ 37–39 настоящего Постановления). Принимая во внимание все материалы дела, Европейский Суд признал, что вмешательство было направлено на обеспечение одного или нескольких интересов, указанных властями Болгарии.

5. Было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе»

(а) Общие принципы

85. Европейский Суд напомнил, что положения статьи 11 Конвенции, несмотря на автономную роль и конкретную сферу применения, должны также рассматриваться в свете статьи 10 Конвенции. Защита свободы выражения мнения является одной из целей свободы собраний и объединений, закрепленной в статье 11 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «“Партия Свободы и Демократии” (ПСД) против Турции» (Freedom and Democracy Party (Özdep) v. Turkey), жалоба № 23885/94, § 37).

Такая ссылка применима в том случае, если, как в настоящем деле, вмешательство властей в свободу собраний или объединений было, хотя бы частично, реакцией на взгляды или утверждения их участников или членов.

86. Свобода выражения мнения является одной из важнейших основ демократического общества и одним из основных условий его развития и реализации возможностей каждого. Будучи подлежащей ограничениям пунктом 2 статьи 10 Конвенции, она применима не только к «информации» или «идеям», которые благоприятно принимаются или считаются неагрессивными или индифферентными, но и к тому, что представляет собой опасность, шокирует или беспокоит. Таковыми являются требования плюрализма, толерантности и широты мнений, без которых не может существовать «демократическое общество» (см. Постановление Европейского Суда по делу от 7 декабря 1976 г. «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (Handyside v. United Kingdom), Серия А, № 24, с. 23, § 49, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу от 8 июля 1999 г. «Гергер против Турции» (Gerger v. Turkey), жалоба № 24919/94, § 46).

Точно так же свобода собраний, закрепленная в статье 11 Конвенции, защищает демонстрации, которые могут раздражать или быть неприемлемыми по отношению к людям, взгляды которых противоположны идеям или требованиям, высказываемым на демонстрации (см. Постановление Европейского Суда по делу от 21 июня 1988 г. «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (Plattform «Ärzte Für Das Leben» v. Austria), Серия А, № 139, § 32).

87. Выражение «необходимо в демократическом обществе» предполагает, что вмешательство соответствует «неотложным социальным нуждам» и, в частности, соразмерно преследуемой законной цели. Договаривающиеся Государства действуют в определенных рамках при оценке такой необходимости, но это происходит под европейским контролем, охватывающим как законодательство, так и решения, даже вынесенные независимыми судами. Таким образом, Европейский Суд уполномочен выносить окончательное решение по вопросу о том, было ли «ограничение» совместимо с правами, защищаемыми Конвенцией (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гергер против Турции», *loc.cit.*, п. 46).

Задачей Европейского Суда является не замена мнения соответствующего национального органа власти своим мнением, но пересмотр таких решений в свете статьи 11 Конвенции. Это не означает, что Европейский Суд ограничивается установлением того, использовало ли государство-ответчик свое дискреционное право разумно, тщательно и добросовестно, а должен рассмотреть обжалуемое вмешательство в свете всего дела и после установления того, что преследовалась «законная цель» определить, было ли вмешательство соразмерным цели, и являются ли причины, приведенные национальными властями в качестве его обоснования, «соответствующими и достаточными». При этом Европейский Суд должен быть убежден, что национальные власти соблюли стандарты, соответствующие принципам, закрепленным в статье 11 Конвенции, и, более того, что их решения были основаны на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. Постановление Европейского Суда от 30 января 1998 г. по делу «Объединенная Коммунистическая партия Турции и другие против Турции» (*United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*), *Отчет* 1998-1, § 47).

88. Согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции для политических речей или дебатов по вопросам общественной важности устанавливается лишь небольшой объем ограничений (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу от 25 ноября 1996 г. «Уингроув против Соединенного Королевства» (*Wingrove v. United Kingdom*), *Отчет* 1996-..., § 58).

Одной из основных характеристик демократии является возможность решать проблемы страны путем диалога, без применения насилия. Демократия расцветает при свободе выражения мнения. С этой точки зрения нет оправдания для воспрепятствования группе лишь потому, что она стремится к публичным дебатам в отношении ситуации, сложившейся у части населения страны, и пытается найти решение согласно демократическим правилам, способным удовлетворить интересы всех (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Объединенная Коммунистическая партия Турции и другие против Турции», *loc. cit.*, § 57).

89. Жители региона/страны имеют право образовывать ассоциации в целях развития особенностей региона. Тот факт, что ассоциация утверждает о существовании национального меньшинства, не может сам по себе оправдывать вмешательство в ее права согласно статье 11 Конвенции (см. вышеупомянутое Постановление Европейского Суда по делу «Сидиропулос и другие против Греции», *loc. cit.*, § 44).

90. Бесспорно, нельзя делать вывод, что программа организации может преследовать цели и иметь намерения, отличные от заявляемых ею. Чтобы удостовериться, что это не так, содержание программы должно быть сопоставлено с деятельностью организации и позицией, которую она занимает (см. вышеупомянутое Постановление Европейского Суда по делу «Объединенная Коммунистическая партия Турции и другие против Турции», *loc. cit.*, § 58).

Существенным фактором, который следует принимать во внимание, является вопрос о том, звучали ли призывы к применению насилия, мятежу или иной форме отрицания демократических принципов (см. вышеупомянутое Постановление Европейского Суда по делу «“Свободная демократическая партия Турции” (СДПТ) против Турции», *loc. cit.*, § 40).

Если имели место подстрекательства к насилию против отдельных лиц или государственных служащих или части населения, власти пользуются более широкими пределами усмотрения при рассмотрении вопроса о необходимости вмешательства в свободу выражения мнения (см.: Постановление Европейского Суда по делу от 9 июня 1998 г. «Инчал против Турции» (*Incal v. Turkey*), *Отчет* 1998-IV, с. 1567, § 48; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шюрек против Турции (№ 1)» (*Surek v. Turkey* (№ 1)), жалоба № 26682/95, *ЕЧПР* 1999-IV, § 61).

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

91. Власти ссылались на тот факт, что ассоциации-заявителю было отказано в регистрации, поскольку компетентные органы признали ее антиконституционной (см. §§ 11–13 настоящего Постановления).

92. Однако Европейский Суд счел, что, хотя прошлые выводы компетентных национальных органов, «отсевших» ассоциацию, несомненно, применимы при рассмотрении вопроса об опасности, которую ее собрания могут представлять, автоматическая ссылка на сам факт того, что организация была признана антиконституционной и ей было отказано в регистрации, не может быть достаточным для оправдания практики систематических запретов на проведение ею мирных собраний согласно пункту 2 статьи 11 Конвенции.

Поэтому Европейский Суд должен тщательно рассмотреть конкретные основания, призванные оправдать вмешательство, и значимость такого вмешательства.

*(i) Основания, призванные оправдать
вмешательство*

а) Предполагаемое владение оружием

93. Власти Болгарии представили фотокопию машинописной листовки, оповещающей о создании вооруженных групп (см. § 44 настоящего Постановления). Однако не было установлено, что она исходила от ассоциации-заявителя. Власти Болгарии не представили каких-либо подробностей. Они также не объяснили отношение к делу газетной статьи, представленной ими (см. § 43 настоящего Постановления), в которой сообщалось, что некое лицо подозревалося в совершении ряда преступлений, некоторые из которых, вероятно, касались частных деловых конфликтов.

По мнению Европейского Суда, это свидетельствует о том, что, если бы имели место приготовления к вооруженным акциям, власти Болгарии могли бы представить более убедительные доказательства в связи с этим.

б) Предполагаемая угроза общественной безопасности

94. Власти Болгарии утверждали, что в прошлом имели место инциденты во время проведения митингов ассоциацией-заявителем, и что существовала большая вероятность возможности их повторения.

Тем не менее нет никаких доказательств причинения заявителями серьезных беспокойств. Инциденты, на которые ссылались власти Болгарии, были незначительными, и виновные в них лица не привлекались к ответственности (см. §§ 17, 18 и 46 настоящего Постановления). Решения мэров и местных судов относились только к гипотетической опасности для общественного порядка без указания подробностей.

Таким образом, вероятность возникновения незначительных инцидентов не может служить обоснованием запрета на проведение митингов ассоциацией «Илинден».

с) Предполагаемая опасность, исходящая из целей и заявлений ассоциации «Илинден»

Сепаратистские идеи

95. Власти Болгарии указали, что ассоциация-заявитель подвергает опасности территориальную целостность Болгарии и желает отделения от страны.

Заявители утверждали, что единственной целью их митингов являлось празднование исторических событий, и они не преследовали сепаратистских целей.

96. На основании всех доказательств Европейский Суд установил: в соответствующее время власти небезосновательно полагали, что некоторые лидеры ассоциации-заявителя или небольшие группы, являющиеся ее частью, выражали сепаратистские взгляды и политические цели, которые включали идеи об автономии региона Пиринская Македония и даже о его отделении от Болгарии. Это подтверждается многочисленными заявлениями, сделанными данными лидерами (см. §§ 16, 33–35 настоящего Постановления). Суд также принял во внимание выводы Верховного суда Болгарии от 1990 и 1991 гг. и вывод Конституционного суда Болгарии, сделанный в его постановлении от 29 февраля 2000 г. (см. §§ 12, 13 и 39–41 настоящего Постановления).

Следовательно, власти могли предполагать, что некоторыми участниками в ходе памятных церемоний будут распространяться сепаратистские призывы.

97. Европейский Суд, однако, напомнил, что тот факт, что группа лиц призывает к автономии или даже предлагает отделение части территории страны, таким образом требуя фундаментальных конституционных и территориальных изменений, не может автоматически оправдывать запрет на ее собрания. Требование территориальных изменений в речах и на демонстрациях автоматически не является угрозой территориальной целостности страны и ее национальной безопасности.

Свобода собраний и право выражать свое мнение на них являются одними из высших ценностей демократического общества. Сущность демократии заключается в ее способности разрешать проблемы путем открытых обсуждений. Меры превентивного характера по подавлению свободы собраний и выражения мнения в случаях, не касающихся подстрекательства к совершению насилия или отказа от демократических принципов — какими бы шокирующими или неприемлемыми определенные взгляды или используемые слова ни казались властям и какими бы незаконными могли быть требования, — оказывают плохую услугу демократии и часто ставят ее под угрозу.

В демократическом обществе, основанном на верховенстве права, политическим идеям, оспаривающим существующий порядок, реализация которых проводится мирными средствами, должна быть предоставлена надлежащая возможность их выражения как путем осуществления права на свободу собраний, так и иными законными способами.

98. Таким образом, Европейский Суд признал, что вероятность того, что в ходе митингов, организуемых ассоциацией «Илинден», могут быть сделаны сепаратистские заявления, не может оправдывать запрет на проведение этих митингов.

Предполагаемая пропаганда насилия и отрицание демократических принципов

99. Власти Болгарии ссылались на заявления, которые могут быть истолкованы как призыв к болгарам передать Пиринскую область македонцам (см. §§ 16, 17 и 33 настоящего Постановления), и полагали, что даже если сепаратистские цели ассоциации «Илинден» не преследовались ею открытым насильственным способом, тем не менее имеется ряд свидетельств тому, что они проявятся.

Заявители отвергли эти утверждения как необоснованные и указали на мирный характер их митингов.

100. Несомненно, стремление выселить других лиц с конкретной территории ввиду этнического происхождения является полным отрицанием демократии.

Однако стоит отметить, что Верховный суд Болгарии, отказывая в регистрации ассоциации-заявителю в 1990 и 1991 гг., и Конституционный суд Болгарии в своем постановлении от 29 февраля 2000 г. (см. §§ 12, 13 и 39–41 настоящего Постановления) не указывали, что цели и деятельность ассоциации «Илинден» включают в себя призывы к насилию или отказ от демократической власти. Более того, против членов ассоциации «Илинден» или участников ее митингов никогда не возбуждались уголовные дела (см. § 46 настоящего Постановления).

101. Большинство заявлений и утверждений ассоциации «Илинден» указывали на их доверие общественным дискуссиям и политической борьбе при достижении их целей и прямо отрицали насилие (см. §§ 10, 16, 37 и 38 настоящего Постановления). Эти заявления, которые могли быть истолкованы как призывающие к насилию или отрицанию демократии, кажутся изолированными от всех материалов дела. Более того, поскольку различные лица и группы, связанные с ассоциацией «Илинден», расходились в своих взглядах, не все приведенные материалы прямо отражают идеи и цели, доминирующие в программе деятельности ассоциации-заявителя.

102. В Постановлении по делу «Инчал против Турции» Европейский Суд определил, что обращение, зачитанное на памятной церемонии группе лиц (что ограничивает ее потенциальное влияние на национальные интересы, общественный порядок или территориальную целостность), содержащее такие слова, как «сопротивление», «борьба» и «освобождение», не обязательно представляет собой призыв к насилию, вооруженному сопротивлению или мятежу (*foe at.*, § 50).

В настоящем деле Европейский Суд принял во внимание тот факт, что митинги ассоциации-заявителя, вероятно, могли стать основой для пропаганды насилия и отказа от демократии и нести потенциальную угрозу, что обосновывает запреты.

103. По мнению Европейского Суда, ничто не свидетельствует о том, что митинги, проводимые ассоциацией-заявителем, стали бы основой пропаганды насилия и отказа от демократии и обладали бы разрушительным воздействием, что могло бы привести к запрету деятельности ассоциации-заявителя. Любые отдельные инциденты могут быть адекватно рассмотрены в ходе следствия, проводимого ответственными лицами.

«Обращение» болгарского населения в македонское

104. Власти Болгарии утверждали, что ассоциация-заявитель желала «обратить население региона в македонский народ» с целью достижения ее окончательной цели — отделения от Болгарии.

Заявители утверждали, что «Илинден» является ассоциацией македонцев в Болгарии.

105. Европейский Суд не принял довод о том, что было необходимо ограничить права заявителей на демонстрации в целях защиты лиц, которых, предположительно, пытались «обратить» в другую национальность. Не было доказано, что были бы использованы незаконные способы «обращения», нарушающие права других лиц.

Заявления, воспринимаемые как угроза общественному мнению

106. Представляется, что митинги ассоциации «Илинден» вызывают напряженность, принимая во внимание особую чувствительность общественного мнения по отношению к их идеям, которые воспринимаются как агрессивный подход к национальным символам и святым ценностям (см. §§ 13, 17, 18, 24 и 47 настоящего Постановления).

В частности, заявители желали отметить исторические события, которым они придавали иное значение, чем общепринятое в стране. Они считали македонскими мучениками исторических личностей, которые обычно и официально отмечались в стране как болгарские национальные герои, и, таким образом, желали организовать свои митинги в то же время и в тех же местах, где проводятся официальные традиционные церемонии.

107. Однако, если любая вероятность напряжения и излишне эмоционального обмена мнениями между противостоящими группами в ходе демонстрации будет являться основанием для ее запрета, общество будет лишено возможности услышать иные взгляды по любому вопросу, который посягает на восприимчивость мнения большинства.

Тот факт, что данный вопрос касался национальных символов и национальной принадлежности, не может сам по себе рассматриваться, вопреки мнению властей Болгарии, как возможность использования

более широких пределов усмотрения властями. Национальные власти должны проявлять особую бдительность при обеспечении возможности меньшинств высказывать свои взгляды, даже если они противоречат общественному мнению.

ii) Значимость вмешательства

108. Власти Болгарии утверждали, что был достигнут справедливый баланс путем проявленной относительной гибкости, когда сторонникам ассоциации «Илинден» было позволено приблизиться к историческим местам при условии, что они не будут выставлять свои плакаты и произносить речи, и что заявители могли выбрать другие места для проведения митингов.

109. Европейский Суд посчитал, что лишение заявителей права на выражение их идей посредством произнесения речей или лозунгов на митингах не может расцениваться как свидетельство гибкости. Действительно, власти наложили всеобщий запрет на проведение митингов ассоциацией «Илинден» (см. §§ 17, 74 настоящего Постановления).

Более того, было ясно, что время и место проведения церемоний имели большое значение для заявителей, равно как и для лиц, посещавших официальные церемонии. Несмотря на пределы усмотрения, которыми пользуется государство в таких вопросах, Европейский Суд не убежден, что не было возможности обеспечить мирное проведение обеих церемоний либо одновременно, либо одна за другой.

(iii) Выводы Европейского Суда

110. Как указали власти Болгарии, у ассоциации-заявители было около 3 000 сторонников, и не все из них активно участвовали в ее деятельности.

Тем не менее власти прибегали к мерам, предназначенным для предотвращения распространения взглядов заявителей на демонстрации, которую последние желали провести.

111. Такой подход при обстоятельствах данного дела, когда не существовало предсказуемой опасности совершения насильственных действий, проявлений призывов к насилию или иных форм отказа от демократических принципов, по мнению Европейского Суда, не оправдан в смысле пункта 2 статьи 11 Конвенции.

112. В целом Европейский Суд признал, что власти преступили пределы усмотрения, и меры по запрету проведения памятных митингов не были необходимыми в демократическом обществе в соответствии

со статьей 11 Конвенции. Таким образом, имело место нарушение данного положения.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

113. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Требования заявителей

114. После вынесения Решения Европейской Комиссии от 29 июня 1998 г., объявившей жалобы частично приемлемыми, заявителям было предложено Европейской Комиссией представить свои требования согласно бывшей статье 50 Конвенции. Целью такого предложения было желание ускорить разбирательство в Комитете Министров Совета Европы в соответствии с бывшей статьей 32 Конвенции на случай, если бы жалоба попала на рассмотрение в соответствии с этой процедурой и было бы установлено нарушение Конвенции.

Письмом от 25 августа 1998 г. Станков и Иванов указали, что они получили тяжелый материальный ущерб и моральный вред, и оставили определение размера компенсации на усмотрение конвенционных органов. Материальный ущерб состоял из штрафа, наложенного на лиц, которые приехали на своих автомобилях на место проведения митингов, ущерб, предположительно причиненный полицией одному автомобилю в 1993 г., и некоторые иные расходы. Заявители пояснили, что они не имели возможности представить письменные доказательства, поскольку было тяжело сохранить финансовую документацию в условиях, в которых функционировала их ассоциация.

В отношении морального вреда заявители потребовали компенсацию за страдания, причиненные в результате действий властей, которые, предположительно, желали уничтожить ассоциацию «Илинден».

115. В меморандуме, составленном без правовой помощи и представленном в Европейский Суд, заявители не потребовали справедливой компенсации. Но на слушаниях 17 октября 2000 г. они изложили подробные письменные требования.

116. В Европейском Суде заявители не потребовали компенсации материального ущерба или морального вреда. Они заявили о воз-

мещении своих расходов, потребовав выплатить им 10 000 немецких марок в отношении внутренних разбирательств (поездки в местные суды, секретарская и юридическая работы), 15 000 немецких марок в отношении разбирательства в г. Страсбурге (включая 8 127 французских франков за переезд Иванова и текущие расходы в ходе слушаний в г. Страсбурге, 5 000 французских франков за расходы на переводы и 2 000 французских франков за прочие расходы), а также дополнительно 35 000 французских франков в качестве гонораров их адвокатам. Заявители представили копию их соглашения с Хинкером о гонораре и копии счета-фактуры за проживание Иванова в гостинице и за авиабилет. Они утверждали, что не могут предъявить доказательств остальных расходов, поскольку при внутринациональных разбирательствах и при рассмотрении дела в Европейской Комиссии у них не было законных представителей, и все расходы несла ассоциация.

В. Доводы властей Болгарии

117. В отношении заявлений заявителей, сделанных в августе 1998 г., 2 декабря 1998 г. власти Болгарии прокомментировали их, указав, что если Комитет Министров будет рассматривать данные заявления, он их отклонит как неподтвержденные и не относящиеся к существу дела.

Ответ властей Болгарии на требования заявителей, данный в октябре 2000 г., был изложен на слушаниях, а 29 декабря 2000 г. предоставлен в письменном виде. Они утверждали, что требования предъявлены по истечении отведенного для этого срока в соответствии с пунктами 1, 3 Правила 60 Регламента и не подкреплены достаточными письменными доказательствами.

118. Требование о возмещении расходов в ходе разбирательств на внутринациональном уровне, продолжали власти Болгарии, является несоразмерным и представляет собой злоупотребление. Заявители каждый раз представляли по одной странице стандартных требований и жалоб, вероятно, составленных без правовой помощи. Кроме того, не указаны сборы на рассмотрение дел в судах и иные понесенные расходы.

Требование о возмещении 15 000 немецких марок в отношении разбирательства в г. Страсбурге не было конкретизировано. Утверждение, что представляются трудности при предъявлении письменных доказательств, является необоснованным.

По мнению властей Болгарии, гонорары в размере 35 000 французских франков являются явно чрезмерными, поскольку они не соответствуют объему действительно проделанной адвокатами заявителя юридической работы и поскольку экономические условия в

государстве-ответчике также должны приниматься во внимание. Требование оплаты услуг адвоката эквивалентно 146 минимальным размерам ежемесячной оплаты труда в Болгарии и примерно шести минимальным размерам ежемесячной оплаты труда во Франции.

Власти Болгарии пришли к выводу, что возмещение затрат, включающих проезд Иванова и текущие расходы в ходе слушаний дела в Европейском Суде (8 127 французских франков), а также 5 000 французских франков в возмещение гонорара адвоката Хинкера приемлемы, если Европейский Суд примет решение присудить справедливую компенсацию.

С. Мнение Европейского Суда

119. Пункт 1 Правила 60 Регламента Суда в применимых частях устанавливает следующее:

«Любое требование о выплате справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции, которое заявитель... (может) пожелать заявить, излагается в письменных замечаниях по существу дела, если только Председатель не сделает распоряжение об ином, или — если таковые письменные замечания не поданы — в специальном документе, представленном не позднее двух месяцев после вынесения решения о приемлемости жалобы».

120. Европейский Суд отметил, что 25 августа 1998 г. заявители представили их общее требование о справедливой компенсации материального ущерба и морального вреда, а также расходов, хотя это было сделано в рамках процедуры, установленной бывшей статьей 32 Конвенции. Таким образом, требование не было отозвано.

Верно, что на слушаниях адвокат заявителей потребовал лишь возмещения расходов. Однако Европейский Суд не может толковать его требования как отзыв требований, поданных непосредственно заявителями без участия адвоката Хинкера, при отсутствии прямого указания об этом.

Касательно возражений властей Болгарии по пункту 1 Правила 60 Регламента Европейский Суд посчитал, что меморандум заявителей был составлен без юридической помощи, и требования, предъявленные в первый раз на слушаниях, касаются только их расходов. Некоторые расходы и издержки, в частности, относящиеся к слушанию по делу, не могут быть определены заранее.

Наконец, властям Болгарии была дана возможность подробно прокомментировать все требования заявителей, что они и сделали в декабре 1998 г. и в декабре 2000 г.

В данных обстоятельствах Суд счел, что требование о возмещении материального ущерба и морального вреда было надлежащим образом подано и должно быть рассмотрено.

121. Европейский Суд признал, что заявителям причинен моральный вред как следствие нарушения их права на свободу собраний. Исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присудил ассоциации-заявителю и Станкову общую сумму в размере 40 000 французских франков, которая должна быть выплачена совместно Станкову и представителю ассоциации «Илинден» Иванову.

Требование о возмещении материального ущерба является неподтвержденным и должно быть отклонено.

122. Что касается расходов, понесенных при разбирательстве в национальных судах, Европейский Суд согласился с властями Болгарии, что у заявителей не было законных представителей на этом уровне и что они не упоминали о каких-либо уплаченных гонорах.

Однако заявителям должны были понести определенные расходы при осуществлении перевода корреспонденции и доводов в ходе разбирательства в г. Страсбурге. Исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присудил им 3 000 французских франков.

123. К тому же, сумма компенсации, заявленная в отношении присутствия Иванова в Европейском Суде (8 127 французских франков), должна быть выплачена в полном объеме.

В отношении гонораров адвоката Европейский Суд, отметив, что адвокат Хинкер приступил к исполнению своих обязанностей только на последней стадии разбирательства, исходя из принципа справедливости, присудил 25 000 французских франков.

124. Согласно информации, полученной Европейским Судом, годовая процентная ставка, применяемая во Франции на день принятия настоящего Постановления, составляет 4,26%.

На основании изложенного Европейский Суд:

1) *отклонил* единогласно предварительные возражения властей Болгарии;

2) *постановил* шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;

3) *постановил* шестью голосами против одного, что государство-ответчик должно выплатить Станкову и Иванову в течение трех месяцев со дня, когда Постановление вступит в силу согласно пункту 2 статьи 44 Конвенции, 40 000 (сорок тысяч) французских франков в качестве компенсации морального вреда;

4) *постановил* единогласно, что государство-ответчик должно выплатить Станкову и Иванову в течение трех месяцев со дня, когда По-

становление вступит в силу согласно пункту 2 статьи 44 Конвенции, 36 127 (тридцать шесть тысяч сто двадцать семь) французских франков в качестве компенсации судебных расходов и издержек, а также налог на добавленную стоимость, который может быть установлен;

5) *постановил* единогласно, что проценты по годовой ставке 4,26% подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;

6) *отклонил* единогласно остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 2 октября 2001 г.

Э. Палм
Председатель Палаты Суда

М. О'Бойл
Секретарь Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается особое мнение судьи С. Ботучаровой.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ С. БОТУЧАРОВОЙ

Я голосовала против установления нарушения статьи 11 Конвенции в настоящем деле.

Мой анализ начинается с тех же общих принципов, что и мнение большинства судей: §§ 85–90 настоящего Постановления, которые указывают на сущность прецедентного права Европейского Суда относительно свободы собраний и выражения мнения и, в частности, критериев, на основе которых вмешательство в эти свободы в делах, схожих с настоящим, может считаться оправданным. Я полностью согласна с кратким изложением этих критериев.

Однако, по моему мнению, их применение к фактам настоящего дела, находящегося на грани их применения, может привести к различным выводам, если придать значение тому факту, что демонстрации заявителей представляли собой опасность для общественного порядка в местной общине. Власти, ограничивая право заявителей на проведение памятных митингов, постоянно ссылались на наличие опасности столкновений между сторонниками ассоциации «Илинден» и участниками официальных церемоний, которые проводились в том же месте и в то же время. Опасения были основаны на прошлом опыте: ранее в ходе мероприятий, организованных ассоциацией «Илинден», происходил целый ряд инцидентов, и ее поведение было охарактеризовано

как «провокационное» (см. § 17 настоящего Постановления). Последний элемент имеет наибольшее значение, поскольку он означает, что власти были убеждены, что сторонники ассоциации «Илинден» могут спровоцировать беспорядки и столкновения. Однако рассматриваемым вопросом является свобода мирных собраний.

Защита прав других лиц, общественная безопасность и предотвращение беспорядков являются законными целями, которые могут оправдать в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Конвенции вмешательство в свободу мирных собраний при условии, что такое вмешательство будет соразмерно преследуемой цели. Власти Болгарии, вероятно, осознавали требование не ограничивать свободы ассоциации «Илинден» сверхнеобходимого. Обжалуемые запреты касались лишь определенных дней и мест. В некоторые дни, когда были запланированы демонстрации, власти не препятствовали сторонникам ассоциации «Илинден» посещать исторические места, но требовали от них, чтобы они отказались от заявления провокационных лозунгов.

Европейский Суд своим прецедентным правом установил, что «по причине их прямого и постоянного контакта с жизненно важными силами их страны власти в целом находятся в более выгодном положении, чем судьи международных судов, чтобы высказать мнение об определенном содержании <...> (необходимости вмешательства) <...> Европейский Суд, который <...> несет ответственность за обеспечение исполнения этих обязательств государств, правомочен выносить окончательное решение по вопросу о том (было ли вмешательство оправданным). <...> Соответственно, пункт 1 статьи 10 Конвенции (равно как и пункт 2 статьи 11 Конвенции) оставляет Договаривающимся Государствам пределы усмотрения. <...> Внутренние пределы усмотрения <...> идут нога в ногу с европейским надзором» (см. Постановление Европейского Суда по делу от 7 декабря 1976 г. «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (*Handyside v. United Kingdom*), Серия А, № 24, §§ 22–23).

Принимая во внимание внутренние пределы усмотрения, конвенционные органы во многих делах признавали, что ограничение на проведение демонстраций было обосновано причинами общественной безопасности. В качестве нескольких примеров следующие запреты собраний были расценены как соответствующие пункту 2 статьи 11 Конвенции: двухмесячный запрет на публичные процессии, кроме обычных, в Лондоне (см. Решение Европейской Комиссии по жалобе № 8440/78 от 16 июля 1980 г., п. 21, с. 138); общий запрет на проведение демонстраций на Трафальгарской площади в Лондоне по вопросам, касающимся Северной Ирландии (см. Решение Европейской Комиссии от 6 апреля 1995 г. по жалобе № 25522/94, ст. 81-А, с. 146); четырехдневный запрет собраний в радиусе четырех миль вокруг Сто-

унхенджа ввиду предыдущих инцидентов и беспорядков, совершенных сторонниками друидов (см. Решение Европейской Комиссии по жалобе № 31416/96 от 19 октября 1998 г.).

Помоему мнению, власти Болгарии не вышли за пределы усмотрения и ограничили свободу заявителей на мирные собрания в степени, необходимой для защиты прав других лиц, общественной безопасности и предотвращения беспорядков.

Поскольку я не признала, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции, я также голосовала против присуждения компенсации морального вреда заявителям.

СИССЕ ПРОТИВ ФРАНЦИИ¹
(Cisse v. France)

Жалоба № 51346/99

Постановление Суда

Страсбург, 9 апреля 2002 г.

По делу «Сиссе против Франции» Европейский Суд по правам человека (Вторая Секция), заседая Палатой в составе:

А. Бака, *Председателя Палаты,*

Ж.-П. Коста,

Г. Йорундссона,

К. Юнгвирта,

В. Буткевича,

В. Томассена,

М. Угрехелидзе, *судей,* и

С. Долле, *Секретаря Секции Суда,*

заседая за закрытыми дверями 16 января и 19 марта 2002 г., вынес в последнюю из указанных дат следующее Постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 51346/99, поданной против Франции в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) гражданкой Сенегала г-жой Маджигуэне Сиссе (далее — заявительница) 30 ноября 1998 г.

2. Интересы заявительницы, которой была предоставлена юридическая помощь, представлял г-н С. Форман, адвокат, практикующий в г. Париже. Власти Франции были представлены агентом г-ном Р. Брамом, директором по правовым вопросам Министерства иностранных дел.

3. Заявительница ссыалась на нарушение статьи 11 Конвенции.

4. Жалоба была передана в Третью Секцию Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). В рамках этой Секции Палата для рассмотрения дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции) была сформирована в соответствии с пунктом 1 Правила 26 Регламента Суда.

5. Решением от 16 января 2001 г. Европейский Суд признал жалобу частично приемлемой.

¹ Перевод выполнен АНО «ЮРИКС».

6. Заявительница и власти Франции представили объяснения по существу жалобы (пункт 1 Правила 59 Регламента Суда).

7. 1 ноября 2001 г. Европейский Суд изменил состав своих Секций (пункт 1 Правила 25 Регламента Суда). Настоящее дело было передано во вновь сформированную Вторую Секцию.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявительница являлась членом (и руководителем) группы иностранцев, не имевших вида на жительство, которые в 1996 г. решили предпринять коллективную акцию для привлечения внимания к сложностям, связанным с пересмотром их иммиграционного статуса во Франции.

9. Эта кампания, получившая широкое освещение в прессе, завершилась захватом церкви святого Бернара в Париже 28 июня 1996 г. группой из приблизительно 200 нелегальных иммигрантов в большинстве случаев африканского происхождения. Десять человек из состава группы решили объявить голодовку. Дочь заявительницы присоединилась к матери в качестве участницы захвата церкви. Движение, известное как «Святой Бернар без документов»¹, пользовалось поддержкой ряда правозащитных организаций, активисты которых решили ночевать в помещении в знак солидарности с иммигрантами.

10. 22 августа 1996 г. парижский комиссар полиции подписал приказ о полном освобождении помещения. Он был издан на том основании, что использование помещений не имело отношения к религиозным обрядам, отмечалось явное ухудшение и без того неудовлетворительных санитарных условий, входы в церковь заперты на замки, и усматривались серьезные угрозы санитарному состоянию, здоровью, миру, безопасности и общественному порядку.

11. Более конкретно в приказе отмечалось следующее:

«17 июля 1996 г. директору Парижской мобильной службы неотложной медицинской помощи (SAMU) было поручено обеспечение постоянного ухода за участниками голодовки; приходской священник уведомлен об угрозе для здоровья, которой подвергаются занявшие помещение в связи с неудовлетворительными условиями проживания, а также о необходимости предоставления беспрепятственного доступа экстренным службам.

Организация «Врачи мира» (Médecins du Monde), оказывающая постоянную медицинскую помощь в церкви, предоставила тревожные сведе-

¹ В сноске уточняется, что имелось в виду отсутствие документов у незаконных иммигрантов (*прим. переводчика*).

ния о весьма серьезных последствиях этой голодовки для здоровья участвующих в ней по истечении критического 40-дневного периода.

На основании положений статьи 223-6 Уголовно-процессуального кодекса десять участников голодовки были эвакуированы 12 августа 1996 г. исключительно в целях надлежащего медицинского обследования в больницах Парижа.

Участники голодовки возвратились в вышеупомянутую церковь по своему желанию и немедленно заявили о намерении продолжать свою акцию. С 28 июня 1996 г. отмечено явное ухудшение и без того неудовлетворительных санитарных условий, имеющееся санитарное оборудование полностью не отвечает требованиям для долгосрочного использования помещений в качестве приюта коллективного размещения.

Число лиц, находящихся в помещениях, значительно возросло за последние несколько дней, что привело к происшествиям в окрестностях и особенно на общественной дороге.

Такие происшествия создают угрозу поведения, которое может повлечь нарушения общественного порядка.

Различные заинтересованные организации установили заграждения на общественной дороге, через ул. Сен-Брюно на пересечениях с ул. Сен-Люк и ул. Жером Лермит. Заграждения перекрывают общественную дорогу, препятствуя движению обычного транспорта и автомобилей экстренных служб.

Церковные двери и различные выходы закрыты, в некоторых случаях на висячие замки, в целях установления фильтрационной системы на единственном действующем входе, обеспечивающем постоянный доступ, из составленных барьеров образована баррикада между оградой и северным входом в алтарь церкви. Это сооружение представляет основную угрозу в случае необходимости экстренной эвакуации лиц, находящихся в здании.

Эта деятельность и движение совершенно не связаны с религиозными обрядами, которые являются исключительной формой использования данного публичного здания в соответствии с законом от 9 декабря 1995 г.

Вышеизложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что текущая ситуация составляет серьезные угрозы санитарному состоянию, здоровью, миру, общественной безопасности и общественному порядку...».

12. На следующее утро полиция провела эвакуацию. Полицейские прибыли на место в 6 часов 30 минут и организовали пункт проверки у входа в церковь с целью установления в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 78-2 Уголовно-процессуального кодекса и пунктами 2 и 3 Ордонанса от 2 ноября 1945 г. того, имеют ли иностранцы, эвакуируемые из церкви, документы, разрешающие им пребывать и передвигаться по территории. Полиция вторглась в церковь в 7 часов 56 минут.

13. Все находившиеся в церкви были подвергнуты задержанию и допросу. Белые были немедленно освобождены, а темнокожих, помимо участников голодовки, полиция отправила автобусом в центр содержания иностранцев в г. Венсенне. Были вынесены постановления о

заклучении под стражу и высылке почти всех заинтересованных лиц. Более 100 человек были впоследствии освобождены судами в связи с определенными нарушениями, допущенными полицией, включавшими даже составление подложных протоколов задержания и допроса.

14. Около 8 часов 20 минут при выходе заявительницы из церкви полицейский потребовал у нее документально подтвердить право пребывания во Франции, но она не смогла его представить. Заявительница посетила управление парижского комиссара полиции 5 июня 1996 г., однако 17 июля 1996 г. ей было отказано в разрешении на пребывание во Франции, поскольку не были выполнены условия, предусмотренные Ордонансом от 2 ноября 1945 г. для выдачи вида на жительство, и отсутствовали личные или семейные причины, оправдывающие выдачу вида на жительство по гуманитарным основаниям. Ей было предложено покинуть территорию Франции в течение месяца с момента вручения уведомления о решении комиссара полиции.

15. В 9 часов 55 минут заявительница была заключена под стражу и уведомлена о ее правах в соответствии со статьями 63-2 и 63-4 Уголовно-процессуального кодекса. Эта мера считалась вступившей в силу в 7 часов 56 минут, когда она была задержана. Заявительница отказывалась говорить на всем протяжении своего содержания под стражей. В 20 часов 15 минут 23 августа первый заместитель прокурора восьмого отдела Парижской прокуратуры дал полицейским указание доставить к нему заявительницу вместе с материалами дела в его состоянии на тот момент.

16. В 13 часов 30 минут 24 августа 1996 г. заявительница была доставлена в Парижский суд по уголовным делам в соответствии с «суммарной»¹ процедурой. Ей было предъявлено обвинение во «въезде и пребывании во Франции в отсутствие документов или виз, требуемых правилами» и назначено наказание в виде двух месяцев лишения свободы с отсрочкой исполнения. Суд по уголовным делам указал:

«Занятие места богослужения... на несколько недель... с целью оспаривания своего иммиграционного статуса и создания движения в свою поддержку само по себе составляет чрезвычайную ситуацию, оправдывающую решение административного органа об их выдворении.

Присутствие в церкви святого Бернара нескольких сотен людей в течение нескольких недель, ссылающихся в своих публичных заявлениях, сделанных через частных лиц или представляющих их руководителей, на свой статус, по их собственным словам, иностранцев без вида на жительство или документов, дает основание подозревать, что указанные лица

¹ Упрощенная процедура уголовного судопроизводства по преступлениям небольшой тяжести (*прим. переводчика*).

допустили нарушения иммиграционных правил, что делало установление их личности оправданным в соответствии со статьей 78-2.

Однако поскольку большое число людей, задержанных одновременно, отказалось раскрыть свою личность, полиция не имела возможности провести проверку документов немедленно. Тот факт, что проверка документов не была проведена при первом задержании, но по истечении того, что с учетом практических сложностей операции такого масштаба, могло считаться разумным сроком, не делает разбирательство дефектным.

С учетом большого числа задержанных и обстоятельств, при которых проводилась операция, обвиняемая была уведомлена о своих правах в течение разумного срока...».

17. 23 января 1997 г. Парижский апелляционный суд, рассмотрев жалобу заявительницы, оставил приговор без изменений и дополнительно вынес постановление о запрете пребывания во Франции в течение трех лет. Кроме того, он указал в своем решении:

«Занятие места богослужения примерно 300 лицами в течение нескольких недель с целью создания движения в свою поддержку и оспаривания своего иммиграционного статуса само по себе составляет чрезвычайную ситуацию, оправдывающую решение административного органа об их выдворении без предварительного уведомления судов.

Занявшие помещения продолжали свою голодовку в течение почти 40 дней, и условия проживания заинтересованных лиц продолжали ухудшаться.

Масштабные демонстрации на протяжении нескольких недель с установкой заграждений на общественной дороге, препятствовавших движению транспортных средств, представляли собой угрозу безопасности, санитарии, здоровью участников голодовки и общественному порядку, что оправдывало принятие экстренных мер для пресечения беспорядков».

18. 4 июня 1998 г. Кассационный суд отклонил жалобу заявительницы на следующих основаниях:

«В разбирательстве в нижестоящих судах, в рамках которого Маджигуэне Ндури¹, сенегальской гражданке, было предъявлено обвинение в незаконном въезде и пребывании во Франции, обвиняемая оспорила приказ комиссара полиции, изданный без предварительного судебного решения, об эвакуации церкви, занятой обвиняемой и рядом других лиц, за эвакуацией последовала полицейская проверка документов, установившая, что демонстранты являлись незаконными иммигрантами.

¹ Жалоба в Европейский Суд подана под другой фамилией (*прим. переводчика*).

При таких обстоятельствах мотивы, которыми руководствовались суды, отклоняя ее возражения, являются необязательными и не могут служить основанием для жалобы заявительницы, поскольку, даже если бы она доказала, что вышеупомянутый административный акт являлся незаконным, это не имело бы значения для исхода уголовного разбирательства».

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

19. Статья 111-5 Уголовного кодекса предусматривает:

«Суды по уголовным делам имеют юрисдикцию для толкования общих или индивидуальных административных решений или правил и определения их законности, если исход осуществляемого ими уголовного разбирательства зависит от этого».

20. Пункт 1 статьи 78-2 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает следующее:

«Начальствующие лица полиции и рядовые полицейские, действующие по приказу начальствующих лиц, несущие ответственность за свои действия, ...могут предложить любому лицу раскрыть свою личность любыми средствами, если имеются основания подозревать, что он:

(i) совершил преступление или покушался на его совершение;

(ii) готовится к совершению тяжкого или иного преступления¹, может предоставить информацию, способствующую расследованию тяжкого или иного преступления, или разыскивается судебными органами».

21. Статья L. 2512-13 Общего кодекса территориальных органов власти предусматривает следующее:

«В городе Париже комиссар полиции имеет полномочия и прерогативы, предоставленные ему Ордонансом консулов от 12 мессидора VIII года², определяющим функции парижского комиссара полиции, с последующими изменениями, и статьями L. 2512-7, L. 2512-14 и L. 2512-17.

Однако при обстоятельствах, предусмотренных настоящим Кодексом и Кодексом общественного здравоохранения, мэр Парижа обеспечивает содержание общественных автомобильных дорог в чистоте и порядке,

¹ Для французского права характерна трехчастная классификация преступных деяний, которые делятся на тяжкие преступления, уголовные деликты и проступки. Здесь и далее, вероятно, имеются в виду первые две категории (*прим. переводчика*).

² Дата указана по республиканскому календарю и означает, что данный акт был принят в июле 1800 г. Ордонансы обычно принимаются правительством с разрешения парламента и имеют силу закона (*прим. переводчика*).

поддержание порядка на ярмарках и рынках и, с учетом мнения комиссара полиции, выдачу разрешений мелким торговцам на парковку и выдачу разрешений или лицензии на устройство парковок на общественной автомобильной дороге.

Кроме того, при обстоятельствах, предусмотренных пунктом 3 статьи L. 2215-1 и статьями L. 3221-4 и L. 3221-5 настоящего Кодекса, мэ́р несет ответственность за сохранение государственного имущества, включенного в публичную собственность города Парижа. Для целей применения этих положений право замены, переданное государству в департаменте, осуществляется в Париже комиссаром полиции».

22. Соответствующие положения Ордонанса консулов от 12 мессидора VIII года, определяющие функции комиссара полиции Парижа, предусматривают следующее:

«Статья I. Общие положения

1. Комиссар полиции осуществляет функции, изложенные ниже, под непосредственным руководством министров. Он прямо связывается с ними по вопросам, за которые несут ответственность их департаменты.

2. Комиссар полиции может воспроизводить административные правила и постановления и издавать приказы, обеспечивающие их соблюдение.

<...>

Статья III. Поддержание правопорядка в городе

<...>

21. Комиссар полиции несет ответственность за все вопросы, связанные с второстепенными дорогами, за исключением того, что жалоба на его решения подается министру внутренних дел.

22. Комиссар полиции обеспечивает свободу и безопасность на общественных дорогах и в этих целях несет ответственность за предотвращение преступного ущерба общественным дорогам, за освещение, за обеспечение соблюдения жителями обязанности содержания пространства перед их домами в порядке и за организацию уборки площадей и периметров общественных садов и зданий за счет города...».

23. Соответствующие положения Закона от 30 июня 1881 г. о публичных собраниях предусматривают:

«1. Любое лицо вправе посещать публичные собрания.

Публичные собрания могут проводиться без предварительного разрешения при условии соблюдения условий, изложенных в следующих статьях...

6. Собрания не могут проводиться на общественной дороге...

8. Каждое собрание должно иметь президиум, состоящий не менее чем из трех лиц. Президиум несет ответственность за поддержание порядка, предупреждение любых нарушений закона, обеспечение сохранения

характера собрания, указанного в декларации, запрещение любых высказываний, противоречащих общественному порядку или морали или содержащих подстрекательство к совершению действий, составляющих тяжкое или иное преступление...

9. ...представитель власти не может осуществлять право прекращения собрания, пока президиум не предложит ему сделать это или пока не имеют место столкновения или явно незаконные действия.

10. Любое нарушение положений настоящего Закона наказывается в суммарном порядке, что не исключает разбирательства, которое может быть возбуждено в отношении тяжкого или иного преступления, которые могут быть совершены на собрании».

24. Статьи 25, 26, 32 и 35 Закона от 9 декабря 1905 г. об отделении церкви от государства предусматривают следующее:

«Статья 25

Собрания для целей богослужения в помещениях, принадлежащих религиозному объединению или переданных в его распоряжение, открыты для публики. На них не распространяются требования статьи 8 Закона от 30 июня 1881 г., но они остаются под надзором властей в интересах общественного порядка. Такие собрания могут проводиться при условии подачи декларации в форме, требуемой статьей 2 данного Закона, в которой указываются помещения, в которых они будут проводиться...

Статья 26

Запрещено проводить публичное собрание в помещениях, обычно используемых в качестве места богослужения.

<...>

Статья 32

Любое лицо, препятствующее, задерживающее или прерывающее религиозные церемонии путем организации волнений или беспорядков в помещениях, используемых для таких церемоний, подвергается тому же наказанию.

<...>

Статья 35

Священнослужитель, виновный в произнесении речи или публично производящий или распространяющий уведомления в месте богослужения, которые содержат прямое подстрекательство к несоблюдению закона или сопротивлению законным действиям публичных властей или направлены на возбуждение или противопоставление одной группы граждан против другой, наказывается лишением свободы на срок два года, что не исключает наказания за соучастие, если за подстрекательством последовали бунт, мятеж или гражданская война».

ПРАВО

<...>

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

34. Заявительница жаловалась на нарушение ее права на свободу мирного собрания с другими иностранцами для целей осуждения обращения с ними. Вмешательство в это право не было предусмотрено законом (поскольку приказ об эвакуации был незаконным), не было оправдано законной целью и не было соразмерным. Она ссылалась на нарушение статьи 11 Конвенции, которая в соответствующих частях предусматривает:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...».

А. Имело ли место вмешательство в свободу собраний

35. Власти Франции утверждали, что приказ об эвакуации, изданный комиссаром полиции, не затронул право заявительницы на свободу мирных собраний. Ссылаясь на решения Европейской Комиссии по правам человека, власти Франции указывали, что право на свободу мирных собраний не распространяется на события, замышлявшие организаторами и участниками в нарушение общественного порядка, которые независимо от цели, преследуемой ими, необоснованно ограничивали право других лиц на свободу собраний. Цель собрания, в котором принимала участие заявительница, противоречила соображениям общественного порядка, поскольку церковь святого Бернара была занята с целью защиты и узаконения сознательного нарушения французских иммиграционных правил, что влекло ответственность виновных. Незаконность собрания была тем более очевидной, что его цель сама по себе являлась нарушением общественного порядка. Соответственно, оно не могло считаться «мирным» в понимании этого термина в прецедентной практике Европейского Суда. С учетом его длительности — нескольких месяцев — занятие помещения не может рассматриваться как «собрание».

36. Кроме того, тот факт, что церковь была занята в течение нескольких месяцев, бесспорно препятствовал местной конгрегации в осуществлении богослужений, которые согласно французскому законодательству представляли собой форму свободных собраний, пользовавшуюся защитой закона. Тот факт, что занятое здание служило местом для богослужений, использование которого регулировалось Законом от 9 декабря 1905 г. об отделении церкви от государства, означал, что собрание не могло квалифицироваться как мирное. Утверждение о том, что отказ приходского священника от вмешательства являлся достаточным для установления мирного характера собрания, равнозначно утверждению о том, что он был единственным лицом, уполномоченным определять масштаб ущерба, причиненного общественному порядку и свободе религии. Ответственность за соблюдение Закона от 9 декабря 1905 г. возлагается на правоохранительные органы, которые обязаны поддерживать общественный порядок и обеспечивать беспрепятственность богослужений в интересах конгрегации. Кассационный суд уже указал, что церковные власти не имели обязанностей материального характера, таких как обеспечение безопасности. Именно административные органы должны были обеспечивать безопасность людей внутри здания, даже если волнения возникли извне.

37. Заявительница отмечала, что нельзя утверждать, что собрание, которое, как в настоящем деле, было организовано для призыва об узаконении иммиграционного статуса, не являлось мирным только на том основании, что его цель не была одобрена органами власти. Решения Комиссии, на которые ссылались власти Франции, не имели той сферы действия, которая им приписывалась властями. На практике не могут считаться «мирными собраниями» только те события, в которых организаторы и участники намеревались применить насилие. В настоящем деле ни занимавшие церковь, ни заявительница не обвинялись в насильственном поведении. В любом случае законность или незаконность собрания в соответствии с национальным законодательством ни при каких обстоятельствах не могли рассматриваться как критерий определения мирного характера собрания.

38. Что касается довода властей Франции о том, что собрание являлось вмешательством в свободу собраний других лиц, заявительница подчеркивала, что она и другие участники акции на всем ее протяжении пользовались поддержкой священника и приходского совета, и что все церемонии проходили в установленный срок без малейших происшествий. Она утверждала, что, вопреки доводам властей Франции, отсутствовала норма или прецедентная практика, которая позволяла бы публичному органу решать вопрос о том, что отвечает интересам церкви вместо церковных властей. Вместо того, чтобы доказать,

что собрание должно было рассматриваться как вмешательство в свободу богослужений, власти Франции предпочли сослаться на так называемое нарушение общественного порядка, которое предположительно имело место за пределами церкви.

39. Европейский Суд отмечает, что заявительница являлась членом группы иностранцев, не имевших действующих видов на жительство, которые решили предпринять коллективную акцию для привлечения внимания к сложностям, сопровождавшим пересмотр их иммиграционного статуса во Франции. Их кампания достигла кульминационного момента 28 июня 1996 г., когда было принято решение о занятии церкви святого Бернара, в которой группа пребывала в течение приблизительно двух месяцев. Ни священник, ни приходской совет церкви не возражали против их присутствия, и религиозные службы, и различные церемонии осуществлялись по плану и без происшествий.

40. Соответственно, Европейский Суд находит, что эвакуация церкви составляла вмешательство в осуществление права заявительницы на свободу мирного собрания.

В. Являлось ли вмешательство оправданным

1. Было ли вмешательство предусмотрено законом

41. Власти Франции утверждали, что приказ об эвакуации, положивший конец собранию, был предусмотрен законом. Ордонанс от 12 мессидора VIII года и статья L. 2512-13 Кодекса территориальных органов власти наделяли парижского комиссара полиции всеми полномочиями для поддержания общественного порядка. Таким образом, комиссар полиции обладал необходимыми полномочиями для издания приказа от 22 августа 1996 г. о выдворении лиц, занявших церковь святого Бернара.

42. Заявительница утверждала, что вышеизложенные положения не свидетельствуют о том, что полномочия комиссара полиции включали защиту богослужений или что он имел право использовать вооруженную силу для преодоления права убежища путем принудительного выдворения лиц, которые в качестве последнего приюта укрылись в месте богослужения.

43. Европейский Суд находит, что данное вмешательство предусмотрено законом: в частности, согласно Закону от 9 декабря 1905 г. местные власти, а не приходской священник, несут ответственность за надзор над религиозными церемониями, и они уполномочены действовать как по ходатайству священника, так и по собственной инициативе.

2. Преследовало ли вмешательство законную цель

44. Власти Франции отмечали, что приказ об эвакуации был издан с учетом нескольких соображений общественного порядка. Его основной целью была защита здоровья и безопасности, прежде всего, присутствующих в церкви, которые подвергались серьезной угрозе как в силу условий проживания, так и, в некоторых случаях, в связи с участием в голодовке. Судебный пристав, которому комиссар полиции поручил осмотреть помещения, отметил в своем официальном докладе ухудшение здоровья голодающих и серьезную нехватку адекватного санитарного оборудования. Приказ также был необходим для поддержания общественного порядка и предотвращения преступлений: занимавшие церковь признавали нарушение иммиграционных правил; вне церкви были установлены заграждения, препятствовавшие движению транспорта, и занятие церкви привлекло множество наблюдателей, что вызывало опасение относительно выхода ситуации из-под контроля. Наконец, меры были приняты для обеспечения соблюдения религиозного назначения здания.

45. Заявительница утверждала, что все изложенные причины являлись лишь предлогом. Истина заключалась в том, что, как широко отмечалось в прессе и никем не оспаривалось, комиссар полиции только исполнил решение, принятое президентом республики и премьер-министром в попытке исключить представление о том, что они ослаблены угрозой властям Франции, которую представляли участники движения в стремлении к пересмотру своего иммиграционного статуса.

46. Европейский Суд отмечает, что приказ об эвакуации был издан с целью пресечения длительного занятия места богослужения лицами, включая заявительницу, которые нарушили французское законодательство. Таким образом, вмешательство преследовало законную цель, а именно предотвращение беспорядков.

3. «Необходимость в демократическом обществе»

47. Власти Франции утверждали, что заявительница и несколько сот человек находились примерно два месяца в общественном здании, предназначенном исключительно для использования в качестве места богослужений и явно непригодном для такого пребывания. В течение двух месяцев, предшествовавших эвакуации, заявительница имела возможность изложить свои требования. Соответственно, необходимость в обжалуемой мере становилась тем более острой в настоящем деле. Власти Франции повторно указали, что заявительница являлась нарушительницей иммиграционных правил и публично признала это

нарушение, несмотря на то, что ранее она получила предложение покинуть территорию, и нарушила своим поведением положения Закона 1881 года, регулирующего свободу собраний, и положения Закона 1905 года, регулирующего использование мест богослужений.

48. Заявители¹ указывали, что среди примерно 300 лиц, занимавших церковь, в голодовке участвовали только десятеро, и они пользовались постоянной медицинской помощью, включая помощь властей, поскольку за несколько дней до эвакуации полиция доставила голодающих в различные больницы для обследования их состояния. Сразу после этого голодающие возвратились в церковь своими силами. Занятие церкви было мирным и имело место с согласия церковных властей и прихожан. Незаконным иммигрантам не мешали собираться. Кроме того, власти Франции обязались пересмотреть все дела участников акции, с тем чтобы последние имели право оставаться во Франции, по крайней мере, до этого пересмотра, и все разбирательства, возбужденные с целью обеспечения их выезда, были прекращены.

49. Заявительница добавила, что в окрестностях церкви или на общественной дороге отсутствовали происшествия, и если бы они имели место, полиция могла бы вмешаться для восстановления порядка, для чего не требовалась эвакуация церкви. Единственный конкретный пример затрагивал металлические заграждения, предположительно установленные на дороге и блокировавшие движение транспорта. Не говоря о том, что имеются свидетели, опровергающие это утверждение, такая ситуация могла быть устранена без необходимости эвакуации церкви. Наконец, утверждение о том, что входы в церковь были блокированы, совершенно не соответствовало действительности, церковные руководители и участники акции постоянно следили за соблюдением правил безопасности.

50. Европейский Суд не разделяет мнение властей Франции о том, что статус заявительницы как незаконного иммигранта являлся достаточным для оправдания нарушения ее права на свободу собраний, поскольку эта свобода осуществлялась в течение двух месяцев без вмешательства со стороны властей, и мирный протест против нарушения законодательства не составляет законной цели для ограничения свободы в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции.

51. Однако Европейский Суд отмечает, что даже притом, что протест был мирным и сам по себе не составлял нарушения общественного порядка и не препятствовал прихожанам в посещении богослужений, по истечении двух месяцев занятие церкви незаконными иммигрантами, включая заявительницу, вылилось в ситуацию, описанную в докладе судебного пристава по поручению комиссара полиции, при которой

¹ Так в оригинале (*прим. переводчика*).

здоровье голодающих ухудшалось, и санитарные условия стали полностью неадекватными.

52. При таких обстоятельствах Европейский Суд признает, что ограничения осуществления права заявительницы на участие в собрании могли стать необходимым. Действительно, приходской священник не требовал от полиции вмешательства, и методы, использованные полицией при вмешательстве, имевшем место без предупреждения и неизбежным, вышли за рамки того, что можно было ожидать от властей при ограничении свободы собраний. Европейский Суд сожалеет о том, что такие методы применялись. Однако он отмечает, что в соответствии с национальным законодательством полиция могла вполне законно вмешаться в отсутствие требования приходского священника, и что опасения властей по поводу того, что ситуация может быстро ухудшиться, не являлись неразумными. В любом случае символическое и показательное присутствие заявительницы и других иммигрантов допускалось в настоящем деле достаточно долго, чтобы вмешательство после столь длительного периода не являлось неразумным.

53. При таких условиях и с учетом широких пределов усмотрения, которым пользуются государства в этой сфере (см. Постановление Европейского Суда от 21 июня 1988 г. по делу «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (Plattform «Ärzte für das Leben» v. Austria), Серия А, № 139, с. 12, § 34), Европейский Суд находит, что вмешательство в право заявительницы на свободу собраний не было с учетом всех обстоятельств дела несоразмерным целям пункта 2 статьи 11 Конвенции.

54. Соответственно, по делу требования статьи 11 Конвенции нарушены не были.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

- 1) *отклонил* предварительное возражение властей Франции;
- 2) *постановил*, что по делу требования статьи 11 Конвенции нарушены не были.

Совершено на французском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 9 апреля 2002 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента.

А. Бака
Председатель Палаты Суда

С. Долле
Секретарь Секции Суда

Ойа АТАМАН ПРОТИВ ТУРЦИИ¹
(Oya Ataman v. Turkey)

Жалоба № 74552/01

Постановление Суда

Страсбург, 5 декабря 2006 г.

По делу «Ойа Атаман против Турции» Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) (Вторая секция), заседая Палатой в составе:

Ж.-П. Коста (J.-P. Kosta), *Председателя Палаты*,

А. Бака (A. Baka),

Р. Тюрмена (R. Turmen),

М. Угрехелидзе (M. Ugrekhelidze),

Е. Фура-Сандстрёма (E. Fura-Sandstrem),

Д. Йочиена (D. Jochien),

Д. Поповича (D. Popovich), *судей*,

а также С. Нейсмита (S. Nejsmit), *Секретаря Суда*,

проведя 14 ноября 2006 г. закрытое заседание, вынес следующее Постановление, принятое в тот же день.

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело инициировано жалобой № 74552/01, поданной 15 марта 2001 г. гражданкой Турции Ойа Атаман (далее — заявительница) против Республики Турция, в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции по защите прав и основных свобод человека (далее — Конвенция).

2. Заявительница изъявила желание участвовать в заседании и назначила своим представителем г-на Г. Шана, адвоката Стамбульской адвокатуры. Турецкое правительство (далее — Правительство) не назначило своего представителя для участия в судебных заседаниях.

3. 8 марта 2005 г. Европейский Суд признал заявление частично приемлемым к рассмотрению и в соответствии со статьями 3, 11 Конвенции решил направить данные жалобы Правительству. Согласно пункту 3 статьи 29 Конвенции Европейский Суд решил рассмотреть заявление по существу и одновременно на предмет его приемлемости.

¹ Перевод с английского выполнен Павлом Манжосем.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявительница родилась в 1970 г. и проживает в г. Стамбуле.

5. 22 апреля 2000 г. заявительница и член комиссии Стамбульской ассоциации по правам человека в знак протеста против планов по созданию тюрем так называемого Ф-типа организовала на площади Султанхамет демонстрацию в форме шествия, с заявлением для прессы.

6. Около полудня на площади собралась группа из 40—50 человек под руководством заявительницы и адвоката, президента Стамбульской ассоциации по правам человека Эрен Кескин, с плакатами и агитационными знаками в руках. Полиция попросила группу разойтись и прекратить собираться, сообщив в мегафон, что демонстрация, о которой не было предварительно заявлено, является незаконной и может вызвать проблемы с обеспечением соблюдения общественного порядка в столь оживленное время.

7. Демонстранты отказались подчиниться и попытались продолжить шествие в направлении сил полиции, которая разогнала группу с применением разновидности слезоточивого газа, известной как перцовый спрей.

8. После выяснения личности и в связи с выполнением адвокатом профессиональных обязанностей заявительница была освобождена в 12 часов 45 минут.

9. 26 апреля 2000 г. заявительница совместно с прокуратурой в Бейоглу обвинила начальника Стамбульской полиции общественного порядка, а также офицеров, имеющих отношение к данному делу, в совершении преступления, заявила, что была подвергнута жестокому обращению, выразившемуся в применении к ней перцового спрея, незаконном задержании и лишении возможности сделать публичное заявление во время завершения демонстрации.

10. 29 июня 2000 г. прокуратура прекратила рассмотрение жалобы на том основании, что в деле заявительницы закон не был нарушен.

11. 25 июля 2000 г. заявительница обратилась с заявлением в суд Бейоглу Ассизе с требованием отмены этого решения.

12. 25 сентября 2000 г. суд Ассизе вынес решение, что в деле недостаточно оснований для судебного производства.

II. ПРИМЕНИМОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Национальное законодательство, регулирующее свободу собраний

1. Конституционные гарантии

13. Статья 34 Конвенции гласит:

«Каждый имеет право проводить мирные собрания без оружия и демонстрационные шествия без предварительного разрешения.

...Формальности, условия и процедуры, регулирующие реализацию права на проведение митингов и демонстрационных шествий, должны быть установлены законом».

2. Законодательные акты об организации демонстраций

14. В процессе рассмотрения документов и материалов раздел 10 Акта о проведении демонстраций и шествий был оформлен следующим образом:

«Для того, чтобы митинг состоялся, учреждение государственной власти или руководство района, где планируется провести демонстрацию, должно быть заранее проинформировано об этом в час его открытия и, по крайней мере, за 72 часа до начала митинга путем подачи уведомления с подписями всех членов инициативной группы...».

15. Раздел 22 того же Акта запрещает проведение демонстраций и шествий на улицах, в парках, местах культового поклонения и зданиях, в которых размещаются социальные службы. Демонстрации, организованные на площадях, должны проводиться в соответствии с инструкциями по безопасности проведения подобных акций и не мешать движению граждан и транспорта. Наконец, раздел 24 предусматривает, что шествия, которые проводятся без соблюдения требований этого закона, могут быть разогнаны силой по приказу учреждения власти и после предупреждения демонстрантов.

В. Заключение Комиссии

16. Комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) на своем 64-м пленарном заседании (21–22 октября 2005 г.) вынесла заключение, интерпретирующее основные положения БДИПЧ/ОБСЕ по разработке проектов законов в отношении правил проведения ми-

тингов. Она определила подход к этой сфере, частично – в отношении подачи предварительного уведомления о проведении демонстраций в публичных местах:

«29. Установление порядка подачи предварительного уведомления о проведении мирного собрания не обязательно подразумевает ограничение данного права. В действительности, такой порядок существует в нескольких европейских странах. Необходимость подачи предварительного уведомления главным образом возникает в отношении определенных митингов или собраний. Например, когда планируется провести шествие на автотрассе с интенсивным движением транспорта или локальное собрание граждан на площади, которое требует от полиции и властей сделать возможным само проведение акции, и не применять при этом факторы (такие, например, как регулируемое движение транспорта), которые могли бы воспрепятствовать его проведению».

Тем не менее Венецианская комиссия ясно подчеркнула, что порядок предварительного уведомления ни при каких обстоятельствах не должен косвенным образом ограничивать право на проведение мирных митингов, например, посредством предъявления слишком детализированных и усложненных требований к участникам акции (пункт 30 заключения).

С. Международные правила применения слезоточивого газа

17. В соответствии с пунктом 5 статьи I Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. («The CWC»): «Каждое государство-участник обязуется не использовать химические средства борьбы с беспорядками в качестве средства ведения войны». Слезоточивый газ, или так называемый перцовый спрей, к химическому оружию не относится (Комиссия приняла приложение, содержащее перечень названий запрещенных химических веществ). Использование таких методов санкционировано в правоохранительных целях для усиления действия закона, включая внутригосударственные законодательные акты по борьбе с беспорядками в стране (статья II (9) (c1)).

В отношении Турции постановление Комиссии вступило в силу 11 июня 1997 г.

18. Однако общепризнанно, что применение этого вещества может вызвать такие эффекты, как проблемы с дыханием, тошноту, рвоту, раздражение дыхательных путей, слезных каналов и глаз, спазмы, боли в груди, дерматит или аллергию. В сильных дозах он может вызвать отмирание тканей дыхательных органов и пищеварительного

тракта, отек легких или внутреннее кровоизлияние (кровоизлияние надпочечников).

ПРАВО

I. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

19. В свете доводов сторон Европейский Суд полагает, что данная жалоба поднимает сложные вопросы закона и правоприменительной практики, которые требуют рассмотрения дела по существу, соответственно, она может быть признана приемлемой.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

20. Заявительница в своей жалобе указала, что слезоточивый газ, известный как перцовый спрей, был применен для разгона группы демонстрантов, вызвав проблемы с их физическим состоянием, такие как слезотечение и затруднение дыхания, и ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

21. Правительство отметило, что газ использовался для разгона демонстрантов с соблюдением норм по сохранению здоровья людей и требований международных конвенций.

22. Заявительница оспорила заявление Правительства.

23. Европейский Суд подчеркнул, что в соответствии с действующим законодательством, чтобы подпасть под действие статьи 3 Конвенции, жестокое обращение должно достичь минимального уровня жестокости. Обращение с человеком считается негуманным, если, например, оно было преднамеренным, применялось на протяжении многих часов и нанесло ущерб либо ослабление физического или умственного состояния. Более того, Европейский Суд установит, был ли человек подвергнут унижительному обращению в рамках статьи 3 Конвенции и, поскольку последствия наступили, был ли факт неблагоприятного воздействия на его или ее личность совместим с требованиями статьи 3 (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, № 92, *ECtHR* 2000-XI).

24. Суд исследует факты в свете устоявшегося превентивного судопроизводства (см. дело «Асенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*); Постановление Европейского Суда от 28 октя-

бря 1998 г.; отчеты за август 1998 г., с. 3288, § 93; Постановления Европейского Суда по делам: «Селмони против Франции» (*Selmomi v. France*), жалоба № 25803/94, § 95, *ECHR* 1999-V; от 16 декабря 1997 г. «Ранинен против Финляндии» (*Raninen v. Finland*); отчеты за август 1997 г., с. 2821–2822, § 55; Постановления Европейского Суда по делам: «V. против Соединенного Королевства» (*V. v. United Kingdom*), жалоба № 24888/94, § 71, *ECHR* 1999-IX; от 15 ноября 1996 г. «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*), *отчеты* 1996-V, с. 1855, § 79; Постановления Европейского Суда по делам: от 22 сентября 1993 г. «Клаас против Германии» (*Klaas v. Germany*), Серия А, № 269, с. 17, 18, § 30; «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, § 120, *ECHR* 1999-IV).

25. Прежде всего Европейский Суд исследует вопрос о применении перцового спрея. Он отмечает, что этот газ, использующийся в некоторых государствах Совета Европы для того, чтобы держать демонстрации под контролем или применять его в тех случаях, когда они становятся неуправляемыми, не относится к токсичным газам, перечисленным в приложении к Конвенции CWC. Однако он отмечает, что применение этого газа может вызвать побочные эффекты, такие как проблемы с дыханием, тошноту, рвоту, раздражение органов дыхания, слезных каналов и глаз, спазмы, боль в груди, дерматит или аллергию (см. § 18 настоящего Постановления).

26. Однако Европейский Суд констатирует, что заявительница не представила никаких медицинских отчетов для доказательства вредного воздействия на нее данного газа. Заявительница, будучи освобождена вскоре после того, как была задержана, также не обратилась за медицинским обследованием (см. Постановление Европейского Суда от 1 июня 2004 г. по делу «Киличгедик против Турции», жалоба № 55982/00). Следовательно, нет ни малейшего свидетельства того, что ее заявление о жестоком обращении противоречит статье 3 Конвенции.

27. На основании изложенного Европейский Суд придерживается мнения, что нарушение статьи 3 Конвенции не имело места.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

28. Заявительница обратилась с жалобой на ограничение ее права на свободу выражения мнения и свободу собраний, выразившееся в том, что ...демонстрация и выступление с заявлением для прессы были фактически запрещены полицией.

Европейский Суд отмечает, что в этом решении о частичной приемлемости данной жалобы он заявляет намерение исследовать жалобу в рамках статьи 11 Конвенции, соответствующая часть которой гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

29. Правительство заявило, что митинг, по существу, был проведен незаконно в том смысле, что в соответствующий орган власти не было подано предварительное уведомление о его проведении.

30. Первоначально Европейский Суд заметил, что не подлежит обсуждению вопрос о том, можно или нет вмешиваться в право заявителя на мирное собрание. Такое вмешательство имеет под собой законную основу, а именно раздел 22 Акта о собраниях и шествиях (Закон № 2911), и, таким образом, оно «предусмотрено законом» в смысле пункта 2 статьи 11 Конвенции. Но остаются нерешенными вопросы: преследовало ли это вмешательство законную цель, и было ли оно необходимо в демократическом обществе?

1. Преследовало ли вмешательство законную цель

31. Правительство заявило, что это вмешательство имело под собой законные цели, включая предотвращение беспорядков и защиту прав других лиц.

32. Суд полагает, что оспариваемая мера может быть расценена как преследовавшая, по крайней мере, две законные цели: предотвращение нарушения общественного порядка и защиту прав других лиц, особенно права свободно, без ограничений, передвигаться в общественном месте.

2. «Необходимость в демократическом обществе»

33. С точки зрения Правительства, заявительница принимала участие в демонстрации, проводимой на площади без предварительного уведомления и тем самым противоречащей государственному законодательству. Правительство также отметило, что вместе с другими демонстрантами заявительница не подчинилась приказу разойтись. При таких обстоятельствах и, принимая во внимание высокий уровень требований по отношению к государственной власти в этой сфере,

правительство сочло, что риск возникновения беспорядков, которые могли бы угрожать гражданам, находившимся в парке в оживленное время дня, и сопротивление демонстрантов, по существу, дали законные основания к разгону собравшихся. По мнению Правительства, вмешательство полиции было необходимой мерой в рамках пункта 2 статьи 11 Конвенции.

34. Заявительница отметила, что полиция вмешалась в ход акции, не дожидаясь, когда будет зачитано публичное заявление, под предлогом того, что митинг нарушал общественный порядок.

35. Европейский Суд в первую очередь ссылается на фундаментальные принципы, лежащие в основе его Постановлений в соответствии со статьями 11 Конвенции (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Джавит Ан против Турции» (*Djavit An v. Turkey*), № 20652/92, §§ 56, 57, *ECHR* 2003-III; от 27 апреля 1995 г. «Пьермон против Франции» (*Piermont v. France*), Серия А, № 314, §§ 76, 77; от 21 июня 1988 г. «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (*Plattform “Ärzte für das Leben” v. Austria*), Серия А, № 139, с. 12).

36. Европейский Суд также отмечает, что государственные власти не должны защищать только лишь право мирно собираться — они также должны воздержаться от беспричинных косвенных ограничений в отношении этого права. Наконец, Европейский Суд считает, что, хотя основным предметом статьи 11 Конвенции является защита гражданина от произвольного вмешательства властей в процессе реализации защищаемых прав, помимо этого, должны быть соблюдены обязательства по эффективному осуществлению этих прав (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джавит Ан против Турции», § 57).

37. Прежде всего Европейский Суд полагает, что данные принципы также применимы к вопросу о демонстрациях и шествиях, организуемых в общественных местах. Однако он обращает внимание на то, что не противоречит духу статьи 11 Конвенции то обстоятельство, что в целях защиты общественного порядка и национальной безопасности Высокая Договаривающаяся Сторона требует, чтобы проведение митингов было предметом администрирования, и регламентирует деятельность ассоциаций (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джавит Ан против Турции», §§ 66–67).

38. Защищая государственное законодательство, Европейский Суд констатирует, что для проведения демонстраций никакого администрирования не требуется. В период работы с материалами, однако, установлено требование, чтобы заявка о предстоящем митинге была подана за 72 часа до его начала. В общем и целом, правила подобного рода, не должны представлять собой препятствие на пути к осуществлению свободы мирных собраний, поскольку это запрещено Кон-

венцией. Само собой разумеется, что любая демонстрация, проводимая в общественном месте, до определенной степени может вызвать нарушение общественного порядка и столкновения с элементами враждебности. Учитывая это, важно, чтобы ассоциации и другие лица, организующие демонстрации, являясь действующими лицами демократического процесса, уважали правила, регулирующие данный процесс, соблюдая действующие нормы и положения.

39. Европейский Суд полагает, что при отсутствии предварительного уведомления демонстрация была незаконной — факт, который заявительница не оспаривает. Вместе с тем он отмечает, что незаконность демонстрации не оправдывает ограничения свободы собраний (см. «Сиссе против Франции» (*Cisse v. France*), жалоба № 51346/99, § 50, *ECHR* 2002-III). В настоящем деле, однако, уведомление могло бы побудить власти свести к минимуму нарушение общественного порядка путем воспрепятствования движению транспорта, которое демонстрация могла вызвать в «час пик». По мнению Европейского Суда, для того чтобы обеспечить нормальное проведение демонстрации в любой момент — будь то митинг или какое-либо другое собрание граждан, политического, культурного или иного характера — важно предпринять превентивные меры по соблюдению безопасности, такие, например, как присутствие в местах проведения демонстраций служб оказания первой помощи.

40. Из свидетельских показаний, данных в ходе судебного заседания, следует, что группу демонстрантов несколько раз проинформировали о том, что их шествие является незаконным и может вызвать нарушение общественного порядка в оживленное время дня, и что демонстрантам было приказано разойтись. Заявительница и другие демонстранты не подчинились приказам сил безопасности и попытались пройти.

41. Тем не менее отсутствует свидетельство того, что рассматриваемая группа представляла опасность для общественного порядка. Она находилась вдалеке от мест, где возможно воспрепятствование движению транспорта. Группа состояла из 50 человек, которые хотели привлечь внимание общественности к местной проблеме. Европейский Суд констатирует, что акция началась около полудня и закончилась задержанием группы демонстрантов через полчаса после ее начала. Мероприятие было разогнано отчасти из-за проявлений нетерпимости со стороны властей, желающих как можно скорее завершить проведение демонстрации, организованной под эгидой Ассоциации по правам человека.

42. С точки зрения Европейского Суда, там, где демонстранты не вовлечены в акты насилия, важно, чтобы власти в определенной степени проявляли толерантность по отношению к мирным собраниям граж-

дан, если свобода собраний, гарантируемая в статье 11 Конвенции, не лишена своей сути.

43. Европейский Суд полагает, что в настоящем деле силовое вмешательство полиции было диспропорциональным и не являлось необходимым для предотвращения нарушения общественного порядка в рамках статьи 11 Конвенции.

44. Соответственно, имело место нарушение этой нормы.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

45. Статья 41 Конвенции устанавливает, что:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

46. Заявительница потребовала 1 190,83 евро в качестве возмещения вреда, причиненного за невозможность выполнять свою работу в день проведения демонстрации и 20 000 евро в возмещение неучитываемого в финансовом измерении вреда, который, по ее утверждению, был ей причинен.

47. Правительство опротестовало эти суммы.

48. Европейский Суд не находит причинной связи между установленным нарушением и заявленным финансовым ущербом. Он полагает, что заявительница в достаточной мере получила компенсацию в результате признания нарушения статьи 11 Конвенции.

В. Судебные расходы и издержки

49. Заявительница также потребовала 8 051,77 евро в качестве возмещения судебных издержек.

50. Правительство сочло эту сумму завышенной.

51. В соответствии с законодательством, которое практикуется Европейским Судом, возмещение издержек может быть осуществлено лишь настолько, насколько они были в действительности и в необходимой мере понесены заявителем, а также те, которые поддаются подсчету (см. Постановление Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии» (*Nikolova v. Bulgaria*), № 31195/96, § 79, *ECHR* 1999-II).

С. Пеня

52. Европейский Суд полагает приемлемым, что начисление пени должно основываться на предельном (имеющем наименьшее значение) ссудном проценте Европейского центрального банка, к которому должны прибавляться три процента.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

- 1) *признает* в данной части жалобу приемлемой;
- 2) *полагает*, что не имело место нарушение статьи 3 Конвенции;
- 3) *полагает*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;
- 4) *полагает*, что данное нарушение как таковое предполагает достаточно справедливым удовлетворение понесенного заявителем вреда, не выраженного в денежных суммах;
- 5) *полагает*, что:
 - a) в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции государство-ответчик в течение трех месяцев со дня окончательного постановления Европейского Суда обязано выплатить заявителю 1 000 евро (одну тысячу евро) в качестве компенсации затрат и издержек плюс любой налог, которым может быть обложена эта сумма для дальнейшего конвертирования в новые турецкие лиры по курсу, существующему на дату расчета;
 - b) по истечении вышеупомянутого трехмесячного срока должен быть выплачен простой процент (исчисляемый от вышеуказанной суммы по предельному курсу, равному предельному — имеющему наименьшее значение — Европейского центрального банка);
 - b) *оставляет* другие требования заявителя без удовлетворения.

Совершено на французском языке 5 декабря 2006 г. в соответствии с пунктами 2, 3 Правила 77 Регламента Суда.

Ж.-П. Коста
Председатель Палаты Суда

С. Найсмит
Секретарь Суда

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ ПРОТИВ РОССИИ¹
(Sergey Kuznetsov v. Russia)

Жалоба № 10877/04

Постановление Суда

Страсбург, 23 октября 2008 г.

По делу «Сергей Кузнецов против России» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Н. Ваич, *Председателя Палаты,*

А. Ковлера,

Х. Гаджиева,

Д. Шпильманна,

С. Э. Йебенса,

Д. Малинверни,

Д. Николау, *судей,*

а также А. Вампаша, *Заместителя Секретаря Секции,*

проведя 2 октября 2008 г. закрытое заседание, вынес следующее Постановление, принятое в указанный выше день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено Европейским Судом по правам человека (далее – Европейский Суд) по жалобе (№ 10877/04) против Российской Федерации, поданной 25 декабря 2003 г. гражданином России Сергеем Владимировичем Кузнецовым (далее – заявитель), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция).

2. Интересы заявителя представлял г-н Ю. Ершов, адвокат, практикующий в г. Екатеринбурге. Российское правительство (далее – Правительство) было представлено его уполномоченным г-ном П. Лаптевым, бывшим представителем Российской Федерации в Европейском Суде.

3. 1 марта 2005 г. Председатель Первой Секции Европейского Суда принял решение поставить в известность о поданной жалобе Правительство. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции было принято решение рассмотреть существо жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости.

¹ Перевод выполнен Центром защиты прав СМИ.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель родился в 1957 г., проживает в г. Екатеринбурге.

5. 18 марта 2003 г. заявитель и два других лица (г-н Ш. и г-жа М.) послали уведомление главе городской администрации г. Екатеринбурга о своем намерении провести пикет перед зданием Свердловского областного суда. Пикет должен был состояться в период с 25 по 28 марта 2003 г., с 9 до 11 часов утра. Заявленная цель пикета заключалась в том, чтобы «привлечь внимание общественности к нарушениям права человека на судебную защиту».

6. 19 марта 2003 г. руководитель отдела по связям с общественностью и средствами массовой информации Екатеринбургской городской администрации подтвердил получение уведомления. Он подчеркнул, что, если пикет будет доставлять неудобства, например, закрывать доступ к зданию суда или препятствовать его нормальной работе, администрация будет вынуждена вмешаться.

7. 20 марта 2003 г. начальник милиции общественной безопасности г. Екатеринбурга отдал распоряжение сотрудникам милиции обеспечивать общественную безопасность и движение транспорта во время пикета.

8. 25 марта 2003 г. заявитель в числе других лиц проводил пикет. Они распространяли газетные вырезки и листовки о г-не Овчаруке, председателе Свердловского областного суда, который был якобы замешан в коррупционных скандалах, и собирали подписи в поддержку его отставки.

9. 27 марта 2003 г. г-н Дементьев, первый заместитель председателя Свердловского областного суда, направил начальнику Верх-Исетского РОВД г. Екатеринбурга следующее письмо:

«С разрешения Екатеринбургской городской администрации группа граждан, включавшая г-на Ш., г-на Кузнецова и г-жу М., устроили пикет перед зданием Свердловского областного суда...

В уведомлении о проведении пикета указывалось, что целью проведения пикета было «привлечь внимание общественности к нарушениям права человека на судебную защиту».

Как показали последующие события, организаторы пикета ввели в заблуждение чиновников Екатеринбургской городской администрации относительно истинных целей своей акции.

Вместо привлечения внимания общественности к проблемам судебной защиты и нарушениям прав человека, как это было указано в уведомлении о проведении пикета — если они полагали, что такие проблемы существуют, и против чего было бы трудно возразить, поскольку указанные

проблемы существуют в действительности, участники пикета распространяли отпечатанные листовки и материалы клеветнического и оскорбительного характера, направленные лично против председателя Свердловского областного суда.

Информация, содержащаяся в отрывке из “Новой газеты”, была более чем двухлетней давности. Она подверглась проверке Высшей квалификационной коллегии судей и Генеральной прокуратуры и была признана клеветнической, о чем участники пикета, в частности г-н Ш. и г-н Кузнецов, были прекрасно осведомлены.

Из изложенного выше очевидно, что организаторы пикета умышленно и злонамеренно изменили характер акции и таким образом ввели в заблуждение общественность, которую, в соответствии с уведомлением о проведении пикета, они были намерены познакомить с положением дел в области предоставления судебной защиты правам человека.

Тем самым они совершили административное правонарушение, нарушив положения раздела 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 г., исправленного Президентским Указом от 25 мая 1992 г., в соответствии с разделом 8 за которое предусмотрена административная ответственность по части 1 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях...

Таким образом, в соответствии с частью 2 (пункт 1) статьи 28.3 упомянутого Кодекса я прошу вас провести административные разбирательства в отношении действий г-на Ш., г-на Кузнецова и г-жи М., подготовить отчет об административном правонарушении и принять решение по вопросу об их правовой ответственности за нарушение закона. Прошу вас сообщить мне о принятом решении».

10. 17 апреля 2003 г. сотрудник Верх-Исетского РОВД г. Екатеринбурга составил отчет об административных правонарушениях, совершенных заявителем по частям 1 и 2 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях. В соответствии с отчетом заявитель представил уведомление о проведении пикета слишком поздно, распространял листовки клеветнического и оскорбительного характера против председателя областного суда, а также препятствовал прохождению граждан в здание суда. Судебные приставы г-н Р. и г-н М. фигурировали в отчете в качестве свидетелей.

11. 21 апреля 2003 г. глава Верх-Исетского РОВД направил отчет и вспомогательные материалы в Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга. Дело было передано мировому судье третьего судебного участка Верх-Исетского района г. Екатеринбурга.

12. 15 мая 2003 г. заявитель оспорил судебное определение и потребовал, чтобы дело разбиралось в соседней области. По его мнению, объективное рассмотрение дела в г. Екатеринбурге было невозможно, потому что оно было возбуждено по инициативе высокопоставленных чиновников областного суда. Судья отклонил это возражение, моти-

виrowав свое решение тем, что Кодекс об административных правонарушениях не предполагает возможности изменения подсудности.

13. 19 мая 2003 г. судья принял постановление по делу об административном правонарушении, в котором заявитель был признан виновным по трем пунктам.

14. Во-первых, судья постановила, что заявитель нарушил установленную процедуру проведения пикетов. Он направил уведомление о проведении пикета за восемь дней до дня его проведения, тогда как и Указ Верховного Совета СССР от 1988 г., и соответствующие местные акты г. Екатеринбурга устанавливают десятидневный срок.

15. Во-вторых, судья пришла к выводу, что во время проведения пикета заявитель нарушил общественный порядок. Делая свое заключение, она опиралась на следующие свидетельства:

«Вина заявителя... подтверждена отчетом об административном правонарушении, датированным 17 апреля 2003 г.; утверждениями свидетелей г-на М. и г-на Р., которые работают судебными приставами в Свердловском областном суде. 25 марта 2003 г., приблизительно в 9.10 утра, они вышли на крыльцо здания Свердловского областного суда и увидели несколько человек с транспарантами, среди которых находился г-н Кузнецов, который держал в руках транспарант с надписью “Овчарук — увольняйся”. Эти люди стояли непосредственно на крыльце, загораживая вход в здание, и раздавали листовки. На просьбу приставов предъявить документы и спуститься по ступенькам с крыльца пикетирующие сначала ответили отказом, однако после того, как к ним подошел милиционер, сошли с крыльца. Судьи, пришедшие на работу, сообщили им о том, что участники пикета закрывали проход в здание суда. [Список показаний, подтверждающих вину заявителя, продолжается отчетом судебного пристава г-на Р. от 25 марта 2003 г.; отчетом сотрудника Верх-Исетского РОВД г-на Г., который свидетельствовал о том, что между 25 и 28 марта 2003 г. он отвечал за обеспечение общественного порядка во время пикета перед зданием Свердловского областного суда.] Пикет был организован г-ном Кузнецовым, г-ном Ш. и г-жой М., которые в 9 утра, в день проведения пикета, стояли на лестнице у входа в здание Свердловского областного суда, загораживая проход в него. После вмешательства его и судебных приставов участники пикета спустились на тротуар перед зданием суда и уже больше не мешали нормальной работе областного Суда...

Судья не принимает аргументы представителя г-на Кузнецова о том, что последний не загораживал доступ к зданию Свердловского областного суда, потому что эти аргументы противоречат показаниям, которые уже были рассмотрены судом и потому что они не находят подтверждения у свидетелей [на стороне защиты], которые присутствовали на пикете с 9.30 утра, так как к этому времени участники пикета уже спустились с лестницы после вмешательства работника милиции и больше не препятствовали входу в здание...

Фотографии, [сделанные защитой и] прошедшее рассмотрение в суде, не могут служить подтверждением того, что г-н Кузнецов не загромождал вход в здание суда, потому что они отражали происходившее лишь в тот момент, когда делалась фотография, но не в течение всего времени прохождения пикета. К тому же, суду неизвестно, когда именно были сделаны фотографии».

16. В-третьих, по мнению судьи, пикет был проведен в нарушение целей, указанных в уведомлении:

«В соответствии с уведомлением от 18 марта 2003 г. инициативная группа граждан, в которую входили г-н Ш., г-н Кузнецов и г-жа М., провела акцию протеста против нарушения права граждан на судебную защиту. Как объяснил в суде [представитель заявителя], проведение пикета было нацелено на привлечение внимания общественности к таким проблемам судебной защиты, как отказы принять иск или вынесение несправедливых решений. Свидетель г-н М. констатировал, что он принес и распространял выпуск газеты, в котором описывались определенные случаи нарушения права граждан на судебную защиту. Одновременно с этим участники пикета распространяли выдержки из статьи А. Политковской “Овчарук и его команда” в “Новой газете”, что не соответствовало заявленным целям проведения пикета. Факт распространения этих выдержек не был оспорен представителем заявителя в суде, а также получил подтверждение в показаниях свидетелей».

17. Судья признал заявителя виновным по части 1 и 2 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях и обязал выплатить штраф в 1 000 рублей (приблизительно 35 евро).

18. 11 июля 2003 г. Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга, рассмотрев жалобу заявителя, оставил постановление мирового судьи в силе, согласившись с выдвинутыми ею доводами. Это постановление стало окончательным, поскольку не было обжаловано.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

19. Конституция Российской Федерации гарантирует право на свободу мирных собраний и право на проведение собраний, демонстраций, шествий и пикетов (статья 31).

20. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 9306-XI от 28 июля 1988 г. (действовавший во время происходивших событий в силу Указа Президента № 524 от 25 мая 1992 г.) предписывал, что организаторы собраний, митингов, шествий и демонстраций обязаны направить муниципальным властям письменное уведомление не менее чем за десять дней до дня проведения запланированного собрания (пункт 2). Орган

власти должен ответить на уведомление не позднее чем за пять дней до намеченной даты (пункт 3). Собрания должны были проводиться в соответствии с целями, изложенными в уведомлении, и с соблюдением советских законов и общественного порядка (пункт 4). Лица, нарушившие установленную процедуру организации и проведения собраний, должны нести ответственность по законам СССР и советских республик (пункт 8).

21. Часть 1 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях гласит, что нарушение установленной процедуры проведения демонстрации, собрания, шествия или пикета наказывается штрафом в размере от 10 до 20 МРОТ (т.е. в то время от 1 000 до 2 000 руб.). Часть 2 этой статьи предполагает, что организаторы, нарушившие установленную процедуру проведения демонстрации, собрания или пикета, подвергаются штрафу в размере от 10 до 20 МРОТ, а размер штрафа для участников составляет от пяти до десяти МРОТ.

ПРАВО

І. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

22. Заявитель обратился с жалобой по статьям 10 и 11 Конвенции на применение к нему мер административного наказания за проведение законного пикета и распространение публикаций о председателе Свердловского областного суда.

23. Европейский Суд напоминает о том, что защита личного мнения, гарантированная в статье 10 Конвенции, является одной из целей обеспечения свободы мирных собраний с точки зрения статьи 11 Конвенции. Таким образом, свободу выражения мнения невозможно отделить от свободы собраний, и рассматривать каждое положение отдельно нет необходимости. В обстоятельствах данного дела Европейский Суд считает, что статья 11 Конвенции должна применяться в первую очередь в качестве *lex specialis* в случаях собраний и будет рассматривать дело главным образом в соответствии с этим положением, вместе с тем истолковывая его в свете статьи 10 Конвенции (см. Постановления Европейского Суда по делам от 15 ноября 2007 г. «Галстян против Армении» (*Galstyan v. Armenia*), № 26986/03, §§ 95–96; от 26 апреля 1991 г. «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*), Серия А, № 202, §§ 35, 37; «Пендрагон против Соединенного Королевства» (*Pendragon v. United Kingdom*), № 31416/96, решение Комиссии от 19 октября 1998 г.).

24. В соответствующих положениях Конвенции говорится:

«Статья 10

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов власти и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Статья 11

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...».

А. Приемлемость жалобы

25. Правительство выдвинуло аргумент о том, что данная жалоба была неприемлемой с точки зрения *ratione temporis*, потому что окончательное решение принято 11 июля 2003 г., в то время как жалоба была получена Европейский Судом только 14 июня 2004 г. (в соответствии с датой штампа).

26. Заявитель ответил, что подал жалобу 25 декабря 2003 г., дата отправки его первого письма в Европейский Суд.

27. Европейский Суд в начале отмечает, что жалоба отразила события, произошедшие после 5 мая 1998 г., т.е. после даты ратификации Конвенции Россией. По этой причине Европейский Суд имеет компетенцию *ratione temporis* рассматривать его. Однако поскольку позицию Правительства можно понять таким образом, что жалоба не является приемлемой, так как заявитель не смог соблюсти шестимесячное ограничение во времени, установленное в пункте 1 статьи 35 Конвенции, Европейский Суд напоминает, что в соответствии с установленной практикой и пунктом 5 Правила 47 Регламента Суда, дата внесения жалобы на рассмотрение соответствует дате отправки первого письма с констатацией намерения подать жалобу и изложения, хотя бы кратко-

го, ее содержания. В ситуациях, когда перед тем, как заявитель предоставляет дополнительную информацию о подаваемой жалобе или перед тем, как он возвращает формуляр жалобы, проходит значительный период времени, Европейский Суд может рассмотреть конкретные обстоятельства дела для того, чтобы определить, какая дата должна рассматриваться как дата внесения дела на рассмотрение с тем, чтобы определить границы шестимесячного периода, установленного в статье 35 Конвенции (см. Постановления Европейского Суда по делам от 20 октября 2005 г. «Баранкевич против России» (Barankevich v. Russia), № 10519/03; от 26 сентября 2002 г. «Чокли против Соединенного Королевства» (Chalkley v. United Kingdom), № 63831/00).

28. Европейский Суд отмечает, что окончательное решение по делу заявителя было вынесено 11 июля 2003 года. 25 декабря 2003 г. заявитель направил в Европейский Суд первое письмо с изложением соответствующих фактов и жалобой на предполагаемое нарушение своего права, гарантированного статьями 6, 10 и 11 Конвенции. Он подал заполненный формуляр жалобы 24 мая 2004 г., т.е. без какой-либо задержки. В связи с этим Европейский Суд принимает дату первого письма заявителя как дату внесения жалобы на рассмотрение. Суд считает, что жалоба была подана в шестимесячный срок со дня принятия окончательного решения, и отклоняет возражение Правительства.

29. Европейский Суд отмечает, что жалоба заявителя не является очевидно необоснованной в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 35 Конвенции, и не было установлено никаких других оснований, на которых она могла бы быть объявлена неприемлемой, поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

30. Заявитель утверждал, что уведомление о проведении пикета было своевременно передано городской администрации, которая подтвердила его получение и отдала приказание местной милиции обеспечивать общественный порядок во время пикета. Обязанность организации этого публичного мероприятия должным образом в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 1988 г. вменялась властям, которые могли потребовать от его участников прекратить мероприятие в случае нарушения общественного порядка. Однако в данном случае нарушений зарегистрировано не было.

31. По мнению заявителя, информация о том, что участники пикета закрывали проход в здание областного суда, не соответствовала действительности. Свидетельства судебных приставов были недо-

стоверны, поскольку будучи сотрудниками областного суда, они являлись заинтересованной стороной, а также потому что было крайне сомнительно, что они смогли точно восстановить в суде подробности событий, произошедших двумя месяцами ранее. В действительности отчет пристава г-на М., в котором он отразил день проведения пикета, не содержал никакого упоминания о том, что вход в здание был заблокирован. Равно как и отчет другого пристава, г-на В., который не был рассмотрен в суде, свидетельствовал о том, что участники пикета не перекрывали доступ в здание суда. Свидетели на стороне заявителя показали, подкрепив свое свидетельство фотографиями, что заявитель не нарушал общественный порядок, однако суд отклонил эти показания. Заявитель указал, что отчет об административном правонарушении был составлен по прошествии 23 дней после проведения пикета, при отсутствии каких-либо упоминаний о жалобах посетителей суда или судей на невозможность пройти в здание суда. Административное преследование стало результатом давления со стороны первого заместителя председателя Свердловского областного суда.

32. Относительно публикаций, распространяемых заявителем, и которые были названы заместителем председателя областного суда «клеветническими и оскорбительными», заявитель подчеркнул, что эти статьи никогда не были предметом какого-либо диффамационного процесса или прокурорского расследования. По этой причине обвинения заместителя председателя не имели под собой правового основания. К тому же, ни Указ от 1988 г., ни нормативно-правовые акты г. Екатеринбурга не устанавливали требования соответствия содержания материалов, распространяемых во время собрания, и его целей.

33. Наконец, заявитель сообщил, что он был признан виновным мировым судьей и районным судом, которые иерархически подчинялись областному суду и его председателю. Он утверждал, что имело место нарушение его прав, гарантированных статьями 10 и 11 Конвенции.

34. Правительство выдвинуло аргумент о том, что пикет, организованный заявителем, не был прерван, и что спор, возникший вокруг заблокированного входа в здание суда, был быстро разрешен. Однако оно не исключило возможности позднее подвергнуть заявителя мерам административного наказания. Заявитель был признан виновным в препятствовании прохождению граждан в здание областного суда, запоздалом уведомлении о намерении провести пикет, а также распространении материалов, что не соответствовало заявленной цели проведения пикета. Принимая во внимание незначительный размер штрафа, Правительство полагало, что вмешательство было оправдано и соразмерно.

2. Мнение Европейского Суда

(a) Имело ли место вмешательство в право на свободу собраний

35. В начале Европейский Суд напоминает о том, что право на свободу собраний касается как частных собраний, так и собраний в общественных местах, как статических публичных мероприятий, так и публичных шествий; это право может осуществляться и отдельными лицами и группами людей, организующих публичные мероприятия (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Джавит Ан против Турции» (Djavit An v. Turkey), № 20652/92, § 56, *ЕСПЧ* 2003-III; «Христиане против расизма и фашизма» против Соединенного Королевства» (Christians against Racism и Fascism v. United Kingdom), № 8440/78, а также Решение Комиссии от 16 июля 1980 г.; решения и отчеты 21, с. 138, 148). Термин «ограничения» в пункте 2 статьи 11 Конвенции следует истолковывать как предполагающий меры, предпринимаемые как до, так и во время прохождения общественного собрания, а также как карательные меры, предпринимаемые после собрания (см. Постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 г. по делу «Эзелин против Франции» (Ezelin v. France), Серия А, № 202, § 39).

36. Заявитель в настоящем деле провел пикет перед зданием областного суда. Через некоторое время он был признан виновным в административном правонарушении и был обязан выплатить штраф за нарушение процедуры организации и проведения общественного собрания. Европейский Суд считает, что административное преследование явилось вмешательством в осуществление заявителем права на свободу собраний, истолкованного в свете его права на свободу выражения мнения. Таким образом, задача Европейского Суда заключается в определении того, было ли вмешательство оправдано.

(b) Являлось ли вмешательство оправданным

37. Европейский Суд напоминает, что вмешательство является нарушением статьи 11 Конвенции, если только оно не «предусмотрено законом», преследует одну или более законных целей в соответствии с пунктом 2 данной статьи и «необходимо в демократическом обществе» для достижения этих целей.

38. Административная ответственность за несоблюдение установленной процедуры организации или проведения общественного собрания была предусмотрена в частях 1 и 2 статьи 20.2 российского Кодекса об административных правонарушениях, который являлся правовым основанием для обвинения заявителя в настоящем деле. Европейский Суд признает, что вмешательство было «предусмотрено за-

коном» и, что его применение преследовало «законные цели» в понимании пункта 2 статей 10 и 11 Конвенции, а именно предотвращение беспорядков и защита прав других лиц. Остается определить, было ли оно «необходимо в демократическом обществе».

39. Относительно проверки необходимости, Европейский Суд напоминает, что право мирных собраний, закрепленное в статье 11 Конвенции, является фундаментальным правом в демократическом обществе и, подобно праву на свободу выражения мнения, одним из основ такого общества. Исходя из формулировки пункта 2 статьи 11 Конвенции, единственной необходимостью, которая может оправдать вмешательство в осуществление права, закрепленного в этой статье, является необходимость, которая может исходить от самого «демократического общества» (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Христианско-демократическая народная партия против Молдовы» (*Christian Democratic People's Party v. Moldova*), № 28793/02, §§ 62–63, *ЕСПЧ* 2006–; «Дьявит Ан против Турции», упоминавшееся выше, § 56). Таким образом, государства должны не только обеспечивать право на мирные собрания, но и воздерживаться от применения чрезмерных косвенных ограничений на осуществление этого права. Учитывая особую важность свободы собраний и ее непосредственное отношение к понятию демократии, для обоснования вмешательства в осуществление этого права должны быть действительно веские причины (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Оуранио Токсо против Греции» (*Ouranio Toxo v. Greece*), № 74989/01, § 36, *ЕСПЧ* 2005–Х (выдержки); от 31 марта 2005 г. «Адах против Турции» (*Adah v. Turkey*), № 38187/97, § 267, с последующими ссылками).

40. Изучая характер обжалованного вмешательства, Европейский Суд должен определить, насколько разумно, осторожно и добросовестно государство-ответчик воспользовалось своим правом. Европейский Суд также должен рассмотреть обжалованное вмешательство в контексте всего дела и оценить, насколько «соразмерно преследуемой законной цели» оно было, а также являются ли его причины, изложенные национальными властями, «существенными и достаточными». Выполняя это, Европейский Суд обязан убедиться в том, что национальные власти применили стандарты в соответствии с принципами, отраженными в статьях 10 и 11 Конвенции, а также что они основывали свои решения на приемлемой оценке существенных фактов (см., среди прочих источников, Постановление Европейского Суда по упомянувавшемуся выше делу «Христианско-демократическая народная партия против Молдовы», § 70).

41. Обращаясь к фактам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что заявителю было предъявлено три обвинения. Во-первых, суды пришли к выводу, что он прислал уведомление о проведении пикета

с запозданием, во-вторых, что он заградил проход в здание суда, и, в-третьих, что содержание материалов, которые он распространял, не соответствовало заявленным целям проведения пикетов.

42. В отношении первого обвинения Европейский Суд напоминает, что подчинение организации публичного собрания разрешительной или уведомительной процедуре обычно не затрагивает сущности самого права на проведение собрания, если цель такой процедуры состоит в предоставлении органам власти возможности предпринять разумные и адекватные меры для обеспечения гладкого проведения любого собрания, встречи или иного публичного мероприятия, независимо от его характера (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Букта и другие против Венгрии» (Bukta and Others v. Hungary), № 25691/04, § 35, *ЕСПЧ* 2007-; от 5 декабря 2006 г. «Ойа Атаман против Турции» (Oya Ataman v. Turkey), № 74552/01, § 39; «“Юрское объединение” и “Юрское единство” против Швейцарии» (Rassemblement Jurassien and Unité Jurassien v. Switzerland), № 8191/78; а также Решение Комиссии от 10 октября 1979 г., DR 17, с. 119, и Постановление от 21 июня 1988 г. по делу «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (Plattform «Ärzte für das Leben» v. Austria), Серия А, № 139, с. 12, §§ 32 и 34).

43. В данном деле заявитель, бесспорно, представил уведомление о проведении пикета за восемь дней до его запланированной даты, тогда как применимые правила предписывают десятидневный срок уведомления. Однако нет оснований считать, что эта двухдневная разница каким-либо образом помешала властям осуществить все необходимые приготовления к пикету. Судя по всему, учитывая незначительный масштаб запланированного мероприятия, городская администрация не сочла задержку извещения чем-то существенным или важным. Она не только быстро подтвердила получение уведомления о проведении пикета, но и за пять дней до пикета передала распоряжение милиции обеспечивать общественный порядок во время этого мероприятия. Ни в одном из официальных документов эта задержка не была поставлена заявителю в упрек и не оказала никакого влияния на законность пикета. Фактически это нарушение впервые упоминается в отчете об административном правонарушении, который был составлен через шесть недель после публичного мероприятия. При таких обстоятельствах Европейский Суд считает, что простое формальное нарушение срока извещения не является ни существенной, ни достаточной причиной для возложения административной ответственности на заявителя. В этой связи Европейский Суд подчеркивает, что свобода участия в мирных собраниях настолько важна, что человек не должен подвергаться санкциям — хотя бы и самым мягким из дисциплинарных взысканий — за участие в незапрещенной демонстрации, если только сам этот человек не совершил что-либо предосудительное во время этого мероприятия (см.

упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эзелин против Франции», § 53).

44. В том, что касается якобы имевшего место перегораживания входа в здание, Европейский Суд отмечает, что пикет, в котором участвовали всего лишь несколько человек, начался около 9 утра на верхней площадке лестницы, перед дверями Свердловского областного суда. Вскоре после этого судебные приставы и сотрудник милиции подошли к пикетчикам и попросили их спуститься с лестницы. Те не стали сопротивляться и продолжили пикет внизу. Свидетели, которые появились у здания суда в 9 часов 30 минут, застали заявителя и его коллег уже на тротуаре перед лестницей. В оценке данной ситуации Европейский Суд считает важными следующие детали. Во-первых, бесспорным является факт отсутствия каких-либо жалоб — будь то от отдельных посетителей, судей или других сотрудников суда — на перегораживание входа в здание суда участниками пикета. Во-вторых, даже если предположить, что присутствие нескольких человек на верхней площадке лестницы действительно создавало помехи желающим войти в здание, вполне правдоподобно, что заявитель безоговорочно исполнил просьбу сотрудников суда и спустился с лестницы на тротуар. В-третьих, следует отметить, что предполагаемое препятствие было весьма кратковременным. Наконец, исходя из общего принципа, Европейский Суд напоминает, что любая демонстрация в общественном месте неизбежно в определенной степени нарушает обычное течение жизни, включая создание помех для дорожного движения, и что органам власти следует проявлять определенную терпимость в отношении мирных собраний для того, чтобы окончательно не выхолостить содержание статьи 11 Конвенции (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Галстян против Армении», §§ 116–117; «Букта против Венгрии», § 37; «Ойа Атаман против Турции», §§ 38–42, все упоминались выше). Таким образом, Европейский Суд не считает, что якобы имевшее место перегораживание прохода в здание суда, особенно учитывая, что заявитель продемонстрировал стоворчивость и готовность к сотрудничеству с властями, было существенной и достаточной причиной для вмешательства.

45. Что касается третьего пункта обвинения в отношении заявителя, Европейский Суд замечает, что национальные суды не представили никакой фактографической основы своих заключений по этому вопросу. Их решения не содержали какого-либо анализа предполагаемых различий между заявленными целями проведения пикета и содержанием статьи, которую заявитель распространял во время пикета. В этой связи Европейский Суд напоминает, что любые меры, препятствующие осуществлению свободы собраний и выражения мнения за исключением случаев, связанных с разжиганием насилия или нарушением демократических принципов — какими бы шокирующими

и неприемлемыми ни казались властям определенные взгляды и высказывания — пагубно сказываются на состоянии демократии, а часто даже подвергают его опасности. В демократическом обществе, основанном на принципе верховенства права, должна существовать возможность выражения идей, бросающих вызов существующему порядку, через осуществление права на проведение мирных собраний, равно как и другими законными средствами (см. Постановление Европейского Суда по делу «Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии» (*Stankov and the United Macedonian Organisation «Ilinden» v. Bulgaria*), №№ 29221/95 и 29225/95, § 97, *ЕСПЧ* 2001-IX). Не было представлено доказательств того, что материалы, распространявшиеся заявителем, и идеи, которые он отстаивал во время пикета, содержали какие-либо порочащие утверждения, способствовали разжиганию насилия или подрыву демократических принципов. Таким образом, каким бы неприятным не был призыв к увольнению председателя областного суда для него самого, и какой бы оскорбительной он не считал статью, в которой говорилось о коррупции в Свердловском областном суде, это не было существенным и достаточным основанием для возложения ответственности на заявителя за использование его права на свободу выражения мнения и собраний.

46. Другим поводом для озабоченности Европейского Суда является то обстоятельство, что первое упоминание предполагаемого несоответствия между целями пикета и содержанием распространявшихся материалов содержалось в письме заместителя председателя Свердловского областного суда, которое было официальным докладом непосредственно председателю областного суда, который и был объектом критики в распространявшейся публикации. Формулировки, использовавшиеся заместителем председателя в своем письме, например, утверждение о том, что участники пикета «тем самым совершили административное правонарушение», предreshали оценку фактов компетентной судебной инстанцией и выражали мнение о том, что заявитель виновен еще до того, как его вина была доказана в соответствии с законом (сравни Постановление Европейского Суда по делам: от 3 октября 2002 г. «Бомер против Германии» (*Böhmer v. Germany*), № 37568/97, §§ 54 и 56; от 27 февраля 2007 г. «Нештак против Словакии» (*Nešťák v. Slovakia*), № 65559/01, §§ 88 и 89).

47. Наконец, Европейский Суд отмечает, что цель пикета состояла в попытке привлечь внимание к предполагаемым сбоем в функционировании судебной системы Свердловской области. Этот серьезный вопрос, несомненно, был частью политической дискуссии на тему, вызывавшую озабоченность общественности. Европейский Суд напоминает в этой связи, что всегда придерживался подхода, в соответствии с которым применение ограничений к дискуссиям на поли-

тические или иные серьезные темы, представляющие общественный интерес, например, коррупция в судебных органах или широкие ограничения, применяемые в отдельных случаях, несомненно, пагубно скажутся на уважении к свободе выражения мнения в государстве в целом (см., с учетом необходимых изменений, Постановления Европейского Суда по делам: от 14 декабря 2006 г. «Карман против России» (*Karman v. Russia*), № 29372/02, § 36; «Фельдек против Словакии» (*Feldek v. Slovakia*), № 29032/95, § 83, *ЕСПЧ* 2001-VIII; «Сурек против Турции» (*Sürek v. Turkey*) (№ 1) [БП], № 26682/95, § 61, *ЕСПЧ* 1999-IV). В настоящем деле ни национальные суды, ни Правительство не выдвигали таких причин в своих замечаниях.

48. В свете вышеупомянутых соображений Европейский Суд считает, что российские власти не выдвинули каких-либо «существенных и достаточных» причин в обоснование своего вмешательства в осуществление заявителем своего права на свободное выражение мнения и свободу мирных собраний. Тот факт, что размер штрафа был относительно мал, не умаляет того обстоятельства, что вмешательство не было «необходимо в демократическом обществе».

49. Таким образом, имело место нарушение статьи 11 Конвенции, истолкованной в свете статьи 10 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

50. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

51. Заявитель потребовал 10 000 евро в качестве возмещения морального ущерба.

52. Правительство расценило этот иск как чрезмерный и необоснованный.

53. Европейский Суд считает, что заявитель понес моральный ущерб, такой как душевная боль и нервное расстройство вследствие административного преследования за осуществление своего права на свободное выражение мнения и проведение мирных собраний, который не может быть полностью компенсирован одной лишь констатацией нарушения Конвенции. Однако он расценивает размер затребованного возмеще-

ния как чрезмерный. Проведя оценку на справедливой основе, Европейский Суд присуждает заявителю 1 500 евро с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться вышеуказанная сумма.

В. Судебные издержки и расходы

54. Заявитель не потребовал возмещения судебных расходов. Таким образом, вопрос о присуждении соответствующего возмещения Европейский Судом не обсуждался.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

55. Европейский Суд считает целесообразным принять процентную ставку в соответствии с предельным размером ссудного процента Европейского центрального банка, к которому следует прибавить три процента.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

- 1) *объявляет* жалобу приемлемой;
- 2) *постановляет*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции, истолкованной в свете статьи 10;
- 3) *постановляет*:

(а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 1 500 евро (одну тысячу евро) в качестве компенсации морального ущерба с последующим их пересчетом в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на момент расчета плюс сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше;

(b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов;

4) *отклоняет* оставшуюся часть иска заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, представлено в письменной форме 23 октября 2008 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Н. Ваич
Председатель Палаты Суда

А. Вампаш
Заместитель Секретаря Секции

БАЧКОВСКИЙ И ДРУГИЕ ПРОТИВ ПОЛЬШИ¹
(Bączkowski and Others v. Poland)

Жалоба № 1543/06

Постановление Суда

Страсбург, 3 мая 2007 г.

По делу «Бачковский и другие против Польши» Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), заседая Палатой в составе:

Н. Братца (N. Bratza), *Председателя Палаты*,

Ж. Касадевалля (J. Casadevall),

С. Павловского (S. Pavlovski),

Л. Гарлицкого (L. Garlicki),

Л. Мийовича (L. Mijovich),

Я. Сикута (J. Sikuta),

П. Хирвелла (P. Hirvell), *судей*, а также

Т.-Л. Эрли (T.-L. Erli), *Секретаря Суда*,

проведя 3 апреля 2007 г. закрытое заседание, вынес следующее Постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы № 1543/06, поданной 16 декабря 2005 г. Томашом Бачковским, Робертом Бидроном, Кржиштофом Клижцинским, Ингой Костржевой, Томашом Жипула и Фондом равенства (далее — заявители) в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) против Республики Польша в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция).

2. Заявители пожелали участвовать в разбирательстве и назначили своим представителем в Европейском Суде профессора Збигнева Хольда, юриста из г. Варшавы.

3. Власти Польши (далее — Правительство) были представлены Якубом Волашевичем, представителем Министерства иностранных дел Польши.

4. Заявители жаловались на то, что их право на проведение мирного собрания было нарушено с использованием методов, при осуществлении которых национальные власти опирались на национальную пра-

¹ Перевод с английского выполнен Нижегородским правозащитным союзом.

вовую норму, распространенную на данное мероприятие. Они утверждали, что в их распоряжении не было какой-либо процедуры, которая позволяла бы им получить окончательное решение до даты проведения запланированных митингов. Они также жаловались на то, что к ним были применены дискриминационные меры, выразившиеся в том, что им было отказано в разрешении организовать митинги, тогда как другие лица получили такие разрешения.

5. В Постановлении от 5 декабря 2006 г. Европейский Суд признал жалобу приемлемой для рассмотрения по существу. Суд также принял решение о включении предварительных возражений властей в материалы дела при рассмотрении жалобы по существу.

6. Заявители представили свои письменные замечания по существу дела (пункт 1 Правила 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

1. Подготовка митингов

7. Заявители, группа граждан и Фонд равенства (членом исполнительного комитета которого также является первый заявитель, уполномоченный действовать от его имени в этом деле), хотели провести в рамках Дней равенства акции, организованные Фондом и запланированные на 10–12 июня 2005 г., митинги и марш в г. Варшаве с целью привлечения внимания общественности к проблеме дискриминации меньшинств: сексуальных, национальных, этнических и религиозных, а также к проблеме дискриминации женщин и инвалидов.

8. 10 мая 2005 г. у организаторов состоялась встреча с директором Управления по вопросам безопасности и контроля в чрезвычайных ситуациях городской администрации г. Варшавы. На встрече была достигнута предварительная договоренность о маршруте запланированного марша.

9. 11 мая 2005 г. Бачковский получил указание от муниципального совета при мэре г. Варшавы о «требованиях, которые организаторы публичных собраний должны выполнить в соответствии с Законом о дорожном движении», если собрание будет расцениваться как «происшествие» по смыслу значения статьи 65 этого Закона.

10. 12 мая 2005 г. организаторы обратились в Управление дорожного движения городской администрации за разрешением на организацию марша, маршрут которого будет пролегать от зданий Парламента (Сейма) к площади Дефилад, традиционному месту проведения собраний в центре г. Варшавы.

11. 3 июня 2005 г. начальник Управления дорожного движения, действующий от имени мэра г. Варшавы, отказался от выдачи разрешения на марш, сославшись на непредставление организаторами «плана организации движения», необходимого по смыслу значения статьи 65 (а) Закона о дорожном движении, который им, как утверждалось, было указано представить.

12. В тот же день заявители уведомили мэра г. Варшавы о проведении стационарных митингов (без шествий), которые они намеревались провести 12 июня 2005 г. на семи различных площадях г. Варшавы. Четыре таких митинга имели целью выразить протест против дискриминации различных меньшинств и поддержку действий групп и организаций, выступающих против дискриминации. Три других запланированных митинга должны были быть направлены против дискриминации женщин.

13. 9 июня 2005 г. мэр отдал распоряжения, запрещающие проведение стационарных митингов, организуемых Бачковским, Бидроном, Клижинским, Костржевой, Жипула и еще одним лицом N (не являющимся заявителем), которое принимает активное участие в деятельности различных некоммерческих организаций, действующих в защиту интересов лиц гомосексуальной ориентации. В своем распоряжении мэр привел тот аргумент, что митинги, организуемые в соответствии с положениями Закона о собраниях 1990 г., должны проводиться в стороне от дорог, используемых для движения транспорта. В случае использования дорог для их проведения применяются иные правила, предполагающие более строгие требования. Организаторы хотели использовать автомобили с громкоговорителями. Они не указали, где и как эти автомобили будут припаркованы во время митингов, чтобы не препятствовать движению, и как будут организованы маршруты людей и этих автомобилей между местами проведения митингов.

14. Кроме того, поскольку на этот день было подано много других уведомлений о проведении митингов, противоположных по смыслу, идеям и целям заявителей, в согласовании им было также отказано под предлогом избежания любых возможных насильственных столкновений между участниками различных демонстраций.

15. В этот же день муниципальные власти, действующие от имени мэра, согласовали проведение трех запланированных заявителями митингов против дискриминации женщин.

16. В этот же день те же власти согласовали проведение шести других демонстраций на 12 июня 2005 г. Темы этих собраний были следующими: «За ужесточение мер ответственности для лиц, обвиненных в педофилии», «Против любых попыток нормотворческой деятельности в связи с законом о товариществах», «Против пропаганды товариществ», «Воспитание христианских ценностей — гарантия морального

общества», «Христиане, почитающие законы Бога и природы — граждане первого разряда», «Против усыновления детей гомосексуальными парами».

2. Митинги 11 июня 2005 г.

17. 11 июня 2005 г., несмотря на решение, принятое 3 июня 2005 г., марш состоялся. Он проходил по маршруту, запланированному в первоначальном запросе от 12 мая 2006 г. Марш, в котором принимали участие приблизительно 3 000 человек, охраняла полиция.

18. Кроме этого марша, в этот же день были проведены девять стационарных митингов, согласованных мэром 9 июня 2005 г. (см. §§ 15—16 настоящего Постановления).

3. Рассмотрение дела в кассационной инстанции

а) Марш

19. 28 июня 2005 г. Фонд заявителя обратился в кассационную палату местного органа власти с жалобой на решение от 3 июня 2005 г. об отказе в разрешении на проведение марша. В ней указывалось, что требование о предоставлении «плана организации движения» не имеет законного основания, и что от заявителей никогда не требовалось предоставление такого документа вплоть до даты отказа. Также утверждалось, что данное решение образует не предусмотренное ограничение свободы проведения собраний, и что оно было продиктовано идеологическими причинами, несовместимыми с принципами демократии.

20. 22 августа 2005 г. кассационная палата отменила оспариваемое решение, постановив, что оно было незаконным. Кассационная палата отметила, что по действующим положениям административного кодекса, власти были обязаны гарантировать, чтобы у сторон, участвующих в административном производстве, имелась возможность эффективного участия в нем. В деле заявителя это обязательство не было соблюдено, в досье дела не оказалось никакого доказательства, которое указывало бы на то, что Фонду заявителя было разъяснено его процедурное право иметь доступ к досье дела.

Далее в постановлении кассационной палаты указывается:

«В письменных основаниях на обжалуемое решение власти первой инстанции ссылаются на то обстоятельство, что план организации движения не должен находиться в досье дела. В соответствии с пунктом 3 (9) части 65 (а) организатор демонстрации обязан разработать совместно с полицией такой проект, если он или она обязаны так действовать по распоряжению властей. Однако в досье дела содержится только упоминание

о том, что организаторы были обязаны представить такой проект... В документе о порядке получения разрешения для организации мероприятия, который был направлен организаторам, также не содержится информации о таком обязательстве.

С учетом того, что запрос организаторов касался марша, который должен был состояться 11 июня 2005 г., а также, принимая во внимание то обстоятельство, что кассационная жалоба была получена кассационной инстанцией [вместе с досье дела] 28 июня 2005 г., производство по делу в указанную дату оказалось лишенным смысла».

b) Митинги

21. 10 июня 2005 г. заявители направили жалобу губернатору области Мазовия в отношении отказов мэра от 9 июня 2005 г. в согласовании шести из восьми запланированных митингов. Они утверждали, что запрещение митингов нарушает их право на свободу собраний, гарантируемое Конституцией, и что митинги имеют полностью мирный характер. Они заявляли, что эти собрания не создавали никакой угрозы общественному порядку или нравственности. Заявители оспаривали довод, на который имела ссылка в решении, что они были обязаны предоставить документ о запланированном маршруте между местами, где должны были состояться митинги, и утверждали, что намеревались организовать только стационарные митинги, без какого-либо перемещения людей между местами их проведения, и что они не должны нести ответственность за какую-либо организацию или контроль такого перемещения.

22. 17 июня 2005 г. губернатор области Мазовия вынес шесть идентичных постановлений, в которых аннулировал оспариваемые отказы в согласовании митингов, принятые 9 июня 2005 г.

Во-первых, было подчеркнуто, что эти решения нарушают закон, так как сторонам были направлены только копии решений, а не оригиналы, как это требуется по закону об административном производстве. Во-вторых, было подчеркнуто, что мэр информировал средства массовой информации о своих решениях до того, как они были направлены заявителям, что явно находится в противоречии с принципами административного производства.

23. Далее подчеркивалось, что Закон о собраниях 1990 г. гарантирует свободу собраний как в отношении организации собраний, так и участия в них. Конституция ясно гарантирует именно свободу собраний, а не право. Обязанность государства состоит не в предоставлении права на собрание; его обязанности ограничиваются обеспечением того, чтобы собрания проводились без нарушения общественного порядка. В этом смысле реализация права не предусматривает получения какого-либо разрешения на проведение собрания.

24. Губернатор отметил, что требование о предоставлении разрешения на занятие части дороги со ссылкой на положения Закона о дорожном движении не имеет законного основания согласно положениям Закона о собраниях. Мэр посчитал, что демонстрация займет часть дороги, но не предпринял никаких мер для разъяснений, было ли это действительно намерением организаторов, несмотря на то, что он был обязан сделать это по закону.

Далее подчеркивалось, что решение о запрещении собрания должно расцениваться как крайняя мера, поскольку это радикально ограничивает свободу самовыражения. Принцип пропорциональности требует, чтобы любое ограничение свобод, защищенных Конституцией, разрешалось только тогда, когда это продиктовано конкретными обстоятельствами в особом случае.

25. Губернатор отметил в связи с этим, что уверенность мэра в наличии угрозы насилия между акциями, организуемыми заявителями, и демонстрациями их противников, запланированными в один день, не заслуживает моральной поддержки. Это было бы адекватно признанию администрацией намерений организаций, которые явно и умышленно намеревались нарушить общественный порядок, в то время как основной задачей государственных органов власти должна быть защита свободы самовыражения, гарантированная Законом о собраниях.

26. Далее губернатор прекратил рассмотрение дела, поскольку это было лишено смысла в отношении собраний, которые должны были состояться 11 июня 2005 г.

4. Перевод интервью с мэром г. Варшавы, которое было опубликовано в «Gazeta Wyborcza» 20 мая 2005 г.

27. «Корреспондент Е. Сидлека (E. Siedlecka): Закон о собраниях гласит, что свобода собраний может быть ограничена только в том случае, если демонстрация может повлечь за собой опасность для жизни и здоровья людей или создать серьезную опасность имущественным интересам. Есть ли в запросе организаторов марша нечто, что могло бы указывать, что такая опасность присутствует?

Мэр Варшавы: Я не знаю, я не читал запрос. Но я запрещаю эту демонстрацию независимо от того, что они там написали. Я не за дискриминацию на основании сексуальной ориентации, например, путем разрушения профессиональной карьеры людей. Но никакой публичной пропаганды гомосексуализма не будет.

Корр.: Но то, что вы делаете в этом случае, точно дискриминация. Вы лишаете людей возможности пользоваться своими свободами только потому, что у них определенная сексуальная ориентация.

Мэр: Я не запрещаю им участвовать в демонстрации, если они хотят это делать как граждане, а не как гомосексуалисты.

Корр.: Все, кажется, идет к тому, что, как в прошлом году, губернатор отменит Ваш запрет. А если организаторы обратятся в административный суд, то они победят, поскольку превентивные ограничения свободы собраний являются незаконными. Но кассационное производство продлится некоторое время, и дата, на которую намечен марш, пройдет. Вы именно этого хотите?

Мэр: Мы посмотрим, победят они или проиграют. Я не позволю убедить себя дать разрешение на подобную демонстрацию.

Корр.: А разве правильно, что реализация конституционных прав людей зависит от представлений власть имущих?

Мэр: По-моему мнению, пропаганда гомосексуализма не является адекватной реализации чьего-либо права на свободу собраний».

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

1. Применимые положения Конституции

28. Статья 57 Конституции гласит:

«Каждому должна быть обеспечена свобода организации мирных собраний и участия в таких собраниях. Ограничения на эти свободы могут быть установлены соответствующим законом».

29. В пункте 1 статьи 79 установлено, что:

«В соответствии с принципами, определенными в законе, каждый, чьи конституционные свободы или права были нарушены, имеет право обратиться в Конституционный суд для принятия постановления о соответствии Конституции, закона или иного нормативного акта, на основании которого суд или административный орган власти должен принять окончательное решение о его свободах, правах или о его обязательствах, указанных в Конституции».

30. Статья 190 предусматривает, что:

«1. Постановления Конституционного суда являются окончательными и имеющими обязательную силу во всех случаях.

2. Постановления Конституционного суда... должны публиковаться без задержки.

3. Постановление Конституционного суда вступает в силу со дня его опубликования; вместе с тем Конституционный суд может определить другую дату прекращения обязательного действия нормативного акта. Та-

кой срок не может превышать 18 месяцев в отношении закона или 12 месяцев в отношении любого другого нормативного акта...».

2. Закон о собраниях 1990 г.

31. В соответствии с частью 1 Закона о собраниях 1990 г. каждый имеет право на свободу проведения мирного собрания. Собрание не менее 15 человек, созванных для участия в общественных дебатах или выражения мнения по данной проблеме, считается собранием по смыслу закона.

32. Согласно части 2 Закона свобода собраний может быть ограничена только в соответствии с законами и в случае, когда это необходимо для защиты национальной безопасности или общественной безопасности, для защиты здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

33. Все решения, касающиеся осуществления свободы собраний, принимаются муниципалитетами по месту проведения собрания. Эти решения могут быть обжалованы у губернатора.

34. В соответствии с частью 3 Закона муниципалитет должен быть проинформирован организаторами о намерении проведения публичного мероприятия, организуемого под открытым небом для неопределенного числа участников. Согласно части 7 Закона такая информация должна быть представлена в муниципалитет не ранее 30 дней до запланированной даты демонстрации и не позже трех дней до ее проведения. Данная информация должна содержать фамилии (названия организаций) и адреса организаторов, цель и программу демонстрации, место, дату и время ее проведения, а также информацию о маршруте, если демонстрация предусматривает движение из одного места в другое.

35. В соответствии с частью 8 муниципалитет может отказать в разрешении на проведение демонстрации, если ее цель нарушает сам Закон или положения Уголовного кодекса, или если демонстрация может повлечь за собой опасность для жизни или здоровья людей, или создать серьезную опасность имущественным интересам.

36. Отказ первой инстанции в выдаче разрешения на проведение демонстрации должен вручаться организаторам в течение трех дней с даты, в которую было подано соответствующее уведомление, и не позднее трех дней до запланированной даты проведения демонстрации. Апелляционная жалоба на такой отказ должна быть подана в течение трех дней с даты его получения. Подача апелляции не имеет приостанавливающей юридической силы на отказ в согласовании проведения демонстрации.

37. Решение, принятое апелляционной инстанцией, должно быть вручено организаторам в течение трех дней с даты, в которую была представлена апелляционная жалоба.

3. Закон о дорожном движении 1997 г.

38. В соответствии с частью 65 Закона о дорожном движении 1997 г., с поправками 2003 г., организаторы спортивных мероприятий, соревнований, собраний и иных мероприятий, которые могут затруднять дорожное движение, обязаны получить разрешение для организации таких мероприятий.

39. Согласно части 65, рассматриваемой в совокупности с частью 65 (а) Закона организаторы таких мероприятий обязаны выполнить различные административные требования, указанные в перечне, приведенном в этой части и состоящем из 19 пунктов, включая обязательство о представлении властям плана организации движения.

40. Эти положения были аннулированы постановлением Конституционного суда, указанным ниже.

4. Постановление Конституционного суда от 18 января 2006 г.

41. В Постановлении от 18 января 2006 г. Конституционный суд рассмотрел запрос, представленный уполномоченным по рассмотрению жалоб, для определения соответствия положениям Конституции требований, установленных для организаторов общественных мероприятий положениями Закона о дорожном движении, в той мере, в какой они посягают на свободу собраний, утверждая, что они чрезмерно ограничивают эту свободу.

42. Конституционный суд отметил, что существо конституционной проблемы заключается в том, соответствуют ли требования, установленные частью 65 Закона, свободе выражения, сформулированной в Конституции и развитой в Законе о собраниях. Было отмечено, что Закон о собраниях 1990 г. был основан на констатации того факта, что осуществление этой свободы не требует каких-либо разрешений или лицензий, выдаваемых государством. Поскольку это свобода, государство воздержаться от препятствий в реализации этого права и гарантировать, чтобы этим правом обладали различные группы, несмотря на то, что их взгляды могут не разделяться большинством.

43. Соответственно, Закон о собраниях предусматривает систему, основанную ни на чем ином, как на уведомлении о проводимом собрании.

Конституционный суд отметил, что впоследствии законодательный орган, принимая Закон о дорожном движении, включил различные

административные требования, которые были трудно выполнимы по процедуре, предусмотренной для организации спортивных мероприятий, соревнований и собраний, заменяя, таким образом, уведомительную систему системой, основанной на разрешении. При этом законодательный орган приравнял собрания в рамках значения Закона о собраниях к мероприятиям коммерческого характера или организованным в развлекательных целях. Такой подход является несовместимым с особым положением, которое свобода выражения занимает в демократическом обществе; он делает недействительным особое место, которое собрания занимают в юридической системе по Конституции и Закону о собраниях. Суд также обратил внимание на тот факт, что список требований, установленных Законом о дорожном движении, содержит 19 различных административных требований. Ограничения на свободу собраний, установленные этим Законом, идут вразрез с требованием пропорциональности, применяемым ко всем ограничениям, налагаемым на права, которые гарантируются в соответствии с Конституцией.

44. Суд заключил, что часть 65 Закона о дорожном движении несовместима с Конституцией, в той части, которая относится к собраниям.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Могут ли заявители утверждать, что имеют статус жертв?

45. В предварительных заявлениях Правительство утверждало, что заявители не могут считаться жертвами нарушения Конвенции по смыслу значения ее статьи 34. Это следует из письменных обоснований административных решений второй инстанции, так как апелляционный орган полностью разделил доводы заявителей и аннулировал оспариваемые решения. Губернатор в решении от 17 июня 2005 г. (см. § 22 настоящего Постановления) пошел далее. В своем решении он подчеркнул, что запрещение собраний по причине угрозы насилия между участниками одной демонстрации над участниками другой демонстрации будет адекватно признанию того факта, что власти подтверждают намерения организаций, которые умышленно намереваются нарушить общественный порядок. Аннулирував оспариваемые решения, апелляционная инстанция заявила, что ее решение было принято с учетом права заявителей на свободу собраний. Поскольку, в конечном счете, указанные решения были признаны необоснованными, заявители не могут рассматриваться как имеющие статус жертв.

46. Власти придерживались точки зрения, что поскольку заявители не утверждали, что они понесли какой-либо ущерб материального или нематериального характера, у национальных властей не было обязательств предложить им какое-либо возмещение. Решение или мера, удовлетворяющая заявителя, была в принципе недостаточной, чтобы лишить его статуса «жертвы», пока национальные власти не признали, явно или в материальной форме, а затем не предоставили возмещение за нарушение Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу от 15 июля 1982 г. «Экле против Германии» (*Eckle v. Germany*), Серия А, № 51, § 66).

47. Заявители утверждали, что доказательства, на которые ссылаются власти в деле «Экле против Германии», имеют небольшую значимость для рассматриваемого дела. Они повторили, что это соответствует только случаю, когда при кумулятивном удовлетворении указанных двух условий субсидиарный характер защитного механизма Конвенции препятствует рассмотрению жалобы (см. Постановление Европейского Суда по делу от 27 марта 2003 г. «Скордино против Италии» (*Scordino v. Italy*), жалоба № 36813/97). В деле заявителей нельзя сказать, что эти два условия были удовлетворены. Ни по одному нарушению Конвенции, предполагаемому в их жалобе, на национальном уровне никакое возмещение никогда не предоставлялось.

48. Европейский Суд повторяет при рассмотрении дела по существу, как и при вынесении решения о приемлемости жалобы, что заявители могут считаться жертвами нарушения их прав (см. § 5 настоящего Постановления). Европейский Суд подтверждает свой подход.

В. Исчерпание национальных средств правовой защиты

49. Власти утверждали, что в распоряжении заявителей имелись процедуры, способные обеспечить правовую защиту предполагаемого нарушения их свободы собраний. В части 7 Закона о собраниях предусмотрены сроки, которые должны соблюдаться лицами, желающими организовать собрание в соответствии с требованиями данного Закона. Уведомление о проведении собрания должно быть представлено в муниципалитет не ранее 30 дней до запланированной даты демонстрации и не позднее трех дней до проведения мероприятия.

50. Если заявители считали, что те положения, на основании которых в их случае были приняты решения национальными властями, оказались несовместимы с положениями Конституции, у них были возможности оспорить эти положения, направив жалобу в Конституционный суд Польши в порядке, предусмотренном статьей 79 Конституции. Таким образом, заявители могли добиться цели, которую они стремятся добиться в Европейском Суде, а именно оценки того, на-

рушают ли в этом деле оспариваемые регламенты их права, гарантированные Конвенцией.

51. Правительство напомнило, что Европейский Суд согласился с тем, что жалоба в Конституционный суд Польши могла быть признана в качестве эффективного средства правовой защиты, если было бы принято индивидуальное решение, которое предположительно нарушило бы Конвенцию, по прямой жалобе на неконституционные положения национального законодательства (см. Постановление Европейского Суда от 9 октября 2003 г. по делу «Шотт-Медынска против Польши» (*Szott-Medynska v. Poland*), жалоба № 47414/99). Правительство пришло к выводу, что заявители должны были прибегнуть к этому средству.

52. Заявители не согласились с таким утверждением. Они объяснили, что из-за определенного характера их дела средство правовой защиты, оказавшееся неспособным предоставить им судебный или административный пересмотр запрещения на проведение их собраний до 11 июня 2005 г., не может расцениваться как эффективное. Поэтому любой последующий пересмотр решения о запрещении мероприятия Конституционным судом не отвечал бы никакой практической цели.

53. В любом случае даже если признать, что пересмотр решения о запрещении мероприятия может иметь обратную силу, его можно было считать средством правовой защиты, которое можно было использовать в их деле, заявители придерживаются точки зрения, что оно было бы неэффективным также по другим причинам. Жалоба в Конституционный суд по польскому законодательству является средством правовой защиты, разрешенным только тогда, когда существовала возможность просить о возобновлении первоначальных слушаний в свете благоприятного постановления Конституционного суда. Это условие отдельно сделало бы это средство неэффективным, поскольку ввиду определенного и конкретного характера возмещения, которого добиваются заявители, возобновление их дела было бы полностью лишенным практического смысла и являлось бы несвоевременным решением. Кроме того, аннулирование заключительных решений было бы бесполезным, поскольку решения от 3 и 9 июня 2005 г. уже были аннулированы Апелляционной палатой местного самоуправления и губернатором области Мазовия 22 августа и 17 июня 2005 г., соответственно.

54. Европейский Суд повторяет, что в своем решении о приеме он присоединился к рассмотрению дела по существу, поскольку средства правовой защиты на национальном уровне были исчерпаны (см. § 5 настоящего Постановления). Суд подтверждает свое отношение к проблеме исчерпания средств правовой защиты.

II. КОНКРЕТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

А. Предполагаемое нарушение статьи 11 Конвенции

55. Заявители жаловались, что их право на мирные собрания было нарушено путем применения национальными властями соответствующего национального закона к их случаю. Они сослались на статью 11 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства».

1. Доводы сторон

56. Правительство придерживается точки зрения, что не было никакого вмешательства в права заявителей, гарантированные статьей 11 Конвенции. Они ссылаются в данном случае на свои доводы в отношении статуса жертв заявителей (см. §§ 45–48 настоящего Постановления).

57. Правительство не оспаривает тот факт, что решения второй инстанции национальных властей были приняты после даты, на которую были запланированы собрания. Вместе с тем заявители знали о сроках, предусмотренных действующим законодательством для подачи уведомлений о проведении собраний.

58. Заявители жаловались, что их право на проведение мирных собраний было нарушено путем применения национальными властями к их случаю соответствующего национального закона. Из самой буквы свободы собраний следует, что требования, которые налагаются законом на организаторов общественных собраний, должны быть ограничены до разумного минимума и носить технический характер.

59. Согласно Закону о собраниях 1990 г. власти могут запретить организацию собрания только в том случае, когда его цель находится в противоречии с положениями уголовного права, или когда это может повлечь за собой опасность для жизни и здоровья или угрозу причинения существенного материального ущерба. С другой стороны, требо-

вания, которые могут быть установлены для организаторов собраний, если власти классифицировали проводимое собрание как «происшествие» по Закону о дорожном движении, заходят очень далеко. Им недостает точности. Решение о том, отвечают ли этим требованиям организаторы в полной мере, оставляется на усмотрение властей.

60. По мнению заявителей, в отказах мэра отсутствует правильная мотивация. Собрания, которые должны были состояться, имели мирный характер. Их целью являлось привлечение внимания общества к положению различных групп лиц, к которым предвзято относятся, в частности, к лицам с гомосексуальной ориентацией. Соответствующие уведомления требовали соблюдения очень ограниченных требований, установленных Законом о собраниях. В отношении Марша Равенства отказ был мотивирован предполагаемым отказом заявителей представить проект организации движения, который власти никогда не требовали представлять до данного отказа. Указанные собрания имели законные цели, и не было никаких особых оснований, например, серьезной опасности причинения материального ущерба или возникновения угрозы жизни и здоровью людей, которые могли бы оправдать такие отказы.

2. Мнение Европейского Суда

61. Как неоднократно отмечалось в постановлениях Европейского Суда, демократия является основополагающим принципом устройства европейского общества, а Конвенция призвана развивать и поддерживать идеалы и ценности демократического общества. Демократия, подчеркнул Европейский Суд, является единственной политической моделью, предусмотренной Конвенцией, и единственной моделью, совместимой с ней. Исходя из формулировки пункта 2 статьи 11, и аналогично из статей 8–10 Конвенции, единственной необходимостью, способной оправдать вмешательства в любые права, указанные в этих статьях, является обстоятельство, о котором можно утверждать, что оно возникло «из необходимости в демократическом обществе» (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Партия благоденствия [Refah Partisi] и другие против Турции» (Refah Partisi (Welfare Party) and Others v. Turkey), жалобы №№ 41340/98, 41342/98, 41343/98 и 41344/98, §§ 86–89, *ECHR* 2003-II; от 14 мая 2006 г. «Христианско-демократическая народная партия против Молдовы» (Christian Democratic People's Party v. Moldova), жалоба № 28793/02).

62. В контексте статьи 11 Конвенции Европейский Суд часто указывал на существенную роль, которую играют политические партии в обеспечении плюрализма и демократии; для надлежащего функционирования демократии также важны объединения, образованные

в других целях. Вместе с тем в основе плюрализма лежит подлинное признание и уважение разнообразия и динамики культурных традиций, этнических и культурных тождеств, религиозных вероисповеданий, художественных, литературных и социально-экономических идей и концепций. Гармоничная взаимосвязь лиц и групп с различными тождествами является основополагающим фактором для достижения социального единства. Естественно там, где в гражданском обществе действуют здоровые силы, участие граждан в демократическом процессе в большей степени достигается через принадлежность к ассоциациям, в которые они могут объединяться друг с другом и вместе преследовать общие цели (см. Постановление Европейского Суда от 17 февраля 2004 г. по делу «Горжелик и другие против Польши» (*Gorzelik and Others v. Poland*), жалоба № 44158/98, § 92).

63. Что касается признаков «демократического общества», Европейский Суд подчеркнул особую важность плюрализма, толерантности и широты взглядов. В этом контексте подчеркивается, что, хотя личные интересы должны в определенных обстоятельствах быть подчинены групповым интересам, демократия вовсе не означает, что точка зрения большинства должна всегда преобладать: должно достигаться равновесие, которое гарантирует справедливое и правильное отношение к меньшинствам и избегает любого злоупотребления доминирующим положением (см. Постановления Европейского Суда по делам: от 13 августа 1981 г. «Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства» (*Young, James and Webster v. United Kingdom*), Серия А, № 44, с. 25, § 63; «Шассану и другие против Франции» (*Chassagnou and Others v. France*), №№ 25088/95 и 28443/95, *ECHR* 1999-III, с. 65, § 112).

64. В деле «Информационный союз “Лентия” и другие против Австрии» (*Informationsverein «Lentia» and Others v. Austria*, от 24 ноября 1993 г., Серия А, № 276, с. 16, § 38) Европейский Суд определил государство как окончательного гаранта принципа плюрализма. Подлинное и эффективное уважение свободы объединений и собраний не может быть сокращено до простой обязанности невмешательства со стороны государства; просто отрицательная концепция была бы несовместимой как с целью статьи 11 Конвенции, так и с целью Конвенции в целом. Таким образом, должны быть положительные обязательства для обеспечения эффективного осуществления этих свобод (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Вильсон и Национальный союз журналистов и другие против Соединенного Королевства» (*Wilson and the National Union of Journalists and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 30668/96, 30671/96 и 30678/96, п. 41, *ECHR* 2002-V; от 20 октября 2005 г. «Ауранио Токсо против Греции» (*Ouranio Toxo v. Greece*), жалоба № 74989/01, § 37). Это обязательство имеет особое значение для лиц, придерживающихся непопулярных точек

зрения или принадлежащих к меньшинствам, потому что они более уязвимы к преследованиям и издевательствам.

65. Европейский Суд повторяет, что согласно неизменному подходу конвенционных органов понятие «жертва» нарушения прав или свобод обозначает лицо, непосредственно затронутое действием или бездействием, которое подлежит обсуждению (см. Постановления Европейского Суда по делам: от 13 июня 1979 г. «Маркс против Бельгии» (Marcks v. Belgium), Серия А, № 31, § 27; от 22 октября 1981 г. «Даджен против Соединенного Королевства» (Dudgeon v. United Kingdom), Серия А, № 45, § 41).

66. Обращаясь к обстоятельствам данного дела, Европейский Суд отмечает, что власти фактически запретили запланированный марш и шесть стационарных (без шествий) собраний. Власти апелляционной инстанции в своих решениях от 17 июня и 22 августа 2005 г. отменили решения первой инстанции и критиковали ее за необоснованность и нарушение действующего законодательства. Эти решения были приняты после дат, на которые заявителями были запланированы проведения демонстраций.

67. Европейский Суд признает, что собрания были, в конечном счете, проведены в запланированные даты. Однако заявители взяли на себя риск их проведения, несмотря на то, что официальное запрещение было тогда в силе. Собрания были проведены без презумпции законности, такая презумпция составляет жизненно важный аспект эффективного и беспрепятственного осуществления свободы собраний и свободы выражения мнений. Европейский Суд отмечает, что отказы в согласовании, возможно, могли оказать запугивающее воздействие на заявителей и других участников собраний. Это, возможно, также отвратило других лиц от участия в собраниях по той причине, что они не были официально согласованы, и потому, что власти не будут обеспечивать никакой официальной защиты от возможных враждебных действий со стороны участников контрдемонстраций.

68. В связи с этим Европейский Суд придерживается мнения, что, когда собрания состоялись, заявители находились под негативным воздействием отказов в согласовании и разрешении. Европейский Суд отмечает, что доступные им средства правовой защиты не могли улучшить их положение, поскольку соответствующие решения были приняты апелляционной инстанцией после запланированной даты проведения митингов. Европейский Суд делает вывод, ссылаясь на статью 13 Конвенции (см. § 84 настоящего Постановления), что имело место вмешательство в права заявителей, гарантируемые статьей 11 Конвенции.

69. Вмешательство образует состав нарушения статьи 11 Конвенции, если оно «не установлено законом», не преследует одну или несколько

законных целей согласно пункту 2 данной статьи и не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

70. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что 22 августа 2005 г. апелляционная палата местного органа власти установила, что решение от 3 июня 2005 г. является незаконным (см. § 20 настоящего Постановления). Аналогичным образом, 17 июня 2005 г. губернатор области Мазовия отменил отказы от 9 июня 2005 г., постановив, что они нарушают свободу заявителей на проведение собраний (см. §§ 22–26 настоящего Постановления). Поэтому Европейский Суд делает вывод, что вмешательство в право заявителей на свободу проведения мирного собрания не основано на законе.

71. В контексте рассмотрения законности обжалуемого вмешательства Европейский Суд отмечает, кроме того, уместность постановления Конституционного суда от 18 января 2006 г. В этом постановлении указано, что положения Закона о дорожном движении, примененные в деле заявителей, являются несовместимыми с конституционными гарантиями свободы собраний. Подчеркнуто, что ограничения на осуществление этой свободы, установленные подвергаемыми сомнению положениями, нарушают принцип пропорциональности, применяемый ко всем ограничениям, налагаемым на осуществление прав, гарантируемых Конституцией (см. §§ 39–42 настоящего Постановления). Европейский Суд отдает себе отчет в том, что согласно применимым положениям Конституции гарантии теряют свою обязательную силу после событий, о которых идет речь в данном деле (см. § 30 настоящего Постановления). Вместе с тем согласно постановлению Конституционного суда подвергаемые сомнению положения, которые являются несовместимыми со свободой собраний, гарантируемой Конституцией, приводят к собственному заключению выше, касающемуся законности обжалуемого вмешательства в данном деле.

72. В отношении этого заключения Европейскому Суду не требуется проверять, были ли выполнены два других требования (законная цель и необходимость вмешательства), установленные в пункте 2 статьи 11 Конвенции.

73. Европейский Суд отклоняет предварительные возражения Правительства о предполагаемом отсутствии статуса жертв у заявителей и делает вывод о том, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

В. Предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции

74. Также заявители жаловались, что в их случае была нарушена статья 13 Конвенции, потому что в их распоряжении не было никакой

процедуры, которая позволяла бы им получить окончательное решение до даты запланированных демонстраций.

Статья 13 Конвенции гласит, что:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

1. Доводы сторон

75. Правительство повторило свои доводы, касающиеся вопроса использования средств правовой защиты на национальном уровне. В частности, заявители должны были направить жалобу в Конституционный суд, чтобы оспорить положения, на основании которых были приняты решения по их делу.

76. Заявители жаловались, что когда по решению первой инстанции им было запрещено проводить собрания, в их распоряжении не оказалось никакой процедуры, позволившей бы им получить окончательное решение до даты, на которую было запланировано проведение акций. Это происходит потому, что в случае отказа власти второй инстанции могут только аннулировать это решение, но не могут принять нового решения. Это означает, что организаторы должны были начинать процедуру с самого начала. Фактически именно так в деле заявителей были использованы соответствующие процессуальные положения.

77. Заявители утверждали, что в соответствии с частью 7 Закона о собраниях уведомление о собрании может быть представлено не ранее 30 дней до запланированной даты. Согласно польскому законодательству, если власти полагают, что запланированное собрание может расцениваться как «происшествие», в соответствии с положениями Закона о дорожном движении в целом невозможно уложиться в 30-дневный срок, учитывая необоснованно обременительные требования в части предоставления многочисленных документов, касающихся вопросов организации движения такого собрания, которые могут быть установлены для организаторов по этому закону.

78. Заявители пришли к выводу, что в любом случае государство должно выработать такую процедуру, а если потребуется, то специальную процедуру, которая позволяла бы организаторам общественных собраний завершить все действия в течение срока, установленного в законе, т.е. от 30 до трех дней до запланированной даты, и, что важно, до дня, на который было запланировано проведение собрания.

2. Мнение Европейского Суда

79. Европейский Суд повторяет, что юридическое действие статьи 13 Конвенции состоит в требовании предоставления средств правовой защиты на национальном уровне, дающих возможность компетентному национальному полномочному органу одновременно рассматривать по существу соответствующую жалобу со ссылкой на Конвенцию и предоставлять соответствующую помощь, хотя договаривающимися государствам предоставлено право самостоятельно определять способы выполнения своих обязательств по данному положению (см. Постановление Европейского Суда от 15 ноября 1996 г. по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*), *ECtHR* 1996-V, с. 1869–1870, § 145).

В данном деле Европейский Суд пришел к выводу, что по статье 11 Конвенции права заявителей были нарушены (см. § 73 настоящего Постановления). Поэтому они направили жалобу по смыслу значения прецедентного права Европейского Суда и, таким образом, обратились за средством правовой защиты, удовлетворяющим требованиям статьи 13 Конвенции.

80. Что касается ссылки Правительства на индивидуальные жалобы в Конституционный суд, Европейский Суд в первую очередь отмечает, что в контексте административного процесса в Польше разрешается двухступенчатый пересмотр в судебном порядке административных решений второй инстанции. Считается, что только постановление Верховного административного суда является окончательным решением, в связи с которым разрешается конституционная жалоба. В данном деле заявители, получив в административных органах второй инстанции решения по существу в их пользу, в которых был отменен отказ в согласовании, не располагали никаким признаваемым правом способом опротестования этих решений в административных судах. В связи с этим они не могли обратиться в Конституционный суд.

81. Европейский Суд констатирует, что административные органы, в конечном счете, признали, что решения первой инстанции, принятые по делу заявителей, были вынесены в нарушение действующего законодательства. Вместе с тем Европейский Суд подчеркивает, что административные органы приняли это решение после дат, на которые заявители планировали проведение демонстраций. Суд отмечает, что данный случай является аналогичным в деле «Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии» (*Stankov and the United Macedonian Organization «Ilinden» v. Bulgaria*), жалобы №№ 29221/95 и 29225/95, Решение Комиссии по правам человека от 29 июня 1998 г.), в отношении которого Комиссия приняла решение, что «это дело [было] бесспорным, потому что заявители пытались

[подать апелляционную жалобу на отказ окружного суда рассмотреть апелляцию в отношении запрета мэра], судебные разбирательства длились бы в течение нескольких месяцев, и любой благоприятный результат ожидался бы после даты запланированного собрания или манифестации». Иными словами, принимая во внимание, что выбор времени собраний был критическим для их организаторов и участников, и что организаторы направили своевременные уведомления компетентным властям, Европейский Суд считает, что в сложившейся ситуации понятие эффективного средства правовой защиты подразумевает возможность получения решения о согласовании мероприятий до времени их запланированного проведения.

82. В этой связи Европейский Суд придерживается точки зрения, что по характеру демократических дебатов, выбор времени общественных собраний, которые проводятся для высказывания определенных мнений, является критическим фактором для политического и социального значения данного собрания. Поэтому государственные власти при определенных обстоятельствах могут отказать в выдаче разрешения на проведение демонстрации, если такой отказ совместим с требованиями статьи 11 Конвенции, но не могут изменить дату, на которую организаторы планируют ее проведение. Если общественное собрание организуется после того, как данная социальная проблема теряет свою актуальность или важность для текущих социальных или политических дебатов, влияние собрания может быть серьезно уменьшено. Свобода собрания, ограниченная в осуществлении в желаемое время, полностью утрачивает смысл.

83. На основании изложенного Европейский Суд придерживается мнения, что для эффективной реализации свободы собраний важно, чтобы действующее законодательство предусматривало разумные сроки, в пределах которых государственные власти должны действовать, принимая уместные решения. Действующее законодательство предусматривает сроки подачи заявителями своих уведомлений о проведении собраний. В противоположность этому для властей законом не установлено никаких обязательных сроков в части выдачи окончательного решения до запланированной даты демонстрации. Европейский Суд считает, что средства правовой защиты, имеющие *постфактумный* характер, которыми располагали заявители в данном деле, не могли обеспечить адекватное исправление предполагаемых нарушений Конвенции.

84. Европейский Суд считает, что заявителям было отказано в эффективном средстве правовой защиты на национальном уровне в связи с их жалобой о нарушении свободы собраний. Европейский Суд отклоняет предварительное возражение властей о предполагаемом неиспользовании средств правовой защиты на национальном уровне и

делает вывод о том, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 11 Конвенции.

С. Предполагаемое нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 11 Конвенции

85. Заявители жаловались, что с ними обошлись дискриминационным образом, проявившимся в том, что им отказали в разрешении организовать марш и в согласовании проведения некоторых митингов. Они сослались на статью 11 Конвенции в совокупности со статьей 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

1. Доводы сторон

86. Правительство утверждало, что заявители обратились за административными решениями, принятыми в их случаях, 3 и 9 июня 2005 г. В первом случае начальник Управления дорожного движения, действующий от имени мэра г. Варшавы, отказался выдать разрешение для проведения марша, сославшись на отказ организаторов предоставить «план организации движения» согласно смыслу части 65 (а) Закона о дорожном движении. Во второй раз мэр сослался на то, что заявители оказались не в состоянии выполнить более строгие требования, установленные законом для организаторов публичных мероприятий, проводимых на дорогах.

87. Правительство придерживалось точки зрения, что эти решения были достаточно мотивированы, а их доводы основывались на положениях части 65 Закона о дорожном движении. По их мнению, нельзя считать, что решения о запрете собраний были приняты под влиянием личного мнения, которого придерживается мэр г. Варшавы и которое выражено в интервью, опубликованном в издании «Gazeta Wyborcza» от 20 мая 2005 г. Фактами дела не доказано существование какой-либо связи между взглядами мэра, высказанными в прессе, и официальными решениями, принятыми по делу заявителей.

88. Власти утверждали, что в данном случае не было никаких условий, действий или бездействия государственных органов, позволяющих говорить о менее благоприятном отношении к заявителям по сравнению с отношением к другим лицам в аналогичной ситуации.

Нет никаких признаков того, что это отношение строилось на какой-либо запретительной основе. Поэтому заявители не испытывали дискриминацию в осуществлении своей свободы собраний вопреки смыслу статьи 14 Конвенции.

89. Заявители подчеркнули, что они были обязаны предоставить «план организации движения», в то время как от других организаций этого не требовалось. При отсутствии определенных и оправданных веских причин и при отсутствии каких-либо причин, указанных властями для такого дифференцированного отношения, выборочное направление требования о предоставлении такого плана достаточно демонстрирует предвзятое к ним отношение.

90. Заявители далее утверждали, что к ним отнеслись предвзято, поскольку им было отказано в разрешении организовать демонстрации 12 июня 2005 г., в то время как другие организации и лица получили соответствующие разрешения. Такой дифференцированный подход не является законным, более того, мэр и его сотрудники однозначно дали понять публике, что они запретят демонстрации из-за гомосексуальной ориентации организаторов, независимо от каких-либо законных оснований.

91. Заявители также утверждали, что решения от 3 и 9 июня 2005 г. были формально выданы от имени мэра г. Варшавы. Они сослались на интервью с мэром, опубликованное в мае 2005 г., в котором он заявил, что запретит проведение собраний независимо от того, что указали организаторы в своих запросах на получение разрешений. Заявители утверждали, что нельзя разумно отрицать, что не было никакой связи между заявлениями, сделанными мэром, и решениями, принятыми впоследствии от его имени. Они подчеркнули, что практический результат разбирательств по их делу совпадал с духом заявлений мэра.

92. Заявители подчеркнули, что аргумент властей об отсутствии причинной связи между мнениями, публично выраженными мэром, и административными решениями, принятыми от его имени, подразумевает, что решения в администрации мэра в определенное время принимаются без учета его мнений, выраженных публично в должности главы муниципальной администрации.

2. Мнение Европейского Суда

93. Европейский Суд неоднократно выражал мнение, что статья 14 Конвенции не является автономной, а имеет юридическую силу только в отношении других прав Конвенции. Ее положения дополняют другие основные положения Конвенции и ее дополнительных протоколов. Эта статья не имеет никакой автономной силы, поскольку имеет

юридическую силу исключительно в отношении «осуществления прав и свобод», гарантированных в соответствии с ее положениями. Хотя применение статьи 14 Конвенции не предполагает нарушение этих положений — и в этой степени она является автономной — не может быть никакого основания для ее применения, пока спорные вопросы не окажутся под юрисдикцией одной или нескольких последующих статей Конвенции (см. Постановления Европейского Суда по делам: от 21 февраля 1997 г. «Ван Раалт против Нидерландов» (*Van Raalte v. Netherlands*), *ECHR* 1997-1, с. 184, § 33; от 16 сентября 1996 г. «Гайгусуз против Австрии» (*Gaygusuz v. Austria*), а также Сборник судебных решений, *ECHR* 1996-IV, § 36).

94. Общими точками соприкосновения между сторонами является то, что факты дела попадают в сферу применения статьи 11 Конвенции. Следовательно, к обстоятельствам дела применяется и статья 14 Конвенции.

95. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что административные решения первой инстанции, касающиеся данного дела, не относятся к какому-либо прямому мотиву, который можно было бы квалифицировать в качестве одной из запретных тем для дискриминации по смыслу этого термина в Конвенции. Эти решения сосредоточены на технических аспектах организации собраний и на соответствии этим требованиям (см. §§ 11 и 13 настоящего Постановления). Было установлено, что при рассмотрении вопроса начальником Управления дорожного движения от заявителей потребовали предоставления «плана организации движения», и что на их запрос был получен отказ из-за непредставления такого плана. В то же время Европейский Суд отмечает, что не было доказано или аргументировано, что от других организаторов требовалось то же самое.

96. Европейский Суд далее отмечает, что решение от 3 июня 2005 г. с отказом в разрешении на проведение марша, организованного заявителями, было принято начальником Управления дорожного движения, действующим от имени мэра г. Варшавы. 9 июня 2005 г. муниципальные власти, действующие от имени мэра, приняли решения, запрещающие стационарные собрания, которые организовывались первыми пятью заявителями, ссылаясь на необходимость избежать возможных столкновений между участниками различных демонстраций, которые должны были проводиться 12 июня 2005 г. Также не оспаривается тот факт, что в этот же день те же власти дали разрешение другим группам для организации шести демонстраций противоположной тематики на ту же дату.

97. Европейский Суд не может предполагать наличие каких-либо иных мотивов, кроме явно указанных в обжалуемых административных решениях, для отказов в проведении собраний, о которых идет

речь в данном случае. Вместе с тем Европейский Суд не может обойти вниманием тот факт, что 20 мая 2005 г. было опубликовано интервью с мэром, в котором он заявил, что откажет в разрешении на проведение собраний (см. § 27 настоящего Постановления).

98. Европейский Суд повторяет, что пунктом 2 статьи 10 Конвенции предусматривается строго определенное число случаев в части ограничений политических выступлений или дебатов по вопросам, представляющим общественный интерес, в особенности в отношении непосредственно политических деятелей (см. Постановление Европейского Суда по делам: «Сюрек против Турции (№ 1)» (*Surek v. Turkey* (№ 1)), жалоба № 26682/95, § 61, *ECHR* 1999-IV; от 23 апреля 1992 г. «Кастелс против Испании» (*Castells v. Spain*), Серия А, № 236). Однако осуществление права свободы выражения избранными политическими деятелями, которые в это же время находятся на государственных должностях исполнительной ветви власти, влечет за собой конкретную ответственность. В некоторых случаях частью обычных обязанностей указанных государственных чиновников является принятие ими лично административных решений, которые могут затрагивать осуществление прав граждан, или что такие решения принимаются государственными служащими, действующими от их имени. В связи с этим осуществление свободы выражения данными чиновниками может незаконно посягать на осуществление других прав, гарантируемых в соответствии с Конвенцией (в части заявлений государственных чиновников о виновности лица, против которого возбуждено уголовное дело (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Буткевичюс против Литвы» (*Butkevicius v. Lithuania*), жалоба № 48297/99, § 53, *ECHR* 2002-II; от 10 февраля 1995 г. «Алленет де Рибемон против Франции» (*Alленet de Ribemont v. France*), Серия А, № 308, с. 16, §§ 35–36; «Дактарас против Литвы» (*Daktaras v. Lithuania*), жалоба № 42095/98, §§ 41–44, *ECHR* 2000-X). Осуществляя свободу выражения мнения, они обязаны демонстрировать сдержанность, учитывая, что их взгляды могут быть расценены как указания государственными служащими, чьи рабочие места и карьера зависят от их одобрения.

99. С учетом важной роли, которую играет свобода собраний и объединений в демократическом обществе, где даже внешние проявления могут иметь определенное значение в административном производстве, когда исполнительные полномочия реализуют свои функции в отношении осуществления этих свобод (см. Постановление Европейского Суда по делу от 26 октября 1984 г. «Де Куббер против Бельгии» (*De Cubber v. Belgium*), Серия А, № 86, с. 14, § 26), Европейский Суд учитывает различия между административным и судебным производством. Также справедливо, что только в отношении судебного про-

изводства в статье 6 Конвенции установлено требование, чтобы суд, выносящий решение по делу, был беспристрастным с субъективной и объективной точек зрения (см. Постановления Европейского Суда по делам: от 25 февраля 1997 г. «Финдли против Соединенного Королевства» (Findlay v. United Kingdom), *Сборник судебных решений* 1997-I, § 73; от 16 января 2007 г. «Варзика против Польши» (Warsicka v. Poland), жалоба №2065/03, §§ 34–37).

100. Вместе с тем в настоящем деле Европейский Суд считает, что нельзя игнорировать серьезные личные мнения, публично выраженные мэром по вопросам, непосредственно относящимся к принятию решений об осуществлении свободы собраний. Европейский Суд подчеркивает, что решения, о которых идет речь, принимались муниципальными властями, действующими от имени мэра, после того, как он сообщил публике свое мнение об осуществлении свободы собраний и «пропаганде гомосексуализма» (см. § 27 настоящего Постановления). Далее Европейский Суд отмечает, что мэр высказал эту точку зрения, когда запрос о предоставлении разрешения на проведение собраний уже находился на рассмотрении муниципальных властей. Европейский Суд придерживается точки зрения, что можно разумно предположить, что его мнение могло повлиять на процесс принятия решения в данном деле, а в результате посягнуло на право заявителей на свободу собраний дискриминационным образом.

101. Рассмотрев обстоятельства дела по существу, Европейский Суд придерживается мнения, что имело место нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 11 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

102. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Судом будет установлено, что имело место нарушение Конвенции или протоколов к ней, и если национальное законодательство Высокой Договаривающейся Стороны, чьи интересы были затронуты, допускает обеспечение только частичной компенсации, то, в случае необходимости, такое возмещение потерпевшей стороне обязан предоставить Европейский Суд».

103. Заявители не требовали никакой компенсации ущерба в связи с нарушением Конвенции.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

1) *отклонил* предварительные возражения Правительства;

- 2) *постановил*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;
- 3) *постановил*, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 11 Конвенции;
- 4) *постановил*, что имело место нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 11 Конвенции.

Совершено на английском языке и зарегистрировано в письменной форме 3 мая 2007 г., в соответствии с пунктами 2, 3 Правила 77 Регламента Суда.

Н. Братца
Председатель Палаты Суда

Т.П. Эрли
Секретарь Суда

БАРАНКЕВИЧ ПРОТИВ РОССИИ¹
(Barankevich v. Russia)

Жалоба № 10519/03

Постановление Суда

Страсбург, 26 июля 2007 г.

По делу «Баранкевич против России» Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) (Первая Секция), заседавая Палатой в составе:

Х. Розакиса (K. Rozakis), *Председателя Палаты*,

Н. Ваич (N. Vajich),

А. Ковлера (A. Kovler),

Э. Штайнера (E. Shtainer),

Г. Хаджиева (H. Hadjiev),

Д. Шпильманна (D. Spielmann),

С. Йебенса (S. Jebens), *судей*,

а также С. Нильсена (S. Nielsen), *Секретаря Суда*,

проведя 5 июля 2007 г. закрытое заседание, вынес следующее Постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано жалобой № 10519/03, поданной 23 февраля 2003 г. Петром Ивановичем Баранкевичем (далее — заявитель) против Российской Федерации, в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция).

2. Заявитель изъявил желание участвовать в заседании и назначил своим представителем адвоката Сергея Сычева, практикующего в г. Москве. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптевым (далее — Правительство).

3. Заявитель жалуется на нарушение его права на свободу совести и свободу мирных собраний.

4. Решением от 20 октября 2005 г. Европейский Суд признал жалобу приемлемой.

5. Правительство представило письменные объяснения (пункт 1 Правила 59 Регламента Суда). Европейский Суд после консультаций

¹ Перевод выполнен Романом Марановым.

со сторонами решил, что не требуется проведения устных слушаний по существу дела.

ФАКТЫ

І. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель, г-н Петр Иванович Баранкевич, — гражданин России 1960 года рождения, проживающий в г. Чехове Московской области. Он является пастором Церкви евангельских христиан «Благодать Христова».

7. 9 сентября 2002 г. заявитель от имени своей церкви обратился в Чеховскую городскую администрацию за разрешением на проведение публичного богослужения с 11 до 13 часов 29 сентября 2002 г.

8. 20 сентября 2002 г. заместитель главы Чеховской городской администрации отказал в разрешении. В частности, он указал, что администрация г. Чехова неоднократно информировала заявителя о невозможности проведения публичного богослужения на городских территориях общего пользования (площадях, улицах, парках и т.п.). Заявителю было рекомендовано проводить службы и другие религиозные обряды по юридическому адресу церкви или в других помещениях, находящихся в собственности или пользовании ее членов.

9. 26 сентября 2002 г. заявитель от имени церкви обжаловал отказ городской администрации в суд. Он утверждал, что было допущено нарушение права на свободу религии и собраний.

10. 11 октября 2002 г. Чеховский городской суд Московской области рассмотрел жалобу заявителя и отклонил ее. Суд постановил, что согласно национальному законодательству на проведение публичных богослужений и других религиозных обрядов требуется разрешение муниципального органа власти. Далее в решении указывалось:

«Обжалуемый отказ является законным, так как он оправдан. Поскольку церковь евангельских христиан исповедует религию, отличную от религии, исповедуемой большинством населения данной местности, и с учетом того, что в Чеховском районе действует более 20 религиозных организаций различных конфессий, проведение одной из них публичного богослужения в общественном месте может привести к... недовольству лиц, принадлежащих к другой конфессии, и к общественным беспорядкам.

При таких обстоятельствах невозможно признать, что обжалуемые действия Чеховской городской администрации нарушают права церкви евангельских христиан «Благодать Христова», поскольку они не препятствуют ей в проведении богослужений в культовых зданиях и других помещениях, предназначенных для этой цели».

11. Заявитель обжаловал решение суда. 4 ноября 2002 г. Московский областной суд оставил без изменения решение суда от 11 октября 2002 г.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

12. Закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» устанавливает, что публичные богослужения, другие религиозные обряды и церемонии осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций (статья 16).

13. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 г. № 9306-XI (действовавшее во время событий, рассматриваемых в деле, соответствующее Указу Президента РФ от 25 мая 1992 г. № 524) предусматривало, что организаторы мероприятия должны подать письменное уведомление в местный орган власти не позднее чем за десять дней до планируемого мероприятия (статья 2). Орган власти обязан дать ответ не позднее, чем за пять дней до проведения мероприятия (статья 3). Проведение мероприятия может быть запрещено, если его цель противоречит Конституции РФ или угрожает общественному порядку или безопасности граждан.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 9 И 11 КОНВЕНЦИИ

14. Заявитель жалуется, основываясь на статьях 9 и 11 Конвенции, на то, что ему не было разрешено провести публичное богослужение в городском парке.

15. Европейский Суд отмечает, что согласно российскому законодательству публичные богослужения должны проводиться в порядке, установленном для проведения публичных собраний (см. § 12 настоящего Постановления). Запрет был наложен в соответствии с правилами и процедурами, устанавливающими ограничения на свободу собраний. В данном деле вопрос свободы вероисповедания не может быть рассмотрен отдельно от свободы собраний. Таким образом, Европейский Суд полагает, что статья 11 Конвенции является преимущественной как специальная норма для собраний и будет рассматривать данное дело главным образом по статье 11 Конвенции, толкуя ее в свете статьи 9 Конвенции (см. Постановления Европейского Суда по делам: от 19 октября 1998 г. «Пендрагон против Соединенного Королевства»

(Pendragon v. United Kingdom), жалоба № 31416/96; от 6 апреля 1995 г. «Рай, Алмонд и “Переговоры сейчас!”» против Соединенного Королевства» (Rai, Allmond and «Negotiate Now!» v. United Kingdom), жалоба № 25522/94; от 17 октября 1985 г. «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (Plattform «Ärzte Für Das Leben» v. Austria), жалоба № 10126/82).

16. Статьи 9 и 11 Конвенции гласят:

«Статья 9

1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

Статья 11

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...».

А. Имело ли место вмешательство со стороны государства

17. Заявитель жаловался, что отказ в разрешении на проведение публичного богослужения является нарушением его права на свободу религии и мирных собраний согласно статьям 9 и 11 Конвенции.

18. Правительство возражало, что заявитель не был лишен возможности проводить богослужение в культовых зданиях либо других помещениях, предназначенных для этих целей. Ему было лишь отказано в проведении богослужения в публичном месте.

19. Европейский Суд обращает внимание, что заявитель главным образом жалуется в отношении отказа в разрешении провести службу в городском парке 22 и 29 сентября 2002 г., а не о каких-либо общих ограничениях его права исповедовать религию. При таких обстоятельствах аргументы Правительства о том, что заявитель мог проводить службы в культовых зданиях или других помещениях, спе-

циально предназначенных для этих целей, не имеют отношения к настоящему делу.

20. Заявитель пытался организовать религиозное собрание в городском парке. Он обратился в районную администрацию за разрешением, которая ему в этом отказала. Отказ в разрешении организовать собрание означает вмешательство в права заявителя согласно статье 11, трактуемой в совокупности со статьей 9 Конвенции.

В. Являлось ли вмешательство оправданным

1. Доводы сторон

21. Заявитель утверждает, что вмешательство в его право на свободу совести и собраний не было предусмотрено законом, поскольку заместитель главы администрации Чеховского района не указал причин для такого отказа. Если власти считали, что проведение собрания в данном месте, которое он предлагал, могло нарушить общественный порядок, власти могли бы предложить другое место или время. Абсолютный запрет на проведение богослужений в публичных местах является несоразмерным. Далее заявитель утверждал, что опасение властей, что мирное собрание могло нарушить общественный порядок, было безосновательным. В 1998 г. его церковь уже проводила службы в общественных местах в г. Чехове, которые не причинили какого-либо беспокойства. Другим конфессиям, таким как Русская православная церковь, было разрешено проведение богослужений в публичных местах, и подобные службы также не спровоцировали каких-либо беспорядков в городе.

22. Правительство утверждало, что в то время национальное законодательство предусматривало, что лицо, желающее провести собрание или богослужение в общественном месте, должно было получить предварительное разрешение от властей. В данном деле решение об отказе в разрешении было рассмотрено национальными судами, которые установили, что решение о запрете было законным и обоснованным. В любом случае в 2004 г. был введен в действие новый закон о собраниях, митингах, шествиях и пикетированиях, и требование о разрешении было заменено простым уведомлением.

23. Правительство далее утверждало, что богослужение вне культовых зданий было нацелено на то, чтобы повлиять на вероисповедание других лиц. Большинство населения Чеховского района исповедует другие религии, и власти должны были защитить их свободу совести и вероисповедания. Правительство ссылалось на дело «Коккинакис против Греции», в котором суд высказал мнение, что в демократических обществах, в которых сосуществуют несколько религий внутри одно-

го сообщества, может быть необходимым установление ограничения свободы вероисповедания для того, чтобы примирить интересы различных групп и гарантировать, что вероисповедание каждого человека уважается (см. Постановление Европейского Суда от 25 мая 1993 г. по делу «Коккинакис против Греции» (*Kokkinakis v. Greece*), Серия А, № 260-А, с. 18, § 33). В Чеховском районе действуют 18 религиозных организаций разных конфессий, и проведение службы на общественной территории одной из них могло повлечь недовольство лиц других вероисповеданий и вызвать общественные беспорядки.

2. Мнение Европейского Суда

(а) Общие принципы

24. Европейский Суд признал, что право на мирные собрания, закрепленное в статье 11 Конвенции, — фундаментальное право в демократическом обществе и как право на свободу мысли, совести и религии является основой такого общества (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Джавит Ан против Турции» (*Djavit An v. Turkey*), жалоба № 20652/92, § 56, *ECHR* 2003-III; «Коккинакис против Греции», упоминавшееся выше, с. 17, § 31). Как неоднократно указывалось в постановлениях Европейского Суда, демократия не просто является основополагающей особенностью европейского общественного порядка, но и сама Конвенция была разработана с целью содействия идеалам и ценностям демократического общества и их поддержки. Демократия, как подчеркивал Европейский Суд, есть единственная политическая модель, рассматриваемая в Конвенции, и единственная, совместимая с ней. Посредством формулировки пункта 2 статьи 11 Конвенции, так же как и ее статьи 9, единственной необходимостью, способной оправдать вмешательство в любое из прав, закрепленных в этих статьях, является та, которая способна претендовать на то, что она проистекает из «демократического общества» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Христианско-демократическая народная партия против Молдовы» (*Christian Democratic People's Party v. Moldova*), жалоба № 28793/02, §§ 62–63, *ECHR* 2006).

25. Право на свободу собраний охватывает как закрытые митинги, так и митинги на улице, а также неподвижные митинги и общественные шествия. Кроме того, таким правом пользуются индивидуальные участники собраний и те, кто их организуют (см. Постановление Европейского Суда от 31 марта 2005 г. по делу «Адали против Турции», жалоба № 38187/97, § 266). Государства должны воздерживаться от применения произвольных мер, которые могут помешать праву проведения мирных собраний. С точки зрения самой сущности свободы

собраний и объединений и их близкого отношения к демократии, должны быть убедительные и неопровержимые причины оправдать вмешательство в это право (см. Постановление Европейского Суда от 20 октября 2005 г. по делу «Оуранио Токсо и другие против Греции» (Ouranio Toxo and Others v. Greece), жалоба № 74989/01, § 36).

26. При проведении расследования оспариваемого вмешательства Европейский Суд должен выявить, использовало ли государство-ответчик свою свободу усмотрения обоснованно, разумно и добросовестно. Необходимо также рассмотреть обжалуемое вмешательство в свете данного дела в целом и определить, было ли оно «пропорционально преследуемой легитимной цели», были ли причины, предъявленные властями для оправдания вмешательства, «уместными и достаточными». Действуя таким образом, Европейский Суд должен согласиться, что национальные власти применяли нормы, которые соответствовали принципам, сформулированным в статье 11 Конвенции, и, более того, они основывали свои решения на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Христианско-демократическая народная партия против Молдовы», § 70).

27. Более того, хотя главная цель статьи 11 Конвенции заключается в защите личности от произвольного вмешательства со стороны публичных властей в осуществление защищаемых прав, в дополнение может существовать позитивное обязательство государства обеспечить эффективное использование этих прав (см. Постановление Европейского Суда по делу «Уилсон, Национальный союз журналистов и другие против Соединенного Королевства» (Wilson, National Union of Journalists and Others v. United Kingdom), жалобы №№ 30668/96, 30671/96 и 30678/96, § 41, ECHR 2002-V).

(b) Применение вышеперечисленных принципов к настоящему делу

28. Европейский Суд приветствует принятие в 2004 г. закона о публичных собраниях, на которое ссылается Правительство, посредством которого требование предварительного разрешения было заменено на простое уведомление о предстоящем собрании. Тем не менее Европейский Суд обращает внимание, что эти изменения произошли после событий, лежащих в основе данного дела. Во время, относящееся к данному делу, действовал Указ 1988 г., уполномочивающий власти запрещать собрания, которые могли угрожать общественному порядку или безопасности граждан. В рассматриваемом деле городская администрация использовала такие полномочия и отказалась разрешить заявителю проведение собрания. Европейский Суд соглашается, что вмешательство было предусмотрено законом и преследовало леги-

тимную цель в рамках значения пункта 2 статей 9, 11 Конвенции для предотвращения беспорядков. Остается определить, было ли это «необходимо в демократическом обществе».

29. Национальные суды оправдали необходимость вмешательства, ссылаясь на тот факт, что церковь заявителя исповедовала религию, отличающуюся от других религий, которые исповедовало большинство местных жителей. Власти полагали, что публичное религиозное собрание, организованное церковью «Благодать Христова», могло вызвать недовольство среди сторонников других религиозных конфессий и спровоцировать общественные беспорядки. Европейский Суд не соглашается с данным аргументом.

30. Ссылаясь на признак «демократического общества», Европейский Суд признает практическую важность плюрализма, толерантности и способности широко смотреть на вещи. В таком контексте Европейский Суд поддерживает мнение, что, хотя в определенных случаях интересы личности могут быть поставлены в зависимость от интересов группы, демократия не сводится к тому, что взгляды большинства должны обязательно превалировать: должен быть достигнут баланс, который обеспечивал бы честное и правильное отношение к меньшинствам и исключал бы любые злоупотребления со стороны доминирующей группы (см. Постановление Европейского Суда от 17 февраля 2004 г. по делу «Горзелик и другие против Польши» (*Goździejewicz and Others v. Poland*), жалоба № 44158/98, § 90). Европейский Суд далее напоминает, что в демократическом обществе, в котором сосуществуют несколько религий внутри одного и того же сообщества, может быть необходимо введение ограничения на «свободу выражения религии или вероисповедания» для того, чтобы примирить интересы различных групп и гарантировать, что религия каждого лица уважается. Однако при реализации своих властных полномочий в этой сфере и в отношениях внутри различных религий, конфессий и вероисповеданий государство обязано оставаться нейтральным и беспристрастным. Для сохранения плюрализма и правильного функционирования демократии роль властей в данных обстоятельствах сводится не к устранению причин напряженности посредством исключения самого плюрализма, а к тому, чтобы обеспечивать толерантное отношение конкурирующих групп друг к другу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бессарабская Церковь и другие против Молдовы» (*Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova*), жалоба № 45701/99, §§ 115, 116, *ECtHR* 2001-XII).

31. В свете вышеперечисленных принципов Европейский Суд подчеркивает, что лишь тот факт, что вероисповедания евангельских христиан придерживается меньшинство жителей города, не способен оправдать вмешательство в права последователей данного веро-

исповедания (см. Постановление Европейского Суда по делу «Станков и объединенная организация “Иллинден” против Болгарии» (Stankov and United Macedonian Organisation «Ilinden» v. Bulgaria), жалобы №№ 29221/95 и 29225/95, § 89, *ECHR* 2001-IX). Было бы несовместимо с лежащими в основе Конвенции ценностями, если бы использование меньшинствами прав, закрепленных в Конвенции, зависело от одобрения большинства. Тогда права меньшинств на свободу вероисповедания, выражения мнения и свободу собраний стало бы лишь теоретическим, а не практическим и эффективным, как того требует Конвенция (см. Постановление Европейского Суда от 13 мая 1980 г. по делу «Артико против Италии» (Artico v. Italy), Серия А, № 37, с. 15–16, § 33).

32. Европейский Суд далее отмечает неоспоримость мирного характера религиозного собрания, планируемого заявителем. Не представлено доказательств того, что кто-либо из его участников мог бы спровоцировать насилие или прибегнуть к нему. Таким образом, общественные беспорядки могли бы быть спровоцированы теми горожанами, которые собирались насильственно воспрепятствовать собранию евангельских христиан в городском парке и выгнать последователей этой религии с общественного места путем угроз и насилия. Европейский Суд подчеркивает в этой связи, что свобода собраний, закрепленная в статье 11 Конвенции, защищает демонстрации, которые могут причинить беспокойство либо нанести оскорбление лицам, придерживающимся противоположных идей или требований (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Станков и объединенная организация “Иллинден” против Болгарии», § 90). Участники демонстрации должны иметь возможность проводить ее, не опасаясь, что они будут подвергнуты физическому насилию со стороны их оппонентов. Таким образом, к обязанности договаривающегося государства относится принятие обоснованных и соразмерных мер для обеспечения проведения мирных законных демонстраций (см. Постановление Европейского Суда от 21 июня 1988 г. по делу «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (Plattform «Ärzte Für Das Leben» v. Austria), Серия А, № 139, с. 12, §§ 32, 34).

33. Оценивая тот факт, что существовала угроза насильственной контрдемонстрации, Европейский Суд обращает внимание, что местные власти имели широкие возможности в выборе средств, которые могли бы обеспечить проведение религиозного собрания, планировавшегося заявителем, без причинения беспокойства другим лицам (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии»). Тем не менее нет никаких данных о том, что в процессе принятия решения власти изучали свои

возможности, необходимые для нейтрализации такой угрозы. Вместо того, чтобы рассмотреть меры, которые позволили бы пройти религиозному собранию мирно, власти наложили запрет на его проведение. Они прибегли к самому радикальному средству, отказывая заявителю в самой возможности реализации его прав на свободу вероисповедания и собраний. Более того, из формулировки отказа на запрос заявителя о разрешении проведения публичного богослужения следует, что заявитель и ранее неоднократно получал подобный отказ без каких-либо объяснений причин отказа (см. § 8 настоящего Постановления). Данный полный запрет не может быть оправдан.

34. Помимо прочего, Европейский Суд не убедили аргументы Правительства о том, что было необходимо ограничить права заявителя на свободу собраний и вероисповедания, чтобы защитить тех, кого заявитель предположительно пытался обратить в свою веру. Согласно статье 9 Конвенции свобода выражения вероисповедания включает право пытаться убедить своего ближнего (принять веру), за неимением которого, сама «свобода менять свои убеждения или вероисповедание», закрепленная в той статье, оставалась бы, скорее всего, мертвой буквой (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Коккинакис против Греции», с. 17, § 31). Европейскому Суду не было доказано, что заявителем использовались или могли использоваться незаконные способы обращения в веру (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Станков и объединенная организация “Иллинден” против Болгарии», § 105). В любом случае этот аргумент не был положен в основу решения местных властей.

35. Европейский Суд приходит к выводу, что запрет религиозного собрания, которое планировалось заявителем, не был «необходим в демократическом обществе». Соответственно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции, толкуемой в совокупности со статьей 9 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЯМИ 9 И 11 КОНВЕНЦИИ

36. Заявитель жалуется, что отношение к нему было иным, чем к представителям других религиозных конфессий. Европейский Суд полагает, что данная жалоба должна быть рассмотрена в смысле статьи 14 Конвенции в совокупности со статьями 9 и 11 Конвенции.

Статья 14 Конвенции гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискримина-

ции по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

37. Правительство утверждало, что аргумент заявителя о том, что другие конфессии имели неограниченное право проведения публичных богослужений является домыслом, неподкрепленным никакими доказательствами. В 2002 г. в Чеховском районе не проводилось ни одного публичного богослужения какими-либо конфессиями.

38. Заявитель утверждает, что другие конфессии, такие как Русская православная церковь, пользовались неограниченным правом проведения публичных богослужений.

39. Европейский Суд напоминает, что статья 14 Конвенции не применяется самостоятельно, однако играет важную роль при применении других положений Конвенции и Протоколов к ней, так как эта статья защищает лиц, попавших в аналогичные ситуации от всякой дискриминации в пользовании правами, установленными в иных положениях Конвенции. Там, где соответствующая статья Конвенции или ее Протокола была вовлечена сама по себе либо в совокупности со статьями 14 и было установлено отдельное нарушение соответствующей статьи, то у Европейского Суда нет, как правило, необходимости рассматривать такое дело также в смысле статьи 14 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Московское отделение Армии спасения против России» (*Moscow Branch of «Salvation Army» v. Russia*), жалоба № 72881/01, § 100, *ECHR* 2006).

40. Исходя из вывода Европейского Суда о том, что было нарушение статьи 11 Конвенции в свете статьи 9 Конвенции, не требуется отдельной проверки жалобы по статье 14 Конвенции (см. Постановления по делам: «Бессарабская Церковь против Молдовы», § 134; от 10 июля 1998 г. «Сидиропулос и другие против Греции» (*Sidiropoulos and Others v. Greece*), *ECHR* 1998-IV, с. 1619, § 52).

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

41. Статья 41 Конвенции устанавливает, что:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

42. Заявитель просит 100 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

43. Правительство считает, что данное требование является надуманным, необоснованным и, без сомнения, чрезмерным. Установление нарушения само по себе следовало бы признать достаточной компенсацией.

44. Европейский Суд признает, что заявитель испытывал моральный вред, в частности, стресс и фрустрацию, которые явились следствием отказа в проведении религиозного собрания в нарушении статьи 11 Конвенции в свете статьи 9 Конвенции, что не может быть компенсировано в полной мере лишь путем признания такого нарушения. Тем не менее Европейский Суд полагает, что сумма, требуемая заявителем, чрезмерна. Делая свою оценку на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю компенсацию в размере 6 000 евро плюс налоги, которые могут быть уплачены с этой суммы.

В. Судебные издержки и расходы

45. Заявитель не требовал возмещения каких-либо издержек и расходов. Соответственно, нет необходимости что-либо выплачивать по этой статье.

С. Пеня

46. Европейский Суд считает, что размер пени по выплате компенсации должен быть установлен в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

1) *постановил*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции, истолкованной в свете статьи 9 Конвенции;

2) *постановил*, что нет необходимости рассматривать жалобу заявителя по статье 14 Конвенции;

3) *постановил*:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю в возмещение морального вреда 6 000 (шесть тысяч) евро, подлежащие переводу в российские

рубли по курсу на день выплаты, а также любой налог, начисляемый на вышеуказанную сумму;

(b) простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;

4) *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке. Уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 26 июля 2007 г. в соответствии с пунктами 2, 3 Правила 77 Регламента Суда.

С. Нильсен
Председатель Палаты Суда

Х. Розакис
Секретарь Суда

БУКТА И ДРУГИЕ ПРОТИВ ВЕНГРИИ¹
(Bukta and Others v. Hungary)

Жалоба № 25691/04

Постановление Суда

Страсбург, 17 июля 2007 г.

25 сентября 2007 г. в тексте Постановления исправлены ошибки в соответствии с Правилom 81 Регламента Суда.

По делу «Букта и другие против Венгрии» Европейский Суд по правам человека (Вторая Секция), заседая Палатой в составе:

Ф. Тюлькенс (F. Tulkens), *Председателя Палаты*,

А. Бака (A. Baka),

И.К. Баррето (I.C. Barreto),

В. Загребельского (V. Zagrebelsky),

А. Муларони (A. Mularoni),

Д. Ёочиене (D. Jočienė),

Д. Поповича (D. Popović), *судей*, и

С. Долле (S. Dollé), *Секретаря Секции Суда*,

заседая за закрытыми дверями 26 июня 2007 г., вынес в указанный день следующее Постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 25691/04, поданной против Венгерской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) тремя гражданами Венгрии: г-жой Денешне Буктой, г-ном Фердинандом Лацнером и г-ном Яношне² Тельдьешши (далее — заявители), — 13 апреля 2004 г.

2. Интересы заявителей представлял г-н Л. Грешпик, адвокат, практикующий в г. Будапеште. Власти Венгрии были представлены агентом г-ном Л. Хётцлем, Министерство юстиции и охраны правопорядка.

¹ Перевод выполнен АНО «ЮРИКС».

² По-видимому, в оригинале опечатка. Окончание -не после мужского имени обычно содержит указание на семейное положение женщины (ее собственное имя в официальных документах не используется). В частности, имя первой заявительницы указывает на то, что она является женой Денеша Букты. Таким же образом имя третьего заявителя указывает на семейную связь с Яношем Тельдьешши, поэтому приставка «г-н», скорее всего, является ошибочной (*прим. переводчика*).

3. Заявители утверждали, что их мирное собрание было распущено полицией в нарушение статей 10 и 11 Конвенции.

4. 4 сентября 2006 г. Европейский Суд коммуницировал жалобу властям Венгрии. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции Европейский Суд решил рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

ФАКТЫ

5. Заявителями по делу выступают граждане Венгрии, родившиеся в 1943, 1945 и 1951 гг., соответственно, и проживающие в г. Будапеште.

А. Обстоятельства дела

6. Факты настоящего дела, представленные сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

7. 1 декабря 2002 г. премьер-министр Румынии нанес официальный визит в г. Будапешт и дал прием по случаю Национального дня Румынии, отмечаемого в честь Дьюлафехерварского национального собрания 1918 г., на котором было провозглашено вхождение ранее венгерской области Трансильвании в состав Румынии.

8. Премьер-министр Венгрии принял решение об участии в приеме, объявив об этом накануне.

9. Заявители полагали, что венгерскому премьер-министру следует воздержаться от посещения приема, учитывая, что Дьюлафехерварское национальное собрание сыграло отрицательную роль в венгерской истории. Таким образом, они решили организовать демонстрацию перед отелем «Кемпински» в г. Будапеште, где был запланирован прием. Они не сообщили полиции о своем намерении.

10. Днем 1 декабря 2002 г. примерно 150 человек, включая заявителей, собрались перед отелем. Полиция также присутствовала. Раздался резкий звук, после чего полиция решила распустить собрание, сочтя, что оно представляло угрозу безопасности приема. Полиция вынудила демонстрантов вернуться в парк за отелем, после чего, спустя некоторое время, они были рассеяны.

11. 16 декабря 2002 г. заявители потребовали судебной проверки действий полиции и просили Пештский центральный районный суд признать их незаконными. Они утверждали, что демонстрация была совершенно мирной, и ее единственной целью являлось выражение мнения ее участников. Кроме того, заявители отметили, что сообщить полиции о собрании за три дня до его проведения, как требует Закон № III 1989 г. о праве собраний (далее — Закон о праве собраний), было очевидно не-

возможно, поскольку премьер-министр сообщил о своем намерении присутствовать на приеме лишь накануне.

12. 6 февраля 2003 г. районный суд отклонил требования заявителей. В части обстоятельств события он отметил, что демонстрация была распущена после того, как раздался небольшой хлопок.

13. Районный суд также отметил, что трехдневный срок сообщения полиции о запланированном собрании не мог быть соблюден, если демонстрация была обусловлена событием, произошедшем менее чем за три дня до нее. По мнению суда, возможные недостатки Закона о праве собраний не могли исправляться судами. Таким образом, обязанность сообщать полиции о таких собраниях применялась к любому типу демонстраций, включая спонтанные. Суд также отметил, что нельзя исключать потребность в более ясном и современном регулировании таких событий, однако это являлось задачей законодателя, а не судов.

14. Суд также постановил, что обязанность заблаговременно информировать полицию о собраниях в общественных местах служила защите общественных интересов и прав других лиц, а именно беспрепятственному движению транспорта и праву на свободу передвижения. Он отметил, что организаторы демонстрации даже не предприняли попытки уведомить полицию. Районный суд далее постановил:

«...в соответствии с применимыми положениями действующего национального законодательства тот факт, что собрание носило мирный характер, сам по себе не освобождал от обязанности информировать полицию. ...Суд не рассматривает вопрос о том, было ли собрание мирным, поскольку отсутствие уведомления как таковое делало его незаконным и, таким образом, орган-ответчик осуществил его роспуск законно, на основании статьи 14(1) Закона о праве собраний».

15. Заявители обжаловали решение. 16 октября 2003 г. Будапештский региональный суд поддержал решение суда первой инстанции. Он частично изменил мотивировку районного суда, исключив положения о возможных недостатках применимого национального законодательства. Кроме того, региональный суд постановил, ссылаясь, в частности, на прецедентную практику Европейского Суда и решение № 55/2001 (XI. 29) Конституционного суда:

«...при применении соответствующего национального законодательства подход, очевидно, является императивным, поскольку отсутствуют исключения из обязанности уведомления и, таким образом, отсутствует различие между “объявленными” и “спонтанными” собраниями — последние незаконны по причине неисполнения вышеупомянутой обязанности уведомления».

16. В итоге региональный суд постановил, что ограничения, примененные в отношении заявителей, были необходимы и соразмерны.

17. Заявители подали ходатайство о пересмотре, которое Верховный суд отклонил 24 февраля 2004 г. без рассмотрения по существу, поскольку оно было несовместимо с применимыми положениями Гражданского процессуального кодекса ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения.

В. Применимое национальное законодательство

18. Статья 62 Конституции гарантирует право мирных собраний граждан и обеспечивает его свободное осуществление.

19. Статья 6 Закона о праве собраний требует уведомления полиции о собрании не менее чем за три дня до мероприятия.

20. Пункт 1 статьи 14 Закона о праве собраний обязывает полицию распускать (*feloszlatja*) любые собрания, проводящиеся без предварительного уведомления.

21. Пункт 3 статьи 14 Закона о праве собраний предусматривает, что в случае роспуска собрания его участники могут требовать судебной проверки в 15-дневный срок.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

22. Заявители жаловались, что их мирная демонстрация была распущена исключительно по причине отсутствия предварительного уведомления, что нарушало статью 11 Конвенции, которая в соответствующих частях предусматривает:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе... в целях предотвращения беспорядков и преступлений [или] для... защиты прав и свобод других лиц...».

А. Приемлемость жалобы

23. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-

либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Имело ли место вмешательство в право на свободу мирных собраний

24. Власти Венгрии не оспаривали, что заявители могли ссылаться на гарантии, содержащиеся в статье 11 Конвенции; не отрицали они и того, что роспуск демонстрации представлял собой вмешательство в осуществление прав заявителей, предусмотренных данным положением. Европейский Суд не усматривает оснований для иного вывода. Власти Венгрии утверждали, однако, что вмешательство было оправданным согласно пункту 2 статьи 11 Конвенции.

2. Являлось ли вмешательство оправданным

25. Таким образом, необходимо определить, была ли обжалуемая санкция «предусмотрена законом», преследовала ли она одну или более законных целей, установленных пунктом 2 статьи 11 Конвенции, и была ли она «необходима в демократическом обществе» для их достижения.

(a) Было ли вмешательство предусмотрено законом

26. Стороны пришли к единому мнению о том, что ограничение на осуществление заявителями свободы мирных собраний было основано на статье 14 Закона о праве собраний, формулировка которой является ясной. Таким образом, требование предсказуемости было соблюдено. Европейский Суд не усматривает оснований для несогласия с позицией сторон.

(b) Законная цель

27. Заявители не затрагивали этот вопрос.

28. Власти Венгрии утверждали, что ограничения права на свободу мирных собраний в общественном месте были призваны защищать права иных лиц, например, право на свободу передвижения, или обеспечивать беспрепятственное движение транспорта.

29. Они также утверждали, что свобода мирных собраний не может ограничиваться одной лишь обязанностью со стороны государства не вмешиваться в ее осуществление. В определенных случаях необходимо принятие позитивных мер для обеспечения их мирного характера. Таким образом, трехдневный срок был необходим полиции, в частно-

сти, чтобы скоординировать свои действия с другими органами, передислоцировать полицейские силы, обеспечить присутствие пожарных бригад и убрать автомашины. Они обратили внимание на тот факт, что если несколько организаций уведомляют власти о намерении провести демонстрацию одновременно и в одном и том же месте, могут потребоваться дополнительные переговоры.

30. В свете указанных соображений Европейский Суд признает, что ожалуемая мера преследовала законные цели предотвращения беспорядков и защиты прав иных лиц.

(с) «Необходимость в демократическом обществе»

31. Заявители утверждали, что их спонтанная демонстрация носила мирный характер и была распушена исключительно по причине того, что полиция не получила предварительного уведомления согласно статье 14 Закона о праве собраний. Такая мера не могла быть оправдана тем фактом, что раздался небольшой хлопок; иной вывод позволил бы полиции распустить любое собрание по таким основаниям без дополнительных причин.

32. Власти Венгрии утверждали, что собрание заявителей было распушено не из-за отсутствия предварительного уведомления, но из-за хлопка, который полиция расценила как угрозу для безопасности должностных лиц, находящихся в отеле «Кемпински».

33. Европейский Суд отмечает, что пункт 2 статьи 11 Конвенции разрешает государствам устанавливать «законные ограничения» на осуществление права на свободу собраний.

34. Европейский Суд приходит к выводу, что в решениях национальных судов, касающихся законности событий, в качестве правовой основы роспуска собрания заявителей фигурировало исключительно отсутствие предварительного уведомления. Суды основали свои решения о признании полицейских мер законными лишь на этом доводе и не приняли во внимание иные аспекты дела, в частности, мирный характер собрания.

35. Европейский Суд напоминает, что установление процедуры получения предварительного разрешения на публичные собрания обычно не посягает на существо права (см. Решение Комиссии по правам человека от 10 октября 1979 г. по делу «“Юрское объединение” и “Юрское единство” против Швейцарии» (*Rassemblement Jurassien Unité v. Switzerland*)¹, жалоба № 8191/78, *Decisions and Reports* 17, p. 119). Од-

¹ В оригинале опечатка, точное название дела: «*Rassemblement jurassien and Unité jurassienne v. Switzerland*». Жалоба № 8191/78 подана двумя некоммерческими организациями — *Rassemblement jurassien* и *Unité jurassienne*, ставившими цель защиты народа Юры от «гегемонии Берна». В связи со спорами германо- и франкоя-

нако при обстоятельствах настоящего дела отсутствие заблаговременного уведомления общественности о намерении премьер-министра посетить прием поставило заявителей перед выбором: отказаться от своего права на мирные собрания или осуществить его с нарушением административных требований.

36. По мнению Европейского Суда, при конкретных обстоятельствах настоящего дела, когда немедленный отклик на политическое событие в форме демонстрации мог быть оправданным, решение о роспуске продолжающегося мирного собрания исключительно в связи с отсутствием предварительного уведомления, без каких-либо незаконных действий со стороны демонстрантов, представляло собой несоразмерное ограничение свободы мирных собраний.

37. В этой связи Европейский Суд отмечает, что отсутствуют доказательства, подтверждающие, что заявители представляли угрозу общественному порядку, выходящую за рамки незначительного беспокойства, которое неизбежно влекут собрания в общественном месте. Европейский Суд напоминает, что «публичным органам необходимо проявлять определенную степень терпимости в отношении мирных собраний, если демонстранты не совершают насильственных действий, чтобы свобода мирных собраний, гарантированная статьей 11 Конвенции, не была полностью лишена своего существа» (см. Постановление Европейского Суда от 5 декабря 2006 г. по делу «Ойа Атаман против Турции» (*Oya Ataman v. Turkey*), жалоба № 74552/01, §§ 41—42).

38. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Европейский Суд находит, что роспуск мирного собрания заявителей не может быть признан необходимым в демократическом обществе для достижения преследуемых целей.

39. Соответственно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

40. Заявители ссылались на статью 10 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

зычного населения исторической области Юра первая организация иногда именовалась «Ассамблеей Юры» (*прим. переводчика*).

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе... в целях предотвращения беспорядков или преступлений [или] для... защиты... прав других лиц...».

41. Европейский Суд полагает, что в свете его вывода о нарушении статьи 11 Конвенции при обстоятельствах настоящего дела (см. § 39 настоящего Постановления) отсутствует необходимость рассматривать отдельно жалобу заявителей на основании статьи 10 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 г. по делу «Эзелен против Франции» (*Ezelin v. France*), Серия А, № 202, § 35).

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

42. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

43. Каждый из заявителей требовал 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

44. Власти Венгрии нашли требуемую заявителями сумму чрезмерной.

45. Европейский Суд полагает, что установление факта нарушения является достаточной компенсацией морального вреда, который могли претерпеть заявители.

В. Судебные расходы и издержки

46. Заявители также требовали общую сумму в 2 000 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в Европейском Суде.

47. Власти Венгрии нашли требование заявителей чрезмерным.

48. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле, принимая во внимание представленную ему информацию и вышеуказанные крите-

рии, Европейский Суд считает разумным присудить требуемую сумму в размере 2 000 евро заявителям совместно.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

49. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

- 1) *признал* жалобу приемлемой;
- 2) *постановил*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;
- 3) *постановил*, что отсутствует необходимость рассматривать отдельно жалобу на нарушение статьи 10 Конвенции;
- 4) *признал*, что установление факта нарушения является достаточной компенсацией морального вреда, который могли претерпеть заявители;
- 5) *постановил*:

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителям совместно 2 000 евро (две тысячи евро) в качестве компенсации судебных расходов и издержек, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты, а также любые налоги, обязанность уплаты которых может быть возложена на заявителей в связи с указанной суммой;

(b) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

б) *отклонил* оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 17 июля 2007 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Ф. Тюлькенс
Председатель Палаты Суда

С. Долле
Секретарь Секции Суда

ПАТЫЙ И ДРУГИЕ ПРОТИВ ВЕНГРИИ¹
(Patyi and Others v. Hungary)

Жалоба № 5529/05

Постановление Суда

Страсбург, 7 октября 2008 г.

По делу «Патый и другие против Венгрии» Европейский Суд по правам человека (Вторая Секция), заседая Палатой в составе:

Ф. Тюлькенс (F. Tulkens), *Председателя Палаты*,

А. Муларони (A. Mularoni),

В. Загребельского (V. Zagrebelsky),

Д. Йочиене (D. Jociene),

Д. Поповича (D. Popovic),

А. Шайо (A. Sajó),

И. Каракаш (I. Karakas), *судей*, и

Ф. Эленс-Пассоса (F. Elens-Passos), *Заместителя Секретаря Секции Суда*,

заседая за закрытыми дверями 16 сентября 2008 г., вынес в указанный день следующее Постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 5529/05, поданной против Венгрии в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) 48 гражданами Венгрии (далее — заявители) 4 февраля 2005 г.

2. Интересы заявителей представлял г-н И. Барбалич, адвокат, практикующий в г. Будапеште. Власти Венгрии были представлены агентом г-ном Л. Хётцлем, Министерство юстиции и охраны правопорядка.

3. Заявители утверждали, что запрет на проведение демонстрации перед домом премьер-министра нарушил их право на свободу объединения с другими, закрепленное в статье 11 Конвенции.

4. 4 января 2008 г. Европейский Суд коммуницировал жалобу властям Венгрии. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции Европейский Суд решил рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

¹ Перевод выполнен АНО «ЮРИКС».

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявителями являются 48 венгерских граждан (см. Приложение).

А. Обстоятельства дела

6. Факты настоящего дела, представленные сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

7. Наряду с 40 000 других лиц заявители являются кредиторами несостоятельной коммерческой организации. Не имея возможности взыскать непогашенную задолженность, они намеревались организовать ряд демонстраций с 7 июля по 20 августа 2004 г. перед частной резиденцией премьер-министра в г. Будапеште. Заявитель¹ представил фотографии с места предполагаемых событий. Согласно этим фотографиям дом премьер-министра расположен на двухполосной дороге в жилой зоне, состоящей из вилл. На другой по отношению к этому дому стороне улицы, между припаркованными автомобилями и забором еще одной виллы, проложена пешеходная дорожка, параллельно которой имеется газон шириной в 5 м. Заявитель указывал, что участники запланированных демонстраций намеревались занять только эту пешеходную зону.

8. Первый заявитель, Иштван Патый (далее — заявитель), являлся основным организатором мероприятий. В соответствии с законом он уведомил Будапештское управление полиции. 5 июля 2004 г. полиция запретила демонстрацию. Заявитель потребовал судебной проверки решения. 8 июля 2004 г. Будапештский региональный суд отменил решение и возвратил дело в полицию.

9. В возобновившемся разбирательстве полиция вновь запретила демонстрацию 10 июля 2004 г. Заявитель потребовал судебной проверки решения. Будапештский региональный суд отклонил его требование 15 июля 2004 г.

10. Тем временем заявитель и 15 других лиц — согласно объяснениям заявителя, «замаскированных под туристов», — появились перед домом премьер-министра. Полиция присутствовала при этом, но поскольку заявитель уведомил ее, что они не намерены «демонстрировать», они беспрепятственно прошли перед домом премьер-министра

¹ Так в оригинале. Периодическое указание в тексте только на одного заявителя, по-видимому, объясняется тем, что жалоба признана приемлемой только в отношении него одного (*прим. переводчика*).

и удалились. Они не создали помех и не причинили неудобств движению транспорта или иных пешеходов.

11. Впоследствии заявитель уведомил полицию о новой демонстрации, запланированной на 1 ноября 2004 г. по тем же основаниям и на том же месте. Предполагаемое число демонстрантов составляло 20 человек. 28 октября 2004 г. начальник Будапештского управления полиции, ссылаясь на статью 8 Закона № III 1989 г. о праве собраний (далее — Закон о праве собраний), запретил мероприятие.

12. Полиция полагала, что тротуар является недостаточно широким для обеспечения необходимого пространства для демонстрантов и других пешеходов в одно и то же время. Поэтому во избежание различных происшествий и столкновений между демонстрантами и прохожими было бы необходимо закрыть половину улицы. Она подчеркивала, что на данной улице действуют три автобусные службы на регулярной основе, и что 1 ноября, в День всех святых, ожидается более оживленное движение, поскольку многие в этот день посещают кладбища. Таким образом, полиция, получив экспертное заключение департамента управления транспортом, пришла к выводу о том, что демонстрация создаст несоразмерные помехи транспортному движению, которое не может быть обеспечено альтернативными средствами. Заявитель потребовал судебной проверки решения.

13. 5 ноября 2004 г. Будапештский региональный суд отклонил требование заявителя. Он установил, что решение полиции соответствовало закону и, в частности, статье 11 Конвенции.

14. Впоследствии заявители намеревались организовать другие демонстрации с числом участников до 20 человек. 18 ноября 2004 г. заявитель уведомил полицию, что 30 ноября, 1 и 14 декабря и в полдень 24 декабря 2004 г. перед домом премьер-министра будут проведены демонстрации. 19 ноября 2004 г. начальник Будапештского управления полиции запретил эти мероприятия.

15. Полиция повторно указывала, что тротуар является недостаточно широким для обеспечения необходимого пространства для демонстрантов и других пешеходов в одно и то же время. Таким образом, для предотвращения возможных происшествий и столкновений между ними пришлось бы перекрыть половину улицы. Она подчеркивала, что на данной улице действуют три автобусные службы на регулярной основе, и что в зимнее время ожидается более оживленное движение, поскольку многие выезжают по этой улице из Будапешта на лыжные курорты. Она добавила, что существует вероятность сильных снегопадов, и было бы сложно обеспечить альтернативные маршруты.

16. Полиция, получив экспертное заключение департамента управления транспортом, пришла к выводу о том, что демонстрация создаст несоразмерные помехи транспортному движению и, в частности,

автобусному, которое не может быть обеспечено альтернативными средствами.

17. Заявитель потребовал судебной проверки решения. Он указывал, что его цель заключается в проведении мирных молчаливых демонстраций продолжительностью всего 20 минут. Единственным запланированным действием являлось пребывание 20 участников, выстроившихся в шеренгу, перед домом премьер-министра.

18. 26 ноября 2004 г. Будапештский региональный суд отклонил требование заявителя. Он установил, что решение полиции соответствовало закону и, в частности, Конвенции.

19. 12 декабря 2004 г. Будапештская общественная транспортная компания официально уведомила заявителя о том, что 24 декабря 2004 г. движение автобусов после 16 часов прекращается.

В. Применимое национальное законодательство

1. Конституция Венгрии

20. Конституция Венгрии (Закон № 20 1949 г. с изменениями) в соответствующей части предусматривает следующее:

«Статья 62

Венгерская Республика признает право мирных собраний граждан и обеспечивает его свободное осуществление».

2. Закон о праве собраний

21. Соответствующие положения Закона о праве собраний предусматривают следующее:

«Статья 2

...(3) Осуществление свободы собраний не составляет преступления или подстрекательства к преступлению; кроме того, оно не должно нарушать права и свободы других лиц.

<...>

Статья 6

Об организации мероприятия на общественной территории должно быть представлено уведомление в компетентный орган полиции по месту мероприятия, а в Будапеште — в Будапештское управление полиции, за три дня до запланированной даты мероприятия. Обязанность уведомления полиции возлагается на организатора мероприятия.

<...>

Статья 8 (в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела)

(1) Если проведение мероприятия, требующего предварительного уведомления, угрожает надлежащему функционированию представительных органов власти или судов, или движение транспорта не может быть обеспечено по иному маршруту, полиция может запретить проведение мероприятия в месте или во время, указанные в уведомлении, в течение 48 часов с момента получения уведомления органом власти.

Статья 9

(1) Решение полиции не обжалуется, однако организатор может потребовать судебной проверки административного решения в трехдневный срок после получения уведомления о нем.

<...>

Статья 14 (в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела)

(1) Полиция прекращает¹ мероприятие, если осуществление права на свободу собраний противоречит пункту 3 статьи 2 или если мероприятие, требующее предварительного уведомления, осуществляется без уведомления, ...или несмотря на решение о запрете мероприятия...

(3) В случае прекращения мероприятия участники могут требовать судебной проверки в 15-дневный срок с целью установления незаконности его прекращения».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

22. Заявители жаловались на то, что национальные власти запретили демонстрации, запланированные на 1 и 30 ноября и 1, 14 и 24 декабря 2004 г. в отсутствие уважительных причин и в нарушение статьи 11 Конвенции, которая в соответствующей части предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе... в целях предотвращения беспорядков и преступлений [или] для... защиты прав и свобод других лиц...».

¹ Здесь и далее в оригинале используется более энергичная форма понятия, примерно соответствующая «разгону» или «рассеянию». В других постановлениях по той же теме используется глагол «распускать». В некоторых случаях Европейский Суд использовал глагол «разгонять» с уточнением «без применения силы», что и было учтено при переводе (*прим. переводчика*).

А. Приемлемость жалобы

23. Европейский Суд, прежде всего, отмечает, что он должен убедиться в наличии юрисдикции в отношении каждого представленного ему дела и поэтому обязан рассматривать вопрос о юрисдикции на каждой стадии разбирательства (см., в частности, Постановление Большой Палаты по делу «Азинас против Кипра» (*Azinas v. Cyprus*), жалоба № 56679/00, § 32, *ECHR* 2004-III; Постановление Большой Палаты по делу «Одьевр против Франции» (*Odièvre v. France*), жалоба № 42326/98, § 22, *ECHR* 2003-III; Постановление Большой Палаты по делу «Блечич против Хорватии» (*Blečić v. Croatia*), жалоба № 59532/00, § 67, *ECHR* 2006-...).

24. По мнению Европейского Суда, хотя государство-ответчик не выдвинуло возражений относительно компетенции Европейского Суда *ratione personae*¹, этот вопрос требует рассмотрения Европейского Суда по следующим причинам.

25. Европейский Суд отмечает, что г-н Патый являлся организатором запланированных демонстраций, и что он подписывал все документы, представленные в компетентные органы. Отсюда следует, что отказ последних разрешить эти демонстрации, несомненно, затрагивал его конвенционные права прямо и непосредственно. Его статус жертвы для целей статьи 34 Конвенции, таким образом, не подлежит сомнению. Кроме того, Европейский Суд полагает, что его жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

26. Однако Европейский Суд отмечает, что намерения остальных 47 заявителей относительно участия в запрещенных демонстрациях не подтверждаются доказательствами. Эти заявители основали свои жалобы только на том факте, что они в числе тысяч других лиц утратили денежные средства из-за указанного банкротства (см. § 7 настоящего Постановления). Кроме того, несмотря на очевидные сложности доказывания намерения участвовать в мероприятиях, которые не состоялись, Европейский Суд должен учесть тот факт, что согласно обращениям г-на Патый к властям, число предполагаемых участников последовательно ограничивалось 20 лицами (см. §§ 11, 14 и 17 настоящего Постановления). Европейский Суд находит невозможным установить, кто из заявителей должен был участвовать в конкретном мероприятии.

27. Европейский Суд подчеркивает, что, поскольку свобода собраний защищает также абстрактную возможность проведения беспре-

¹ *Ratione personae* (лат.) — «ввиду обстоятельств, относящихся к лицу, о котором идет речь», критерий, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (прим. переводчика).

пятственного мирного собрания, его организаторы могут ссылаться на то, что они прямо затронуты любым негативным решением властей. Такой подход отражен в деле «Бачковский и другие против Польши» (Bączkowski and Others v. Poland) (жалоба № 1543/06, ECHR 2007-...), в котором заявители являлись организаторами демонстрации, и Европейский Суд установил нарушение статьи 11 Конвенции, не рассматривая конкретно ситуацию участников, помимо организаторов.

28. По этим причинам Европейский Суд не может заключить в настоящем деле, что 47 иных лиц являются жертвами нарушений своих конвенционных прав. Отсюда следует, что жалоба в их отношении не совместима с положениями Конвенции *ratione personae* в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции, и подлежит отклонению в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

В. Существо жалобы

1. Имело ли место вмешательство в право на свободу мирных собраний

29. Власти Венгрии не оспаривали того, что г-н Патый вправе ссылаться на гарантии, содержащиеся в статье 11 Конвенции; они также не отрицали того, что запрет демонстраций представлял собой вмешательство в осуществление его прав, предусмотренных данным положением. Европейский Суд не видит оснований для иной оценки. Однако власти Венгрии утверждали, что вмешательство было оправданным с точки зрения пункта 2 статьи 11 Конвенции.

2. Являлось ли вмешательство оправданным

30. Таким образом, надлежит определить, была ли обжалуемая мера предусмотрена законом, обусловлена ли она одной или несколькими законными целями, предусмотренными в пункте 2, и являлась ли она «необходимой в демократическом обществе» для их достижения.

(a) Предусмотрено законом

31. Не оспаривалось сторонами, что установленное ограничение права г-на Паты на свободу мирных собраний было основано на статьях 6, 8 и 14 Закона о праве собраний, формулировка которых ясна (см. § 21 настоящего Постановления). Таким образом, требование законности удовлетворено.

(b) Законная цель

32. Власти Венгрии утверждали, что ограничения права на свободу мирных собраний на общественной территории служили защите прав

других лиц, например, права на свободу передвижения или нормальной работы транспорта. Они также указывали, что свобода мирных собраний не может сводиться к простой обязанности невмешательства со стороны государства. В некоторых случаях должны приниматься позитивные меры для обеспечения мирного характера собрания.

33. Г-н Патый не представил комментариев по данному вопросу.

34. С учетом этих соображений Европейский Суд признает, что обжалуемая мера преследовала законные цели предотвращения беспорядков и защиты прав других лиц.

(с) «Необходимость в демократическом обществе»

(i) Доводы сторон

35. Власти Венгрии указывали, что место запланированных демонстраций находилось в крайне перегруженном районе г. Будапешта, где демонстранты препятствовали бы свободному движению прохожих и работе трех автобусных служб с сопутствующей угрозой происшествий. Они также утверждали, что решения национальных властей принимались после тщательного изучения всех относимых обстоятельств, поэтому нельзя считать, что они были произвольными или ошибочными.

36. Г-н Патый оспорил мнение властей Венгрии. Он указывал, в частности, что в запланированное время для демонстраций избранное место не являлось перегруженным, и что тротуар был достаточно широким для проведения мероприятия в отсутствие помех для дорожного движения. Он также обратил внимание на тот факт, что 24 декабря после 16 часов движение автобусов прекращалось по причине банковского выходного дня. Он представил несколько фотографий данного места в доказательство своих утверждений.

(ii) Мнение Европейского Суда

37. Европейский Суд напоминает, что статья 11 Конвенции должна рассматриваться также с учетом статьи 10 Конвенции. Защита мнений и свободы их выражения является одной из целей свободы собраний и объединения с другими, воплощенной в статье 11 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты по делу «Партия свободы и демократии (ÖZDEP) против Турции» (Freedom and Democracy Party (ÖZDEP) v. Turkey), жалоба № 23885/94, § 37, ECHR 1999-VIII).

38. Выражение «необходимо в демократическом обществе» предполагает, что вмешательство отвечает «настоятельной общественной необходимости» и, в частности, соразмерно преследуемой законной цели. Государства-участники пользуются определенной свободой усмотрения

при оценке существования такой необходимости, однако она сопровождается европейским надзором, охватывающим законодательство и правоприменительные решения, даже принятые независимым судом. Европейский Суд, соответственно, уполномочен принимать окончательное решение по вопросу о том, было ли «ограничение» совместимо с правами, защищаемыми Конвенцией (см. Постановление Европейского Суда по делу «Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии» (*Stankov and the United Macedonian Organisation «Ilinden» v. Bulgaria*), жалобы №№ 29221/95 и 29225/95, § 87, *ECHR* 2001-IX).

39. При осуществлении надзорной функции задачей Европейского Суда является не замещение национальных властей, а проверка на основании статьи 11 Конвенции решений, принимаемых ими. Это не означает, что надзор сводится к необходимости убедиться в том, что государство-ответчик действовало в рамках своей свободы усмотрения разумно, осторожно и добросовестно; Европейский Суд должен исследовать оспариваемое вмешательство в свете обстоятельств дела в целом и определить, было ли оно «соразмерно преследуемой законной цели», и были ли мотивы, приведенные национальными властями, «относимыми и достаточными». Осуществляя эту задачу, Европейский Суд обязан убедиться, что национальные власти применяли стандарты, которые соответствовали принципам, воплощенным в статье 11 Конвенции, и, кроме того, что они основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. Постановление Европейского Суда от 30 января 1998 г. по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции» (*United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*), *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I, p. 22, § 47).

40. Европейский Суд находит, что в решениях национального суда относительно событий настоящего дела основу запрета собраний заявителя составляли исключительно транспортные затруднения. Он также отмечает, что доводы властей Венгрии сводились к подтверждению того, что демонстрации серьезно нарушают свободное движение прохожих и работу трех автобусных служб. В этой связи Европейский Суд напоминает, что любая демонстрация в общественном месте может в определенной степени нарушить повседневную жизнь (см. Постановление Европейского Суда от 18 декабря 2007 г. по делу «Нуреттин Альдемир и другие против Турции» (*Nurettin Aldemir and Others v. Turkey*), жалобы №№ 32124/02, 32126/02, 32129/02, 32132/02, 32133/02, 32137/02 и 32138/02, § 43).

41. Рассмотрев представленные сторонами материалы настоящего дела, Европейский Суд усматривает убедительные и согласующиеся данные, противоречащие утверждениям властей Венгрии. Г-н Патый планировал организовать демонстрации с участием 20 человек, единственная акция которых заключалась в молчаливом пребывании вы-

строившихся в ряд лиц на тротуаре перед домом премьер-министра. Из фотографий, приложенных к материалам дела, следует, что указанное пространство было достаточно широким — приблизительно 5 м — чтобы другие пешеходы могли передвигаться во время демонстраций.

42. Кроме того, Европейский Суд не убежден, что при данных обстоятельствах демонстранты действительно нарушили бы движение транспорта. По его мнению, общий довод властей Венгрии о воспрепятствовании работе автобусных предприятий (см. § 35 настоящего Постановления) не является убедительным, особенно в отношении демонстрации, намеченной на 24 декабря 2004 г., с учетом информации, представленной Будапештской транспортной компании (см. § 19 настоящего Постановления). По мнению Европейского Суда, представляется маловероятным, что ограниченное число демонстрантов могло бы потребовать больше пространства, чем тротуар шириной в 5 м, или что они существенно затруднили бы движение транспорта, особенно накануне Рождества, когда городские автобусы прекращают движение после 16 часов. Соответственно, Европейский Суд заключает, что власти, устанавливая систематические запреты демонстраций, механически воспроизводили те же самые мотивы и не принимали во внимание фактические уточнения г-на Патый, что не обеспечило установления справедливого равновесия между правами желающих осуществить свою свободу собраний и тех, чья свобода передвижения могла быть в худшем случае временно ограничена.

43. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что в материалах дела отсутствуют доказательства, позволяющие предположить, что демонстрации могли быть насильственными или представлять угрозу для общественного порядка. Европейский Суд напоминает, что «если демонстранты не участвуют в актах насилия, важное значение имеет проявление органами власти определенной степени терпимости к мирным собраниям, чтобы свобода собраний, гарантированная статьей 11 Конвенции, не была полностью лишена своего существа» (см. Постановление Европейского Суда от 5 декабря 2006 г. по делу «Ойа Атаман против Турции» (*Oya Ataman v. Turkey*), жалоба № 74552/01, §§ 41—42). Такая терпимость требуется также в процедуре уведомления; однако в настоящем деле она не проявилась.

44. С учетом вышеизложенных соображений Европейский Суд находит, что основа запрета запланированных мирных собраний не была относимой и достаточной для удовлетворения неотложной общественной необходимости. Таким образом, не установлено, что запрет являлся необходимым в демократическом обществе для достижения преследуемых целей.

45. Соответственно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

46. Г-н Патый также ссылался на статью 10 Конвенции, которая в соответствующей части предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе... в целях предотвращения беспорядков или преступлений [или] ...для защиты... прав других лиц...».

47. Европейский Суд полагает, что в то время как настоящая жалоба является приемлемой, тем не менее, с учетом вышеизложенного вывода о нарушении статьи 11 Конвенции (см. § 45) не является необходимым обособленное рассмотрение существа жалобы с точки зрения статьи 10 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 г. по делу «Эзлен против Франции» (*Ezelin v. France*), Серия А, № 202, § 35).

III. ИНОЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ КОНВЕНЦИИ

48. Европейский Суд отмечает, что г-н Патый также жаловался со ссылкой на статью 11 Конвенции, что его первое обращение о проведении демонстраций было отклонено национальными властями. Однако окончательное решение по данному вопросу было вынесено 15 июля 2004 г., более чем за шесть месяцев до подачи им жалобы в Европейский Суд 4 февраля 2005 г. Отсюда следует, что в этой части жалоба была подана за пределами шестимесячного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 35 Конвенции, и подлежит отклонению в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

49. Европейский Суд также отмечает, что г-н Патый ссылался на пункт 1 статьи 6 Конвенции (исход и справедливость различных разбирательств), статью 9 (относительно свободы мысли и совести), статью 13 (отсутствие эффективных средств правовой защиты) и статью 14 Конвенции (свобода от дискриминации). Однако, даже если предположить, что эти положения могут быть применимы к настоящему делу, Европейский Суд отмечает, что жалоба в этой части полностью необоснованна и не содержит признаков нарушения Конвенции.

В частности, что касается жалобы с точки зрения статьи 13 Конвенции, Европейский Суд отмечает, что заявитель имел возможность использования адекватных средств правовой защиты при рассмотрении решений административных органов судами. Отсюда следует, что в этой части жалоба является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции и подлежит отклонению в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

50. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

51. Заявитель требовал 2 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

52. Власти Венгрии нашли требования заявителя чрезмерными.

53. Европейский Суд полагает, что установление факта нарушения является достаточной компенсацией морального вреда, который мог претерпеть заявитель.

В. Судебные расходы и издержки

54. Заявитель также требовал 1 800 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в Европейском Суде. Он представил в подробной разбивке количество часов, поставленных в счет его адвокатом. Согласно его данным это соответствует 15 часам работы (консультации с клиентами — четыре часа; изучение материалов дела — четыре часа; осмотр места происшествия — один час; подготовка объяснений и переписка с клиентами — шесть часов), затраченных адвокатом по делу и оплачиваемых по часовой ставке 100 евро (в общей сложности 1 500 евро), с надбавкой 20% на НДС (300 евро).

55. Власти Венгрии также сочли это требование чрезмерным.

56. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле с учетом

представленной ему информации и вышеизложенных критериев Европейский Суд находит разумным присудить по данному основанию требуемую сумму полностью.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

57. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

1) *признал* жалобу г-на Патый приемлемой в части права на свободу собраний и свободу выражения мнения;

2) *признал* жалобу в остальной части неприемлемой;

3) *постановил*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;

4) *постановил*, что отсутствует необходимость рассматривать отдельно жалобу на нарушение статьи 10 Конвенции;

5) *признал*, что установление факта нарушения является достаточной компенсацией морального вреда, который мог претерпеть г-н Патый;

6) *постановил*:

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить г-ну Патый 1 800 евро (одну тысячу восемьсот евро) в качестве компенсации судебных расходов и издержек, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты, а также любые налоги, обязанность уплаты которых может быть возложена на заявителя в связи с указанной суммой;

(б) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

7) *отклонил* оставшуюся часть требований г-на Патый о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 7 октября 2008 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Ф. Тюлькенс
Председатель Палаты Суда

Ф. Эленс-Пассос
Заместитель Секретаря Секции Суда

ЭВА МОЛЬНАР ПРОТИВ ВЕНГРИИ¹
(Éva Molnár v. Hungary)

Жалоба № 10346/05

Постановление Суда

Страсбург, 7 октября 2008 г.

По делу «Эва Мольнар против Венгрии» Европейский Суд по правам человека (Вторая Секция), заседая Палатой в составе:

Ф. Тюлькенс (F. Tulkens), *Председателя Палаты*,

А. Муларони (A. Mularoni),

В. Загребельского (V. Zagrebelsky),

Д. Йочиене (D. Jociene),

Д. Поповича (D. Popovic),

А. Шайо (A. Sajó),

И. Каракаш (I. Karakas), *судей*, и

Ф. Эленс-Пассос (F. Elens-Passos), *Заместителя Секретаря Секции Суда*,

заседая за закрытыми дверями 16 сентября 2008 г., вынес в указанный день следующее Постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 10346/05, поданной против Венгерской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) граждан Венгрии г-жой Эвой Мольнар (далее — заявительница) 14 февраля 2005 г.

2. Интересы заявительницы представлял г-н Ш.С. Мольнар, адвокат, практикующий в г. Будапеште. Власти Венгрии были представлены агентом г-ном Л. Хётцлем, Министерство юстиции и охраны.

3. Заявительница утверждала, что прекращение демонстрации, в которой она участвовала, только в связи с отсутствием предварительного уведомления полиции нарушило ее право на свободу мирных собраний в значении статьи 11 Конвенции.

4. 27 ноября 2007 г. Европейский Суд коммуницировал жалобу властям Венгрии. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции Ев-

¹ Перевод выполнен АНО «ЮРИКС».

ропейский Суд решил рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

ФАКТЫ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница родилась в 1954 г. и проживает в г. Энгельскирхен (Германия).

А. Обстоятельства дела

6. Факты настоящего дела, представленные сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

7. 7 (первый тур) и 21 (второй тур) апреля 2002 г. в Венгрии состоялись выборы в законодательный орган власти. Коалиция, управлявшая страной с 1998 г. и, соответственно, осуществлявшая организацию выборов, утратила свое большинство.

8. Официальные результаты выборов были установлены местными и региональными избирательными комиссиями после второго тура. После того, как суды рассмотрели несколько жалоб на законность и исход процедуры голосования, 4 мая 2002 г. Национальный избирательный комитет опубликовал в «Официальной газете» заявление, в соответствии с которым результаты выборов стали окончательными. Как и на предыдущих венгерских выборах, они практически совпадали с результатами экзитполлов, проводившихся в день второго тура, и предварительными результатами, объявленными комитетом вечером 21 апреля 2002 г. Тем не менее определенные средства массовой информации впоследствии высказывали мнение о том, что выборы «подтасованы».

9. Международные наблюдатели, в частности, Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), установили, что парламентские выборы были проведены способом, совместимым с международными стандартами, и что венгерская избирательная система создала основу для в целом прозрачного, открытого¹, свободного, справедливого и равноправного процесса².

10. По истечении двух месяцев коалицией бывших оппозиционных партий было образовано новое правительство, которое приступило к

¹ Буквально «подсчетного» (прим. переводчика).

² См. доклад ОБСЕ: http://www.osce.org/documents/odihr/2002/06/1430_en.pdf

исполнению обязанностей 27 мая 2002 г. Утром в четверг 4 июля 2002 г. несколько сотен демонстрантов начали протест против предусмотренного законом уничтожения избирательных бюллетеней, намеченного на 20–22 июля. Они блокировали своими автомобилями расположенный в центра г. Будапешта мост Эржебет. Их цель заключалась в принуждении к пересчету голосов, поданных на выборах. Поскольку они полностью прекратили движение транспорта и не подали предварительного уведомления о своем собрании в полицию, как того требует Закон № III 1989 г. о свободе собраний (далее — Закон о праве собраний), через несколько часов демонстрация была рассеяна.

11. Вскоре после этого, около 13 часов, другие демонстранты, вновь без предварительного уведомления, собрались на площади Кошшута¹ перед зданием парламента, требуя пересчета голосов и выражая поддержку участникам утреннего мероприятия на мосту Эржебет.

12. Согласно объяснениям заявительницы от 14 февраля 2005 г. и объяснениям властей Венгрии эти демонстранты находились на мосту Эржебет и затем переместились на площадь Кошшута. Однако в своих объяснениях от 23 декабря 2007 г. заявительница указала, что они только выражали поддержку тем, кто заблокировал мост Эржебет.

13. Узнав об этих событиях из новостей, заявительница примкнула к демонстрации около 19 часов. К этому времени движение транспорта в районе площади Кошшута, в том числе общественного, включая трамваи и троллейбусы, было серьезно нарушено. По подсчетам, число демонстрантов колебалось от нескольких сотен до двух или трех тысяч. Полиция первоначально пыталась обеспечить продолжение движения транспорта, но затем перекрыла некоторые соседние улицы. Наконец, столкнувшись с неуправляемой ситуацией, она прекратила демонстрацию около 21 часа без применения силы. Заявительница участвовала в демонстрации до ее прекращения.

14. Венгерские средства массовой информации подробно освещали события, которые являлись ведущей новостью страны. В официальном коммюнике президент республики осудил события 4 июля 2002 г., объявив их незаконными. Он подчеркнул, что Венгрия является стабильной парламентской демократией, где соблюдаются права человека и даже критические взгляды могут быть выражены в законном порядке².

15. Заявительница обжаловала в суд действия полиции в Центральном районном суде г. Будапешта. Она утверждала, что прекращение демонстрации являлось незаконным.

¹ В литературе встречается написание «Кошута» (*прим. переводчика*).

² http://www.keh.hu/keh/elodok/madl_ferenc/kozlemenyek/20020705nyilatkozat_demonstraciok.html

16. 1 октября 2003 г. районный суд отклонил требование заявительницы. Он установил, что обязанность уведомления полиции о планируемом собрании применима к любому виду демонстрации, включая спонтанные. Поскольку заявительница не отрицала того, что уведомление о данной демонстрации, как того требует статья 14 Закона о праве собраний, в полицию не подавалось, последняя была обязана прекратить ее.

17. Кроме того, суд установил, что обязанность заблаговременного уведомления полиции о собраниях, проводимых в общественных местах, отвечает целям защиты общественных интересов и прав других лиц, а именно предотвращения беспорядков и обеспечения беспрепятственного движения транспорта. Таким образом, он заключил, что меры, принятые полицией, не противоречили закону.

18. Заявительница обжаловала¹ решение. 13 июля 2004 г. Будапештский региональный суд оставил решение без изменения. Его решение было вручено адвокату заявительницы 31 августа 2004 г.

В. Применимое национальное законодательство

1. Конституция Венгрии

19. Конституция Венгрии (Закон № 20 1949 г. с изменениями) в соответствующей части предусматривает следующее:

«Статья 62

Венгерская Республика признает право мирных собраний граждан и обеспечивает его свободное осуществление».

2. Закон № 3 1989 г. о свободе собраний

20. Соответствующие положения Закона о праве собраний предусматривают следующее:

«Статья 2

(3) Осуществление свободы собраний не составляет преступления или подстрекательства к преступлению; кроме того, оно не должно нарушать права и свободы других лиц.

<...>

Статья 6

Об организации мероприятия на общественной территории должно быть представлено уведомление в компетентный орган полиции по месту мероприятия, а в Будапеште — в Будапештское управление полиции, за

¹ Так в тексте (*прим. переводчика*).

три дня до запланированной даты мероприятия. Обязанность уведомления полиции возлагается на организатора мероприятия.

Статья 8 (в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела)

(1) Если проведение мероприятия, требующего предварительного уведомления, угрожает надлежащему функционированию представительных органов власти или судов, или движение транспорта не может быть обеспечено по иному маршруту, полиция может запретить проведение мероприятия в месте или во время, указанные в уведомлении, в течение 48 часов с момента получения уведомления органом власти.

<...>

Статья 9

(1) Решение полиции не обжалуется, однако организатор может потребовать судебной проверки административного решения в трехдневный срок после получения уведомления о нем.

<...>

Статья 14 (в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела)

(1) Полиция прекращает¹ мероприятие, если осуществление права на свободу собраний противоречит пункту 3 статьи 2 или если мероприятие, требующее предварительного уведомления, осуществляется без уведомления, ...или несмотря на решение о запрете мероприятия...

(3) В случае прекращения мероприятия участники могут требовать судебной проверки в 15-дневный срок с целью установления незаконности его прекращения».

ПРАВО

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

21. Заявительница жаловалась на то, что полиция прекратила мирную демонстрацию, в которой она участвовала, только в связи с отсутствием предварительного уведомления, в нарушение статьи 11 Конвенции, которая в соответствующей части предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократиче-

¹ Здесь и далее в оригинале используется более энергичная форма глагола, примерно соответствующая «разгону» или «рассеянию» (*прим. переводчика*).

ском обществе... в целях предотвращения беспорядков и преступлений [или] для... защиты прав и свобод других лиц...».

А. Приемлемость жалобы

22. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Имело ли место вмешательство в право на свободу мирных собраний

23. Власти Венгрии не оспаривали того, что заявительница вправе сослаться на гарантии, содержащиеся в статье 11 Конвенции; они также не отрицали того, что запрет демонстраций представлял собой вмешательство в осуществление ее прав, предусмотренных данным положением. Европейский Суд не видит оснований для иной оценки. Однако власти Венгрии утверждали, что вмешательство было оправданным с точки зрения пункта 2 статьи 11 Конвенции.

2. Являлось ли вмешательство оправданным

24. Таким образом, надлежит определить, была ли обжалуемая мера предусмотрена законом, обусловлена ли она одной или несколькими законными целями, предусмотренными в пункте 2, и являлась ли она «необходимой в демократическом обществе» для их достижения.

(a) Предусмотрено законом

25. Не оспаривалось сторонами, что установленное ограничение права заявительницы на свободу мирных собраний было основано на статье 14 Закона о праве собраний, формулировка которой ясна. Таким образом, требование законности удовлетворено.

(b) Законная цель

26. Власти Венгрии утверждали, что ограничения права на свободу мирных собраний в общественных помещениях служили защите прав других лиц, например, права на свободу передвижения или нормальной работы транспорта.

27. Они также указывали, что свобода мирных собраний не может сводиться к простой обязанности невмешательства со стороны государства. В некоторых случаях должны приниматься позитивные меры для обеспечения мирного характера собрания. Таким образом, трехдневный срок был необходим полиции, в частности, для координации действий с другими органами власти, для перемещения полицейских сил, организации пожарных бригад и удаления транспортных средств. Они обратили внимание на тот факт, что если более одной организации уведомляли власти о своем намерении провести демонстрацию на том же месте в то же время, могли требоваться дополнительные переговоры.

28. Заявительница не представила комментариев по данному вопросу.

29. С учетом этих соображений Европейский Суд признает, что обжалуемая мера преследовала законные цели предотвращения беспорядков и защиты прав других лиц.

(с) «Необходимость в демократическом обществе»

(i) Доводы сторон

30. Власти Венгрии утверждали, что настоящая жалоба отличается от дела «Букта и другие против Венгрии» (Bukta and Others v. Hungary) (жалоба № 25691/04, ECHR 2007—...). При данных обстоятельствах демонстрация не могла считаться спонтанной независимо от того, какова была реальная цель участников: намеревались ли они потребовать пересчета голосов или выразить солидарность с участниками утренних событий на мосту Эржебет. Поскольку эти цели могли быть достигнуты за счет надлежащего уведомления о демонстрации, дневная демонстрация на площади Кошшута, которая, по их мнению, являлась продолжением демонстрации на мосту Эржебет, не могла рассматриваться как немедленная реакция на политическое событие.

31. Власти Венгрии также отмечали, что доктрина «немедленной реакции» не является безусловно применимой ко всем спонтанным демонстрациям. При обстоятельствах настоящего дела за прекращением незаконного мероприятия — демонстрацией на мосту Эржебет — последовала демонстрация без уведомления, которая, по утверждению участников, являлась «спонтанной». Власти Венгрии указывали, что принятие этого довода привело бы к неприемлемому результату простого обхода законодательного требования предварительного уведомления. Они также подчеркивали, что оспариваемые события повлекли серьезное нарушение движения транспорта в городе.

32. Наконец, власти Венгрии подчеркивали, что система предварительного уведомления не является средством произвольного использо-

вания органами власти, но инструментом для исполнения позитивных обязательств государства, а именно защиты прав других лиц, в частности, на свободу передвижения.

33. Заявительница оспорила это мнение и подчеркивала, что единственной причиной, по которой спонтанная демонстрация была рассеяна, являлось отсутствие предварительного уведомления. Кроме того, она указала, что демонстрация причинила незначительные помехи движению транспорта, особенно в момент ее разгона.

(ii) Мнение Европейского Суда

34. Европейский Суд отмечает, что пункт 2 статьи 11 Конвенции допускает введение государствами «законных ограничений» на осуществление права на свободу собраний. Европейский Суд выражает мнение, что ограничения свободы собраний могут служить защите прав других лиц с целью предотвращения беспорядков и обеспечения надлежащего движения транспорта.

35. Европейский Суд напоминает, что требование о предварительном уведомлении обычно не нарушает сущность этого права. Не противоречит духу статьи 11 Конвенции требование Высокой Договаривающейся Стороны о том, чтобы, прежде всего, по мотивам общественного порядка и национальной безопасности проведение собраний легализовалось (см. Постановление Европейского Суда от 18 декабря 2007 г. по делу «Нуреттин Альдемир и другие против Турции» (Nurettin Aldemir and Others v. Turkey), жалобы №№ 32124/02, 32126/02, 32129/02, 32132/02, 32133/02, 32137/02 и 32138/02 (объединенная), § 42).

36. Однако при особых обстоятельствах, когда, например, в отношении политического события немедленная реакция может быть оправданной в форме спонтанной демонстрации, прекращение последовавшей демонстрации исключительно в связи с отсутствием требуемого предварительного уведомления, если не имело место незаконное поведение участников, может составлять несоразмерное ограничение свободы мирных собраний (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Букта и другие против Венгрии», §§ 35 и 36). Важное значение имеет проявление органами власти определенной степени терпимости к мирным собраниям, чтобы свобода собраний, гарантированная статьей 11 Конвенции, не была лишена всякого смысла (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нуреттин Альдемир и другие против Турции», § 46).

37. Тем не менее, по мнению Европейского Суда, принцип, установленный в деле «Букта и другие против Венгрии», не может быть истолкован настолько широко, чтобы отсутствие предварительного

уведомления перестало быть законным основанием для рассеяния собравшихся. Предварительное уведомление служит не только цели примирения, с одной стороны, права собраний и, с другой стороны, прав и законных интересов (включая право на передвижение) других лиц, но также предотвращению беспорядков или преступлений. Когда организуется общественная демонстрация, с целью уравнивания этих конфликтующих интересов в государствах-участниках обычно вводится предварительная административная процедура. По мнению Европейского Суда, такое требование само по себе не противоречит принципам, воплощенным в статье 11 Конвенции, поскольку они не составляют скрытого препятствия для свободы мирных собраний, защищаемой Конвенцией (см. Постановление Европейского Суда от 29 ноября 2007 г. по делу «Балчык и другие против Турции» (*Balçýk and Others v. Turkey*), жалоба № 25/02, § 49).

38. Таким образом, Европейский Суд полагает, что право на проведение спонтанной демонстрации может перевесить обязанность предварительного уведомления об общественных собраниях только при особых обстоятельствах, а именно: если требуется немедленная реакция в форме демонстрации на текущее событие. В частности, данный отход от общего правила может быть оправданным, если задержка делала бы эту реакцию бессмысленной.

39. Однако, по мнению Европейского Суда, факты настоящего дела не содержат таких особых обстоятельств, при которых единственной адекватной реакцией могла стать немедленная демонстрация. В этой связи следует отметить, что официальные результаты выборов были обнародованы 4 мая 2002 г., за два месяца до указанной демонстрации, и исход этих выборов был объективно установлен. Поскольку цель демонстрантов заключалась в выражении солидарности с протестующими на мосту Эржебет, Европейский Суд не убежден, что эта акция утратила бы смысл при условии соблюдении правила об уведомлении.

40. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, общественные демонстрации в Венгрии не нуждались в санкции, тем не менее требовалось уведомление полиции за 72 часа до проведения мероприятия. В случае принятия полицией решения о запрете демонстрации организаторы могли требовать его судебной проверки в течение трех дней. Таким образом, Европейский Суд признает, что имеющиеся процессуальные гарантии предупреждали необоснованное ограничение свободы собраний.

41. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что оспариваемое событие вытекало из незаконной демонстрации (см. §§ 10 и 14 настоящего Постановления), блокировавшей главный мост в центра г. Будапешта. Независимо от того, осуществлялась ли последующая демонстрация на площади Кошшута частично или полностью теми же участника-

ми, объявленная цель позднейшего собрания, в котором участвовала заявительница, заключалась в поддержке незаконной демонстрации на мосту Эржебет. В значительной степени противозаконный характер сочетания этих событий свидетельствует о том, что решение полиции о роспуске собрания не может считаться противоречащим объекту и цели статьи 11 Конвенции. Европейский Суд напоминает, что организаторы и участники демонстраций в качестве участников демократического процесса должны уважать правила, регулирующие этот процесс, путем соблюдения действующего законодательства (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Балчык и другие против Турции», § 49).

42. Европейский Суд также подчеркивает, что одна из целей свободы собраний заключается в обеспечении возможности публичных дебатов и открытого выражения протеста. Защита выражения личного мнения, предусмотренная статьей 10 Конвенцией, является одной из целей свободы мирных собраний, воплощенных в статье 11 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 г. по делу «Эзлен против Франции» (*Ezelin v. France*), § 37, Серия А, № 202). Он отмечает в этой связи, что демонстранты собрались на площади Кошшута около 13 часов, и заявительница примкнула к ним около 19 часов. Однако полиция прекратила демонстрацию только около 21 часа, поэтому демонстранты имели в своем распоряжении несколько часов для выражения своих взглядов.

43. При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что заявительница имела достаточно длительное время для выражения своей солидарности с другими демонстрантами. Он также находит, что последующее вмешательство в право заявительницы на свободу собраний не выглядит неразумным (см., с необходимыми изменениями, Постановление Европейского Суда по делу «Сиссе против Франции» (*Cisse v. France*), жалоба № 51346/99, § 52, *ECHR* 2002-III). Он признает, что полиция проявила определенную терпимость по отношению к демонстрации, хотя она и не была предварительно уведомлена о мероприятии (см. противоположный пример в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Балчык и другие против Турции», § 51), которое, по мнению Европейского Суда, неизбежно нарушало движение транспорта и причиняло ущерб общественному порядку (см. Постановление Европейского Суда от 6 марта 2007 г. по делу «Чилолу и другие против Турции» (*Çiloğlu and Others v. Turkey*), жалоба № 73333/01, § 51). В этом отношении настоящее дело отличается от других, в которых демонстрация рассеивалась достаточно быстро (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Букта и другие против Венгрии», § 10; Постановление Европейского Суда от 5 декабря 2006 г. по делу «Ойа Атаман против Турции» (*Oya*

Ataman v. Turkey), жалоба № 74552/01, §§ 41–42, *ECHR* 2006-XIV; упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Балчык и другие против Турции», § 51).

44. Что касается потенциального сдерживающего эффекта для организации спонтанной демонстрации, Европейский Суд признает, что демонстранты имели возможность осуществлять в течение нескольких часов свое право на мирное собрание, гарантированное Конвенцией (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бачковский и другие против Польши» (*Bączkowski and Others v. Poland*), жалоба № 1543/06, § 67, *ECHR* 2007-...).

45. С учетом вышеизложенных соображений Европейский Суд находит, что прекращение демонстрации с участием заявительницы было необходимым в демократическом обществе и не может рассматриваться как непропорциональная мера для достижения преследуемых законных целей.

46. Соответственно, по делу требования статьи 11 Конвенции нарушены не были.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

- 1) *признал* жалобу приемлемой;
- 2) *постановил*, что по делу требования статьи 11 Конвенции нарушены не были.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 7 октября 2008 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Ф. Тюлькенс
Председатель Палаты Суда

Ф. Эленс-Пассос
Заместитель Секретаря Секции Суда

САМЮТ КАРАБУЛУТ ПРОТИВ ТУРЦИИ¹
(Samüt Karabulut v. Turkey)

Жалоба № 16999/04

Постановление Суда

Страсбург, 27 января 2009 г.

По делу «Самют Карабулут против Турции» Европейский Суд по правам человека (Вторая Секция), заседая Палатой в составе:

Ф. Тюлькенс (F. Tulkens), *Председателя Палаты*,

И.К. Баррето (I.C. Barreto),

В. Загребельского (V. Zagrebelsky),

Д. Йочиене (D. Jociene),

А. Шайо (A. Sajó),

Н. Цоцория (N. Tsotsoria),

И. Каракаш (I. Karakaş), *судей*,

а также при участии С. Долле (S. Dollé), *Секретаря Секции Суда*,
заседая за закрытыми дверями 6 января 2009 г., вынес в указанный
день следующее Постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 16999/04, поданной против Республики Турция в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) турецким гражданином г-ном Самютом Карабулутом (далее — заявитель) 29 марта 2004 г.

2. Интересы заявителя представляли г-жа Й.Ешилюрт и г-н А.Т. Оджак, адвокаты, практикующие в г. Стамбуле. Власти Турции были представлены их агентом.

3. 14 февраля 2007 г. Председатель Второй Секции Европейского Суда решила коммуницировать жалобу властям Турции. Также было решено рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу (пункт 3 статьи 29 Конвенции).

¹ Перевод выполнен АНО «ЮРИКС».

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель родился в 1964 году и проживает в г. Стамбуле. Он является членом Турецкой ассоциации прав человека.

5. Согласно официальным документам полиции, составленным в 21 час 15 минут и 21 час 30 минут 8 апреля 2002 г., силами безопасности была получена информация, что Турецкой ассоциацией прав человека на площади Тюнель в этот день будут проведены несанкционированная демонстрация и выступление перед прессой по вопросу действий Израиля против Палестины. Полиция предприняла необходимые предупредительные меры примерно в 19 часов этого дня. В 20 часов примерно 30—35 человек собрались на площади. Они держали свечи, фотографии и плакаты с надписями, в том числе следующего содержания: «Весь мир — Палестина, все мы — палестинцы», «Конец оккупации, свободу Палестине» и «Разыскивается Ариель Шарон — военный преступник». Они сели на улице. Начальник полиции несколько раз призывал демонстрантов разойтись, и полиция начала наступление на демонстрантов с целью заставить их уйти. Группа демонстрантов начала расходиться; однако два человека, включая заявителя, несмотря на предупреждения, продолжали сидеть и выкрикивать лозунги. Силами полиции они были задержаны.

6. Заявитель в формуляре жалобы утверждал, что 8 апреля 2002 г. он прибыл на площадь Тюнель для участия в выступлении перед прессой Турецкой ассоциации прав человека по вопросу вторжения Израиля в Палестину. Однако полиция остановила группу демонстрантов и сообщила, что им не разрешается проводить такую демонстрацию. В результате организаторы решили разойтись и распустили группу демонстрантов. В то время, когда люди расходились, заявитель увидел, что полиция пыталась задержать г-жу М.А., одну из участниц демонстрации. Когда он вмешался и спросил, за что они пытались ее задерживать, начальник полиции пришел в негодование. Он и пять или шесть полицейских избили заявителя. Затем они арестовали его и г-жу М.А. В этой связи заявитель жаловался на нанесенные ему удары кулаками и ногами и на то, что его били дубинкой по различным частям тела, в том числе по голове и спине.

7. Заявителя и г-жу М.А. доставили в полицейский участок Бейолу. Через полтора часа их освободили. Заявителю было предложено явиться на следующий день в прокуратуру для дачи показаний.

8. Тем временем полиция направила заявителя на медицинское освидетельствование в больницу Таксима, где врач, осматривавший

его, обнаружил припухлость и двухсантиметровый экхимоз¹ в лобной части головы. В медицинском заключении упоминается, что заявитель жаловался на головную боль и на то, что ему трудно дышать.

9. 9 апреля 2002 г. заявитель дал показания г-ну Й.А., прокурору прокуратуры Бейолу. В своих письменных показаниях заявитель жаловался, кроме прочего, на меры, которые были предприняты при его задержании, и требовал наказания виновных лиц.

10. В тот же день заявителя осмотрел врач в отделении судебной медицины Бейолу, который указал на двухсантиметровую опухоль на его голове в лобной части. Дополнительно врач зафиксировал повышенную чувствительность с правой стороны грудной клетки.

11. 10 июня 2002 г. заместитель начальника полиции г. Стамбула был назначен для проведения предварительной проверки по поручению мэра в связи с заявлениями о жестоком обращении, поданными заявителем и г-жой М.А.

12. В неустановленную дату заместитель начальника полиции подготовил свой отчет и представил его мэру. В отчете рекомендовалось отказать в санкции на преследование г-на Ш.П., руководившего полицейскими в тот день, так как жалобы были безосновательны.

13. 4 июля 2002 г. заместитель мэра г. Стамбула на основании информации, содержащейся в отчете заместителя начальника полиции, отказал в санкции на преследование г-на Ш.П.

14. 12 августа 2002 г. заявитель подал жалобу на решение мэра² в административный совет округа. Он утверждал, в частности, что его жалоба на плохое обращение относилась не только к руководителю полицейских, но также ко всем тем сотрудникам полиции, которые избивали его по приказу последнего.

15. 26 ноября 2002 г. Административный совет Стамбульского округа удовлетворил жалобу заявителя в связи с тем, что расследование было проведено недостаточно тщательно, особенно в отношении других полицейских.

16. В неустановленную дату тот же заместитель начальника полиции подготовил второй отчет, в котором он повторил свои прежние выводы и представил его в мэрию.

17. 7 марта 2003 г. мэр г. Стамбула на основании информации, содержащейся во втором отчете, отказал в санкции на преследование полицейских.

¹ Экхимоз — медицинский термин для обозначения гематомы размером более 1 см (*прим. переводчика*).

² По-видимому, речь идет о решении заместителя мэра, упомянутом в предыдущем параграфе (*прим. переводчика*).

18. 4 июля 2003 г. Административный совет Стамбульского округа в связи с получением жалобы г-жи М.А. передал дело в прокуратуру Бейолу на том основании, что доводы жалобы затрагивали обвинения в жестоком обращении на основании статьи 245 и что в соответствии с изменениями, внесенными в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, преследование сотрудников полиции более не требовало предварительной санкции.

19. Тем временем, 7 августа 2003 г., прокурор Бейолу принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении обвиняемых полицейских. В связи с этим он отметил, что около 30–35 граждан собрались на площади Тюнель, держа в руках свечи и плакаты, для того, чтобы выразить свой протест против вторжения Израиля в Палестину, но затем, следуя предупреждениям полиции, они начали расходиться. Однако лица, подавшие жалобы, продолжали сидеть и выкрикивать лозунги, и в результате полиции пришлось задержать их с применением силы. Прокурор, таким образом, посчитал, что применение полицией силы соответствовало статье 24 Закона о митингах и демонстрациях (Закон № 2911).

20. 26 августа 2003 г. заявитель подал жалобу на решение от 7 августа 2003 г. через прокуратуру Бейолу в суд первой инстанции. В своей жалобе заявитель указывал, что его права на свободу выражения мнения и мирных собраний были нарушены вследствие незаконного задержания и жестокого обращения.

21. 9 сентября 2003 г. суд первой инстанции г. Стамбула отклонил жалобу заявителя. О принятом решении 27 октября 2003 г. был извещен представитель заявителя.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

22. Описание национального законодательства, действовавшего в период, относящийся к обстоятельствам дела, содержится в Постановлении Европейского Суда от 17 июля 2008 г. по делу «Мехмет Юмит Эрдем против Турции» (Mehmet Ümit Erdem v. Turkey) жалоба № 42234/02, § 19.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3, 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

23. Заявитель жаловался на то, что вмешательство полиции в демонстрацию и применение силы во время его задержания нарушали его

права на свободу выражения мнения и мирных собраний и составляло бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Заявитель ссылался на статьи 3, 10 и 11 Конвенции.

24. Европейский Суд полагает, что жалобу заявителя следует рассмотреть с точки зрения статей 3 и 11 Конвенции, которые в соответствующей части предусматривают следующее:

«Статья 3

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

<...>

Статья 11

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах... общественного порядка [или] в целях предотвращения беспорядков и преступлений...».

А. Приемлемость жалобы

25. Власти Турции просили Европейский Суд отклонить жалобу как неприемлемую из-за несоблюдения правила о шестимесячном сроке, поскольку заявитель не подал свою жалобу в течение шести месяцев с даты вынесения окончательного решения суда, а именно с 9 сентября 2003 г.

26. Европейский Суд напоминает, что если заявитель имеет право на вручение письменной копии окончательного национального решения, предмету и цели пункта 1 статьи 35 Конвенции в наибольшей степени отвечает исчисление шестимесячного срока с даты вручения решения в письменной форме (см. Постановление Европейского Суда от 2 октября 2007 г. по делу «Махмут Аслан против Турции» (*Mahmut Aslan v. Turkey*), жалоба № 74507/01, § 16). В настоящем деле окончательное решение было принято 9 сентября 2003 г. судом первой инстанции г. Стамбула. Решение было вручено представителю заявителя 27 октября 2003 г. Так как жалоба была подана в Европейский Суд 29 марта 2004 г., требование о шестимесячном сроке подачи данной жалобы в Европейский Суд было соблюдено заявителем. Таким образом, возражения властей Турции по данному основанию отклоняются.

27. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что данная часть жалобы заявителя не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является непри-

емлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

28. Власти Турции утверждали, что вмешательство в осуществление заявителем своего права на свободу собраний отсутствовало. Они также указывали на то, что даже если предположить, что вмешательство в право заявителя имело место, оно было предусмотрено законом и преследовало законные цели предотвращения беспорядков и защиты общественной безопасности. Кроме того, они заявляли, что меры, предпринятые спецслужбами, должны расцениваться как отвечающие неотложной общественной потребности и соразмерные преследуемым законным целям. В данной связи власти Турции отрицали утверждения заявителя о жестоком обращении и что при обстоятельствах настоящего дела сила, примененная в отношении заявителя, была соразмерна преследуемым целям.

29. Заявитель настаивал на том, что вмешательство в его право на мирное собрание было необоснованным. Он отметил, что полиция незаконно воспрепятствовала оглашению пресс-релиза, подготовленного Турецкой ассоциацией прав человека, и применила чрезмерную силу для задержания его и другого демонстранта. В этой связи заявитель утверждал, что полиция его избила, потому что он принял участие в демонстрации и вмешался, когда задерживали другого демонстранта. Он также заявил, что, несмотря на беглый осмотр, в медицинском заключении все же зафиксирована травма головы, что само по себе служит доказательством, что его подвергли пытке и бесчеловечному обращению.

2. Мнение Европейского Суда

30. Европейский Суд сначала определит, нарушило ли вмешательство полиции в демонстрацию право заявителя на свободу мирных собраний вопреки статье 11 Конвенции. Затем он рассмотрит в соответствии со статьей 3 Конвенции способ задержания заявителя.

а) Статья 11 Конвенции

31. Европейский Суд полагает, что сами по себе вмешательство полиции и последовавшее задержание заявителя составляют вмешательство в права заявителя, предусмотренные в статье 11 Конвен-

ции (см. Постановление Европейского Суда от 7 октября 2008 г. по делу «Сая и другие против Турции» (*Saya and Others v. Turkey*), жалоба № 4327/02, § 39¹).

32. Европейский Суд напоминает, что вмешательство будет являться нарушением статьи 11 Конвенции, за исключением случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует одну или более законных целей в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Конвенции и является «необходимым в демократическом обществе» для достижения указанных целей. Для целей настоящего дела и по причинам, указанным выше (см. § 34 настоящего Постановления), Европейский Суд выражает согласие с тем, что вмешательство в настоящем деле имело правовую основу в виде статьи 24 Закона о митингах и демонстрациях (Закон № 2911) и, таким образом, было «предусмотрено законом» в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Конвенции и преследовало законные цели предотвращения беспорядков и защиты общественной безопасности.

33. Возвращаясь к вопросу о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе», Европейский Суд, прежде всего, ссылается на основные принципы, лежащие в основе его постановлений по статье 11 Конвенции (см., в частности, Постановления Европейского Суда по делам: «Ойа Атаман против Турции» (*Oya Ataman v. Turkey*), жалоба № 74552/01, §§ 35–37, *ECHR* 2006–...; от 7 октября 2008 г. «Эва Мольнар против Венгрии» (*Éva Molnár v. Hungary*), жалоба № 10346/05, §§ 35–38).

34. По настоящему делу Европейский Суд отмечает, что власти Турции не уточнили конкретных оснований, по которым демонстрация, организованная Турецкой ассоциацией прав человека, была незаконной. В этом отношении Европейский Суд подчеркивает, что официальные документы, представленные сторонами, свидетельствуют об отсутствии разрешения, которое не является обязательным по турецкому законодательству, но не об отсутствии предварительного уведомления. Однако заявитель не утверждал, что имело место предварительное уведомление властей в соответствии со статьей 10 Закона № 2911 или что ситуация в Палестине делала необходимой спонтанную демонстрацию вопреки данной обязанности (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Букта и другие против Венгрии» (*Bukta and Others v. Hungary*), жалоба № 25691/04, § 36, *ECHR* 2007–...). При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что отсутствие ссылки на разрешение в официальных документах подразумевает отсутствие предварительного уведомления.

35. Европейский Суд замечает, что при отсутствии уведомления демонстрация была незаконной. В связи с этим Европейский Суд напо-

^{1,2} Постановление еще не вступило в силу.

минает, что любая демонстрация в общественном месте может повлечь определенное нарушение обычной жизни и спровоцировать незапланированные столкновения. Таким образом, для того, чтобы у национальных властей имелась возможность предпринять необходимые превентивные меры безопасности, ассоциации и иные организаторы демонстраций, как участники демократического процесса, должны уважать нормы, регламентирующие данный процесс, путем соблюдения действующих правил (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ойа Атаман против Турции», §§ 38 и 39, и Постановление Европейского Суда от 29 ноября 2007 г. по делу «Балчык и другие против Турции» (Balçık and Others v. Turkey), жалоба № 25/02, § 49). Однако он также отмечает, что незаконная ситуация не оправдывает нарушения свободы собраний, и что подобные нормы не должны представлять скрытое препятствие свободе мирных собраний, защищаемой Конвенцией (см. там же).

36. По настоящему делу Европейский Суд констатирует, что группа собравшихся состояла из 30–35 человек. Они держали плакаты и свечи и намеревались зачитать на площади Тюнель сообщение для прессы относительно действий Израиля против Палестины, что являлось актуальным вопросом. В этой связи власти Турции не привели конкретных оснований, таких как особенность места проведения демонстрации, по которым данная группа представляла опасность для общественного порядка или общественной безопасности. Сам Европейский Суд не усматривает таких оснований.

37. Более того, Европейский Суд напоминает, что публичным органам необходимо демонстрировать определенную степень терпимости в отношении мирных собраний, если демонстранты не совершают насильственных действий, чтобы свобода мирных собраний, гарантированная статьей 11 Конвенции, не была полностью лишена своего существа (см. Постановление Европейского Суда от 18 декабря 2007 г. по делу «Нуреттин Альдемир и другие против Турции» (Nurettin Aldemir and Others v. Turkey), жалобы №№ 32124/02, 32126/02, 32129/02, 32132/02, 32133/02, 32137/02 и 32138/02, § 46). В соответствии с рапортом о происшедшем по настоящему делу, составленным в 21 час 15 минут, демонстрация началась в 20 часов. Представляется, что демонстранты решили прекратить демонстрацию после того, как полиция несколько раз приказала им разойтись. Что касается вопроса о том, вмешалась ли полиция немедленно или после некоторого периода времени, Европейский Суд отмечает, что заявитель утверждал, что вмешательство полиции было немедленным, и этот факт не оспаривался властями Турции. При данных обстоятельствах, и принимая во внимание, что полиция уже возвратилась в полицейский участок Бейолу к 21 часу 15 минутам, Европейский Суд полагает, что демонстрацию распустили крайне стремительно. Следова-

тельно, он не убежден, что у заявителя и других демонстрантов имелось достаточно времени, чтобы выразить свое мнение (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам: «Ойа Атаман против Турции», §§ 41–42; «Балчык и другие против Турции», § 51, и, в качестве противоположного примера: Постановление Европейского Суда по делу «Эва Мольнар против Венгрии», §§ 42–43).

38. Соответственно, Европейский Суд полагает, что в настоящем деле вмешательство полиции в демонстрацию было несоразмерным и не было необходимым для предотвращения беспорядков и защиты общественной безопасности по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции.

39. Соответственно, имело место нарушение данного положения Конвенции.

б) Статья 3 Конвенции

40. Что касается способа задержания заявителя, Европейский Суд прежде всего находит, принимая во внимание документальные подтверждения — медицинские заключения, что версия заявителя о происшедших событиях, а именно ничем не вызванное чрезмерно жестокое нападение на него нескольких полицейских, является недоказанной. После жестокого обращения, описанного заявителем, остались бы характерные следы на его теле, которые бы отметили врачи, осматривавшие его в тот же день и днем позже (см. Решение Европейского Суда от 24 февраля 2005 г. по делу «Танрыкулу и другие против Турции» (*Tanrıku lu and Others v. Turkey*), жалобы №№ 29918/96, 29919/96 и 30169/96). Хотя заявитель и оспаривал достоверность медицинских заключений о состоянии его здоровья, Европейский Суд полагает, что, так как заявителя освободили в день происшествия, у него была возможность обратиться за составлением альтернативного медицинского заключения к врачу по его выбору с целью подтверждения своих заявлений.

41. Однако выводы медицинских заключений, по мнению Европейского Суда, подтверждают, по крайней мере, утверждения заявителя о том, что он получил удар по голове. Европейский Суд находит данную травму, особенно из-за места ее расположения, достаточно серьезной для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции. Власти Турции не отрицают, что травма заявителя причинена в результате применения силы представителями государства при исполнении обязанностей. Они, тем не менее, делали акцент на смягчающих обстоятельствах происшествия.

42. Европейский Суд отмечает, что статья 3 Конвенции не содержит запрета на применение силы при некоторых четко определенных обстоятельствах, таких как заключение под стражу. Однако такая сила

может быть применена только в случае необходимости и не может быть чрезмерной (см., в частности, Постановление Европейского Суда от 24 июля 2007 г. по делу «Курназ и другие против Турции» (Kurnaz and Others v. Turkey), жалоба № 36672/97, § 52, с дополнительными отсылками). Европейский Суд считает, что, поскольку сторонами не оспаривается, что травма головы заявителя явилась следствием применения силы органами безопасности при исполнении обязанностей, на власти Турции ложится бремя доказывания, что применение силы было необходимо и не чрезмерно (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Балчык и другие против Турции», § 31).

43. Вместе с тем власти Турции лишь указали, что заявитель получил травмы в результате сопротивления полиции во время задержания, не предоставив каких-либо объяснений или документов, которые бы пролили свет на конкретные обстоятельства, вынудившие полицию применить силу к заявителю, и характер примененного в его отношении воздействия. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что, хотя власти не были предварительно уведомлены о собрании, полиция получила информацию о планируемом в тот день собрании. Силы безопасности, таким образом, имели возможность принять соответствующие меры. В результате при конкретных обстоятельствах настоящего дела нельзя сказать, что силы безопасности были вынуждены немедленно реагировать без предварительной подготовки. Европейский Суд далее отмечает, что после предупреждений демонстранты решили разойтись и стали добровольно покидать место демонстрации без насильственного вмешательства полиции. Учитывая документальные доказательства, Европейский Суд находит заслуживающими доверия утверждения властей Турции относительно того, что заявитель, несмотря на предупреждения и на то, что группа начала расходиться, продолжал демонстрацию и в результате был задержан. Однако в материалах дела отсутствуют сведения о том, что полиция столкнулась с насильственными действиями или активным физическим сопротивлением со стороны заявителя во время задержания, что объяснило бы травмы, которые он получил, и, в частности, местоположение данных травм. При указанных обстоятельствах Европейский Суд находит, что власти Турции не представили убедительных или заслуживающих доверия доводов, которые могли бы объяснить или оправдать получение заявителем травмы головы во время его задержания в конце мирной демонстрации.

44. В свете вышеизложенного Европейский Суд заключает, что сила, примененная в отношении заявителя во время его задержания, была чрезмерной. Следовательно, государство несет ответственность на основании статьи 3 Конвенции за травмы, полученные им в тот день. Отсюда следует, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

II. ИНЫЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

45. Заявитель также жаловался на основании статьи 5 Конвенции, что его задержание и последующее содержание в полицейском участке на протяжении полутора часов были незаконными.

46. Однако, исследовав представленные ему материалы, Европейский Суд не усматривает признаков нарушения данного положения Конвенции (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам: «Нуреттин Альдемир и другие против Турции», § 57; «Сая и другие против Турции», § 50). Следовательно, жалоба в данной части является явно необоснованной и должна быть признана неприемлемой в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

47. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

48. Заявитель требовал в общей сложности 7 500 евро в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда. Он требовал возмещения расходов и издержек, понесенных им в ходе национального разбирательства, и расходов на лечение.

49. Власти Турции оспаривали данные суммы.

50. Что касается предполагаемого материального ущерба, понесенного заявителем, Европейский Суд полагает, что он не обосновал свое требование в достаточной степени. Соответственно, Европейский Суд отклоняет его.

51. Что касается компенсации морального вреда, Европейский Суд полагает, что установление факта нарушения статьи 11 Конвенции является достаточной компенсацией для заявителя (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ойа Атаман против Турции», § 48). Однако Европейский Суд находит, что заявитель должен был претерпеть боль и страдания, которые не могут быть компенсированы только установлением факта нарушения статьи 3 Кон-

венции. Учитывая природу данного нарушения, Европейский Суд на справедливой основе присуждает заявителю 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Балчык и другие против Турции», § 62).

В. Судебные расходы и издержки

52. Заявитель также требовал 13 094 евро 79 центов в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в Европейском Суде. В отношении данных требований заявитель ссылаясь на шкалу гонораров Стамбульской ассоциации адвокатов.

53. Власти Турции оспаривали данную сумму.

54. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле заявитель не доказал, что он действительно понес заявленные расходы. Соответственно, Европейский Суд не присуждает ему каких-либо сумм по данному основанию.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

55. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Европейский Суд:

1) *признал* единогласно жалобу заявителя приемлемой, что касается статей 3 и 11 Конвенции, а в остальной части неприемлемой;

2) *постановил* пятью голосами «за» и двумя — «против», что имело место нарушение статьи 3 Конвенции;

3) *постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;

4) *постановил* пятью голосами «за» и двумя — «против»:

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю 3 000 евро (три тысячи евро) в качестве компенсации морального вреда, подлежащие переводу в турецкие лиры по курсу, который будет установлен на день выплаты, а также любые налоги, подлежащие начислению на указанную сумму;

(b) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) *отклонил* оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 27 января 2009 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Ф. Тюлькенс
Председатель Палаты Суда

С. Долле
Секретарь Секции Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда к Постановлению прилагается следующее особое мнение.

ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ В. ЗАГРЕБЕЛЬСКОГО И А. ШАЙО

Разделяя мнение большинства судей, что в настоящем деле имеет место нарушение статьи 11 Конвенции, что, по нашему мнению, является наиболее важным в деле, мы не согласны с мнением большинства, что также имеет место нарушение статьи 3 Конвенции.

По мнению большинства судей, версия заявителя относительно его задержания, «а именно ничем не вызванное чрезмерно жестокое нападение на него нескольких полицейских», является недоказанной (§ 40 настоящего Постановления). Однако большинство учло следы от ударов в лобной части головы заявителя и нашло «данную травму, особенно из-за места ее расположения, достаточно серьезной для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции» (§ 41 настоящего Постановления). Что касается происхождения травмы, от которой пострадал заявитель, большинство признало, что он продолжил демонстрацию, несмотря на предупреждения полиции и на то, что группа начала расходиться. В данном контексте заявитель был задержан и получил травму.

Большинство установило нарушение статьи 3 Конвенции, потому что «власти Турции не представили убедительных или заслуживающих доверия доводов, которые могли бы объяснить или оправдать получение заявителем травмы головы во время его задержания в конце мир-

ной демонстрации» (§ 43 настоящего Постановления). На наш взгляд, мирный характер демонстрации не имеет отношения к обстоятельствам задержания заявителя, потому что основным фактором явилось его личное отношение, когда он отказался уйти и вмешался в задержание полицией другого демонстранта (§ 6 настоящего Постановления).

Так как заявитель получил травмы во время задержания и, таким образом, находился в руках властей, Европейский Суд правомерно предложил властям Турции представить убедительные причины и объяснения. Если такие объяснения не даны властями, то часто действует презумпция ответственности властей (см. Постановления Европейского Суда по делам от: 13 июня 2002 г. «Ангелова против Болгарии» (*Anguelova v. Bulgaria*), § 110; 17 февраля 2004 г. по делу «Ипек против Турции» (*İpek v. Turkey*), § 165). Но при совершенно иных обстоятельствах, как в настоящем деле, когда на национальном уровне имеют место расследование и судебные решения, исключающие любую ответственность полиции (§§ 11–21 настоящего Постановления), перенос бремени доказывания кажется нам неоправданным. Фактически рассуждения большинства противоречат выводам национального суда без установления какого-либо процессуального нарушения статьи 3 Конвенции и вынуждают власти Турции предоставить Европейскому Суду невозможное доказательство.

**ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ
ПРОТИВ МОЛДАВИИ (№ 2)¹
(Christian Democratic People's Party v. Moldova)**

Жалоба № 25196/04

Постановление Суда

Страсбург, 2 февраля 2010 г.

По делу «Христианско-демократическая народная партия против Молдавии» (№ 2) Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), заседая Палатой в составе:

Н. Братца (N. Bratza), *Председателя Палаты*,
Л. Гарлицкого (L. Garlicki),
Л. Мийович (L. Mijović),
Д.Т. Бьоргвинссона (D.T. Björgvinsson),
Я. Шикуты (J. Šikuta),
П. Хирвеля (P. Hirvelä),
М. Поалелунжя (M. Poalelungi), *судей*,
а также при участии Ф. Араджи (F. Agaci), *Заместителя Секретаря Секции Суда*,

заседая за закрытыми дверями 12 января 2010 г., вынес в указанный день следующее Постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 25196/04, поданной против Республики Молдавия в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) Христианско-демократической народной партией (далее — партия-заявитель) 26 мая 2004 г.

2. Интересы заявителя представлял г-н В. Нагачевский, адвокат, практикующий в г. Кишиневе. Власти Молдавии были представлены агентом г-ном В. Гросу.

3. Партия-заявитель, в частности, утверждала, что ее право на свободу собраний было нарушено.

4. 4 апреля 2008 г. председатель Четвертой Секции коммуницировал жалобу властям Молдавии. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Кон-

¹ Перевод выполнен АНО «ЮРИКС».

венции Европейский Суд решил рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Христианско-демократическая народная партия (ХДНП) является политической партией Молдавии, которая представлена в парламенте и во время указанных событий находилась в оппозиции.

6. 3 декабря 2003 г. партия-заявитель обратилась в Кишиневский муниципальный совет за разрешением на проведение демонстрации протеста на площади Великого национального собрания перед зданием правительства Молдавии 25 января 2004 г. Согласно заявлению организаторы намеревались выразить свое мнение относительно деятельности демократических институтов Молдавии, соблюдения прав человека и молдавско-российского конфликта в Приднестровье.

7. 20 января 2004 г. Кишиневский муниципальный совет отклонил обращение партии-заявителя на том основании, что «имеются убедительные доказательства того, что во время собрания будут выдвинуты призывы к агрессивной войне, этнической розни и общественному насилию».

8. Партия-заявитель оспорила отказ в суде и, в частности, указывала, что мотивы, выдвинутые муниципальным советом, являлись совершенно безосновательными.

9. 23 января 2004 г. Кишиневский апелляционный суд отклонил иск партии-заявителя. Суд установил, что отказ муниципального совета в разрешении на демонстрацию партии-заявителя являлся оправданным, поскольку в распространявшихся ею листовках содержались такие лозунги, как «Долой тоталитарный режим Воронина» и «Долой оккупационный режим Путина». По мнению апелляционного суда, эти лозунги составляли призыв к насильственному свержению конституционного режима и возбуждение ненависти к русскому народу. В этом контексте суд отметил, что во время предыдущей демонстрации, организованной партией-заявителем в порядке протеста против российского военного присутствия в Приднестровье, протестующие сожгли портрет Президента Российской Федерации и российский флаг.

10. Партия-заявитель обжаловала указанное решение, в частности, отметив, что данные лозунги не могут быть разумно истолкованы как призыв к насильственному свержению правительства или к этнической розни, и что отказ в разрешении собрания составлял нарушение прав, гарантированных статьями 10 и 11 Конвенции.

11. 21 апреля 2004 г. Высшая судебная палата отклонила жалобу партии-заявителя и оставила в силе решение апелляционного суда.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

12. Соответствующие положения Закона о собраниях от 21 июня 1995 г. предусматривают следующее:

«Статья 6

1. Собрания проводятся мирно, в отсутствие любого вида оружия, и обеспечивают защиту участников и окружающей среды, не препятствуя обычному использованию общественных дорог, дорожному движению и деятельности экономических предприятий и не перерастая в акты насилия, которые могут угрожать общественному порядку и физической неприкосновенности и жизни лиц или их имущества.

<...>

Статья 7

Собрания могут быть приостановлены при следующих обстоятельствах:

- a) отрицание государства и народа и клевета на них;
- b) подстрекательство к войне или агрессии и подстрекательство к розни по этническим, расовым или религиозным признакам;
- c) подстрекательство к дискриминации, территориальному сепаратизму или общественному насилию;
- d) действия, подрывающие конституционный порядок.

Статья 8

1. Собрания могут проводиться на площадях, улицах, в парках и других общественных местах в городах и селениях, а также в общественных зданиях.

2. Запрещается проводить собрания в зданиях органов власти, местного самоуправления, прокуратуры, судов или компаний с вооруженной охраной.

3. Запрещается проводить собрания:

- a) в пределах 50 метров от здания парламента, резиденции президента Молдавии, места пребывания правительства, Конституционного суда и Высшей судебной палаты;
- b) в пределах 25 метров от зданий центральных органов власти, местных органов власти, прокуратуры, судов, полицейских участков, тюрем и учреждений социальной реабилитации, военных учреждений, железнодорожных станций, аэропортов, больниц, компаний, использующих опасное оборудование и механизмы, и дипломатических учреждений.

4. Свободный доступ в помещения учреждений, перечисленных в пункте 3, гарантируется.

5. Местные органы власти могут с согласия организаторов отводить места для постоянных собраний.

<...>

Статья 11

1. Не позднее чем за 15 дней до даты собрания организатор представляет уведомление в муниципальный совет, образец которого приводится в приложении, являющемся неотъемлемой частью настоящего Закона.

2. В предварительном уведомлении указываются:

- а) имя организатора собрания и цель собрания;
- б) дата, время начала и окончания собрания;
- с) место собрания и маршруты доступа и ухода;
- д) способ проведения собрания;
- е) приблизительное число участников;
- ф) лица, обеспечивающие нормальное проведение собрания и отвечающие за него;
- г) услуги, об оказании которых организатор собрания просит муниципальный совет.

3. Если этого требует ситуация, муниципальный совет может изменить определенные аспекты предварительного уведомления с согласия организатора собрания.

Статья 12

1. Предварительное уведомление рассматривается местным органом управления города или селения не позднее чем за пять дней до даты собрания.

2. Если предварительное уведомление рассматривается на очередном или внеочередном собрании муниципального совета, обсуждаются форма, график, место и другие условия проведения собрания, и решение принимается с учетом конкретной ситуации.

<...>

6. Местные органы могут отклонить заявление о проведении собрания, только если после консультаций с полицией будут получены убедительные доказательства того, что положения статей 6 и 7 будут нарушены с серьезными последствиями для общества.

<...>

Статья 14

1. Решение об отклонении заявления о проведении собрания должно быть мотивированным и оформленным в письменном виде. Оно должно излагать мотивы отказа в разрешении...

Статья 15

1. Организатор собрания может оспорить в административных судах отказ органа местного самоуправления».

ПРАВО

13. Партия-заявитель жаловалась на то, что отказ в разрешении на демонстрацию протеста нарушил ее право на свободу мирного собрания, гарантированного статьей 11 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства».

I. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

14. Европейский Суд полагает, что настоящая жалоба затрагивает достаточно серьезные вопросы факта и права, для разрешения которых требуется рассмотрение жалобы по существу, и оснований для признания ее неприемлемой не усматривается. Соответственно, Европейский Суд объявляет жалобу приемлемой. В соответствии с решением о применении пункта 3 статьи 29 Конвенции (см. § 4 настоящего Постановления) Европейский Суд немедленно рассмотрит существо жалобы.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

А. Доводы сторон

15. Партия-заявитель утверждала, что вмешательство в ее право на свободу собраний не преследовало законную цель и не являлось необходимым в демократическом обществе.

16. Власти Молдавии признали, что имело место вмешательство в права заявителя, гарантированные статьей 11 Конвенции. Однако это вмешательство предусмотрено законом, а именно Законом о собраниях, преследовало законную цель и было необходимым в демократическом обществе.

17. Что касается законной цели, власти Молдавии утверждали, что вмешательство требовалось, поскольку оно преследовало интересы национальной безопасности и общественного порядка. По мнению властей Молдавии, проведение демонстрации у здания правительства Молдавии могло повлечь напряженность между находящимся в большинстве электоратом Коммунистической партии и электоратом партии-заявителя и вылиться в акты насилия. Кроме того, призывы партии-заявителя относительно «русской оккупации Молдавии» представляли собой подстрекательство к агрессивной войне и ненависти к русским. Что касается соразмерности вмешательства с преследуемой законной целью, власти Молдавии полагали, что интересы большинства избирателей, голосовавших за Коммунистическую партию, преобладали над интересами электората партии-заявителя. Кроме того, ограничивая свободу собраний заявителя, власти учитывали интерес Молдавии в поддержании хороших двусторонних отношений с Российской Федерацией.

В. Мнение Европейского Суда

18. Не оспаривалось сторонами, и Европейский Суд признает, что решение об отказе в удовлетворении обращения партии-заявителя о проведении демонстрации 25 января 2004 г. составляло «вмешательство публичного органа» в право заявителя на свободу собраний, предусмотренное пунктом 1 статьи 11 Конвенции. Такое вмешательство представляет собой нарушение статьи 11 Конвенции, если оно не предусмотрено законом, не преследует одну или несколько целей в соответствии с пунктом 2 той же статьи и не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этой или иных целей.

19. Стороны не оспаривали, что вмешательство являлось законным в значении статьи 11 Конвенции. В то же время они не пришли к согласию относительно того, преследовало ли вмешательство законную цель. Европейский Суд по причинам, указанным ниже, не считает необходимым разрешать этот вопрос, и поэтому сосредоточится на соразмерности вмешательства.

20. Европейский Суд напоминает, что в своих постановлениях он не раз указывал, что не только демократия является фундаментальной характеристикой европейского правопорядка, но и принятие Конвенции задумывалось для содействия и поддержания идеалов и ценностей демократического общества. Демократия, подчеркивал Европейский Суд, является всего лишь политической моделью, рассматриваемой в Конвенции и единственной совместимой с ней. В силу формулировки пункта 2 статьи 11 Конвенции, а также статей 8–10 Конвенции единственной необходимостью, способной оправдать вмешательство

в любое из прав, предусмотренных этими статьями, является та, которая может считаться вытекающей из «демократического общества» (см. Постановление Большой Палаты по делу «Партия “Рефах” (Партия Благоденствия) и другие против Турции» (Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey), жалобы №№ 41340/98, 41342/98, 41343/98 и 41344/98, §§ 86—89, *ECHR* 2003-II; Постановление Европейского Суда по делу «Христианско-демократическая народная партия против Молдавии» (Christian Democratic People’s Party v. Moldova), жалоба № 28793/02, *ECHR* 2006-II).

21. Обращаясь к признакам «демократического общества», Европейский Суд придает особое значение плюрализму, толерантности и широте взглядов. В этом контексте указывалось, что хотя индивидуальные интересы могут иногда быть подчинены интересам группы, демократия не просто означает, что взгляды большинства всегда должны преобладать: должен быть достигнут баланс, обеспечивающий справедливое и надлежащее обращение с меньшинствами и избегающий злоупотребления доминирующим положением (см. Постановление Европейского Суда от 13 августа 1981 г. по делу «Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства» (Young, James and Webster v. United Kingdom), § 63, Серия А, № 44; и Постановление Большой Палаты по делу «Шассанью и другие против Франции» (Chassagnou and Others v. France), жалобы №№ 25088/94, 28331/95 и 28443/95, § 112, *ECHR* 1999-III).

22. При осуществлении проверки дел с точки зрения статьи 11 Конвенции в задачу Европейского Суда входит не подмена своим мнением мнения соответствующих национальных властей, но проверка в соответствии со статьей 11 Конвенции решений, которые они выносят при осуществлении своих дискреционных полномочий. Это не означает, что он должен ограничиться установлением того, что государство-ответчик осуществляет свою дискрецию разумно, осмотрительно и добросовестно; он должен рассмотреть обжалуемое вмешательство с учетом обстоятельств дела в целом и определить, является ли оно «соразмерным преследуемой законной цели», и являются ли мотивы, приведенные национальными властями в его оправдание, «относимыми и достаточными». Действуя таким образом, Европейский Суд должен убедиться, что национальные власти применяют стандарты, которые согласуются с принципами, выраженными в статье 11 Конвенции, и, кроме того, они основывают свои решения на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. Постановление Европейского Суда от 30 января 1998 г. по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции» (United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey), § 47, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I).

23. Право на свободу мирного собрания гарантируется каждому, кто имеет намерение организовать мирную демонстрацию. Возможность проведения насильственной контрдемонстрации или возможность присоединения к демонстрации экстремистов с насильственными намерениями не могут устранить этого права сами по себе (см. Постановление Европейского Суда от 21 июня 1988 г. по делу «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (*Plattform “Ärzte für das Leben” v. Austria*), Серия А, № 139, § 32). Бремя доказывания насильственных намерений организаторов демонстрации возлагается на власти.

24. С учетом существенной роли, которую играют политические партии в надлежащем функционировании демократии, исключения, изложенные в статье 11 Конвенции, допускают в отношении политических партий лишь узкое толкование; только убедительные и неоспоримые причины могут оправдать ограничения свобод таких партий, гарантированных статьей 11 Конвенции. При определении того, существует ли необходимость в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции, государства-участники имеют ограниченные пределы усмотрения, которые подлежат строгому европейскому контролю (см. Постановление Европейского Суда от 25 мая 1998 г. по делу «Социалистическая партия и другие против Турции» (*Socialist Party and Others v. Turkey*), § 50, *Reports* 1998-III). В то время как свобода выражения мнения важна для каждого, она имеет особое значение для выборного представителя народа. Он представляет своих избирателей, привлекает внимание к их заботам и защищает их интересы. Соответственно, вмешательства в право на свободу выражения мнения оппозиционного члена парламента требуют самого пристального контроля со стороны Европейского Суда (см. Постановление Европейского Суда от 23 апреля 1992 г. по делу «Кастельс против Испании» (*Castells v. Spain*), § 42, Серия А, № 236).

25. Европейский Суд часто подчеркивал, что Конвенция создавалась для обеспечения прав, которые являются не теоретическими или иллюзорными, но практическими и эффективными (см. Постановление Европейского Суда от 13 мая 1980 г. по делу «Артико против Италии» (*Artico v. Italy*), § 33, Серия А, № 37). Из этого вывода следует, что реальное и эффективное соблюдение права на свободу объединения с другими и собраний не может быть сведено только к обязанности невмешательства со стороны государства; чисто негативная концепция была бы несовместимой с целью статьи 11 или Конвенции в целом. Таким образом, могут возникать позитивные обязательства по обеспечению эффективного использования права на свободу объединения с другими и собраний (см. Постановление Европейского Суда по делу «Уилсон, Национальный союз журналистов и другие против Соединенного Королевства» (*Wilson, National Union of Journalists and*

Others v. United Kingdom), жалобы №№ 30668/96, 30671/96 и 30678/96, § 41, *ECHR* 2002-V), даже в сфере взаимоотношений между лицами (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии», § 32). Соответственно, публичные органы власти обязаны гарантировать надлежащее функционирование политической партии, даже если это шокирует или оскорбляет лиц, не разделяющих идеи или требования, которые она стремится выдвигать. Ее члены должны иметь возможность проводить собрания, не опасаясь подвергнуться физическому насилию со стороны своих оппонентов. Такое опасение могло бы удерживать другие объединения или политические партии от открытого выражения своего мнения по противоречивым вопросам общественной жизни.

26. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что в указанный период партия-заявитель являлась оппозиционной партией парламентского меньшинства, имевшей примерно 10% мест в парламенте, тогда как Коммунистическая партия большинства имела примерно 70% мест. Вмешательство касалось проведения демонстрации, на которой партия-заявитель намеревалась протестовать против предполагаемых антидемократических злоупотреблений, допущенных властями Молдавии, и против российского военного присутствия в отколовшемся Приднестровском регионе Молдавии. С учетом публичного интереса в свободе выражения мнений относительно таких тем и того факта, что партия-заявитель являлась оппозиционной парламентской политической партией, Европейский Суд полагает, что пределы усмотрения государства соответствующим образом сужались и только самые неоспоримые причины могли оправдать вмешательство в право партии-заявителя на свободу выражения мнения и собраний.

27. Европейский Суд подчеркивает, что Кишиневский муниципальный совет и национальные суды сочли лозунги «Долой тоталитарный режим Воронина» и «Долой оккупационный режим Путина» призывами к насильственному свержению конституционного режима и к ненависти к русскому народу, а также подстрекательством к агрессивной войне против России. Европейский Суд полагает, что эти лозунги следует понимать как выражение неудовлетворенности и протеста, и не убежден, что они могут разумно рассматриваться как призыв к насилию, даже если они сопровождаются сожжением флагов и портретов российских руководителей. Европейский Суд напоминает, что даже такие формы протеста, как активное физическое воспрепятствование охоте, рассматривались как выражение мнения (см. Постановление Европейского Суда от 23 сентября 1998 г. по делу «Стил и другие против Соединенного Королевства» (*Steel and Others v. United Kingdom*), § 92, *Reports* 1998-VII; Постановление Большой Палаты по делу «Хашман и Харруп против Соединенного Королев-

ства» (Hashman and Harrup v. United Kingdom), жалоба № 25594/94, § 28, *ECHR* 1999-VIII). В настоящем деле Европейский Суд также находит, что лозунги партии-заявителя, даже если они сопровождалась сожжением флагов и портретов, являлись формой выражения мнения в отношении вопроса, представляющего существенный публичный интерес, а именно присутствие российских войск на территории Молдавии. Европейский Суд напоминает в этом контексте, что свобода выражения мнения распространяется не только на «информацию» или «идеи», которые благосклонно принимаются или считаются безвредными или нейтральными, но также на оскорбляющие, шокирующие или причиняющие беспокойство (см. Постановление Европейского Суда от 23 сентября 1994 г. по делу «Ерсильд против Дании» (*Jersild v. Denmark*), § 31, Серия А, № 298). Соответственно, Европейский Суд не убежден в том, что вышеизложенные мотивы, приведенные национальными властями для отказа в разрешении демонстрации партии-заявителя, могут считаться относимыми и достаточными в значении статьи 11 Конвенции.

28. В своих решениях национальные власти также ссылались на угрозу столкновений между демонстрантами и сторонниками правящей партии. Европейский Суд полагает, что даже при наличии теоретической угрозы насильственных столкновений между протестующими и сторонниками Коммунистической партии полиция обязана была разъединить две группы и обеспечить общественный порядок (см. § 25 настоящего Постановления). Таким образом, данная причина для отказа в разрешении также не может считаться относимой и достаточной в значении статьи 11 Конвенции.

29. Приходя к вышеизложенным выводам, Европейский Суд напоминает, что партия-заявитель проводила многочисленные демонстрации протеста в 2002 г., которые являлись мирными и не сопровождалась насильственными столкновениями (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Христианско-демократическая народная партия против Молдавии»; Постановление Европейского Суда от 27 марта 2008 г. по делу «Рошка и другие против Молдавии» (*Roșca and Others v. Moldova*), жалобы №№ 25230/02, 25203/02, 27642/02, 25234/02 и 25235/02). При таких обстоятельствах Европейский Суд считает, что действия партии-заявителя не давали оснований полагать, что она намеревается нарушить общественный порядок или стремится к конфронтации с властями или сторонниками правящей партии (см. Постановление Европейского Суда от 31 марта 2009 г. по делу «“Гайд-парк” и другие против Молдавии» (*Hyde Park and Others v. Moldova*), жалоба № 33482/06, § 30).

30. Соответственно, Европейский Суд заключает, что вмешательство не отвечало неотложной общественной потребности и не являлось не-

обходимым в демократическом обществе. Следовательно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

31. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

32. Заявитель требовал 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

33. Власти Молдавии не согласились и утверждали, что требуемая сумма является чрезмерной и необоснованной.

34. Европейский Суд присуждает партии-заявителю требуемую сумму полностью.

В. Судебные расходы и издержки

35. Заявители также требовали 1 098 евро 5 центов в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в судах страны и Европейском Суде.

36. Власти Молдавии оспаривали требуемую сумму и расценили ее как чрезмерную.

37. Европейский Суд присуждает 1 000 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

38. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

- 1) *признал* жалобу приемлемой;
- 2) *постановил*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;

3) *постановил*:

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты:

(i) 3 000 евро (три тысячи евро) в качестве компенсации морального вреда, а также любые налоги, начисляемые на указанную сумму;

(ii) 1 000 евро (одну тысячу евро) в качестве компенсации судебных расходов и издержек, а также любые налоги, обязанность уплаты которых может быть возложена на заявителя в связи с указанной суммой;

(b) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

4) *отклонил* оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 2 февраля 2010 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Н. Братца

Председатель Палаты Суда

Ф. Араджи

Заместитель Секретаря Секции

ЭКШИ И ОДЖАК ПРОТИВ ТУРЦИИ¹
(Ekşi et Ocak v. Turkey)

Жалоба № 44920/04

Постановление Суда

Страсбург, 23 февраля 2010 г.

По делу «Экши и Оджак против Турции» Европейский Суд по правам человека (Вторая Секция), заседая Палатой в составе:

Ф. Тюлькенс (F. Tulkens), *Председателя Палаты*,

И.К. Баррето (I.C. Barreto),

В. Загребельского (V. Zagrebelsky),

Д. Йочиене (D. Jočienė),

Д. Поповича (D. Popović),

А. Шайо (A. Sajó),

И. Каракаш (I. Karakaş), *судей*,

а также при участии С. Доле (S. Dollé), *Секретаря Секции Суда*,
заседая за закрытыми дверями 2 февраля 2010 г., вынес в указанный
день следующее Постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 44920/04, поданной против Республики Турция в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) двумя турецкими гражданами — г-ном Йылмазом Экши и г-ном Бехлюлем Оджаком (далее — заявители) 24 ноября 2004 г.

2. Интересы заявителей представляла г-жа Муллот Карамустафаоллары, адвокат, практикующая в г. Стамбуле. Власти Турции были представлены их агентом.

3. 29 августа 2008 г. Председатель Второй Секции решила коммуницировать жалобу властям Турции. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции было также решено, что Палата рассмотрит данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

¹ Перевод выполнен АНО «ЮРИКС».

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявители г-н Экши и г-н Оджак родились в 1953 и 1986 гг., соответственно, и проживают в г. Стамбуле.

5. 1 мая 2003 г. совместно с 50 другими лицами они принимали участие в церемонии, посвященной памяти событий 1 мая 1977 г., называемых «кровавое 1 мая», когда 34 человека были убиты на площади Таксим в г. Стамбуле.

6. Перед запланированной пресс-конференцией появились силы безопасности, чтобы рассеять демонстрантов и произвести их задержание. Во время этого инцидента заявители получили травмы.

7. Заявитель Бехлюль Оджак был направлен прямо в больницу Таксима. В предварительном заключении № 17767, датированном тем же днем, врач отметил у обратившегося лица царапину, отек и припухлость под правым глазом, множественные ссадины размером 10 x 5 см в районе спины, рану на правом колене, ограниченную подвижность в ягодичной области и перелом челюсти. Врач установил нетрудоспособность сроком на 15 дней. Эти выводы были включены в заключение института судебной медицины от 2 июля 2003 г.

8. 1 мая 2003 г. заявитель Йылмаз Экши был обследован дважды.

9. Согласно медицинскому заключению № 17760, датированному тем же днем, имелись восемь ссадин размером 1 × 1 см между лопатками, ссадина на правой стороне нижней губы, узелковое поражение с отеком в результате кровоизлияния на внутренней поверхности правой части верхней губы, ссадина на правой стороне лба, зона кровоподтека и отек на внутренней поверхности правого колена, ссадины размером 4 × 1 см в нижней части левой ноги и до 1 см на втором пальце правой руки. Эти выводы были включены в заключение института судебной медицины от 2 июля 2003 г.

10. Заявитель Йылмаз Экши был впоследствии переведен в отделение неврологии и общей хирургии. Согласно медицинскому заключению № 17828, составленному 1 мая, в 16 часов, выводы которого были включены в заключение института судебной медицины от 9 июня 2003 г., у заявителя Йылмаза Экши наблюдались диффузные боли в спине, раны над правой бровью и с правой стороны верхней губы. Была установлена нетрудоспособность сроком на пять дней.

А. Требование о возбуждении уголовного дела в связи с обстоятельствами задержания заявителей

11. 22 мая 2003 г. заявители подали в прокуратуру Бейолу жалобу на жестокое обращение со стороны полицейских, осуществлявших их за-

держание. Они утверждали, что были подвергнуты без предупреждения физическому воздействию со стороны полицейских, когда пытались прочесть заявление для прессы по поводу 1 мая. Они заявляли, что, несмотря на отсутствие сопротивления задержанию, они претерпели удары кулаками и ногами, пощечины и оскорбления со стороны полицейских.

12. 25 мая 2004 г. прокуратура приняла решение об отказе в возбуждении уголовного дела по причине отсутствия состава преступления. Она сослалась, в частности, на статью 24 Закона № 2911.

13. 4 мая 2004 г. заявители обжаловали это решение в суд, ссылаясь на статьи 3, 5, 10 и 11 Конвенции.

14. Окончательным решением от 25 мая 2004 г. суд первой инстанции отклонил жалобу заявителей на решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

В. Уголовное дело в отношении заявителей

15. В соответствии с обвинительным заключением от 14 мая 2003 г. прокурор возбудил уголовное дело против 36 демонстрантов, в том числе заявителей. Он требовал их осуждения за нарушение Закона № 2911 о митингах и демонстрациях.

16. В неустановленную дату суд по уголовным делам отказался от юрисдикции в пользу суда по делам несовершеннолетних ввиду обстоятельств, связанных с личностью подсудимого, что касается заявителя Бехлюля Оджака.

17. Приговором от 4 мая 2004 г. суд по уголовным делам оправдал всех обвиняемых, в том числе заявителя Йылмаза Экши, сославшись при этом на следующие факты:

«Принимая во внимание, что группа лиц, включая обвиняемых, возлагала гвоздики на месте, где произошли события [1 мая 1977 г.], у выхода из станции метро Таксим, что полицейские их окружили, в то время как один из них делал заявление для прессы, что полиция не сообщила о незаконном характере демонстрации в форме предупреждения, предусмотренного Законом № 2911, что некоторые полицейские сделали предупреждение, но оно не было услышано обвиняемыми... в деле нет достаточных доказательств, указывающих, что обвиняемые действовали с намерением провести демонстрацию без разрешения, как это указано в обвинительном заключении...».

18. Приговором от 9 октября 2007 г. суд по делам несовершеннолетних оправдал заявителя Бехлюля Оджака.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

19. Статья 24 Закона № 2911 о митингах и демонстрациях предусматривает, что в случае незаконной демонстрации полиция имеет право вмешиваться, если необходимо, с применением силы, чтобы рассеять демонстрантов, после предупреждения о необходимости прекращения собрания.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3, 10 И 11 КОНВЕНЦИИ В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 13 КОНВЕНЦИИ

20. Заявители жаловались на жестокое обращение, которому они подверглись со стороны полицейских во время разгона демонстрации с применением силы. Они упрекали суды, которые освободили от ответственности полицейских, причастных к данному делу, а также они ссылались на статьи 3, 10, 11 Конвенции во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции.

Европейский Суд полагает, что при обстоятельствах настоящего дела необходимо принять во внимание единую фактическую основу всех жалоб. Он считает необходимым рассмотреть жалобу с точки зрения статей 3 и 11 Конвенции во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции. Указанные положения предусматривают следующее:

«Статья 3

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

Статья 11

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах... общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений... или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

Статья 13

Каждый, чьи права и свободы, признанные в... Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государствен-

ном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Приемлемость жалобы

1. Статья 3 Конвенции

21. Что касается жалобы на основании статьи 3 Конвенции, власти Турции утверждали, что заявители не исчерпали внутренние средства правовой защиты, поскольку должны были подать жалобу в административном порядке о возмещении ущерба и процентов, а также не подали жалобу в Европейский Суд в течение шестимесячного срока.

22. Европейский Суд отмечает, что первое возражение неоднократно отклонялось им в аналогичных делах (см. в числе других примеров: Постановление Европейского Суда от 21 декабря 2006 г. по делу «Гюзель Шахин и другие против Турции» (*Güzel Şahin et autres c. Turquie*), жалоба № 68263/01, § 36), а второе возражение основано на ошибочном исчислении срока. Действительно, властями Турции не оспаривается, что окончательное национальное решение, с которого начинается отсчет шестимесячного срока, было принято 25 мая 2004 г. судом первой инстанции (см. § 14 настоящего Постановления). Жалоба была подана 24 ноября 2004 г., до истечения указанного срока. Таким образом, Европейский Суд отклоняет оба возражения о неприемлемости жалобы, выдвинутые властями Турции.

2. Статья 11 Конвенции

23. Что касается жалобы, поданной на основании статьи 11 Конвенции, власти Турции ссылались преимущественно на несоблюдение требования о шестимесячном сроке. Они считали, что в отношении жалобы заявителей на отсутствие внутренних средств правовой защиты этот срок должен был начаться с даты предполагаемого вмешательства, а именно с 1 мая 2003 г.

24. Европейский Суд в первую очередь отмечает, что вмешательство, которое состояло в рассеивании рассматриваемой демонстрации 1 мая 2003 г., не могло по своему внезапному характеру быть предотвращено никаким средством правовой защиты.

25. Европейский Суд далее обращает внимание, что с учетом реакции суда, проявленной в связи с рассеиванием демонстрации и задержанием с применением силы, вопросы исчерпания средств правовой защиты и, следовательно, соблюдения шестимесячного срока неразделимы в отношении прав, гарантированных статьями 3 и 11 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда от 27 января 2009 г. по делу

«Самют Карабулут против Турции» (Samüt Karabulut c. Turquie), жалоба № 16999/04, § 26).

26. Таким образом, он отклоняет возражение властей Турции о несоблюдении шестимесячного срока по основаниям, изложенным выше (см. § 22 настоящего Постановления).

27. Власти Турции также ссылались на исчерпание внутренних средств правовой защиты, утверждая в целом, что заявители могли возбудить административное дело о возмещении ущерба и административной ответственности в соответствии с национальным законодательством.

28. Европейский Суд отмечает, что власти Турции не привели в пример ни одного решения, которым такое административное разбирательство было завершено.

29. Кроме того, Европейский Суд подчеркивает, что заявители прямо ссылались на свои права, предусмотренные статьями 3 и 11 Конвенции в рамках уголовно-правовой процедуры в отношении полицейских (см. § 13 настоящего Постановления), но безуспешно.

30. Таким образом, он отклоняет возражение властей Турции о неисчерпании внутренних средств правовой защиты.

31. Европейский Суд полагает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также считает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо жалобы

32. Европейский Суд должен, прежде всего, определить, было ли вмешательством полиции нарушено право заявителей на свободу мирных собраний в значении статьи 11 Конвенции. Далее он рассмотрит условия задержания заявителей с точки зрения статьи 3 Конвенции.

1. Статья 11 Конвенции

33. Власти Турции утверждают, что указанное вмешательство было предусмотрено Законом № 2911 о митингах и демонстрациях, оно преследовало законную цель защиты общественного порядка и «предотвращения беспорядков». Они полагают, что вмешательство отвечало настоятельной общественной потребности, но не уточнили, какие обстоятельства дела в данном случае свидетельствовали о наличии такой необходимости.

34. Европейский Суд ссылается, прежде всего, на основополагающие принципы, следующие из прецедентной практики, относящейся к

статье 11 Конвенции (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Джавит Ан против Турции» (Djavit An c. Turquie), жалоба № 20652/92, §§ 56—57, *CEDH* 2003-III; от 27 апреля 1995 г. по делу «Пьермон против Франции» (Piermont c. France), §§ 76—77, Серия А, № 314; от 21 июня 1988 г. по делу «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (Plattform “Ärzte für das Leben” v. Austria), § 32, Серия А, № 139).

35. Европейский Суд далее отмечает, что необходимость вмешательства в соответствии со статьей 11 Конвенции была рассмотрена национальными судебными органами в рамках уголовного дела, возбужденного против демонстрантов, в том числе заявителей. Суд по уголовным делам отклонил все обвинения, подчеркнув, что условия для применения Закона № 2911 не были достигнуты (см. § 17 настоящего Постановления); другими словами, он постановил, что вмешательство полицейских не являлось необходимым.

36. Европейский Суд не усматривает причин не согласиться с выводами этого суда. Он отмечает, в частности, отсутствие насильственных действий со стороны демонстрантов и отсутствие упоминаний о каком-либо нарушении повседневной жизни (см. Постановление Европейского Суда от 13 октября 2009 г. по делу «Серкан Ылмаз и другие против Турции» (Serkan Yılmaz et autres c. Turquie), жалоба № 25499/04, § 34). На основании вышеизложенного Европейский Суд делает вывод, что полицейские продемонстрировали полное отсутствие терпимости и воспрепятствовали насильственным образом праву на свободу мирных собраний заявителей при отсутствии настоятельной общественной потребности, оправдывающей их вмешательство.

37. Эти факты являются достаточными для заключения Европейского Суда о том, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

38. С учетом вышеизложенного Европейский Суд полагает, что отсутствует необходимость рассмотрения вопроса о том, располагали ли заявители эффективными внутренними средствами правовой защиты в значении статьи 13 Конвенции для защиты своих прав, предусмотренных статьей 11 Конвенции.

2. Статья 3 Конвенции

39. По мнению заявителей, сила, которая была применена по отношению к демонстрантам, не была законной и соразмерной. Заявители утверждают, что полицейские использовали силу, тогда как демонстранты не совершали насильственных действий. Кроме того, полиция не сделала предупреждения, прежде чем приступить к физическому рассеиванию демонстрации.

40. Власти Турции утверждают, что статья 3 Конвенции в данном случае неприменима, поскольку, по их мнению, речь шла о необ-

ходимом применении силы: силы правопорядка приказали группе демонстрантов разойтись в связи с тем, что демонстрация была незаконной. Тем не менее группа демонстрантов предположительно оказала сопротивление и атаковала полицию с плакатами и транспарантами, полицейские должны были действовать в соответствии с Законом № 2259, регулирующим обязанности и ответственность полицейских. По мнению властей Турции, применение силы в данном случае было соразмерно цели, состоящей в поддержании общественного порядка. Власти Турции приложили два медицинских заключения полицейских, в которых говорится о небольших кровоподтеках размером 2,5 см около глаза, содранной коже в области брови, чувствительности в области травмы, царапине в районе руки. В заключении одного из полицейских упоминается нетрудоспособность в течение пяти дней.

41. Что касается установления фактов, связанных с предупреждением, Европейский Суд отмечает, что оправдательный приговор, вынесенный 4 мая 2004 г. судом по уголовным делам, ясно указывает, что полицейские не сделали предупреждения, предусмотренного Законом № 2911 (см. § 17 настоящего Постановления). Таким образом, он не может принять во внимание объяснения властей Турции на этот счет. В отношении медицинских заключений, касающихся двух полицейских, приложенных к объяснениям властей Турции, Европейский Суд отмечает, что они не были рассмотрены национальными судебными органами для оценки соразмерности силы, примененной органами правопорядка, и что они не упоминаются ни в рамках уголовного дела, возбужденного против полицейских, ни в рамках уголовного дела, возбужденного против заявителей, которое привело к оправданию заинтересованных лиц.

42. Что касается жестокого обращения, Европейский Суд напоминает, что для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции такое обращение должно достигнуть минимального уровня суровости. Оценка указанного минимального уровня относительна и зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы. Когда лицо лишено свободы либо в более общем смысле сталкивается с силами правопорядка, применение в отношении него физической силы, когда это не обусловлено его действиями, унижает человеческое достоинство и, в принципе, составляет нарушение права, гарантированного статьей 3 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты по делу «Лабита против Италии» (*Labita c. Italie*), жалоба № 26772/95, § 120, *CEDH* 2000-IV).

43. В данном случае сторонами не оспаривается, что полицейские применили силу для рассеивания демонстрации и задержания заяви-

телей. После их задержания заинтересованные лица прошли медицинские обследования, в которых было отмечено наличие следов повреждений на их телах. Таким образом, это может являться результатом применения полицейскими силы во время демонстрации. Следовательно, Европейский Суд должен установить, была ли сила, использованная в данном случае, соразмерной. В этом отношении он придает особое значение связи причиненных травм с обстоятельствами, в которых они были получены.

44. Европейский Суд в первую очередь отмечает, что власти Турции достоверно не установили точные обстоятельства задержания заявителей и необходимость применения силы. Он далее полагает, что ввиду последствий, приведших к нетрудоспособности продолжительностью от пяти до 15 дней, насильственные действия со стороны сил правопорядка не были необходимы. Европейский Суд подчеркивает, что не утверждалось, что заявители спровоцировали силовое вмешательство каким-либо насильственным действием (см., в этом отношении, Постановление от 7 апреля 2009 г. по делу «Каратеpe и другие против Турции» (*Karatepe et autres c. Turquie*), жалобы №№ 33112/04, 36110/04, 40190/04, 41469/04 и 41471/04, § 31; и Постановление Европейского Суда от 13 октября 2009 г. по делу «Серкан Ылмаз и другие против Турции» (*Serkan Yılmaz et autres c. Turquie*), жалоба № 25499/04, § 24).

45. Что касается уголовного расследования, инициированного прокурором на основании жалобы заявителей, Европейский Суд отмечает, что оно ограничилось ссылкой на отсутствие признаков состава преступления и упоминанием норм соответствующего закона, без изучения необходимости использования силы против манифестантов (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Каратеpe и другие против Турции», § 32).

46. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

47. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

48. Заявители не представили требований о справедливой компенсации. Соответственно, Европейский Суд полагает, что отсутствуют основания для присуждения им каких-либо сумм.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

- 1) *признал* жалобу приемлемой;
- 2) *постановил*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;
- 3) *постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

Совершено на французском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 23 февраля 2010 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Ф. Тюлькенс
Председатель Палаты Суда

С. Долле
Секретарь Секции Суда

БИЧИДЖИ ПРОТИВ ТУРЦИИ¹
(Biçici v. Turkey)

Жалоба № 30357/05

Постановление Суда

Страсбург, 27 мая 2010 г.

По делу «Бичиджи против Турции» Европейский Суд по правам человека (Вторая Секция), заседая Палатой в составе:

Ф. Тюлькенс (F. Tulkens), *Председателя Палаты*,

И.К. Баррето (I.C. Barreto),

Д. Йочиене (D. Jočienė),

Д. Поповича (D. Popovic),

Н. Цоцория (N. Tsotsoria),

И. Каракаш (I. Karakaş),

К. Пардалоса (K. Pardalos), *судей*,

а также при участии С. Долле (S. Dollé), *Секретаря Секции Суда*,

заседа за закрытыми дверями 4 мая 2010 г., вынес в указанный день следующее Постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 30357/05, поданной против Республики Турция в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) турецкой гражданкой г-жой Кираз Бичиджи (далее — заявительница) 6 августа 2005 г.

2. Интересы заявительницы представляла г-жа К. Дору, адвокат, практикующая в г. Стамбуле. Власти Турции были представлены их агентом.

3. Заявительница утверждала, что сотрудники полиции применили избыточную силу, чтобы разогнать участников пресс-конференции, а также допустили жестокое обращение с ней во время задержания, тем самым нарушив ее права, предусмотренные статьей 3, пунктом 1 статьи 6, статьями 11 и 13 Конвенции.

4. 4 марта 2009 г. Председатель Второй Секции коммуницировала жалобу властям Турции. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвен-

¹ Перевод выполнен АНО «ЮРИКС».

ции было также решено рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница родилась в 1955 г. и проживает в г. Стамбуле.

А. Задержание заявительницы и предполагаемое жестокое обращение с ней со стороны полиции во время демонстрации в г. Стамбуле

6. 29 октября 2003 г., пытаясь принять участие в демонстрации в форме «пресс-конференции», которая проводилась на улице Истикляль района Бейолу г. Стамбула, заявительница вместе с 50–60 другими участниками была задержана сотрудниками полиции примерно в 16 часов 10 минут. Заявительница утверждала, что сотрудники полиции применили избыточную силу, чтобы рассеять толпу и задержать демонстрантов, тогда как власти Турции утверждали, что демонстранты сопротивлялись полиции и отказывались разойтись.

7. После задержания заявительница была направлена в больницу для медицинского освидетельствования. Врач, который осматривал ее, указал, что на теле заявительницы отсутствуют признаки травм. Врач отметил, однако, что заявительница жаловалась на боль в правом плече.

8. В тот же день, в 19 часов 30 минут, заявительница была допрошена прокурором Бейолу. Она сообщила прокурору, что подверглась жестокому обращению со стороны полиции, которая применила избыточную силу при ее задержании. Она утверждала, что присутствовала на митинге, организованном группой «Инициатива мирных матерей», в качестве председателя Стамбульской ассоциации прав человека, и что она была беспричинно задержана полицией. Заявительница утверждала, что лишь осуществляла свои законные права и не нарушала Закон о митингах и демонстрациях (Закон № 2911).

9. Заявительница была освобождена из полиции в тот же день, после допроса прокурором Бейолу.

В. Уголовное дело против сотрудников полиции

10. 6 ноября 2003 г. заявительница подала жалобу прокурору на сотрудников полиции, которые участвовали в происшествии и задержали ее. Она жаловалась, в частности, на незаконность задержания и избыточное применение силы полицией во время ее задержания.

11. В тот же день заявительница была направлена прокурором Бейолу в Стамбульское отделение Института судебной медицины. Врач, осматривавший заявительницу, отметил кровоподтек размером 2×6 см на задней поверхности ее левой ноги и заключил, что травма повлекла нетрудоспособность заявительницы продолжительностью пять дней. Кроме того, врач отметил, что заявительница страдала от боли в правом плече и правой руке.

12. 12 ноября 2004 г. прокурор Бейолу принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела против сотрудников полиции, которые несли службу на пресс-конференции 29 октября 2003 г. Со ссылкой на рапорт о происшествии, представленный сотрудниками полиции, прокурор отметил, что, несмотря на предупреждения полиции, демонстранты, которые незаконно собрались без получения разрешения и нарушили общественный порядок, блокировав пешеходную зону и трамвайные пути, отказались разойтись, и полиция в связи с этим была вынуждена использовать определенную степень силы, чтобы рассеять их и восстановить общественный порядок. Прокурор считал, что применение силы органами полиции соответствовало статье 24 Закона о митингах и демонстрациях и при обстоятельствах дела было оправданным. По мнению прокурора, травмы заявительницы были результатом адекватного применения силы, которое не являлось жестоким обращением или превышением полномочий.

13. 23 декабря 2004 г. заявительница подала в суд¹ г. Стамбула жалобу на вышеупомянутое решение прокурора. Она утверждала, что 29 октября 2003 г. сотрудники полиции избили ее при задержании, причинив травмы, повлекшие нетрудоспособность продолжительностью пять дней, что подтверждалось медицинским заключением больницы. Кроме того, она утверждала, что участники не блокировали трамвайные пути или движение пешеходов. Таким образом, заявительница просила суд обязать органы прокуратуры возбудить уголовное дело против сотрудников полиции.

14. 30 декабря 2004 г., рассмотрев материалы дела и основания, приведенные прокурором Бейолу, суд г. Стамбула отклонил жалобу заявительницы.

15. Решение суда г. Стамбула была вручено заявительнице 16 февраля 2005 г.

С. Уголовное дело в отношении заявительницы

16. Тем временем, 7 ноября 2003 г., прокурор Бейолу предъявил обвинения 13 демонстрантам, включая заявительницу, в связи с нару-

¹ В оригинале — суд ассизов (*прим. переводчика*).

шением Закона о митингах и демонстрациях. В своей защитительной речи в суде заявительница утверждала, что, участвуя в демонстрации, она лишь осуществляла свои демократические права.

17. Приговором от 19 декабря 2006 г. суд Бейолу оправдал заявительницу и ее соподсудимых по вышеупомянутому обвинению. Суд постановил:

«[Утверждалось], что подсудимая нарушила Закон о митингах и демонстрациях в день происшествия. Принимая во внимание материалы дела, отсутствуют убедительные доказательства, свидетельствующие с достаточной определенностью о том, что подсудимая совершила вменяемое ей преступление. Из рапорта о происшествии следует, что силы безопасности приняли меры после получения разведывательного донесения о том, что ассоциации “Инициатива мирных матерей”, “Гёк-Дер”, “Туад” и “Якай-Дер” должны были провести демонстрацию у почтового отделения района Галатасарай. После сбора группы (демонстрантов) председатель ассоциации “Якай-Дер” сообщил, что они устроят сидячую демонстрацию перед галатасарайским почтовым отделением. После предупреждения полиции [о незаконности собрания] демонстранты сообщили полиции, что сделают сообщение для прессы, а затем разойдутся. Однако наряды полиции не освободили группу, продолжая держать ее в кольце; затем они произвели задержание, не дав надлежащего предупреждения, которое могло быть услышано каждым (не представлено доказательств, подкрепляющих утверждение о том, что предупреждение было сделано). По этим основаниям не было представлено доказательств, подтверждающих, что подсудимые совершили вменяемое им преступление в нарушение указанного закона, и что [их действия] вышли за рамки осуществления их демократических прав. Поэтому он полагает, что действия подсудимых представляли собой лишь осуществление их демократических прав [на свободу собраний]. [Подсудимые], таким образом, должны быть оправданы по предъявленным обвинениям...».

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

18. Применимое национальное законодательство изложено в Постановлении Европейского Суда от 18 декабря 2007 г. по делу «Нуреттин Альдемир и другие против Турции» (Nurettin Aldemir and Others v. Turkey) (жалобы №№ 32124/02, 32126/02, 32129/02, 32132/02, 32133/02, 32137/02 и 32138/02, §§ 20–23).

ПРАВО

І. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ ТУРЦИИ

19. Власти Турции утверждали, что заявительница не выполнила требования пункта 1 статьи 35 Конвенции, поскольку она не исчерпала все доступные внутренние меры правовой защиты в отношении ее жалоб и не подала жалобу в Европейский Суд в течение шестимесячного срока. По мнению властей Турции, заявительница могла воспользоваться средствами правовой защиты, предусмотренными гражданским и административным правом, в отношении ее жалоб на жестокое обращение. Кроме того, ей следовало обратиться с жалобой на основании статьи 11 Конвенции в национальные органы. Кроме того, она была обязана подать жалобу в течение шести месяцев после предполагаемого жестокого обращения.

20. Власти Турции также утверждали, что заявительница более не могла утверждать, что является жертвой нарушения статей 3 и 11 Конвенции, поскольку она не подвергалась жестокому обращению и была оправдана по обвинениям, выдвинутым против нее.

21. Заявительница поддержала свою жалобу.

22. Что касается ссылки властей Турции на гражданские и административные средства правовой защиты, Европейский Суд напоминает, что уже рассмотрел и отклонил аналогичные предварительные возражения в иных делах (см., в частности, Постановление Европейского Суда от 18 сентября 2008 г. по делу «Аталай против Турции» (*Atalay v. Turkey*), жалоба № 1249/03, § 28, и иные дела, процитированные в нем). Европейский Суд подтверждает свои предыдущие выводы о том, что средства правовой защиты, на которые ссылались власти Турции, не могут рассматриваться как достаточные, если речь идет об обязательствах государства-участника на основании статьи 3 Конвенции, поскольку их целью является возмещение ущерба, а не установление и наказание виновных лиц. Европейский Суд не усматривает в настоящем деле особых обстоятельств, которые требовали бы отхода от его установившейся прецедентной практики. Таким образом, он отклоняет предварительные возражения властей Турции в отношении административных и гражданских средств правовой защиты.

23. Что касается предполагаемого непредъявления жалобы на основании статьи 11 Конвенции в национальные органы, по мнению Европейского Суда, можно считать, что заявительница по существу подала эту жалобу во время допроса прокурором и разбирательства в суде первой инстанции Бейолу, когда она ссылалась на осуществление

своих законных демократических прав (см. §§ 8 и 16 настоящего Постановления).

24. Что касается предполагаемого несоблюдения заявительницей шестимесячного срока в отношении ее жалобы на жестокое обращение, Европейский Суд напоминает, что если заявитель имеет право на вручение письменной копии окончательного национального решения, предмету и цели пункта 1 статьи 35 Конвенции в наибольшей степени отвечает исчисление шестимесячного срока с даты вручения решения в письменной форме (см. Постановление Европейского Суда от 29 августа 1997 г. по делу «Ворм против Австрии» (*Worm v. Austria*), § 33, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-V). В настоящем деле окончательное национальное решение в отношении утверждений о жестоким обращении было вручено заявительнице 16 февраля 2005 г., и жалоба была подана в Европейский Суд 6 августа 2005 г.; эта дата явно находится в пределах шестимесячного срока. Соответственно, данное возражение также подлежит отклонению.

25. Что касается возражения о предполагаемом отсутствии у заявительницы статуса жертвы, Европейский Суд полагает, что оно затрагивает вопрос, тесно связанный с существом жалоб на основании статей 3 и 11 Конвенции. Таким образом, он исследует предварительное возражение властей Турции при рассмотрении жалобы по существу (см. Постановление Европейского Суда от 3 мая 2007 г. по делу «Бачковский и другие против Польши» (*Bączkowski and Others v. Poland*), жалоба № 1543/06, §§ 45–48).

26. С учетом вышеизложенного Европейский Суд отмечает, что жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3, 6 И 13 КОНВЕНЦИИ

27. Заявительница жаловалась, что во время задержания она была подвергнута жестокому обращению, и что национальные власти не провели эффективное расследование ее жалоб в нарушение статей 3, 6 и 13 Конвенции.

Статья 3 Конвенции предусматривает:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Пункт 1 статьи 6 Конвенции в соответствующей части предусматривает следующее:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Статья 13 Конвенции предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в... Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

28. Власти Турции отметили, что заявительница не представила конкретных доказательств, способных подтвердить, что она была подвергнута жестокому обращению, как она утверждала. По их мнению, сила, примененная сотрудниками полиции в отношении демонстрантов, была соразмерна преследуемой цели.

А. Предполагаемое жестокое обращение в отношении заявительницы

29. Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократических обществ; она не содержит исключений, и недопустимо отступление от ее положений в соответствии с пунктом 2 статьи 15 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты по делу «Сельмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба № 25803/94, § 95, *ECHR* 1999-V; и Постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 г. по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), § 93, *Reports* 1998-VIII).

30. Европейский Суд напоминает, что утверждения о жестокое обращении должны быть подкреплены достаточными доказательствами. При оценке доказательств он обычно применяет стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения» (см. Постановление Европейского Суда от 18 января 1978 г. по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*), Серия A, № 25, § 161). Однако такое доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных неопровергнутых фактических презумпций (см. Постановление Большой Палаты по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, § 121, *ECHR* 2000-IV). Более того, если жалобы основаны на статьях 2 или 3 Конвенции, Европейский Суд обязан проводить

особенно тщательную проверку (см. Постановление Европейского Суда от 4 декабря 1995 г. по делу «Рибич против Австрии» (*Ribitsch v. Austria*), § 32, Серия А, № 336).

31. Европейский Суд отмечает, что после задержания 29 октября 2003 г. заявительница прошла медицинское освидетельствование, которое не выявило следов жестокого обращения на ее теле. Однако в тот же день, когда ее доставили в прокуратуру Бейолу, она заявила, что была подвергнута жестокому обращению полицией во время задержания, и подала официальную жалобу на сотрудников полиции, участвовавших в происшествии (см. §§ 7 и 8 настоящего Постановления).

32. 6 ноября 2003 г., спустя восемь дней после освобождения, заявительница подала другую официальную жалобу прокурору Бейолу на сотрудников полиции, которые предположительно применили избыточную силу или допустили иное жестокое обращение в отношении нее во время задержания 29 октября 2003 г. Прокурор, в свою очередь, направил заявительницу в Стамбульское отделение Института судебной медицины, где медицинский эксперт, осмотревший ее, отметил кровоподтек размером 2 × 6 см на задней поверхности ее левой ноги, влекущий нетрудоспособность продолжительностью пять дней (см. §§ 10 и 11 настоящего Постановления).

33. Европейский Суд отмечает, что, хотя указанное медицинское заключение было составлено спустя восемь дней после освобождения заявительницы из полиции, прокурор принял его в качестве доказательства утверждений заявительницы и не ставил под сомнение причинную связь между кровоподтеком, указанным в заключении, и предполагаемым жестоким обращением. Также прокурор не ссыался на различие между двумя медицинскими заключениями.

34. При данных обстоятельствах Европейский Суд полагает, что медицинское заключение, составленное 6 ноября 2003 г., представляет имеющим доказательственную ценность и, соответственно, может использоваться как доказательство для целей рассмотрения жалоб заявительницы на основании статьи 3 Конвенции. В связи с этим он полагает, что на власти Турции возлагается обязанность продемонстрировать с помощью убедительных доводов, что применение силы не было избыточным.

35. Таким образом, Европейский Суд отмечает, что суд Бейолу установил, что полиция была проинформирована о планируемой демонстрации и приняла необходимые меры на месте происшествия (см. § 17 настоящего Постановления). При конкретных обстоятельствах настоящего дела нельзя сказать, что полиция была вынуждена действовать без предварительной подготовки (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ребок против Словении» (*Rehbock v. Slovenia*), жалоба № 29462/95, § 72, *ECHR* 2000-XII). Следовательно, от нее можно

было ожидать проявления определенной степени терпения и толерантности до принятия мер по рассеянию толпы, которая не представляла угрозы общественному порядку и не участвовала в актах насилия.

36. В этой связи Европейский Суд учитывает приговор суда Бейолу, которым установлено, что сотрудники полиции приступили к задержанию демонстрантов без надлежащего предупреждения (§ 17 настоящего Постановления). Соответственно, представляется, что резкая реакция полиции на мирное собрание демонстрантов привела к хаосу, и последующее избыточное применение силы сотрудниками полиции повлекло причинение травм некоторым демонстрантам, включая заявительницу.

37. В свете указанных обстоятельств Европейский Суд полагает, что власти Турции не представили убедительных или заслуживающих доверия доводов, которые позволяли бы объяснить или оправдать степень силы, примененной против заявительницы, чьи травмы были подтверждены медицинским заключением. В результате он приходит к выводу, что травмы, полученные заявительницей, были вызваны обращением, за которое несет ответственность государство.

38. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

В. Предполагаемое уклонение от проведения эффективного расследования

39. Европейский Суд напоминает, что статья 3 Конвенции также требует от властей проведения расследования утверждений о жестоком обращении, если они «доказуемы» и «вызывают разумное подозрение» (см., в частности, Постановление Европейского Суда от 22 марта 2005 г. по делу «Ай против Турции» (*Ay v. Turkey*), жалоба № 30951/96, §§ 59–60). Минимальные стандарты эффективности в соответствии с прецедентными нормами Европейского Суда включают требования того, чтобы расследование было независимым, беспристрастным и открытым для общественного контроля. Более того, компетентные органы должны действовать с образцовой тщательностью и быстротой (см., например, Постановление Европейского Суда от 26 октября 2004 г. по делу «Челик и Имрет против Турции» (*Çelik and Ýmret v. Turkey*), жалоба № 44093/98, § 55). Кроме того, Европейский Суд напоминает, что права, провозглашенные в Конвенции, являются практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными. Таким образом, в подобных делах эффективное расследование должно быть способно привести к установлению и наказанию виновных лиц (см. Постановление Европейского Суда

от 3 июня 2008 г. по делу «Орхан Кур против Турции» (Orhan Kur v. Turkey), жалоба № 32577/02, § 46).

40. Европейский Суд выше пришел к выводу, что государство-ответчик несло ответственность на основании статьи 3 Конвенции за травмы, причиненные заявительнице. Следовательно, требовалось эффективное расследование.

41. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что расследование утверждений заявительницы было инициировано прокуратурой Бейолу (см. §§ 10–12 настоящего Постановления). Расследование завершилось 30 декабря 2004 г., когда суд первой инстанции оставил без изменения решение прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции в связи с жестоким обращением. Европейский Суд, исследовав документы, содержащиеся в деле, полагает, что расследование, проводимое прокурором, сопровождалось серьезными упущениями, которые повлияли на его эффективность.

42. Во-первых, представляется, что в ходе расследования прокурор не пытался получить показания сотрудников полиции, против которых были выдвинуты обвинения. Напротив, он полагался исключительно на рапорт о происшествии, подготовленный сотрудниками полиции, делая вывод, что сила, примененная ими, была соразмерной. Во-вторых, Европейский Суд подчеркивает, что отсутствовали серьезные попытки со стороны прокурора установить личности сотрудников полиции, несших службу. В этом отношении представляется, что заявительнице никогда не предлагалось идентифицировать сотрудников полиции, которые, как она утверждала, допустили в отношении нее жестокое обращение, путем просмотра полицейских фотографий или проведения опознания. В-третьих, Европейский Суд обращает внимание, что прокурор также не получил показания потенциальных очевидцев, таких как лиц, задержанных вместе с заявительницей в день событий.

43. С учетом изложенного Европейский Суд полагает, что национальные власти не провели эффективного и независимого расследования утверждений заявительницы о жестоким обращении.

44. Соответственно, имело место процессуальное нарушение статьи 3 Конвенции.

45. Учитывая вышеизложенные факторы и соображения, Европейский Суд отклоняет возражение властей Турции об отсутствии у заявительницы статуса жертвы (см. § 25 настоящего Постановления).

46. В данных обстоятельствах Европейский Суд приходит к выводу, что отдельные вопросы с точки зрения статей 6 и 13 Конвенции не возникают (см. Постановление Европейского Суда от 7 октября 2008 г. по делу «Сая и другие против Турции» (Saya and Others v. Turkey), жалоба № 4327/02, § 30).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

47. Заявительница утверждала, что вмешательство полиции в митинг представляло собой нарушение ее права на свободу собраний, защищаемую статьей 11 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...».

1. Имело ли место вмешательство в право на свободу мирных собраний

48. Власти Турции утверждали, что вмешательство в права заявительницы, гарантированные статьей 11 Конвенции, отсутствовало.

49. Европейский Суд полагает, что вмешательство полиции, которое привело к последующему задержанию заявительницы за участие в митинге, само по себе являлось вмешательством в права заявительницы, гарантированные статьей 11 Конвенции.

2. Являлось ли вмешательство оправданным

50. Власти Турции утверждали, что рассматриваемый митинг был организован незаконно. Они отметили, что пункт 2 статьи 11 Конвенции устанавливает ограничения свободы мирных собраний с целью предотвращения беспорядков.

51. Европейский Суд напоминает, что вмешательство представляет собой нарушение статьи 11 Конвенции, кроме случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует одну или более законных целей, предусмотренных пунктом 2 статьи 11 Конвенции, и «необходимо в демократическом обществе» для достижения указанных целей.

52. В этой связи следует отметить, что вмешательство в настоящем деле имело правовую основу, которой являлась статья 22 Закона о митингах и демонстрациях, и было поэтому «предусмотрено законом» в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции. Что касается законной цели, власти Турции утверждали, что вмешательство преследовало законную цель предотвращения публичных беспорядков, и Европейский Суд не усматривает оснований не согласиться с этим.

53. Возвращаясь к вопросу о том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе», Европейский Суд обращает вни-

мание, во-первых, на основные принципы, сформулированные в его постановлениях по статье 11 Конвенции (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Джавит Ан против Турции» (Djavit An v. Turkey), жалоба №20652/92, §§ 56—57, *ECtHR* 2003-III; от 21 июня 1988 г. «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (Plattform “Ärzte für das Leben» v. Austria), § 32, Серия А, № 139). Из данной прецедентной практики следует, что власти обязаны принимать надлежащие меры в отношении законных демонстраций в целях обеспечения их мирного проведения и безопасности всех граждан (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Балчык и другие против Турции», § 46¹, и Постановление Европейского Суда по делу «Ойа Атаман против Турции» (Oya Ataman v. Turkey), жалоба № 74552/01, § 35, *ECtHR* 2006-XIII).

54. Европейский Суд отмечает, что государства обязаны не только гарантировать право мирных собраний, но также и воздерживаться от применения необоснованных косвенных ограничений этого права. Наконец, он полагает, что хотя основной целью статьи 11 Конвенции является защита личности против произвольного вмешательства публичных властей в осуществление защищаемых прав, в дополнение могут возлагаться позитивные обязательства по обеспечению эффективного использования указанных прав (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам: «Джавит Ан против Турции», § 57; «Ойа Атаман против Турции», § 36; «Балчык и другие против Турции», § 47).

55. В настоящем деле сотрудники полиции задержали заявительницу с рядом других лиц, принимавших участие в демонстрации, на основании того, что она нарушила Закон о митингах и демонстрациях. Однако принимая во внимание выводы суда Бейолу, Европейский Суд отмечает, что заявительница и иные участники демонстрации, вопреки утверждениям властей Турции, не нарушали данный закон (см. § 17 настоящего Постановления). Суд первой инстанции постановил, что, хотя участники собрались в общественном месте, чтобы сделать сообщение для прессы по вопросам, представляющим всеобщий интерес, сотрудники полиции остановили их, взяли в кольцо и с применением силы рассеяли группу без предварительного предупреждения (там же). Он счел, что действия демонстрантов, включая заявительницу, должны рассматриваться как осуществление их демократического права на свободу собраний, и поэтому оправдал их.

¹ Постановление Европейского Суда от 29 ноября 2007 г. по делу «Балчык и другие против Турции» (Balçık and Others v. Turkey), жалоба № 25/02, в тексте настоящего Постановления упоминается впервые (*прим. переводчика*).

56. Также из приговора суда Бейолу следует, что группа не представляла угрозы общественному порядку и не совершала насильственных действий. В этой связи Европейский Суд напоминает свои предыдущие выводы, согласно которым публичным органам необходимо демонстрировать определенную степень терпимости в отношении мирных собраний, если демонстранты не совершают насильственных действий, чтобы свобода мирных собраний, гарантированная статьей 11 Конвенции, не была полностью лишена своего существа (см. Постановление Европейского Суда от 18 декабря 2007 г. по делу «Нуреттин Альдемир и другие против Турции» (Nurettin Aldemir and Others v. Turkey), жалобы №№ 32124/02, 32126/02, 32129/02, 32132/02, 32133/02, 32137/02 и 32138/02, § 46).

57. С учетом вышеизложенного Европейский Суд соглашается с выводами, приведенными национальными судами, и полагает, что в обстоятельствах настоящего дела насильственное вмешательство сотрудников полиции было несоразмерным и не было необходимым для предотвращения беспорядков в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции.

58. Соответственно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

59. В связи с вышеизложенным Европейский Суд вновь отклоняет возражение властей Турции об отсутствии у заявительницы статуса жертвы нарушения Конвенции (см. § 25 настоящего Постановления).

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

60. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

61. Заявительница требовала 10 000 евро в качестве компенсации материального ущерба и 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

62. Власти Турции подчеркивали, что указанные требования были чрезмерными и неоправданными.

63. Европейский Суд не усматривает причинной связи между установленным нарушением и предполагаемым материальным ущербом; таким образом, он отклоняет данное требование. Однако, учитывая

установление нарушений статей 3 и 11 Конвенции, он полагает, что заявительницу можно считать претерпевшей определенные переживания. Осуществляя оценку на справедливой основе, как того требует статья 41 Конвенции, Европейский Суд присуждает заявительнице 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В. Судебные расходы и издержки

64. Заявительница также требовала 4 500 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных в Европейском Суде.

65. Власти Турции утверждали, что требуемая сумма была необоснованной.

66. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что заявительница лишь сослалась на шкалу гонимых Стамбульской ассоциации адвокатов в отношении своих требований о возмещении расходов на представителя, не представив каких-либо подтверждающих документов. Европейский Суд, таким образом, не присуждает каких-либо сумм по данному основанию (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Балчык и другие против Турции», § 65).

С. Процентная ставка при просрочке платежей

67. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Европейский Суд:

- 1) *признал* единогласно жалобу приемлемой;
- 2) *постановил* четырьмя голосами «за» и тремя — «против», что по делу допущено нарушение статьи 3 Конвенции в материально-правовом аспекте;
- 3) *постановил* единогласно, что по делу допущено процессуальное нарушение статьи 3 Конвенции;
- 4) *постановил* единогласно, что по делу допущено нарушение статьи 11 Конвенции;
- 5) *постановил* единогласно, что отсутствует необходимость рассмотрения жалобы на основании статей 6 и 13 Конвенции;
- 6) *постановил* четырьмя голосами «за» и тремя — «против», что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявительнице 20 000 евро (двадцать тысяч евро), а также любые налоги, начисляемые на указанную сумму, в качестве компенсации материального и морального вреда¹, подлежащие переводу в турецкие лиры по курсу, который будет установлен на день выплаты;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

7) *отклонил* единогласно оставшуюся часть требований заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 27 мая 2010 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Ф. Тюлькенс
Председатель Палаты Суда

С. Долле
Секретарь Секции Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда к Постановлению прилагается особое мнение судей Д. Йочиене, Н. Цоцория и И. Каракаш.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ Д. ЙОЧИЕНЕ, Н. ЦОЦОРИЯ И И. КАРАКАШ

Мы не разделяем мнения большинства судей, согласно которому по настоящему делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в материально-правовом аспекте.

Как указано большинством в § 30 Постановления, утверждения о жестоком обращении должны быть подтверждены достаточными доказательствами. При оценке доказательств Европейский Суд обычно применяет стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения» (см. Постановление Европейского Суда от 18 января 1978 г. по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United*

¹ В соответствии с § 63 Постановления Европейский Суд присудил заявительнице 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда и полностью отклонил требование о возмещении материального ущерба (*прим. переводчика*).

Kingdom), Серия А, № 25, § 161). Однако для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции предполагаемое жестокое обращение должно достигать минимального уровня суровости (там же, § 162).

По нашему мнению, в настоящем деле, прежде всего, доказывание жестокого обращения в отношении заявительницы не строилось на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений (см., например, Постановление Большой Палаты по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), § 121, *ECHR* 2000-IV), и, во-вторых, обращение, которое обжаловала заявительница, не достигало минимального уровня суровости, чтобы попадать в сферу действия статьи 3 Конвенции.

После задержания заявительницы 29 октября 2003 г. она прошла медицинское освидетельствование в больнице (в результате чего были составлены два заключения), которое не выявило следов жестокого обращения на ее теле. Она жаловалась лишь на боль в правом плече. В тот же день она была освобождена из полиции после допроса прокурором.

6 ноября 2003 г., через восемь дней после задержания и освобождения, заявительница прошла дополнительное медицинское освидетельствование. В заключении, составленном в этот раз, указывался «кровоподтек 2 × 6 см на задней поверхности ноги». Хотя медицинские заключения, составленные при ее задержании, не содержали указания на какие-либо следы жестокого обращения, прокурор инициировал проверку, однако решил не возбуждать уголовное дело. Мы полагаем, что заявительница не выдвинула доказуемой жалобы, что касается утверждений о жестоком обращении во время демонстрации.

Даже допуская, что принятие прокурором второго заключения, которое не должно было иметь доказательственной ценности, в целях рассмотрения жалоб заявительницы на жестокое обращение возлагает бремя доказывания на власти Турции, мы полагаем, что в этом деле Европейский Суд забыл применить принцип «минимального уровня суровости». Незначительная травма, полученная заявительницей после демонстрации, — маленький кровоподтек на ноге спустя восемь дней после освобождения — не может быть достаточной для вывода Европейского Суда о нарушении статьи 3 Конвенции в материально-правовом аспекте.

Это объясняет, почему мы также голосовали против суммы, приуроченной Европейским Судом в качестве компенсации морального вреда.

БАРРАКО ПРОТИВ ФРАНЦИИ¹
(Barraco v. France)

Жалоба № 31684/05

Постановление Суда

Страсбург, 5 марта 2009 г.

По делу «Баррако против Франции» Европейский Суд по правам человека (Пятая Секция), заседая Палатой в составе:

П. Лоренсена (P. Lorenzen), *Председателя Палаты*,

Р. Марусте (R. Maruste),

Ж.-П. Коста (J.-P. Kosta),

К. Юнгвирта (K. Jungwiert),

Р. Егер (R. Jaeger),

И. Берро-Лефевр (I. Berro-Lefevre),

М. Лазарова Трайковской (M. Lazarowa Trajkovska), *судей*,

а также К. Вестердаик (K. Westerdaik), *Секретаря Секции Суда*,

проведя 10 февраля 2009 г. закрытое заседание, вынес следующее Постановление, принятое в этот же день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы № 31684/05, поданной 30 августа 2005 г. против Французской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) Аленом Баррако (далее — заявитель), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция).

2. Заявитель пожелал участвовать в разбирательстве и назначил своим представителем Е. Дельгадо, лионского адвоката Государственного совета и Кассационного суда. Французское правительство (далее — Правительство) было представлено Е. Белиар, директором по правовым вопросам Министерства иностранных дел.

3. Заявитель обжаловал, в частности, нарушение его права на свободу выражения мнения в сочетании со свободой собраний и объединений, гарантированных статьями 10 и 11 Конвенции.

4. 4 декабря 2007 г. Европейский Суд принял решение поставить Правительство в известность о поданной жалобе. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции Европейский Суд решил рассмо-

¹ Перевод с французского выполнен Натальей Звягиной.

треть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1957 г. и проживает в г. Монтшале.

6. Он работает водителем грузовика.

7. 25 ноября 2002 г. заявитель участвовал в акции «Улитка» в рамках проведения Дня национальной забастовки, организованной по призыву межотраслевого профсоюза работников транспорта. Профсоюз заранее, 15 ноября 2002 г., призвал «сотрудников компаний, осуществляющих пассажирские перевозки, подать уведомление о забастовке в своих компаниях на 18 ноября, утро понедельника, а также заранее подготовить возможные акции на 25 ноября 2002 г. с выполнением установленных законом сроков». В этот день 17 водителей, в том числе и заявитель, под девизом профсоюза организовали на автомагистрали А46 так называемую «Улитку». В течение шести часов колонна автомобилей на низкой скорости курсировала по маршруту между Шассна-Роне и Вильфранш-на-Саоне, занимая несколько полос и снижая интенсивность движения других транспортных средств.

8. В первой половине дня полиция зафиксировала, что три автомашины во главе колонны были остановлены и перекрыли дорогу для остальных водителей. Они задержали трех водителей, в том числе и заявителя, в 11 часов 10 минут.

9. Заявитель и два других водителя предстали перед Лионским судом высшей инстанции за то, что они препятствовали движению на общедоступной дороге 25 ноября 2002 г, объективно мешая движению машин, используя или пытаясь использовать для этого любые средства, а также останавливали несколько раз свои автомобили.

10. Решением от 13 ноября 2003 г. суд освободил заявителя от уголовного преследования.

11. Суд определил, во-первых, что в соответствии со статьей 122-4 Уголовного кодекса лицо, совершающее действие, организованное по закону, не несет уголовной ответственности. А также суд установил, что разрешение на подобную акцию у лица может быть подразумеваемым, вследствие чего лицо не подпадает под уголовное преследование.

12. Во-вторых, суд полагает, что в данном случае предполагаемое преступление заключалось в препятствовании свободному перемещению людей и товаров на общественной дороге. Обвиняемые утверждали при этом, что их действия были обусловлены реализацией двух других основополагающих прав и свобод, а именно права на забастов-

ку и права на свободу собраний, гарантированных национальным законодательством и Конституцией. После этого суд сделал вывод о том, что в демократическом обществе необходимо найти хрупкий баланс между эффективной реализацией прав и защитой законных интересов различных лиц таким образом, чтобы в равной степени обеспечить законность и уважение человеческого достоинства сторон. Учитывая данные обстоятельства, суд отметил также, что подсудимые, водители грузовиков, участвовали в этот день в акции, инициированной профсоюзом, что они не стояли, а двигались по дороге на малой скорости, в результате чего возникли определенные неудобства для других участников дорожного движения. Кроме того, обвиняемые оспаривали свою полную ответственность за блокирование дороги. Сотрудники полиции, производившие задержание, также отметили, что три автомобиля в начале колонны останавливались несколько раз по предупреждению и требованию полиции, а г-н Баррако вел переговоры с инспектором полиции о том, чтобы пропустить легковой транспорт и полицейские машины. Таким образом, на основании представленных материалов суд не может с уверенностью утверждать, что блокада движения была вызвана умышленно и по вине действий обвиняемого.

13. Суд счел, что даже если частичное временное неудобство может показаться на первый взгляд содержащим состав преступления, выражающегося в воспрепятствовании движению, фактом остается то, что помеха в основном была связана с низкой скоростью перемещения кортежа и, в меньшей степени, с его остановками. Этот дискомфорт, в принципе, не нарушает фундаментально свободное передвижение по государственной дороге людей и грузов и может быть сбалансирован с другими охраняемыми законом интересами, как в данном случае, например, правом на забастовку. В такой ситуации не было полной блокады движения, а возникший терпимый дискомфорт существовал в течение примерно двух часов на относительно короткой дистанции. Суд делает вывод о том, что применяемый в данном случае закон и представленные доказательства дают основания для освобождения водителей от уголовного преследования.

14. Прокуратура обжаловала решение суда от 13 ноября 2003 г.

15. Решением от 27 мая 2004 г. апелляционный суд отменил результаты судебного разбирательства в г. Лионе.

16. По его мнению, прежде всего сам факт добровольного направления транспортных средств на шоссе, открытое для общего пользования, ради поездки на очень низкой скорости (около 10 км/ч) с единственной целью — замедлить передвижение других машин и препятствовать движению на нормальной скорости — что признается подсудимыми, — должно расцениваться как намеренное препятствование движению транспорта и наказываться в соответствии со статьей

Л. 412-1 Дорожного кодекса и Правил дорожного движения. Суд расценил также как малозначительный факт то, что движение по левой полосе в некоторые моменты оставалось открытым, поскольку для реализации намерений подсудимых, по их собственному признанию, было достаточно вызвать «замедление», что и стало причиной неудобств для других водителей.

17. Кроме того, суд отметил, что из материалов дела следует, что акция, проводимая тремя подсудимыми, вызвала препятствование движению и привела к его полной остановке из-за неоднократных остановок автомобилей, задержанных на шоссе, и что сотрудники полиции сообщили о своей роли в этом следующим образом:

«Констатируем, что три автомашины во главе колонны... останавливались на дороге, намеренно полностью блокируя дорожное движение. Водителей неоднократно предупреждали о запрете остановок на шоссе и возможных санкциях за препятствование движению...».

18. Апелляционный суд постановил, что ответчики намеренно препятствовали прохождению транспортных средств с целью помешать их перемещению, разместив свои машины на всех полосах движения и останавливая их на некоторых участках, и признал их виновными в совершении преступления.

19. Апелляционный суд постановил, что совершение уголовного преступления не может быть оправдано забастовкой или демонстрацией на дороге общего пользования, которые являются средством реализации права на свободу собраний и на которые распространяются декларируемые обязательства.

20. Апелляционный суд признал заявителя и других обвиняемых виновными в совершении преступления и приговорил каждого к трем месяцам условного тюремного заключения и штрафу в 1 500 евро.

21. В решении от 8 марта 2005 г. Кассационный суд отклонил апелляцию заявителя и одного из его коллег.

22. Заявитель жаловался, в частности, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции и статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции, а также его прав на забастовку и свободу собраний.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

23. Статья Л. 412-1 Дорожного кодекса и Правил дорожного движения гласит:

«Деяние в виде воспрепятствования движению путем размещения или попытки поставить на пути, открытом для общественного движения, объ-

ект, препятствующий прохождению транспортных средств, или путем использования или попытки использования любых иных средств для создания препятствий, карается двумя годами лишения свободы и штрафом в размере 4 500 евро».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

24. Заявитель считает, что решение Апелляционного суда г. Лиона и привлечение его к ответственности за препятствование движению противоречат его правам на свободу выражения мнения, свободу собраний и ассоциаций, гарантированных статьями 10 и 11 Конвенции, соответствующие положения которой гласят:

«Статья 10

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

Статья 11

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...».

A. Приемлемость жалобы

25. Суд приходит к выводу, что данная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции, и что не выявлено других причин для признания ее неприемлемой. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

B. Существо жалобы

26. Европейский Суд в первую очередь обращает внимание, что рассматриваемая манифестация выходит за рамки митингов и шествий, а свобода мысли и свобода выражения мнений отходят на второй план в свете свободы мирных собраний (см. Постановления Европейского

Суда по делам: от 8 марта 2005 г. «Ойа Атаман против Турции» (Oya Ataman v. Turkey) жалоба № 74552/01; от 17 октября 1985 г. «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (Plattform “Ärzte Für Das Leben” v. Austria), жалоба № 10126/82, § 65). Таким образом, Суд будет рассматривать эти претензии в соответствии со статьей 11 Конвенции, которая в данном случае является *lex specialis*.

27. Несмотря на свою автономную роль и специфическую сферу применения, статья 11 Конвенции в данном деле должна рассматриваться в свете статьи 10 Конвенции. Защита права на свободу выражения мнений, предусмотренная статьей 10 Конвенции, является одной из целей свободы собраний и объединений, как это закреплено в статье 11 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 г. по делу «Эзелин против Франции» (Ezelin v. France), Серия А, № 202, § 37).

1. Доводы сторон

(a) Правительство

28. Правительство напоминает, что право, гарантированное статьей 11 Конвенции, иногда требует от государства принятия позитивных мер, направленных на возможность реализации этой свободы в мирной обстановке и без ущерба для других прав и свобод граждан.

29. Правительство не оспаривает того, что осуждение заявителя является вмешательством в его право на свободу мирных собраний с момента его задержания и заключения под стражу, которыми завершилось его участие в мероприятии. Вместе с тем оно считает, что такое вмешательство было оправданным.

30. Что касается правовой основы вмешательства, то Правительство отмечает, что заявитель был привлечен к ответственности на основании статьи L. 412-1 Дорожного кодекса и Правил дорожного движения.

31. Кроме того, Правительство утверждает, что оспариваемая мера преследует одну из законных целей, указанных в пункте 2 статьи 11 Конвенции, а именно защиту права на свободу передвижения на дорогах общего пользования и, следовательно, на охрану общественного порядка.

32. Что касается необходимости подобной меры, Правительство считает, что таким образом оно предотвратило возможные последствия для движения, которые могла спровоцировать «Улитка» в понедельник утром, когда, как правило, движение чрезвычайно интенсивно, и часто образуются пробки. Правительство подчеркнуло, что если 50 км шоссе являются небольшим расстоянием в обычных условиях, то это не так

во время проведения акции «Улитка», которая продолжается пять часов на скорости 10 км/час с многочисленными остановками, которые могут спровоцировать более чем 10-часовое нарушение вплоть до полной остановки движения.

33. Правительство подтвердило, что полиция неоднократно напоминала демонстрантам о том, что они не имеют права блокировать три полосы движения, и что они намеренно препятствуют проезду транспортных средств.

34. Правительство напоминает, что право на демонстрации на дорогах общего пользования реализуется в декларативном порядке и регулируется Декретом от 23 октября 1935 г., согласно которому о любой акции на дорогах общего пользования должно быть заявлено в компетентный орган (мэру или префекту), который имеет право наложить запрет, если сочтет, что это мероприятие может нарушить общественный порядок. Правительство также указывает, что за несоблюдение данной нормы предполагается уголовная ответственность, предусмотренная статьей 431-9 Уголовного кодекса.

35. Правительство, ссылаясь на прецедентную практику Европейского Суда (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эзелин против Франции», §§ 41–53), указывает на то, что осуждение истца было пропорционально цели устранения препятствий для других пользователей шоссе.

(b) Заявитель

36. Заявитель оспаривает аргумент Правительства о противопоставлении двух свобод: свободы собраний и свободы передвижения других автомобилистов, — и считает, что необходимо искать баланс между осуществлением этих прав, поскольку, фактически, манифестация на дороге всегда препятствует свободе передвижения.

37. Заявитель также отмечает, что Правительство, обосновывая обвинительный приговор в отношении заявителя, основывалось на предположениях, а не на фактах. Ведь в данном случае не было «более чем 10-часового нарушения в форме полной остановки движения», а имело место лишь снижение приемлемой интенсивности движения, как отметил уголовный суд (п. § 13 настоящего Постановления).

38. Наконец, заявитель напоминает, что данное мероприятие не было запрещено, хотя уведомления о забастовке на национальном уровне были поданы 18 ноября сотрудниками транспортных компаний с целью подготовки к возможным акциям 25 ноября 2002 г., что проведение манифестации стало возможным после провала переговоров на национальном уровне, а также что накануне министр внутренних дел предупредил водителей о недопустимости любых акций блокирования

и объявил, что эскадрильи мобильной жандармерии готовы к реагированию в критических ситуациях. Заявитель полагает, что разрешение было подразумеваемым.

2. Мнение Европейского Суда

39. Не является предметом спора между сторонами то, что осуждение заявителя стало вмешательством со стороны публичных властей в его право на свободу мирных собраний, которая включает в себя свободу выражения мнений. Это вмешательство имело правовую основу, а именно было предписано статьей L 412-1 Дорожного кодекса и Правил дорожного движения в связи с совершением преступления в форме воспрепятствования общественному движению, как это было определено в национальных судах в свете толкования высокой инстанции. Поэтому вмешательство было «предписано законом» по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции. Остается изучить вопрос о том, являлось ли вмешательство преследующим законные цели, и было ли оно необходимо в демократическом обществе.

(a) Законная цель

40. По мнению Европейского Суда, вмешательство преследовало одну из целей, перечисленных в пункте 2 статьи 11 Конвенции, а именно охрану общественного порядка и защиту прав и свобод других лиц.

(b) «Необходимость в демократическом обществе»

41. Европейский Суд отмечает, прежде всего, что право на свободу собраний является одним из основных прав в демократическом обществе и, как право на свободу выражения мнения, является краеугольным камнем демократического общества. Поэтому его не следует толковать ограничительно (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джавит Ан против Турции» (*Djavit An v. Turkey*), жалоба № 20652/92, § 56, *ECtHR* 2003-III). Таким образом, данное право включает как частные встречи, так и совещания, проводимые на государственном уровне, а также акции без передвижения и шествия, которые могут проводить как отдельные лица, так и организации как в качестве участников, так и в качестве организаторов.

42. Свобода мирных собраний, одной из целей которой остаются выражение и защита личных мнений, является объектом ряда исключений, которые всякий раз следует толковать в узком смысле, кроме того, необходимость ограничений должна быть обоснована. При рассмотрении вопроса о том, какое вмешательство в права и свободы,

гарантированные Конвенцией, может считаться «необходимым в демократическом обществе», Договаривающиеся Государства пользуются определенной, но не безграничной свободой оценки. Принятие окончательного решения о совместимости вмешательства с Конвенцией относится к прерогативе Европейского Суда, и оно используется, в частности, при выяснении вопросов о том, отвечает ли вмешательство «насуущим социальным потребностям» и о «пропорциональности преследуемой законной цели» (см. Постановление Европейского Суда от 17 июля 2008 г. по делу «Ашугян против Армении» (*Achouguian v. Armenia*), жалоба № 33268/03, § 89). Требование пропорциональности предполагает определение баланса между императивами целей, указанных в пункте 2 статьи 11 Конвенции, и свободой выражения мнений посредством слова, жеста и даже молчания людей, собравшихся на улицах или в других общественных местах (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эзелин против Франции», § 52).

43. Европейский Суд признает, что любое событие в общественном месте может вызвать определенные помехи в повседневном течении жизни, в том числе срыв перевозок, и, в отсутствие насилия со стороны демонстрантов, важно, чтобы Правительство продемонстрировало определенную терпимость к мирным собраниям с тем, чтобы свобода собраний не была лишена своего смысла и содержания (см. Постановление Европейского Суда по делам «Ашугян против Армении»; «Ойа Атаман против Турции» (*Oya Ataman v. Turkey*), жалоба № 74552/01, § 42, *ECHR* 2006-...).

44. Кроме того, Европейский Суд напоминает, что свобода участия в мирных собраниях имеет такое значение, что человек не может быть подвергнут какому-либо наказанию только за участие в не запрещенном в той или иной степени мероприятии, если человек не совершает при этом каких-либо неправомерных действий (см. Постановление Европейского Суда по делу «Эзелин против Франции», § 53). Европейский Суд также вновь заявляет о том, что очень важно, чтобы ассоциации и другие организаторы демонстраций соотносили свои действия с нормами демократии, акторами которой они, в том числе, являются при необходимом соблюдении действующих правил (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ойа Атаман против Турции», § 38).

45. В данном деле Европейский Суд отмечает, что это событие не было официально заявлено заранее, как это предусмотрено соответствующим законом, что подтверждает Правительство. Европейский Суд напоминает, что такая ситуация сама по себе не оправдывает ограничения свободы собраний (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сиссе против Франции» (*Cisse v. France*), жалоба № 51346/99, § 50, *ECHR* 2002-III), тем более, что в этом году мероприятие получи-

ло широкую известность, и государственные органы имели достаточно полицейских полномочий для вмешательства в целях обеспечения бесперебойного функционирования дороги. В данном случае власти были в состоянии осуществить до начала мероприятия необходимые меры для поддержания общественного порядка и безопасности, в том числе с использованием полицейских сил для охраны и сопровождения. Европейский Суд делает вывод, как и заявитель, что это мероприятие было принято властями по умолчанию или, по меньшей мере, не запрещено, и Суд полагает, что последнее было связано с мирными намерениями манифестантов.

46. Европейский Суд отмечает в этой связи, что заявитель не был осужден только за участие в демонстрации 25 ноября 2002 г., но к нему приняты меры в связи с его конкретными действиями, а именно за блокирование шоссе, в результате чего возникло затруднение, настолько значимое, что не предполагало привычную реализацию права на мирные собрания (см. Постановление Европейского Суда от 6 марта 1989 г. по делу «Г. против Германии» (*G. v. Germany*), жалоба №13079/87, § 256).

47. Если выделить такие элементы дела, как проведение всего мероприятия с 6 до 11 часов, которое привело к частичному затруднению движения, то стоит отметить, что предпринятые затем действия спровоцировали в ряде случаев полное блокирование движения по шоссе из-за добровольных остановок автомобилей во главе кортежа, в том числе автомобиля заявителя. Полная блокада движения выходит за рамки простого неудобства, которое могла бы вызвать любая манифестация на общественных дорогах. Европейский Суд отмечает, что полицейские, обеспечивающие поддержание общественного порядка и безопасности, приступили к задержанию трех демонстрантов для того, чтобы прекратить блокаду, и после того, как они неоднократно предупреждали о запрете останавливаться на шоссе и о наказании, которое может за это последовать. Европейский Суд приходит к выводу о том, что заявитель имел возможность в течение нескольких часов реализовать свое право на свободу мирных собраний, и власти продемонстрировали достаточно толерантности, необходимой в отношении таких мероприятий (см. Постановление Европейского Суда от 7 октября 2008 г. по делу «Эва Мольнар против Венгрии» (*Éva Molnár v. Hungary*), жалоба № 10346/05, § 43).

48. В этих обстоятельствах, когда при выборе конкретной формы проведения мероприятия необходимо обеспечить баланс между интересами общества по поддержанию и охране порядка и интересами заявителя, а также других участников акции, с учетом полномочий, предоставленных государствам в данном случае (см. Постановление Европейского Суда по делу «Платформа “Врачи за жизнь” против

Австрии» от 21 июня 1988 г., Серия А, № 139, § 34), наложенное на заявителя наказание не является непропорциональным (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Г. против Германии»).

49. Таким образом, не имело места нарушение статьи 11 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

50. Заявитель жаловался, что он не имел возможности осуществления справедливого судебного разбирательства, поскольку имело место искажение фактов со стороны судов и отсутствие достаточной мотивированности в решениях. Кроме того, он считает, что при отсутствии некоторых доказательств в отношении него была нарушена презумпция невиновности. Заявитель ссылается на пункты 1 и 2 статьи 6 Конвенции, гласящей в соответствующих частях:

«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком».

51. Европейский Суд напоминает, что его деятельность не предусматривает обжалование решений национальных судов, а также устранение ошибок в установлении фактов или применении норм права, якобы совершенных в судах; и что, как правило, именно национальные суды должны оценивать предоставляемые ему доказательства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гарсия Руис против Испании» (*Garcia Ruiz v. Spain*), жалоба № 30544/96, § 28, *ECtHR 1999-I*), а также, что национальные суды располагают наилучшими возможностями и поэтому обязаны всесторонне оценивать предоставляемые им доказательства (см. Постановление Европейского Суда от 24 октя-

бря 1979 г. по делу «Винтеверп против Нидерландов» (Winterwerp v. Netherlands), Серия А, № 33, § 40).

52. В данном деле, по мнению Европейского Суда, национальный суд применил процедуру, при которой было возможно рассмотрение доказательств. Заявитель имел возможность оспорить утверждения стороны обвинения и внести все замечания и аргументы, которые он считал необходимыми. Заявитель был осужден на основании свидетельств, которые судьи сочли достаточными для установления его вины. Кроме того, Европейский Суд не выявил в этом случае произвола при проведении судебного разбирательства.

53. Из изложенного следует, что жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

- 1) *признал* жалобу приемлемой в части рассмотрения ее в свете статьи 11 Конвенции и неприемлемой по всем остальным статьям;
- 2) *постановил*, что не имело места нарушение статьи 11 Конвенции.

Совершено на французском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 23 октября 2008 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

П. Лоренцен
Председатель Палаты Суда

К. Вестердайк
Секретарь Секции Суда

АЛЕКСЕЕВ ПРОТИВ РОССИИ¹
(Alekseyev v. Russia)

Жалобы №№ 4916/07, 25924/08 и 14599/09

Постановление Суда

Страсбург, 21 октября 2010 г.

По делу «Алексеев против России» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Х.Л. Розакиса, *Председателя Палаты*,

Н. Ваич,

А. Ковлера,

Э. Штейнера,

Х. Гаджиева,

Д. Шпильманна,

С.Э. Йебенса, *судей*,

а также при участии г-на А. Вампака, *заместителя Секретаря Первой Секции*,

проведя 30 сентября 2010 г. совещание по делу за закрытыми дверями, вынес в тот же день следующее Постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело состоит из трех жалоб (№№ 4916/07, 25924/08 и 14599/09) против России, поданных в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) гражданином Российской Федерации, г-ном Николаем Александровичем Алексеевым (далее — заявитель), 29 января 2007 г., 14 февраля 2008 г. и 10 марта 2009 г.

2. Интересы заявителя при производстве по делу представлял г-н Д.Г. Бартенев, адвокат, практикующий в г. Санкт-Петербурге. Интересы российского Правительства (далее — Правительство) представлял г-н Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель жаловался на нарушение его права на мирное собрание в связи с многократным запретом публичных мероприятий, которые он организовал в 2006—2008 гг. Он также жаловался на то, что у него

¹ Перевод выполнен Николаем Алексеевым.

не было эффективного средства защиты против предполагаемого нарушения его свободы собрания и, что отношение московских властей к его уведомлениям о проведении мероприятий было дискриминационным.

4. 17 сентября 2009 г. Европейский Суд решил сообщить о жалобах Правительству. Также Европейский Суд решил рассмотреть данные жалобы одновременно по вопросу об их приемлемости и по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1977 г. и живет в г. Москве. Он является гей-активистом.

A. Шествие Прайда и пикетирование 27 мая 2006 г.

6. В 2006 г. заявитель вместе с другими людьми организовал шествие для привлечения внимания к дискриминации меньшинства геев и лесбиянок в России, для продвижения уважения к правам и свободам человека и с целью призыва к терпимости со стороны российских властей и общества в целом к этим меньшинствам. В том году шествие было названо «Шествие Прайда», а в последующие годы — «Гей-Прайд», по аналогии со схожими мероприятиями гомосексуальных сообществ в больших городах по всему миру. Дата, выбранная для шествия, 27 мая 2006 г., была приурочена к празднованию годовщины отмены уголовного наказания за гомосексуальные акты в России.

7. 16 февраля 2006 г. информационное агентство «Интерфакс» опубликовало заявление г-на Цоя, пресс-секретаря мэра г. Москвы, о том, что «Правительство г. Москвы даже не рассматривает вопрос о разрешении гей-парада». Далее «Интерфакс» процитировал слова г-на Цоя следующим образом:

«Мэр г. Москвы Юрий Лужков твердо заявил: столичное Правительство не допустит проведения гей-парада ни в какой форме — ни в открытой, ни в завуалированной [как правозащитной демонстрации], а все попытки организовать несанкционированную акцию будут жестко пресекаться».

8. 22 февраля 2006 г. «Интерфакс» процитировал слова мэра г. Москвы, который сказал по другому поводу, что, если он получит заявку на проведение гей-парада в г. Москве, он запретит его, так как не желает «возбуждать общество, которое настроено против этих явлений в жизни», а также добавил, что он сам считает гомосексуальность

«неестественной», хотя «пытается терпимо относиться ко всему, что возникает в человеческом обществе».

9. 17 марта 2006 г. первый заместитель мэра г. Москвы написала мэру о предстоящей кампании по проведению гей-парада в г. Москве в мае этого года. Она полагала, что разрешение этого мероприятия будет противоречить здоровью и нравственности, а также мнению многочисленных заявителей, протестовавших против идеи продвижения гомосексуальности. Заметив, что Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее — Закон о собраниях) не предусматривает возможность запрета мероприятия, она указала, что власти могли бы предложить изменение его места или времени, или, что, если мероприятие создаст реальную общественную угрозу, его можно было бы прервать. Она попросила согласия мэра на разработку плана эффективных действий по предотвращению любых действий — публичных или иных — целью которых является продвижение или проведение гей-парада или фестиваля.

10. 24 марта 2006 г. мэр г. Москвы проинструктировал своего первого заместителя, пятерых других чиновников своей администрации и всех префектов г. Москвы о необходимости «предпринять эффективные меры по предотвращению и сдерживанию любых гомосексуально ориентированных публичных или массовых акций в столице». Он призвал к эффективным предложениям, основанным на законодательных и регулирующих нормах, и потребовал начать «активную информационную кампанию и социальную рекламу с использованием заявлений отдельных граждан и религиозных организаций».

11. 15 мая 2006 г. организаторы подали уведомление мэру г. Москвы с указанием даты, времени и маршрута запланированного шествия. Оно должно было состояться с 15 до 17 часов 27 мая 2006 г. с примерным количеством участников 2 000 человек, которые должны были пройти от здания Московского почтамта по Мясницкой улице до Лубянской площади. Организаторы выразили готовность к сотрудничеству с правоохранительными органами по обеспечению безопасности и поддержанию общественного порядка участниками, а также обязались выполнять требования, связанные с ограничением уровня шума при использовании громкоговорителей и звукового оборудования.

12. 18 мая 2006 г. Управление по работе с органами обеспечения безопасности Правительства г. Москвы проинформировало заявителя о решении мэра отказать в разрешении проведения шествия в интересах общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и для охраны здоровья, нравственности, а также прав и свобод других лиц. Управление, в частности, отмечало, что против проведения шествия поступило множество обращений от представителей законодательных и исполнительных органов государственной власти, религиозных ор-

ганизаций, казацких старшин и других лиц, поэтому шествие, скорее всего, вызвало бы негативную реакцию и протесты против участников, которые могли перерасти в нарушения общественного порядка и массовые беспорядки.

13. Получив вышеуказанный ответ, организаторы подали уведомление на проведение другого мероприятия в тот же день и в то же время, что и шествие, в разрешении на проведение которого было отказано. Они уведомили префекта о своем намерении провести пикет в парке на Лубянской площади.

14. 19 мая 2006 г. заявитель обжаловал в суде решение мэра от 18 мая 2006 г. об отказе в разрешении на проведение шествия.

15. 23 мая 2006 г. заместитель префекта Центрального административного округа г. Москвы отказал в разрешении на проведение пикета по тем же причинам, что и отказ в проведении шествия.

16. 26 мая 2006 г. «Интерфакс» процитировал мэра г. Москвы, который заявил в интервью «Русскому радио», что гей-парад не будет разрешен в г. Москве ни при каких обстоятельствах, «пока он является мэром города». Он заявил, что все три «ведущие» религиозные конфессии: «церковь, мечеть и синагога», — выступают против этого, и это совершенно неприемлемо в г. Москве и в России в целом, в отличие от «некоторых стран Запада, которые более продвинуты в этом плане». Он продолжил: «Здесь работает мораль. Если у кого-то есть отклонения от нормальных принципов организации своей жизни в области секса и пола, не нужно их выставлять на всеобщее обозрение и не нужно приглашать тех, кто может оказаться неустойчивым». Он заявил, что 99,9% населения г. Москвы поддерживает запрет.

17. В тот же день Тверской районный суд г. Москвы отклонил жалобу заявителя. Он сослался на положения Закона о собраниях относительно ответственности властей за обеспечение безопасности мероприятий (статьи 12 и 14), в связи с чем они имели право предложить изменение времени или места, или того и другого вместе, заявленного мероприятия по причинам безопасности (статья 12). Он также отметил, что публичное мероприятие может пройти в любом подходящем месте, если отсутствует угроза обрушения зданий или строений и оно не несет риск для безопасности его участников (статья 8). Он также указал на право организаторов проводить мероприятие в месте и во время, указанные в уведомлении властям, или в месте и во время, согласованные с властями, если они предлагают изменение, и подчеркнул, что мероприятие запрещается, если уведомление не подано вовремя, или если организаторы не смогли договориться об изменении места или времени, предложенных властями (статья 5). Наконец, суд отметил, что организаторам, чиновникам или другим лицам запрещается вмешиваться в выражение мнения участников публичного ме-

роприятия, если это не нарушает общественный порядок или формат мероприятия (статья 18). Он заключил на основании этих положений, что власти могут запретить публичное мероприятия по причине безопасности, и что организаторы должны подать уведомление, предлагающее изменить место и время, на рассмотрение властей. Он посчитал, что отказ проводить мероприятие в настоящем деле имел легитимные основания, и что право заявителя на проведение собраний и других публичных мероприятий нарушено не было.

18. Заявитель подал апелляцию, ссылаясь на статью 12 Закона о собраниях, которая возлагает обязанность на власти, а не на организаторов сделать обоснованное предложение об изменении места или времени мероприятия, указанных в уведомлении. Он также оспорил вывод том, что запрет был оправдан соображениями безопасности, заявив, что вопрос обеспокоенности за безопасность мог быть решен путем предоставления защиты тем, кто принимает участие в мероприятии.

19. 27 мая 2006 г. заявитель и несколько других лиц участвовали в конференции Международного дня противостояния гомофобии, в ходе которой они объявили о своем намерении собраться в Александровском саду, чтобы возложить цветы к военному мемориалу, на могилу Неизвестного солдата и тем самым почтить память жертв фашизма, включая геев и лесбиянок, а также провести у здания мэрии г. Москвы 15-минутный пикет против запрета шествия и пикетирования.

20. Позже, в тот же день, заявитель и еще примерно 15 человек пришли к Александровскому саду, ворота которого были закрыты, а около его входа патрулировала милиция. Согласно сведениям заявителя там находились примерно 150 милиционеров из отряда особого назначения (ОМОН), а также примерно 100 человек, протестующих против возложения цветов, запланированного заявителем и другими участниками.

21. Заявитель был арестован и доставлен в отделение милиции, где ему предъявили обвинение в административном правонарушении за нарушение условий проведения демонстрации.

22. Тем временем другие участники церемонии возложения цветов направились к зданию мэрии г. Москвы, в то время как протестующие преследовали и нападали на них. По сообщениям, несколько человек получили легкие ранения. Согласно данным заявителя, ОМОН арестовал примерно 100 человек, участвовавших в нападениях на участников акции.

23. Заявитель предоставил два доклада неправительственных организаций по событиям 27 мая 2006 г., один из которых подготовлен Международной ассоциацией лесбиянок и геев, а другой — организацией Human Rights Watch. Эти доклады подтверждают ход событий, изложенный заявителем.

24. 31 мая 2006 г. «Интерфакс» процитировал слова мэра г. Москвы, заявившего в телевизионном интервью: «Эти геи решили возложить цветы к могиле Неизвестного солдата. Это провокация. Это осквернение святого места», а также вновь осудившего акцию от имени общества в целом.

25. 16 июня 2006 г. заявитель обжаловал в суде решение префекта от 23 мая 2006 г. об отказе в разрешении на проведение пикетирования. 22 августа 2006 г. Таганский районный суд г. Москвы отклонил жалобу, постановив, что запрет был оправдан соображениями безопасности. Заявитель подал апелляцию.

26. 19 сентября 2006 г. Московский городской суд рассмотрел апелляцию на решение от 26 мая 2006 г. и оставил в силе решение суда первой инстанции как законное и оправданное обстоятельствами.

27. 28 ноября 2006 г. Московский городской суд рассмотрел апелляцию на решение от 22 августа 2006 г. и отклонил ее, в целом, по тем же основаниям.

В. Шествие Прайда и пикетирование 27 мая 2007 г.

28. В 2007 г. заявитель вместе с другими лицами решил организовать такое же шествие, как и в 2006 г.

29. 15 мая 2007 г. организаторы подали уведомление мэру г. Москвы с указанием даты, времени и маршрута запланированного шествия и его цели, которые были полностью идентичны шествию, запланированному в прошлом году, кроме того, указали, что приблизительное количество участников — 5 100 человек.

30. 16 мая 2007 г. Управление по работе с органами обеспечения безопасности Правительства г. Москвы проинформировало заявителя, что разрешение на проведение шествия было отклонено по причинам возможных нарушений общественного порядка и насилия в отношении участников со ссылкой на мероприятия прошлого года. Организаторов предупредили, что они будут нести ответственность за проведение мероприятия без разрешения.

31. Получив указанный ответ, организаторы подали уведомление с целью проведения других мероприятий в тот же день и в то же время, что и шествие, в выдаче разрешения на проведение которого было отказано. Они сообщили префекту Центрального административного округа г. Москвы о своем намерении провести пикет перед зданием мэрии г. Москвы на Тверской площади и еще один — в Новодевичьем сквере.

32. 23 мая 2007 г. организаторам сообщили, что префект отказал в разрешении на проведение пикета в обоих местах в целях обеспечения общественного порядка, предотвращения беспорядков, защиты

здоровья, нравственности и прав и свобод других людей. Их предупредили, что они будут нести ответственность за проведение любого неразрешенного пикетирования.

33. 26 мая 2007 г. заявитель и несколько других лиц объявили на ежегодной конференции «ЛГБТ-права — права человека», что они соберутся на следующий день перед зданием мэрии г. Москвы, чтобы передать петицию и выразить протест против запрета шествия и пикетирования.

34. 27 мая 2007 г. заявитель и примерно еще 20 человек были остановлены милицией при попытке подойти к зданию мэрии. Заявитель и два других человека содержались в отделении милиции в течение суток по обвинению в административном правонарушении — не подчинении законным требованиям милиции. 9 июня 2007 г. заявителя признали виновным в административном правонарушении, и он был вынужден заплатить штраф в размере 1 000 рублей. Это решение было подтверждено Тверским районным судом 21 августа 2007 г.

35. 30 мая 2007 г. заявитель обжаловал в суде решение мэра г. Москвы от 16 мая 2007 г., отказавшего в выдаче разрешения на проведение шествия. В частности, он указал, что согласно Закону о собраниях, власти не имеют права запрещать публичные мероприятия, а могут лишь предложить изменение их времени и места, что они в данном случае не сделали. Он также заявил, что неприятие цели публичного мероприятия не является само по себе достаточным основанием для его запрета в демократическом государстве.

36. 26 июня 2007 г. заявитель обжаловал в суд решение префекта от 23 мая 2007 г. об отказе в выдаче разрешения на проведение пикетирования.

37. 24 августа 2007 г. Таганский районный суд г. Москвы отклонил жалобу на запрет пикетирования, установив, что запрет был оправдан причинами безопасности. Это решение было подтверждено 8 ноября 2007 г. Московским городским судом.

38. 4 сентября 2007 г. Тверской районный суд отклонил жалобу заявителя, подтвердив основания для запрета шествия и законность действий властей. Это решение было подтверждено 6 декабря 2007 г. Московским городским судом.

С. Шествия Прайда в мае 2008 г. и пикетирование в мае и июне 2008 г.

39. В 2008 г. заявитель вместе с другими лицами решил организовать несколько таких же шествий, которые они пытались провести в предыдущие два года.

40. 18 апреля 2008 г. организаторы подали уведомление мэру г. Москвы с указанием даты, времени и маршрута десяти запланиро-

ванных шествий, которые должны были пройти с 1 по 2 мая 2008 г. в центре г. Москвы.

41. 24 апреля 2008 г. Управление координации деятельности по обеспечению безопасности г. Москвы проинформировало заявителя, что в разрешении на проведение шествий было отказано по причинам возможных нарушений общественного порядка и насилия в отношении их участников.

42. Получив указанный ответ, 22 апреля 2008 г. организаторы подали уведомление с целью провести еще 15 шествий в период с 3 по 5 мая 2008 г.

43. 28 апреля 2008 г. Управление координации деятельности по обеспечению безопасности г. Москвы проинформировало заявителя, что в разрешении на проведение 15 шествий также отказано по тем же основаниям.

44. Заявитель подал несколько альтернативных предложений для проведения шествий в различные дни мая 2008 г. и в различных местах. Эти предложения были отклонены по тем же основаниям:

(i) уведомления от 25 и 28 апреля 2008 г. (всего 30 шествий), отказано 5 мая 2008 г.;

(ii) уведомление от 30 апреля 2008 г. (20 шествий), отказано 7 мая 2008 г.;

(iii) уведомление от 5 мая 2008 г. (20 шествий), отказано 8 мая 2008 г.;

(iv) уведомление от 8 мая 2008 г. (15 шествий), отказано 13 мая 2008 г.;

(v) уведомление от 12 мая 2008 г. (15 шествий), отказано 16 мая 2008 г.;

(vi) уведомление от 15 мая 2008 г. (15 шествий), отказано 21 мая 2008 г.;

(vii) уведомление от 19 мая 2008 г. (15 шествий), отказано 23 мая 2008 г.

45. 16 мая 2008 г. заявитель подал уведомление Президенту России о своем намерении провести шествие в Александровском саду 31 мая 2008 г. Он не получил ответа на это уведомление.

46. С 28 апреля по 17 июня 2008 г. заявитель подал несколько жалоб в суды, обжаловав решения мэра г. Москвы об отказе в выдаче разрешений на проведение шествий. Тверской районный суд объединил эти жалобы и 17 сентября 2008 г. отклонил жалобу заявителя, подтвердив основания для запретов шествий и законность действий властей. Это решение было оставлено в силе 2 декабря 2008 г. Московским городским судом.

47. Между тем заявитель также попытался организовать пикетирование, чтобы призвать к уголовному преследованию мэра г. Москвы за

воспрепятствование проведению публичных мероприятий. Пикет, назначенный на 17 мая 2008 г., был запрещен 13 мая 2008 г. по тем же основаниям, что и предыдущие мероприятия. Это решение было проверено и оставлено в силе Таганским районным судом 22 июля 2008 г. и, в результате апелляции, Московским городским судом 14 октября 2008 г.

48. 1 июня 2008 г. заявитель с группой из 20 человек провел пикет на Большой Никитской улице, продолжавшийся около 10 минут.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

49. Статья 30 Конституции Российской Федерации предоставляет каждому право на свободу ассоциаций. Часть 3 статьи 55 предусматривает, что права и свободы могут быть ограничены федеральными законами для защиты конституционных принципов, общественной нравственности, здоровья и прав и законных интересов других граждан, а также для защиты и безопасности государства.

50. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (от 18 августа 2004 года № 54-ФЗ – Закон о собраниях), соответственно, закрепляет следующее:

«Статья 5. Организация публичного мероприятия <...>

3. Организатор публичного мероприятия имеет право:

(i) проводить митинги, демонстрации, шествия и пикетирования в местах и во время, которые указаны в уведомлении о проведении публичного мероприятия либо изменены в результате согласования с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления, собрания – в специально отведенном или приспособленном для этого месте, позволяющем обеспечить безопасность граждан при проведении собрания...

(v) использовать при проведении собраний, митингов, демонстраций и шествий звукоусиливающие технические средства (аудио-, видеоустановки и другие устройства) с уровнем звука, соответствующим стандартам и нормам, установленным в Российской Федерации.

4. Организатор публичного мероприятия обязан:

(i) подать в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления уведомление о проведении публичного мероприятия в порядке, установленном статьей 7 настоящего Федерального закона;

(ii) не позднее чем за три дня до дня проведения публичного мероприятия (за исключением собрания и пикетирования, проводимого одним участником) информировать орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления в письменной форме о принятии (непринятии) его предложения об изменении места

и (или) времени проведения публичного мероприятия, указанных в уведомлении о проведении публичного мероприятия;

(iii) обеспечивать соблюдение условий проведения публичного мероприятия, указанных в уведомлении о проведении публичного мероприятия или измененных в результате согласования с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления;

(iv) требовать от участников публичного мероприятия соблюдения общественного порядка и регламента проведения публичного мероприятия. Лица, не подчинившиеся законным требованиям организатора публичного мероприятия, могут быть удалены с места проведения данного публичного мероприятия;

(v) обеспечивать в пределах своей компетенции общественный порядок и безопасность граждан при проведении публичного мероприятия, а в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, выполнять эту обязанность совместно с уполномоченным представителем органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления и уполномоченным представителем органа внутренних дел, выполняя при этом все их законные требования...

5. Организатор публичного мероприятия не вправе проводить его, если уведомление о проведении публичного мероприятия не было подано в срок либо если с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления не было согласовано изменение по их мотивированному предложению места и (или) времени проведения публичного мероприятия.

<...>

Статья 8. Места проведения публичного мероприятия

Публичное мероприятие может проводиться в любых пригодных для целей данного мероприятия местах в случае, если его проведение не создает угрозы обрушения зданий и сооружений или иной угрозы безопасности участников данного публичного мероприятия. Условия запрета или ограничения проведения публичного мероприятия в отдельных местах могут быть конкретизированы федеральными законами.

<...>

Статья 12. Обязанности органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления

1. Орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления после получения уведомления о проведении публичного мероприятия обязан...

(ii) довести до сведения организатора публичного мероприятия в течение трех дней со дня получения уведомления о проведении публичного мероприятия (а при подаче уведомления о проведении пикетирования группой лиц менее чем за пять дней до дня его проведения — в день его получения) обоснованное предложение об изменении места и (или) времени проведения публичного мероприятия, а также предложения об устранении организатором публичного мероприятия несоответствия ука-

занных в уведомлении целей, форм и иных условий проведения публичного мероприятия требованиям настоящего Федерального закона;

(iii) в зависимости от формы публичного мероприятия и количества его участников назначить своего уполномоченного представителя в целях оказания организатору публичного мероприятия содействия в проведении данного публичного мероприятия в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона. Назначение уполномоченного представителя оформляется письменным распоряжением, которое заблаговременно направляется организатору публичного мероприятия...

(v) обеспечить в пределах своей компетенции совместно с организатором публичного мероприятия и уполномоченным представителем органа внутренних дел общественный порядок и безопасность граждан при проведении публичного мероприятия, а также оказание им при необходимости неотложной медицинской помощи;

<...>

Статья 14. Права и обязанности уполномоченного представителя органа внутренних дел

<...>

3. Уполномоченный представитель органа внутренних дел обязан:

(i) оказывать содействие в проведении публичного мероприятия в пределах своей компетенции;

(ii) обеспечивать совместно с организатором публичного мероприятия и уполномоченным представителем органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления общественный порядок и безопасность граждан, а также соблюдение законности при его проведении.

<...>

Статья 18. Обеспечение условий для проведения публичного мероприятия

1. Организатор публичного мероприятия, должностные лица и другие граждане не вправе препятствовать участникам публичного мероприятия в выражении своих мнений способом, не нарушающим общественного порядка и регламента проведения публичного мероприятия...».

III. ПРИМЕНИМЫЕ К ДЕЛУ ДОКУМЕНТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

51. Ниже приведены выдержки из Рекомендации СМ/Rec(2010)5 Комитета министров Совета Европы странам-членам о мерах по борьбе с дискриминацией на основании сексуальной ориентации или гендерной идентичности:

«III. Свобода выражения и мирных собраний

<...>

13. Страны-члены должны принять надлежащие меры по обеспечению, в соответствии со статьей 10 Конвенции, того, чтобы право на свободу выражения эффективно использовалось, без дискриминации на основании сексуальной ориентации или гендерной идентичности, включая свободу получения и распространения информации по темам, относящимся к сексуальной ориентации или гендерной идентичности.

14. Страны-члены должны принять надлежащие меры на национальном, региональном и местном уровнях по обеспечению того, чтобы право на свободу мирных собраний, как предусмотрено в статье 11 Конвенции, эффективно использовалось, без дискриминации на основании сексуальной ориентации или гендерной идентичности.

15. Страны-члены должны гарантировать, чтобы правоохранительные органы предпринимали надлежащие меры для защиты участников мирных демонстраций в поддержку прав человека лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров от любых попыток незаконных нарушений или препятствий для осуществления их права на свободу выражения и мирных собраний.

16. Страны-члены должны принять надлежащие меры по предотвращению ограничений эффективного использования прав на свободу выражения и мирных собраний, в результате нарушения юридических или административных норм, например, на основе общественного здоровья, общественной нравственности и общественного порядка...».

52. 6 июня 2006 г. Комиссар по правам человека Совета Европы сделал следующее заявление:

«В заявлении, сделанном вчера в г. Санкт-Петербурге, Комиссар Хаммарберг подчеркнул, что права на свободу выражения и мирные собрания принадлежат всем людям, и что власти обязаны защищать мирных демонстрантов. Комиссар сожалеет, что его заявление было неправильно истолковано агентством РИА «Новости»» (репортаж РИА «Новости» от 5 июня 2006 г. в 13 часов 33 минуты).

ПРАВО

І. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИ Е СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

53. Заявитель жалуется на нарушение его права на мирное собрание. Он утверждает, что запрет на проведение Шествия Прайда и пикетирования, к которому несколько раз прибегали власти г. Москвы, не соответствовал закону, не преследовал никаких правомерных целей и не был необходим в демократическом обществе. Он ссылается на статью 11 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства».

54. Правительство оспорило этот аргумент. Оно заявило в своем представлении, что, принимая решение о запрете указанных мероприятий, власти действовали законно и в пределах своей свободы усмотрения.

А. Приемлемость жалобы

55. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также подчеркивает, что она не является неприемлемой по каким-либо основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) Правительство

56. Правительство утверждало, что запрет мероприятий, организованных заявителем, был осуществлен в соответствии с законом, преследовал правомерную цель и был необходим в демократическом обществе.

57. Прежде всего, Правительство отметило, что часть 3 статьи 55 Конституции РФ и статья 8 (1) Закона о собраниях говорят об ограничении публичных мероприятий по причинам безопасности и для защиты общественного порядка. В настоящем деле мероприятия, которые пытался провести заявитель, имели очевидный риск возникновения конфронтации между участниками и их оппонентами. Правительство утверждало, что получило множество обращений от общественности, различных политических, правительственных и неправительственных организаций, которые призывали к запрету, неко-

торые из них угрожали насилием в случае проведения мероприятий. Поэтому оно было обеспокоено безопасностью участников и сложностями в поддержании общественного порядка в течение мероприятий.

58. Далее Правительство заявило, что часть 2 статьи 11 Конвенции необходимо интерпретировать как предоставляющую широкую свободу усмотрения, в рамках которой власти должны иметь возможность выбрать меры, необходимые для поддержания общественного порядка. Оно сослалось на Постановления Европейского Суда по делам: от 26 июля 2007 г. «Баранкевич против России» (жалоба № 10519/03), от 21 июня 1988 г. «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии» (Серия А, № 139) в качестве принципов для поведения властей в случае публичных мероприятий, отмеченных высокой вероятностью насилия. В настоящем деле Правительство утверждало, что они не могли избежать запрета мероприятия, так как никакая другая мера не могла бы адекватно отвечать рискам безопасности. Оно также утверждало, что если Европейский Суд займет позицию, отличную от национальных властей, это поставит его в положение «суда четвертой инстанции».

59. В дополнение к этому Правительство указало, что рассматриваемое мероприятие необходимо было запретить для защиты нравственности. Оно подчеркнуло, что любая пропаганда гомосексуальности несовместима с «религиозными доктринами большинства населения», как в своих заявлениях ясно дали понять религиозные организации, призывавшие к запрету. Правительство заявило, что разрешение гей-парадов было бы воспринято верующими как намеренное оскорбление религиозных чувств и «ужасное унижение их человеческого достоинства».

60. Правительство сослалось на Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах, которые гарантируют каждому уважение и защиту его религиозных и моральных убеждений и право воспитывать своих детей в соответствии с ними. Они утверждали, что разрешение гей-парадов нарушило бы права тех людей, чьи религиозные и моральные убеждения связаны с негативным отношением к гомосексуальности. Далее оно отметило, что в деле «Институт Отто Премингера против Австрии» (Постановление от 20 сентября 1994 г., §§ 52 и 56, Серия А, № 295-А) Европейский Суд признал большое значение религии в повседневной жизни людей, которую необходимо учитывать, чтобы уберечь религиозные убеждения от неразумных и оскорбительных обвинений. Правительство заключило на основе этого, что государство должно учитывать требования ведущих религиозных организаций и что «демократическое государство должно защищать общество от деструктивного влияния на его моральные основы и защищать человеческое достоинство граждан, включая верующих». В настоящем

деле намерения организаторов мероприятия не были нейтральными в отношении остального общества, но реально посягали на права, законные интересы и человеческое достоинство верующих.

61. Правительство также указало, что среди стран — членов Совета Европы отсутствует консенсус относительно степени принятия гомосексуальности в каждой стране: «такие отношения в некоторых странах разрешаются, в других они существенно ограничены». По этой причине оно утверждало, что национальные власти были лучше информированы о том, что могло оскорбить верующих в соответствующих сообществах. Для иллюстрации этого пункта Правительство сослалось на дело «Даджеон против Соединенного Королевства» (Постановление от 22 октября 1981 г., §§ 56—58, Серия А, № 45), в котором Европейский Суд обсуждал различия моральных и культурных ценностей в контексте уголовной ответственности за гомосексуальное поведение, которая существовала на тот момент в Северной Ирландии, подчеркнув, что они не придерживаются заключения, к которому в этом деле пришел Европейский Суд. Правительство также подробно цитировало дело «Мюллер и другие против Швейцарии» (Постановление от 24 мая 1988 г., Серия А, № 133), в котором Европейский Суд поддержал меры властей по ограничению общего доступа на выставку картин, изображавших «грубые сексуальные отношения, в частности, между людьми и животными». Оно предположило, что гей-парады должны рассматриваться с той же точки зрения, принимая во внимание интересы невольных зрителей, особенно детей. По его мнению, любая форма восхваления гомосексуального поведения должна быть ограничена частной обстановкой или осуществляться в специальных местах встреч с ограниченным допуском. Правительство добавило, что такие клубы, бары и развлекательные заведения открыто существуют в г. Москве (приведя список 24 примеров таких мест) и успешно посещаются, власти не мешают их деятельности.

62. По мнению Правительства, общество в г. Москве еще не готово принять проведение гей-парадов в городе, в отличие от западных стран, где подобные праздники проходят регулярно. Таким образом, обязанностью властей было продемонстрировать чувствительность к существующему публичному негодованию в связи с любыми открытыми проявлениями гомосексуальности. С этой целью оно процитировало известного российского артиста, чей сценический образ эксплуатирует преувеличенные гомосексуальные стереотипы, который заявил, что гей-парады не должны проводиться. Они также сослались на заявление, сделанное организацией под названием «Союз православных граждан», который обещал провести массовый протест, «если гомосексуалы попробуют провести шествие в г. Москве». Также было процитировано заявление Русской православной церкви, выступившей про-

тив проведения гей-парада как пропаганды греха, а также Верховного муфтия России, который угрожал массовыми протестами мусульман России, «а также всех нормальных людей» в случае проведения парада. Кроме того, Правительство процитировало, хотя и сославшись на это мнение как на крайнее, главы мусульманской общины Нижнего Новгорода, который заявил, что «в случае необходимости гомосексуалов нужно забивать камнями».

63. Наконец, Правительство указало, что запрет гей-парадов в г. Москве был поддержан Комиссаром по правам человека Совета Европы. Оно сослалось на заявление, переданное в новостях, хотя не упомянуло, что это заявление было опровергнуто Комиссаром (см. § 52 настоящего Постановления).

(b) Заявитель

64. Заявитель оспаривал утверждения Правительства по каждому пункту. Во-первых, он не согласился с тем, что запрет публичных мероприятий, которые он пытался провести, был осуществлен в соответствии с законом. Он подчеркнул, что ни Закон о собраниях, ни любой другой законодательный инструмент не предусматривают запрета публичных мероприятий. Ограничения, предусмотренные в пункте 1 статьи 8 Закона и касающиеся проведения мероприятий в местах, которые не подходят для этой цели по соображениям безопасности, требуют от властей предложить другое место, как указано в статье 12 Закона, а не запрещать мероприятие. В любом случае, даже если суд должен был принять решение, что предполагаемая невозможность избежать общественных беспорядков в любом месте могла бы оправдать запрет в соответствии с национальным законом, заявитель утверждал, что запрет не соответствует двум другим требованиям пункта 2 статьи 11 Конвенции, так как запрет не преследовал правомерной цели и не был необходим в демократическом обществе.

65. Ни одну из трех правомерных целей, которые преследовало Правительство, а именно: защиту общественной безопасности и предотвращение беспорядков, защиту нравственности и защиту прав и свобод других, — заявитель не рассматривал как приемлемую. Он утверждал, что ссылка на защиту нравственности не была оправданной, так как определение «нравственности» Правительством включало в себя только отношения, доминирующие в общественном мнении, и не учитывало понятия разнообразия и плюрализма. Более того, мероприятия сами по себе не могли по своей природе затрагивать нравственность, так как они были задуманы как демонстрации в поддержку прав человека и гражданских свобод для защиты и равноправия сексуальных меньшинств. В своих уведомлениях или публичных заявлениях орга-

низаторы никогда не высказывали намерения демонстрировать наготу или откровенно сексуальное или провокационное поведение или материалы. Правительство не показало, что предложенные мероприятия могли нанести какой-либо вред обществу или третьим лицам. Наоборот, заявитель утверждал, что мероприятия пошли бы на пользу российскому обществу благодаря продвижению идей терпимости и уважения к правам геев и лесбиянок.

66. Далее он оспаривал цели защиты общественной безопасности и предотвращения беспорядков, так как планируемые шествия и пикетирования задумывались как совершенно мирные и законные мероприятия. Относительно потенциальных беспорядков, которые могли быть вызваны контрдемонстрантами, Правительство ни на одном этапе не оценило степень возможных столкновений с противниками мероприятий, и поэтому их аргумент о неспособности предоставить достаточную защиту гей-парадам является безосновательным. В течение трех указанных лет заявитель подал множество уведомлений, предлагая различные форматы и места для проведения мероприятий, и власти ни разу не привели причины, почему было невозможно обеспечить меры безопасности для любого из них.

67. Наконец, заявитель утверждал, что запрет, наложенный на мероприятия в течение указанного периода, не был необходим в демократическом обществе. Он ссылаясь на сложившееся прецедентное право Европейского Суда, заявив, что возможность смущения или даже шокирования части общества не может рассматриваться как достаточное основание для такой радикальной меры, как полный запрет рассматриваемых мероприятий (он сослался на Постановление Европейского Суда по делу «Бачковский и другие против Польши», жалоба № 1543/06, § 64, ECHR 2007-VI). Он указал, что мера, многократно примененная в настоящем деле, была крайне несоразмерна целям, предположительно преследуемым властями, и была несовместима с понятием демократического общества, которое является «плюралистичным, терпимым и с широкими взглядами» (там же, § 63). Он утверждал, что власти даже не попытались выполнять свои обязательства, следующие из статьи 11 Конвенции, чтобы принять разумные и надлежащие меры для мирного проведения законных демонстраций. Они запретили мероприятия, на которые, по их мнению, скорее всего, были бы совершены нападения, вместо того, чтобы защищать их. Более того, они поддержали несогласие, выраженное противниками мероприятий, заявив, что они были аморальными, и, тем самым, лишив меньшинство законного права на проведение мирной демонстрации, права, которое является неотъемлемым в обществе, стремящемся быть демократическим.

2. Мнение Европейского Суда

68. Европейский Суд отмечает, что власти г. Москвы ввели запрет на Шествие Прайда и пикетирование в 2006–2008 гг. и осуществили запрет, разгоняя мероприятия, проведенные без разрешения, признав заявителя и других участников, нарушивших запрет, виновными в административном правонарушении. Соответственно, нет никаких сомнений, что имело место вмешательство в реализацию заявителем его свободы мирного собрания, гарантированной пунктом 1 статьи 11 Конвенции. В действительности наличие вмешательства в настоящем деле сторонами не оспаривается.

69. Европейский Суд также отмечает, что стороны разошлись в вопросе, были ли действия московских властей предусмотрены законом. Они также не сошлись в вопросе, преследовал ли запрет правомерную цель. Однако Суд может обойтись без выражения суждения по этим вопросам, поскольку независимо от цели и законности запрета внутри страны он не является необходимым в демократическом обществе по причинам, указанным ниже. В той степени, в какой эти вопросы имеют значение для оценки пропорциональности вмешательства, они будут рассмотрены в §§ 78 и 79 настоящего Постановления (см. Постановление Европейского Суда по делу «Христианско-демократическая народная партия против Молдовы», жалоба № 28793/02, § 53, *ECHR* 2006-II).

70. Что касается пропорциональности вмешательства, Европейский Суд замечает, что соответствующие принципы были установлены в его Постановлении по делу «Бачковский и другие против Польши» (указанном выше):

«61. Как неоднократно заявлялось в постановлениях Европейского Суда, демократия является основополагающим принципом устройства европейского общества, а Конвенция призвана развивать и поддерживать идеалы и ценности демократического общества. Демократия, подчеркнул Европейский Суд, является единственной политической моделью, предусмотренной Конвенцией, и единственной моделью, совместимой с ней. Исходя из формулировки пункта 2 статьи 11, и аналогично из статей 8–10 Конвенции, единственной необходимостью, способной оправдать вмешательства в любые права, указанные в этих статьях, является обстоятельство, о котором можно утверждать, что оно возникло “из необходимости в демократическом обществе” (см. Постановления по делам: “Партия благоденствия [Refah Partisi] и другие против Турции” (Refah Partisi (Welfare Party) and Others v. Turkey), жалобы №№ 41340/98, 41342/98, 41343/98 и 41344/98, §§ 86–89, *ECHR* 2003-II; от 14 мая 2006 г. “Христианско-демократическая народная партия против Молдовы” (Christian Democratic People’s Party v. Moldova), жалоба № 28793/02).

62. В контексте статьи 11 Конвенции Европейский Суд часто указывал на существенную роль, которую играют политические партии в обеспечении плюрализма и демократии; для надлежащего функционирования демократии также важны объединения, образованные в других целях. Вместе с тем в основе плюрализма лежит подлинное признание и уважение разнообразия и динамики культурных традиций, этнических и культурных тождеств, религиозных вероисповеданий, художественных, литературных и социально-экономических идей и концепций. Гармоничная взаимосвязь лиц и групп с различными тождествами является основополагающим фактором для достижения социального единства. Естественно там, где в гражданском обществе действуют здоровые силы, участие граждан в демократическом процессе в большей степени достигается через принадлежность к ассоциациям, в которые они могут объединяться друг с другом и вместе преследовать общие цели (см. Постановление Европейского Суда от 17 февраля 2004 г. по делу “Горзелик и другие против Польши” (*Gorzelik and Others v. Poland*), жалоба № 44158/98, § 92).

63. Что касается признаков «демократического общества», Европейский Суд подчеркнул особую важность плюрализма, толерантности и широты взглядов. В этом контексте подчеркивается, что, хотя личные интересы должны в определенных обстоятельствах быть подчинены групповым интересам, демократия вовсе не означает, что точка зрения большинства должна всегда преобладать: должно достигаться равновесие, которое гарантирует справедливое и правильное отношение к меньшинствам и избегает любого злоупотребления доминирующим положением (см. Постановление Европейского Суда по делам: от 13 августа 1981 г. “Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства” (*Young, James and Webster v. United Kingdom*), Серия А, № 44, с. 25, § 63; “Шассану и другие против Франции” (*Chassagnou and Others v. France*), №№ 25088/95 и 28443/95, *ECHR* 1999-III, с. 65, § 112).

64. В деле “Информационный союз “Лентия” и другие против Австрии” (*Informationsverein “Lentia” and Others v. Austria*, от 24 ноября 1993 г., Серия А, № 276, с. 16, § 38) Европейский Суд определил государство как окончательного гаранта принципа плюрализма. Подлинное и эффективное уважение свободы объединений и собраний не может быть сокращено до простой обязанности невмешательства со стороны государства; просто отрицательная концепция была бы несовместимой как с целью статьи 11 Конвенции, так и с целью Конвенции в целом. Таким образом, должны быть положительные обязательства для обеспечения эффективного осуществления этих свобод (см. Постановления Европейского Суда по делам: “Вильсон и Национальный союз журналистов и другие против Соединенного Королевства” (*Wilson and the National Union of Journalists and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 30668/96, 30671/96 и 30678/96, п. 41, *ECHR* 2002-V; от 20 октября 2005 г. “Ауранио Токсо против Греции” (*Ouranio Toxo v. Greece*), жалоба № 74989/01, § 37). Это обязательство имеет особое значение для лиц, придерживающихся непопулярных точек зрения или принадлежащих к меньшинствам, потому что они более уязвимы к преследованиям и издевательствам».

71. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что Правительство привело две причины для установления запрета мероприятий, организованных заявителем.

72. Первый аргумент Правительства, который также является основанием, по которому мероприятия были запрещены национальными властями, связан с соображениями обеспечения безопасности участников и предотвращением беспорядков. Оно утверждало, что московские власти, получив множество обращений с протестом, осознали, что любое такое мероприятие спровоцирует большой конфликт с различными группами, которые выступают против любых демонстраций, распространяющих интересы лесбиянок, геев или других сексуальных меньшинств. Однако не все заявления, процитированные Правительством (см. § 62 настоящего Постановления), были по сути одинаковыми. Некоторые протестующие, такие, например, как православная церковь, лишь выражали свое несогласие по поводу мероприятий и основной идеи людей, которые являются гомосексуалами и идентифицируют себя таковыми. Другие, такие как Верховный муфтий, сообщили властям о намерении выступить с протестом против мероприятий, а главный мусульманский авторитет в Нижнем Новгороде угрожал насилием.

73. Европейский Суд ранее отмечал в данной связи, что свобода собраний, предусмотренная статьей 11 Конвенции, защищает демонстрацию, которая может раздражать или оскорблять лиц, выступающих против идей или целей, которые она пытается продвигать (см. Постановление Европейского Суда по делу «Станков и Объединенная македонская организация “Илинден” против Болгарии», жалобы №№ 29221/95 и 29225/95, § 90, *ECHR* 2001-IX). Участники должны иметь возможность проводить демонстрацию без страха, что они будут подвергнуты физическому насилию со стороны своих оппонентов. Таким образом, обязанностью государств, подписавших Конвенцию, является принятие надлежащих мер для того, чтобы законные демонстрации проходили мирно (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии», §§ 32 и 34).

74. Европейский Суд не может согласиться с аргументом Правительства, что эти обращения необходимо рассматривать как общий показатель того, что Шествие Прайда и пикетирование потенциально могли стать причиной общественных беспорядков. Первая группа обращений, призывающих к запрету мероприятий, так как заявители считают их безнравственными, и не содержащих угрозы непосредственного противодействия мероприятиям, не имела значения для соображений безопасности. Их можно было принять во внимание только с целью

наложения ограничений, необходимых для защиты нравственности — вопрос, которому будет уделено особое внимание ниже.

75. Следующая группа обращений, демонстрирующая намерение авторов участвовать в акциях протеста во время мероприятий, так как они находят их недопустимыми, напротив, требовала тщательного изучения с точки зрения безопасности. В качестве общего правила, если существует серьезная опасность насильственных контрдемонстраций, Европейский Суд предоставляет национальным властям широкую свободу в выборе средств для того, чтобы собрания состоялись без нарушений (см. Постановление Европейского Суда по делу «Платформа “Врачи за жизнь” против Австрии»). Однако простое существование риска недостаточно для запрета мероприятия: делая выводы, власти должны сделать конкретные оценки потенциального масштаба беспорядков, чтобы оценить ресурсы, необходимые для нейтрализации угрозы насильственных столкновений (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Баранкевич против России», § 33). В настоящем деле не было проведено никакой предварительной оценки рисков, вызванных контрдемонстрациями. Последующие события показали, что потенциально было в общей сложности около сотни контрпротестующих, это значительное число, но никак не чрезмерное для такого города, как Москва. Более того, Европейский Суд отмечает, что лишь некоторые из обращений, процитированные Правительством, выражали намерение протестующих прибегнуть к незаконным средствам. Правительство не представило никаких сведений относительно того, собирался ли кто-либо из авторов петиций уведомить о своих контрдемонстрациях. Если бы они это сделали, власти могли бы предпринять меры по обеспечению того, чтобы оба мероприятия прошли мирно и законно, разрешив обеим сторонам достичь цели выражения своих взглядов, без столкновений друг с другом. Именно московские власти должны были обратиться к потенциальным протестующим, либо сделав публичное заявление, либо ответив отдельно на каждую петицию, чтобы напомнить им о необходимости соблюдения закона при проведении каких-либо протестных акций.

76. Что касается любых заявлений, призывающих к насилию и возбуждающих вражду в отношении участников публичного мероприятия, таких как заявление мусульманского священника из Нижнего Новгорода, который, как сообщалось, заявлял, что гомосексуалов нужно забивать до смерти камнями (см. § 62 настоящего Постановления), а также любых изолированных случаев угроз практического применения насилия, эти вопросы могли быть должным образом решены путем привлечения к ответственности соответствующих лиц. Тем не менее не похоже, чтобы власти в данном деле отреагировали на призыв священника к насилию каким-либо другим образом, кроме

запрета мероприятия, которое он осудил. Используя столь откровенно незаконные призывы в качестве основания для запрета, власти по существу поддерживали намерения лиц и организаций, которые явно и умышленно собирались сорвать мирную демонстрацию в нарушение закона и общественного порядка.

77. На основании изложенного Европейский Суд заключает, что Правительство не дало адекватной оценки риска для обеспечения безопасности участников мероприятий и общественного порядка. Он повторяет, что если бы любая возможность напряжения и излишней эмоциональности при обмене мнениями между противостоящими группами во время демонстрации была бы причиной для ее запрета, то общество лишилось бы возможности выслушивать различающиеся точки зрения по любому вопросу, который оскорбляет чувствительность мнения большинства (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Станков и Объединенная македонская организация “Илинден” против Болгарии», § 107). В настоящем деле Европейский Суд не может принять утверждение Правительства о том, что угроза была настолько большой, что необходимо было предпринимать такие жесткие меры, как запрет всего мероприятия, и делать это в течение трех лет. Более того, судя по публичным заявлениям, сделанным мэром г. Москвы, а также представлениям Правительства, если бы риски безопасности играли какую-то роль в решении властей установить запрет, они в любом случае были бы вторичны по сравнению с соображениями общественной нравственности.

78. Европейский Суд отмечает, что мэр г. Москвы неоднократно выражал решимость не допустить проведения гей-парадов и схожих мероприятий, так как, судя по всему, считал их проведение неуместным (см. §§ 7, 8, 10, 16 и 24 настоящего Постановления). Правительство в своих замечаниях также указало, что такие мероприятия должны быть запрещены в принципе, поскольку пропаганда гомосексуальности несовместима с религиозными доктринами и моральными ценностями большинства населения и может быть пагубной для детей и эмоционально неустойчивых групп взрослых.

79. Однако Европейский Суд отмечает, что эти причины не относятся к основаниям для запрета или иного ограничения публичного мероприятия в силу национального законодательства. Соответственно, такие аргументы не использовались во время национальных процедур, которые фокусировались на вопросах безопасности. Европейский Суд не уверен, что Правительство имеет право на этом этапе заменять одну правомерную цель, защищаемую Конвенцией, на другую, которой не давалась никакая оценка в рамках национальных процедур. Более того, он полагает, что в любом случае запрет был непропорциональным по отношению к обеим заявленным целям.

80. Европейский Суд напоминает, что гарантии статьи 11 Конвенции применяются ко всем собраниям, кроме тех, организаторы и участники которых высказывают намерения совершить насильственные действия или каким-либо иным образом отрицать основы «демократического общества» (см. Постановление Европейского Суда от 6 марта 1989 г. по делу «Г. против Германии», жалоба № 13079/87; Решение Комиссии; Решения и Доклады (DR) 60, с. 256; Постановление Европейского Суда по делу «Христиане против расизма и фашизма» против Соединенного Королевства»; Решение Комиссии от 16 июля 1980 г., DR 21, с. 138). Как отметил Европейский Суд в Постановлении по делу «Сергей Кузнецов против России» (от 23 октября 2008 г., жалоба № 10877/04, § 45): «любые меры, связанные с вмешательством в свободу собраний и выражения, кроме случаев призыва к насилию или отвержения демократических принципов, — при этом, какими бы шокирующими и неприемлемыми ни казались властям отдельные взгляды или высказывания — наносят ущерб демократии и часто даже опасны для нее».

81. Далее Европейский Суд отмечает, что было бы несовместимо с фундаментальными ценностями Конвенции, если бы условием реализации группой меньшинства прав, закрепленных в Конвенции, стало бы ее принятие большинством. В таком случае права группы меньшинства на свободу религии, выражения мнения и собрания оказались бы скорее чисто теоретическими, нежели практически осуществимыми и эффективными, как того требует Конвенция (см. Постановление Европейского Суда по делу от 13 мая 1980 г. «Артико против Италии», § 33, Серия А, № 37, а также упоминавшееся выше дело «Баранкевич против России», § 31).

82. В настоящем деле, внимательно изучив все имеющиеся в его распоряжении материалы, Европейский Суд не находит, что мероприятия, организованные заявителем, вызвали бы такой уровень конфликта, на который указывало Правительство. Целью шествий и пикетирования, как заявлялось в уведомлениях о данных мероприятиях, были распространение уважения прав и свобод человека и призыв к толерантному отношению к сексуальным меньшинствам. Мероприятия должны были проходить в формате шествия и пикетирования, участники которых держали бы плакаты и обращались с заявлениями через звукоусилители. Ни на одном этапе не предполагалось, что мероприятие будет включать в себя графическую демонстрацию непристойности, сравнимую с выставкой в деле «Мюллер и другие» (упоминавшемся выше), на которое ссылалось Правительство. Заявитель указывал, и это не оспаривалось Правительством, что участники не собирались демонстрировать наготу, привлекать к сексуально провокационному поведению или критиковать общественную нравственность или религиозные

взгляды. Более того, из комментариев мэра (см., в частности, §§ 16 и 24 настоящего Постановления) и замечаний Правительства следовало, что власти возражали не против поведения или одояния участников, а против самого факта того, что они хотят открыто идентифицировать себя как геи или лесбиянки, каждый по отдельности или как группа лиц. Правительство, в частности, признало, что власти остались бы в рамках своей терпимости к гомосексуальному поведению, если бы оно не выходило за пределы строго частной сферы в сферу, доступную широкой общественности (там же).

83. Для оправдания такого подхода Правительство требовало широкой свободы усмотрения в предоставлении гражданских прав людям, идентифицирующим себя в качестве геев и лесбиянок, ссылаясь на предполагаемое отсутствие европейского консенсуса в отношении к сексуальным меньшинствам. Европейский Суд не может согласиться с таким толкованием. Очевидно, что существует сложившийся европейский консенсус, отраженный в прецедентном праве, в таких вопросах, как отмена уголовной ответственности за гомосексуальные отношения между взрослыми (см. упоминавшееся дело «Даджеон против Соединенного Королевства»; Постановления Европейского Суда по делам от 26 октября 1988 г. «Норрис против Ирландии», Серия А, № 142; от 22 апреля 1993 г. «Модинос против Кипра», Серия А, № 259); доступ гомосексуалов к службе в вооруженных силах (см. Постановление Европейского Суда по делу «Смит и Грейди против Соединенного Королевства», жалобы №№ 33985/96 и 33986/96, *EC*HR 1999-VI); предоставление родительских прав (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сальгейру да Сильва Моута против Португалии», жалоба № 33290/96, *EC*HR 1999-IX); равенство в налогообложении и в отношении прав наследовать договор найма жилья после смерти партнера (см. Постановление Европейского Суда по делу «Карнер против Австрии», жалоба № 40016/98, *EC*HR 2003-IX). Более недавние примеры прцедентной практики Европейского Суда включают равный возраст согласия в уголовном законодательстве для гетеросексуальных и гомосексуальных актов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Л. и В. против Австрии», жалобы №№ 39392/98 и 39829/98, *EC*HR 2003-I). В то же время остаются вопросы, по которым пока не достигнут европейский консенсус, такие как разрешение однополым парам усыновлять детей (см. Постановления Европейского Суда по делам: «Фретте против Франции», жалоба № 36515/97, *EC*HR 2002-I; «Е.Б. против Франции» [GC], жалоба № 43546/02, *EC*HR 2008-...) и право на брак, и Европейский Суд подтвердил, что национальные власти пользуются в этих вопросах широкой свободой усмотрения. Это, однако, не освобождает Европейский Суд от необходимости проверки в каждом индивидуальном деле, не превысили ли власти границы

своей свободы усмотрения, действуя произвольно или иным образом. На самом деле Европейский Суд установил, что свобода усмотрения государства идет рука об руку с европейским контролем (см. Постановление Европейского Суда по делу от 7 декабря 1976 г. «Хэндисайд против Соединенного Королевства», § 49, Серия А, № 24). Ссылка Правительства на концепцию «суда четвертой инстанции» (см. § 58 настоящего Постановления) не может помешать Европейскому Суду в исполнении своих обязанностей в указанном отношении в соответствии с Конвенцией и сформированным прецедентным правом.

84. В любом случае отсутствие европейского консенсуса по этим вопросам не имеет никакого отношения к настоящему делу, поскольку предоставление материальных прав гомосексуальным лицам коренным образом отличается от признания их права бороться за эти права. Не существует никакой неопределенности относительно признания другими государствами-членами права людей открыто идентифицировать себя в качестве геев, лесбиянок или любого иного сексуального меньшинства, продвигать свои права и свободы, в частности, посредством реализации своей свободы мирных собраний. Как правильно указало Правительство, демонстрации, схожие с теми, которые запрещены в настоящем деле, являются обычными в большинстве европейских стран. Следует также отметить, что в деле «Бачковский и другие против Польши» именно национальные власти первыми признали незаконный характер запрета, изначально наложенного на такие шествия, когда такой запрет был отменен апелляционным судом (см. § 22).

85. В связи с этим Европейский Суд не может принять возражение Правительства о широкой свободе усмотрения в настоящем деле. Он напоминает, что любое решение, ограничивающее реализацию свободы собраний, должно быть основано на адекватной оценке соответствующих фактов (см., среди других, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Христианско-демократическая народная партия против Молдавии», § 70). Московские власти учли только один фактор — общественное противостояние мероприятию, а также собственные взгляды чиновников относительно нравственности.

86. Мэр г. Москвы, чьи заявления, по сути, воспроизводятся в замечаниях Правительства, полагал необходимым ограничить любое упоминание гомосексуальности сферой частной жизни и изгнать геев и лесбиянок из публичной жизни, имея в виду, что гомосексуальность является результатом сознательного и антисоциального выбора. Однако они были неспособны предоставить оправдание такого исключения. В распоряжении Европейского Суда не имеется научных доказательств или социологических данных о том, что простое упоминание гомосексуальности или открытые публичные дебаты о

социальном статусе сексуальных меньшинств негативно скажутся на детях или уязвимых категориях взрослых. Напротив, только с помощью беспристрастного и публичного обсуждения общество может решить такие сложные вопросы, как те, которые были подняты в настоящем деле. Такое обсуждение, подкрепленное научными исследованиями, благоприятно сказалось бы на социальной сплоченности, гарантировав, что будут услышаны представители всех взглядов, включая заинтересованных людей. Это также прояснило бы некоторые спорные моменты, такие, как, может ли человек воспитываться или вовлекаться в гомосексуальность, или выбирать или отвергать ее добровольно. Именно такое обсуждение пытался начать заявитель в настоящем деле, и его нельзя заменить никакими спонтанно высказанными, ограниченными взглядами чиновников, которые они считают популярными. В таких обстоятельствах Европейский Суд может лишь заключить, что решения властей о запрете рассматриваемых мероприятий не были основаны на приемлемой оценке всех имеющих значение фактов.

87. Вышеуказанные соображения достаточны для того, чтобы Европейский Суд заключил, что решения властей о запрете указанных мероприятий, организованных заявителем, не соответствовали насущной социальной потребности и, следовательно, не были необходимыми в демократическом обществе.

88. Соответственно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

89. Заявитель жаловался согласно статье 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 11 Конвенции, что он не имел эффективного средства защиты от предполагаемого нарушения его свободы собрания. В частности, он утверждал, что в его распоряжении не было процедуры, которая позволила бы ему получить окончательное решение суда до даты запланированных демонстраций. Статья 13 Конвенции гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

90. Правительство опротестовало это утверждение, заявив, что заявитель имел возможность предпринять юридические действия, но самоустранился от них.

А. Приемлемость жалобы

91. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также подчеркивает, что она не является неприемлемой по любому из других оснований. Следовательно, Европейский Суд объявил ее приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(a) Правительство

92. Первоначально Правительство указало, что процедура разрешения является различной для шествий и пикетирования, и указало, что заявитель опротестовал отказ в разрешении в связи с обоими типами мероприятий в отдельных процедурах. Его жалобы были рассмотрены судами и отклонены обоснованными решениями. Все судебные слушания прошли в короткие сроки и по каждому мероприятию во временные рамки, установленные законом.

93. Правительство также подчеркнуло, что заявитель не всегда предпринимал процедурные шаги сразу же, когда мог бы это сделать. В частности, ему потребовался один месяц и 15 дней, чтобы подать апелляцию на решение от 26 мая 2006 г., после продления срока, предоставленного ему судом, после истечения установленного законом срока в десять дней. Аналогичным образом апелляция на решение от 22 августа 2006 г. была подана спустя два месяца и десять дней после решения суда, также после продления лимита времени.

(b) Заявитель

94. Заявитель утверждал, что судебные процедуры, к которым он прибегал, чтобы опротестовать запрет, не были эффективным средством, поскольку общий лимит времени, предоставленный законом, не позволяет принять окончательное решение до даты рассматриваемого мероприятия. Он сослался на пределы времени для подачи уведомления о заявленном мероприятии, установленные в пункте 1 статьи 7 Закона о собраниях, т.е. не ранее, чем за 15 дней и не позже чем за десять дней до даты мероприятия. Согласно части 1 статьи 257 Гражданского процессуального кодекса и иным нормам данного Кодекса он заявлял, что любое решение в деле — будь это решение суда первой инстанции или апелляционное — должно было стать окончательным только после

запланированной даты мероприятия. Поэтому судебный пересмотр отказа властей разрешить проведение мероприятий в любом случае был ретроспективным и в связи с чем — бессмысленным.

95. Заявитель также возражал против утверждения Правительства, что он не должным образом подал апелляцию на решение суда первой инстанции. Он утверждал, что апелляции были поданы, как только полные тексты решения были ему доступны. Более того, заявитель возразил, что в любом случае процедуры апелляции должны были состояться после намеченной даты мероприятия. Таким образом, мероприятие, намеченное на 27 мая 2006 г., было запрещено судом первой инстанции 26 мая 2006 г., лишь за день до мероприятия. Не было возможности подать апелляцию на решение первой инстанции в тот же день, чтобы мероприятие могло состояться, если бы было принято окончательное решение в пользу заявителя. Уведомления, которые он подавал на пикетирование, постигла та же судьба. Уведомления 2007 и 2008 гг. также были отклонены окончательной инстанцией на много позже запланированных дат проведения мероприятий. Далее заявитель утверждал, что у него не было бы возможности получить окончательное решение до рассматриваемого мероприятия, даже если бы решение первой инстанции разрешило бы демонстрацию. Решение первой инстанции, если против него не подана апелляция, вступило бы в силу спустя десять дней после даты его принятия. Эта граница времени сделала невозможным для организаторов мероприятия, даже при их наилучших усилиях и предварительном планировании, получить окончательное решение до намеченной даты мероприятия, потому что ни административные власти, ни суды не должны были завершить все процедуры до этой даты.

96. Заявитель напомнил, что дата проведения указанных мероприятий была выбрана намеренно, в связи с символическим значением, как годовщина отмены уголовной ответственности в России за гомосексуальные акты. Поэтому было существенно, чтобы демонстрации, если бы они были разрешены, состоялась именно в этот день.

2. Мнение Европейского Суда

97. Европейский Суд напоминает, что следствием статьи 13 Конвенции является требование предоставления национального средства защиты, позволяющего компетентной национальной инстанции как рассматривать по существу соответствующую жалобу, поданную на основании Конвенции, так и предоставлять надлежащую помощь, хотя государства, вступившие в договор, обладают некоторой свободой в способе, с помощью которого они выполняют свои обязательства, согласно этой норме (см., кроме множества других решений, Поста-

новление Европейского Суда по делу от 15 ноября 1996 г. «Чэл против Соединенного Королевства», § 145; *Доклады Постановлений и Решений* 1996-V). В настоящем деле Европейский Суд пришел к выводу, что права заявителя, согласно статье 11 Конвенции, были нарушены (см. § 88 настоящего Постановления). Поэтому у него была обоснованная жалоба в значении прецедентного права Европейского Суда, и, таким образом, он должен был иметь доступ к средству защиты, удовлетворяющему требованиям статьи 13 Конвенции.

98. Суд напоминает, что, учитывая, что время проведения публичных мероприятий является принципиальным для организаторов и участников, и при условии, что организаторы вовремя подали уведомления в компетентные органы, понятие эффективной защиты подразумевает возможность получения решения о разрешении мероприятия до времени, в которое намечено его проведение (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бачковский и другие против Польши», § 81). В связи с этим для эффективной реализации свободы собраний важно, чтобы соответствующие законы закрепляли разумные временные рамки, в течение которых должны действовать органы государственной власти, принимающие соответствующие решения (там же, § 83).

99. Суд отмечает, что в настоящем деле соответствующие законы закрепляли ограничения времени для заявителя, в течение которого он должен был подать уведомление о мероприятии. Напротив, власти не были связаны никакими юридически закрепленными временными рамками, чтобы дать свое окончательное решение до запланированной даты шествия или пикетирования. Поэтому Европейский Суд не считает убедительным то, что юридическая защита, доступная заявителю в настоящем деле, имеющая характер *post-hoc*, могла предоставить адекватное возмещение в связи с предполагаемыми нарушениями Конвенции.

100. На основании изложенного Европейский Суд приходит к выводу, что заявителю отказали в эффективном национальном средстве правовой защиты в связи с его жалобой относительно нарушения его свободы собрания. Следовательно, Суд заключает, что имело место нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 11 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

101. Наконец, заявитель жаловался на дискриминационный характер того, как власти г. Москвы обращались с заявлением о проведении публичных мероприятий, организованных им. Ссылаясь на статью 14 Конвенции в совокупности со статьей 11 Конвенции, он утверждал,

что подвергся дискриминации по признаку его сексуальной ориентации и сексуальной ориентации других участников. Статья 14 Конвенции гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

102. Правительство не согласилось с этим обвинением, заявив, что запрет никогда не имел намерение дискриминировать заявителя.

А. Приемлемость жалобы

103. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также подчеркивает, что она не является неприемлемой по любому из других оснований. Следовательно, Европейский Суд объявляет ее приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

104. Правительство отрицало, что запрет, установленный в настоящем деле, был дискриминационным по своей природе. Оно заявило, что существование сексуальных меньшинств признается властями, равно как необходимость установления нормы об отсутствии их дискриминации. Однако в связи с их антагонистическими отношениями с религиозными группам было бы необходимо установить ограничения реализации их прав.

105. Заявитель, напротив, предположил, что запрет мероприятий был дискриминационным. Несмотря на отсутствие прямых упоминаний о сексуальной ориентации как основания для запрета, было ясно, что главной причиной отказа было официальное несогласие с нравственным статусом участников. Власти, в частности, ссылались на недовольство мероприятиями со стороны религиозных и других групп. В дополнение к этому мэр г. Москвы сделал ряд дискриминационных заявлений, и существовала ясная связь между его заявлениями и запретом.

2. Мнение Европейского Суда

106. Европейский Суд многократно напоминал, что статья 14 Конвенции не является автономной, но имеет силу только в связи правами, вытекающими из Конвенции. Эта норма дополняет другие существенные нормы Конвенции и Протоколов к ней. У нее нет независимого существования, так как она влечет последствия только в связи с «реализацией прав и свобод», охраняемых этими нормами. Хотя применение статьи 14 Конвенции не предполагает нарушение таких норм — и в этой степени она автономна — она не может применяться, кроме случаев, когда затронутые факты попадают в сферу одного или более из них (см., среди прочего, Постановление Европейского Суда по делам: 21 февраля 1997 г. «Ван Ральте против Нидерландов», § 33, *Доклады 1997-I*; от 16 сентября 1996 г. «Гайгузц против Австрии», § 36, *Доклады 1996-IV*).

107. Стороны сходятся во мнении, что факты настоящего дела подпадают под действие статьи 11 Конвенции. Таким образом, статья 14 Конвенции применима к обстоятельствам дела.

108. Европейский Суд напоминает, что сексуальная ориентация является понятием, относящимся к сфере действия статьи 14 Конвенции (см., среди прочих дел, Постановление Европейского Суда по делу от 2 марта 2010 г. «Kozak v. Poland», жалоба № 13102/02). Более того, когда рассматриваемое различие имеет место в такой интимной и уязвимой сфере частной жизни индивида, Европейскому Суду должны быть продемонстрированы особенно веские причины для оправдания той меры, в отношении которой подана жалоба. Когда разница в обращении связана с полом или сексуальной ориентацией, принцип пропорциональности требует не только того, чтобы выбранная мера в целом подходила для достижения поставленной цели; необходимо также продемонстрировать, что она была необходима в данных обстоятельствах. Несомненно, если причины для различия в обращении были основаны исключительно на сексуальной ориентации заявителя, это рассматривалось бы в качестве дискриминации в соответствии с Конвенцией (см. там же, § 92).

109. Выше было установлено, что главной причиной запрета, установленного в отношении мероприятий, организованных заявителем, было несогласие властей с демонстрациями, которые они считали пропагандой гомосексуальности (см. §§ 77–78 и 82 настоящего Постановления). В частности, Европейский Суд не может игнорировать твердые личные убеждения, высказанные публично мэром г. Москвы, и неоспоримую связь между этими заявлениями и запретом. В свете этих выводов Европейский Суд также считает установленным, что заявитель подвергся дискриминации на основании его сексуальной

ориентации и сексуальной ориентации других участников в запланированных мероприятиях. Он также полагает, что Правительство не предоставило никакого оправдания, показывающего, что оспоренное различие было совместимо со стандартами Конвенции.

110. Соответственно, Европейский Суд считает, что в настоящем деле имело место нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьями 11 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

111. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутренне право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

112. Заявитель требовал выплатить ему сумму в размере 40 000 евро в качестве компенсации за причиненный ему моральный вред.

113. Правительство отвергло это требование, как чрезмерное и безосновательное. Оно попросило Европейский Суд, в случае выявления нарушений в настоящем деле, назначить заявителю минимально возможную сумму.

114. Учитывая тот факт, что настоящее дело включает в себя запрет множества демонстраций в течение трех лет подряд в нарушение статей 11, 13 и 14 Конвенции, Европейский Суд, действуя на основе справедливости, присуждает заявителю 12 000 евро в связи с нематериальным ущербом.

В. Судебные расходы и издержки

115. Заявитель также просил выплатить ему 18 700 российских рублей (примерно 483 евро) на затраты и расходы в национальных судах, а также 17 027 евро за процедуры в Европейском Суде. Он предоставил детальные претензии, счета и сопроводительные документы.

116. Правительство посчитало эту часть претензий не обоснованной. Оно подчеркнуло, что расходы на поездку адвоката для участия в слушаниях в национальных судах не относятся к процедурам в Европейском Суде и поэтому не подлежат компенсации. Оно также утверждало, что эти затраты и расходы не могут рассматриваться как «актуальные и

необходимые», указав, что три жалобы, образующие часть этого дела, были схожими и не требовали от адвоката развития отдельной линии аргументов для каждого дела.

117. Согласно прецедентному праву Европейского Суда заявитель должен получить компенсацию затрат и расходов только в той степени, в которой было показано, что они произошли актуально и необходимо и были полностью разумными. Европейский Суд отмечает, что затраты и расходы связаны с тремя национальными процедурами подряд и осуществлялись в течение трех лет. В течение всех этих лет заявителя представлял г-н Бартенев, адвокат, который также представлял его в Европейском Суде. Хотя три жалобы были объединены в одно дело, и поэтому заявитель не должен был подавать отдельные комментарии на каждый из аргументов Правительства, изначальные жалобы и сопроводительные документы должны были быть подготовлены отдельно. Суммы, потраченные заявителем в связи с юридическими расходами, не кажутся чрезмерными или не пропорциональными проделанной работе. В настоящем деле, в связи с документами, находящимися в его распоряжении, и указанными выше критериями, Европейский Суд считает разумным присудить заявителю заявленные суммы полностью. Это составляет общую сумму в размере 17 510 евро плюс любой налог который может быть взыскан с заявителя.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

118. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

- 1) *признал* жалобы приемлемыми;
- 2) *постановил*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;
- 3) *постановил*, что имело место нарушение статьи 13 в совокупности со статьями 11 Конвенции;
- 4) *постановил*, что имело место нарушение статьи 14 в совокупности со статьями 11 Конвенции;
- 5) *постановил*:
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда решение Европейского Суда станет окончательным, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы, переведенные в российские рубли по курсу, действующему на день выплаты:

(i) 12 000 евро (двенадцать тысяч евро) плюс налог, который может быть начислен в связи с нематериальным ущербом;

(ii) 17 510 евро (семнадцать тысяч пятьсот десять евро) в связи с затратами и расходами плюс любой налог, который может быть наложен в отношении заявителя;

(b) что с момента истечения указанного выше трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка плюс три процента;

б) *оставил без удовлетворения* остальные требования заявителя о выплате ему справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 21 октября 2010 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Х. Розакис

Председатель Палаты Суда

А. Вампак

Заместитель Секретаря Секции Суда

РАЗДЕЛ II

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ И РЕШЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ ПО СТАТЬЕ 11 КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

Название дела	№ досье	Государство-ответчик	Дата Пост./Реш.
Бичиджи против Турции/Bicici v. Turkey	30357/05	Турция/Turkey	27/05/2010
Аспрофтас против Турции/Asproftas v. Turkey	16079/90	Турция/Turkey	27/05/2010
Петракидоу против Турции/Petrakidou v. Turkey	16081/90	Турция/Turkey	27/05/2010
Богату против Молдовы/Bogatu v. Moldova	36748/05	Молдова/Moldova	27/04/2010
Брега против Молдовы/Brega v. Moldova	52100/08	Молдова/Moldova	20/04/2010
Москалев против Молдовы/Moscalev v. Moldova	844/06	Молдова/Moldova	16/03/2010
Экши и Оджак против Турции/Eksi and Ocak v. Turkey	44920/04	Турция/Turkey	23/02/2010п
Христианско-демократическая народная партия против Молдовы (№ 2)/Christian Democratic People's Party v. Moldova (№ 2)	25196/04	Молдова/Moldova	02/02/2010п
Айтас и другие против Турции/Aytas and Others v. Turkey	6758/05	Турция /Turkey	08/12/2009п
Френд и другие против Соединенного Королевства/Friend and Others v. United Kingdom	16072/06; 27809/08	Соединенное Королевство/United Kingdom	24/11/2009
Хмелевски против Молдовы/Hmelevschi v. Moldova	43546/05	Молдова/Moldova	24/11/2009
Олимбиоу против Турции/Olymbiou v. Turkey	16091/90	Турция/Turkey	27/10/2009

Название дела	№ досье	Государство-ответчик	Дата Пост./Реш.
Узунджет и другие против Турции/Uzunjet and Others v. Turkey	21831/03	Турция/Turkey	13/10/2009п
Серкан Ульмаз и другие против Турции/Yilmaz Serkan and Others v. Turkey	25499/04	Турция/Turkey	13/10/2009п
Страти против Турции/Strati v. Turkey	16082/90	Турция/Turkey	22/09/2009
Андреоу Папи против Турции/Andreou Papi v. Turkey	16094/90	Турция/Turkey	22/09/2009
Врахими против Турции/Vrahimi v. Turkey	16078/90	Турция/Turkey	22/09/2009
Гайд-парк и другие против Молдовы (№ 4)/Hyde Park and Others v. Moldova (№ 4)	18491/07	Молдова/Moldova	07/04/2009п
Гайд-парк и другие против Молдовы (№ 3)/Hyde Park and Others v. Moldova (№ 3)	45095/06	Молдова/Moldova	31/03/2009
Гайд-парк и другие против Молдовы (№ 2)/Hyde Park and Others v. Moldova (№ 2)	45094/06	Молдова/Moldova	31/03/2009
Гайд-парк и другие против Молдовы/Hyde Park and Others v. Moldova	33482/06	Молдова/Moldova	31/03/2009
Баррако против Франции/Barraco v. France	31684/05	Франция/France	05/03/2009п
Протопопа против Турции/Protopopa v. Turkey	16084/90	Турция/Turkey	24/02/2009п
Самют Карабулут против Турции/Samut Karabulut v. Turkey	16999/04	Турция/Turkey	27/01/2009
Группа граждан, Радько и Паунковски против «бывшей Югославской Республики Македония»/Association of citizens Radko and Paunkovski v. «the Former Yugoslav Republic of Macedonia»	74651/01	Бывшая Югославская Республика Македония/ Former Yugoslav Republic of Macedonia	15/01/2009
Степанян против Армении/Sapeyan v. Armenia	35738/03	Армения/Armenia	13/01/2009

Название дела	№ досье	Государство-ответчик	Дата Пост./Реш.
Сергей Кузнецов против России/Sergey Kuznetsov v. Russia	10877/04	Россия/Russia	23/10/2008п
Патый и другие против Венгрии/Patyí and Others v. Hungary	5529/05	Венгрия/Hungary	07/10/2008п
Сая и другие против Турции/Saya and Others v. Turkey	4327/02	Турция/Turkey	07/10/2008п
Эва Мольнар против Венгрии/Éva Molnár v. Hungary	10346/05	Венгрия/Hungary	07/10/2008п
Ашугхян против Армении/Ashughyan v. Armenia	33268/03	Армения/Armenia	17/07/2008п
Рожка, Секарени и другие против Молдовы/Rosca, Secareanu and Others v. Moldova	25230/02; 25203/02; 25234/02	Молдова/Moldova	27/03/2008
Альдемир Нуреттин и другие против Турции/Nurettin Aldemir and Others v. Turkey	32124/02; 32126/02; 32129/02	Турция/Turkey	18/12/2007п
Балчык и другие против Турции/Balçýk and Others v. Turkey	25/02	Турция/Turkey	29/11/2007п
Галстян против Армении/Galstyan v. Armenia	26986/03	Армения/Armenia	15/11/2007п
Махмудов против России/Makhmudov v. Russia	35082/04	Россия/Russia	26/07/2007
Баранкевич против России/Barankevich v. Russia	10519/03	Россия/Russia	26/07/2007
Букта и другие против Венгрии/Bukta and Others v. Hungary	25691/04	Венгрия/Hungary	17/07/2007п
Свято-Михайловский приход против Украины/Parafiya v. Ukraine	77703/01	Украина/Ukraine	14/06/2007
Бачковский и другие против Польши/Bączkowski and Others v. Poland	1543/06	Польша/Poland	03/05/2007п
Кастерс Дево и Турок против Дании/Custers Deveaux and Turk v. Denmark	11843/03; 11847/03; 11849/03	Дания/Denmark	03/05/2007

Название дела	№ досье	Государство-ответчик	Дата Пост./Реш.
Зеленые Балканы против Болгарии/Zeleni Balkani v. Bulgaria	63778/00	Болгария/Bulgaria	12/04/2007п
Силоджлу и другие против Турции/Ciloglu and Others v. Turkey	73333/01	Турция/Turkey	06/03/2007п
Мыкырчан против Армении/Mkrtchyan v. Armenia	6562/03	Армения/Armenia	11/01/2007
Ойа Атаман против Турции/Ataman v. Turkey	74552/01	Турция/Turkey	05/12/2006п
Четинкая против Турции/Cetinkaya v. Turkey	75569/01	Турция/Turkey	27/06/2006п
Олинжер против Австрии/Ollinger v. Austria	76900/01	Австрия/Austria	29/06/2006
Христианско-демократическая народная партия против Молдовы/Christian Democratic People's Party v. Moldova	28793/02	Молдова/Moldova	14/02/2006п
Иванов и другие против Болгарии/Ivanov and Others v. Bulgaria	46336/99	Болгария/Bulgaria	24/11/2005
Объединенная македонская организация «Илинден» и Иванов против Болгарии/The United Macedonian Organization «Ilinden» and Ivanov v. Bulgaria	44079/98	Болгария/Bulgaria	20/10/2005
Айдын Абдулкадир и другие против Турции/Abdulkadir Aydin and Others v. Turkey	53909/00	Турция/Turkey	20/09/2005
Гунери против Турции/Guneri v. Turkey	42853/98; 43609/98; 44291/98	Турция/Turkey	12/07/2005
Адали против Турции/Adali v. Turkey	38187/97	Турция/Turkey	31/03/2005
Зилиберберг против Молдовы/Zilibergberg v. Moldova	61821/00	Молдова/Moldova	01/02/2005
Е.А. против Турции/Е.А. v. Turkey	36094/97	Турция/Turkey	01/02/2005
Маестри против Италии/Maestri v. Italy	39748/98	Италия/Italy	17/02/2004

Название дела	№ досье	Государство-ответчик	Дата Пост./Реш.
Аплби и другие против Соединенного Королевства/ Appleby and Others v. United Kingdom	44306/98	Соединенное Королевство/ United Kingdom	06/05/2003
Лукас против Соединенного Королевства/Lucas v. United Kingdom	39013/02	Соединенное Королевство/ United Kingdom	18/03/2003
Джавит Ан против Турции/ Djavit An v. Turkey	20652/92	Турция/Turkey	20/02/2003
Селванаягам против Соединенного Королевства/ Selvanayagam v. United Kingdom	57981/00	Соединенное Королевство/ United Kingdom	12/12/2002р
Гибси и другие против Соединенного Королевства/ Gypsy and Others v. United Kingdom	66336/01	Соединенное Королевство/ United Kingdom	14/05/2002р
Сиссе против Франции/Cisse v. France	51346/99	Франция/ France	09/04/2002р
Османи и другие против Бывшей Югославской Республики Македония/Osmani and Others v. Former Yugoslav Republic of Macedonia	50841/99	Бывшая Югославская Республика Македония/ Former Yugoslav Republic of Macedonia	11/10/2001п
Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии/ Stankov and the United Macedonian Organization «Ilinden» v. Bulgaria	29221/95; 29225/95	Болгария/ Bulgaria	02/10/2001
Макбрайд против Соединенного Королевства/Macbride v. United Kingdom	27786/95	Соединенное Королевство/ United Kingdom	05/07/2001
Дриман и другие против Норвегии/Drieman and Others v. Norway	33678/96	Норвегия/ Norway	04/05/2000

Название дела	№ досье	Государство-ответчик	Дата Пост./Реш.
Нильсен и Йонсен против Норвегии/Nilsen and Jonsen v. Norway	23118/93	Норвегия/ Norway	25/11/1999
Реквенай против Венгрии/ Rekvenyi v. Hungary	25390/94	Венгрия/ Hungary	20/05/1999
Пендрагон против Соединенного Королевства/ Pendragon v. United Kingdom	31416/96	Соединенное Королевство/ United Kingdom	19/10/1998
Райз против Германии/Reisz v. Germany	32013/96	Германия/ Germany	20/10/1997
Андерсон и девять других против Соединенного Королевства/Anderson and Nine Others v. United Kingdom	33689/96	Соединенное Королевство/ United Kingdom	27/10/1997 p.o.
Национальная демократическая партия Германии, региональная организация в Мюнхен-Верхняя Бавария против Германии/ Nationaldemokratische Partei Deutschlands, Bezirksverband München-Oberbayern v. Germany	25992/94	Германия/ Germany	29/11/1995
Рай, Альмонд и «Переговоры сейчас!» против Соединенного Королевства/Ral, Allmond and «Negotiate Now!» v. United Kingdom	25522/94	Соединенное Королевство/ United Kingdom	06/04/1995
Бюхнер, Хард, Рукербаутер, Schimitsberger, Pachlatko, Шрамм, Шроберль, Хатмандорфер и Байсманн против Австрии/Bucher, Hart, Ruckerbauer, Schmitsberger, Pachlatko, Schramm, Schoberl, Hattmannndorfer and Beissmann v. Austria	22096/93	Австрия/ Austria	30/11/1994
В.Г. против Австрии/W.G. v. Austria	15509/89	Австрия/ Austria	30/11/1992
Л.Ф. против Австрии/L.F. v. Austria	15225/89	Австрия/ Austria	30/11/1992
В.М. против Дании/W.M. v. Denmark	17392/90	Дания/ Denmark	14/10/1992

Название дела	№ досье	Государство-ответчик	Дата Пост./Реш.
С. против Австрии/S. v. Austria	13812/88	Австрия/ Austria	03/12/1990
Дж. против Федеративной Республики Германия/ G. v. Federal Republic of Germany	13079/87	ФРГ/FRG	06/03/1989
В.М. и Х.О. против Федеративной Республики Германия/W.M. and H.O. v. Federal Republic of Germany	13235/87	ФРГ/FRG	06/03/1989
Шифер против Федеративной Республики Германия/Schiefer v. Federal Republic of Germany	13389/87	ФРГ/FRG	06/03/1989
С.С. против Федеративной Республики Германия/C.S. v. Federal Republic of Germany	13858/88	ФРГ/FRG	06/03/1989
Р.Н. и Н.Н. против Соединенного Королевства/ P.N. и Н.Н. v. United Kingdom	12175/86	Соединенное Королевство/ United Kingdom	12/05/1988
М.С. и Р.С./M.S. and P.S. v. Switzerland	10628/83	Швейцария/ Switzerland	14/10/1985
Ассоциация А. и Х. против Австрии/A. Association and H. v. Austria	9905/82	Австрия/ Austria	15/03/1984
«Христиане против фашизма и расизма» против Соединенного Королевства/ Christian against Fascism and Racism v. United Kingdom	8440/78	Соединенное Королевство/ United Kingdom	16/07/1980
«Юрское объединение» и «Юрское единство» против Швейцарии/Rassemblement Jurassien and Unité Jurassienne v. Switzerland	8191/78	Швейцария/ Switzerland	10/10/1979
Х. против Соединенного Королевства/X. v. United Kingdom	3505/68	Соединенное Королевство/ United Kingdom	04/10/1969

РАЗДЕЛ III

РЕЗЮМЕ ИЗБРАННЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ И РЕШЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ ПО СТАТЬЕ 11 КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

Дело «Бичиджи против Турции»/ Case of Biciçi v. Turkey	30357/05	Турция/ Turkey	27/05/2010
---	----------	-------------------	------------

Факты. Заявительница является турецкой гражданкой, которая живет в Стамбуле. В октябре 2003 г. при попытке принять участие в демонстрации в форме пресс-конференции, на улице, она была арестована вместе с рядом других участников. После ареста и ее жалобы, что полицейские использовали чрезмерную силу для разгона толпы, заявительница была доставлена в больницу для медицинского обследования. Врач, осматривавший ее, сообщил, что нет никаких признаков телесных повреждений на ее теле, но отметил, что заявительница жаловалась на боль в плече. В тот же день заявительница была допрошена прокурором. Она сообщила ему, что подвергалась жестокому обращению со стороны полиции, и что, присутствуя на совещании на улице как президент стамбульской ассоциации по правам человека, она просто воспользовалась своим демократическим правом и была арестована без объяснения причин. Впоследствии она была освобождена из-под стражи.

Через несколько дней заявительница подала жалобу на полицейских, участвовавших в инциденте, жалуясь, в частности, на незаконный арест и чрезмерное применение силы со стороны полиции. В тот же день она прошла судебно-медицинскую экспертизу, по результатам которой врач установил, что она потеряла трудоспособность на пять дней. Он также отметил, что она страдала от боли в руке. Через год прокурор принял решение не возбуждать дело против сотрудников полиции, дежуривших на пресс-конференции. Опираясь на доклад, подготовленный сотрудниками милиции, прокурор отметил, что, несмотря на предупреждения, демонстранты отказались расходиться. В связи с этим применение силы сотрудниками было оправдано и не составило жестокого обращения.

Параллельно через несколько дней после демонстрации прокурор предъявила обвинение демонстрантам, в том числе и заявителю, за на-

рушение закона о собраниях и демонстрациях. В свою защиту заявительница подтвердила, что, приняв участие в демонстрации, она лишь воспользовалась своим демократическим правом. В декабре 2006 г. суд присяжных оправдал заявительницу и ее обвиняемых коллег, отметив, в частности, что полиция не дала надлежащего предупреждения, которое могло бы быть услышано всеми до ареста.

Предмет жалобы. Опираясь на статьи 3 (запрещение бесчеловечного обращения), 6 (право на справедливое судебное разбирательство) и 13 Конвенции (право на эффективное средство правовой защиты), заявительница жаловалась, что она подвергалась жестокому обращению во время ее ареста, а также на то, что расследование национальными властями ее жалобы было неэффективным. Кроме того, она жаловалась в соответствии со статьей 11 Конвенции, что вмешательство полиции является нарушением ее права на свободу собраний.

Решение Европейского Суда. *Статья 3.* Суд подтвердил, что особенно тщательное расследование необходимо было проводить, когда были сделаны заявления в соответствии с настоящей статьей. Хотя медицинское обследование заявительницы после ее ареста не выявило следов жестокого обращения на ее теле, она сообщила прокурору в тот же день, что подвергалась такому обращению. Впоследствии она подала официальную жалобу на сотрудников полиции и врачей, и позднее доказала причинный вред здоровью. Таким образом, бремя доказать, что применение силы не было чрезмерным, лежит на правительстве.

Как было установлено национальными судами при оправдании заявительницы, полиция была проинформирована о запланированной демонстрации и, возможно, поэтому могла бы проявить немного терпения, прежде чем разгонять мирную демонстрацию. Вместо этого сотрудники полиции арестовали участников без надлежащего предупреждения, и оказалось, что результатом этого явились травмы некоторых демонстрантов, в том числе и заявительницы. Европейский Суд установил, что правительство не представило убедительных аргументов, которые могли бы объяснить степень применения силы в отношении заявительницы. Он признал четырьмя голосами против трех, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

Статья 3 (процедуры). Европейский Суд единогласно пришел к выводу, что власти не провели эффективного и независимого расследования жалоб заявительницы, что составило процедурные нарушения статьи 3 Конвенции.

Статья 11. Европейский Суд единогласно пришел к выводу, что силовое вмешательство полиции не было необходимым в нарушение статьи 11 Конвенции.

Кроме того, Европейский Суд постановил, что нет необходимости рассматривать отдельно жалобы заявительницы в соответствии со статьями 6 и 13 Конвенции.

Европейский Суд признал четырьмя голосами против трех, что Турция должна выплатить 20 000 евро заявительнице в возмещение материального и морального ущерба.

Дело «Экши и Оджак против Турции»/Case of Eksi and Ocak v. Turkey	44920/04	Турция/ Turkey	23/02/2010
---	----------	-------------------	------------

Факты. Заявители, Йылмаз Экши (Yılmaz Ekşi) и Бехлю Оджак (Behlül Ocak), являются гражданами Турции и живут в г. Стамбуле. В 2003 г. они приняли участие в церемонии, посвященной памяти событий 1 мая 1977 г., известных как «День Кровавое мая», когда 34 человек погибли на площади Таксим в г. Стамбуле. Общее количество участников акции было около 50 человек.

Предмет жалобы. Опираясь на статьи 3 (запрещение бесчеловечного или унижающего достоинство обращения) и 11 Конвенции (свобода собраний и ассоциаций), заявители жаловались на то, что они подвергались жестокому обращению со стороны полиции во время силового разгона демонстрации, и на то, что суды оставили действие офицеров полиции безнаказанными.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд признал нарушение статей 3 и 11 Конвенции. Он не присудил заявителям компенсацию в связи с тем, что они не представили каких-либо требований относительно справедливой компенсации.

Дело «Христианско-демократическая народная партия против Молдовы» (№ 2)/Case of Christian Democratic people's Party v. Moldova (№ 2)	25196/04	Moldova/ Молдова	02/02/2010
--	----------	---------------------	------------

Факты. Заявитель, Христианско-демократическая народная партия, является политической партией в Республике Молдова, которая была представлена в парламенте и находилась в оппозиции власти во время событий. В декабре 2003 г. заявитель просил разрешить провести демонстрацию-протеста перед зданием правительства 25 января 2004 г. для того, чтобы высказать свое мнение по вопросу о функционировании демократических институтов в Молдове. Его просьба была отклонена Городским советом на том основании, что такая демонстрация была направлена на призыв населения к военной агрессии, этнической нена-

висти и нарушению общественного порядка. Суды отклонили жалобу заявителя, сделав вывод, что запрет на проведение демонстрации был оправдан, так как лидеры партии в прошлом сожгли российский флаг и фотографию Президента России, а также раздавали листовки с лозунгами: «Долой тоталитарный режим Воронина», «Долой оккупационный режим Путина», — что, по мнению национальных судов, являлось призывом к насильственному свержению конституционного строя в стране.

Предмет жалобы. Опираясь на статью 11 Конвенции, партия-заявитель жаловалась на запрет проведения демонстрации.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд напомнил, что политические партии играют важную роль в правильном функционировании демократии. С учетом заинтересованности общественности в свободном выражении мнения по вопросу функционирования демократических институтов в стране, а также того факта, что заявитель находился в оппозиции к власти во время событий, только убедительные и веские причины могли бы оправдать ограничения его права на свободу собраний. Лозунги, содержащиеся в листовках партии, должны были быть поняты как выражение мнения, недовольства и протеста в связи с вопросом, имеющим большой общественный интерес, а не как призыв к насилию, даже если они сопровождаются сжиганием флагов и фотографий главы государства. Потенциальный риск столкновений, на который ссылаются власти в оправдание запрета, был недостаточным: в частности, потому что задача встать между двумя противоборствующими группами протестующих и обеспечивать общественный порядок относилась к компетенции полиции. Таким образом, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

В соответствии со статьей 41 (справедливая компенсация) Конвенции Европейский Суд присудил заявителю 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 1 000 евро за судебные расходы и издержки.

Дело «Айтас и другие против Турции»/ Case of Aytas and Others v. Turkey	6758/05	Турция/ Turkey	08/12/2009
--	---------	-------------------	------------

Факты. Заявители — 17 турецких граждан, проживающих в Турции, принимали участие в митинге в знак протеста против правительственного законопроекта о высшем образовании (2004 г.).

Предмет жалобы. Опираясь на статьи 3 (запрещение бесчеловечного или унижающего достоинство обращения) и 11 Конвенции (свобода собраний и ассоциаций), они жаловались, что полиция жестоко разогнала митинг.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд признал, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении десяти заявителей и в отношении всех заявителей нарушение статьи 11 Конвенции.

Справедливая компенсация: в отношении статьи 3 Конвенции Европейский Суд присудил за моральный ущерб от 2 000 до 5 000 евро, а в отношении статьи 11 Конвенции посчитал, что установление факта нарушения является достаточно справедливой компенсацией за моральный ущерб.

Дело «Узунджет и другие против Турции»/Case of Uzunget and Others v. Turkey	21831/03	Турция/ Turkey	13/10/2009
---	----------	-------------------	------------

Факты. Заявители — 14 турецких граждан, проживающих в г. Анкаре. После ожесточенных столкновений (бунта) в тюрьме Бергама в июле 2000 г. заявители приняли участие в акции протеста в парке в г. Анкаре. Полиция разогнала акцию протеста и арестовала заявителей, которые впоследствии были осуждены за участие в незаконной демонстрации.

Предмет жалобы. Опираясь, в частности, на пункт 1 статьи 6 (право на справедливое судебное разбирательство) и статью 11 Конвенции (свобода собраний и ассоциаций), заявители жаловались на необоснованное вмешательство в их право на свободу собраний и на несправедливость возбуждения против них уголовного дела.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд признал, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 и статьи 11 Конвенции, а также присудил заявителям компенсацию морального вреда в размере 1 000 евро.

Дело «Серкан Ульмаз и другие против Турции»/Case of Yilmaz Serkan and Others v. Turkey	25499/04	Турция/ Turkey	13/10/2009
--	----------	-------------------	------------

Факты. Заявители — семь турецких граждан, проживающих в г. Стамбуле. Они приняли участие в демонстрации из-за голодовки, организованной примерно в 20 тюрьмах в 2000 г.

Предмет жалобы. Заявители жаловались на их арест за участие в демонстрации, которую власти считают незаконной. Они ссылались, в частности, на статьи 3 (запрещение бесчеловечного или унижающего достоинство обращения) и 11 Конвенции (свобода собраний и ассоциаций).

Решение Европейского Суда. Европейский Суд признал, что имело место нарушение статей 3 и 11 Конвенции, а также присудил заявителям компенсацию морального вреда в размере от 1 000 до 7 000 евро.

Дело «Гайд-парк и другие против Молдовы (№ 4)»/Case of Hyde Park and Others v. Moldova (№ 4)	18491/07	Молдова/ Moldova	07/04/2009
--	----------	---------------------	------------

Факты. Заявители: Гайд-парк — неправительственная организация без прав юридического лица, зарегистрированная молдавским Министерством юстиции на момент событий, и восемь граждан Молдавии. В августе 2006 г. заявители приняли участие в демонстрации, которая была разогнана полицией, заявители были задержаны и доставлены в полицейский участок, где им предъявили обвинение в незаконном собрании и сопротивлении аресту.

Предмет жалобы. Опираясь на статьи 3 (запрещение бесчеловечного или унижающего достоинство обращения), 5 (право на свободу и личную неприкосновенность), 6 (право на справедливое судебное разбирательство), 8 (право на уважение частной и семейной жизни), 11 (свобода собраний и объединений) и 13 Конвенции (право на эффективное средство правовой защиты), заявители жаловались, в частности, на отказы властей разрешить им провести демонстрации в знак протеста около мэрии г. Кишинева, поставить памятник, подаренный Румынией, а также на незаконность их ареста, условия содержания под стражей в полицейском участке и несправедливость последующего разбирательства.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 11 и пункта 1 статьи 5 Конвенции, и что нет необходимости рассматривать отдельно жалобы в соответствии со статьей 6 и пунктами 2 и 3 статьи 5 Конвенции. Суд присудил Гайд-парку 4 000 евро компенсацию за моральный ущерб и 3 000 евро за судебные расходы.

Дело «Баррако против Франции»/Case of Barraco v. France	31684/05	Франция/ France	05/03/2009
---	----------	--------------------	------------

Факты. Заявитель, французский гражданин, проживающий во Франции. Он водитель грузовика, был одним из 17 автолюбителей, которые приняли участие 25 ноября 2002 г. в акции «Улитка», организованной в рамках национального дня протеста. Начиная с 6 утра они ехали со скоростью около 10 км/ч по шоссе, занимая несколько полос, чтобы замедлить движение. Позже утром полиция арестовала заявителя и двух других водителей за блокаду общественного шоссе. В ноябре 2003 г. суд первой инстанции постановил, что обвиняемые не подлежат уголовной ответственности, так как движение по шоссе не было заблокировано и оно оставалось доступным, и, следовательно, не был нарушен принцип свободного передвижения на дорогах общего пользова-

ния. В мае 2004 г. апелляционный суд отменил это решение, посчитав, что водители совершили преступление, препятствуя движению на дорогах общего пользования, намеренно размещая свои автомобили по автомагистрали. Он постановил, что данное преступление не может быть оправдано правом на забастовку или демонстрацию. Апелляционный суд приговорил каждого из обвиняемых к условному тюремному заключению сроком на три месяца и штрафу в размере 1 500 евро. В решении от 8 марта 2005 г. Кассационный суд отклонил апелляцию по вопросам права, поданную заявителем и другим обвиняемым.

Предмет жалобы. Опираясь, в частности, на статью 11 Конвенции (свобода собраний и ассоциаций), заявитель пожаловался, что его осуждение за воспрепятствование движению в общественном месте в контексте демонстрации было несовместимо с его правом на собрания.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд отметил, что любая акция в общественном месте может вызывать некоторое неудобство для повседневной жизни, в том числе нарушение дорожного движения. О мероприятии не было подано официального предварительного уведомления, как это необходимо по французскому законодательству. Он напоминает о том, что такая ситуация сама по себе не оправдывает вмешательство в право на свободу собраний, поскольку в этом случае события были доведены до сведения органов государственной власти. В этом случае власти могли предпринять до начала мероприятия необходимые меры для поддержания безопасности и общественного порядка, в частности, путем направления полиции к месту проведения демонстрации. Европейский Суд пришел к выводу, что демонстрация была молчаливо, по крайней мере, не запрещена. Европейский Суд отмечает в этой связи, что заявитель не был осужден за участие в демонстрации 25 ноября 2002 г., как таковой, а за блокирование шоссе, что создало больше препятствий для окружающих, чем, как правило, допускает право на мирные собрания. Полное блокирование движения явно выходит за рамки простого неудобства на дороге. Европейский Суд отмечает, что полицейские, присутствовавшие на демонстрации в целях поддержания порядка и общественной безопасности, приступили к арестам троих демонстрантов с целью положить конец тупиковой ситуации и после неоднократного предупреждения остальных. Европейский Суд считает, что в течение нескольких часов право заявителя на свободу мирных собраний не нарушалось, и учитывает, что власти действовали с необходимой терпимостью. В этих условиях уголовная ответственность заявителя не является несоразмерной преследуемой цели. Следовательно, не имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

Дело «Протопопа против Турции»/ Case of Protopopa v. Turkey	16084/90	Турция/ Turkey	24/02/2009
--	----------	-------------------	------------

Факты. Заявительница является гражданкой Кипра, проживающей в Никосии. Она принимала участие в антитурецкой демонстрации 19 июля 1989 г. в районе Айос Кассианос в Никосии, на площади в пределах буферной зоны Организации Объединенных Наций.

События при условии, что они немного отличались в версиях заявительницы и Правительства, можно описать следующим образом. В частности, как утверждает заявительница, она была схвачена за волосы при аресте сотрудниками турецкой полицией, которые затем избили ее электрическими дубинками, в результате чего она получила тяжелые травмы. Потом она была заперта в душевной комнате, без какой-либо медицинской помощи. В тот же день Окружной суд Никосии «Турецкой Республики Северного Кипра» разрешил содержание заявительницы под стражей.

Заявительница отказалась от правовой помощи, предоставляемой со стороны властей. Она была приговорена к двум дням тюремного заключения, штрафу и должна была внести деньги в качестве гарантии, что она не будет нарушать общественное спокойствие в течение одного года. Г-жа Протопопа утверждает, что в результате жестокого обращения, которому она подверглась, ее позвоночник был серьезно поврежден.

Турецкое правительство утверждало, что г-жа Протопопа приняла участие в немирной демонстрации и была арестована турецко-киприотской полицией после того, как пересекла буферную зону Организации Объединенных Наций и вступила на территорию, находящуюся под киприотско-турецким контролем. По мнению Правительства, заявительница не подвергалась жестокому обращению, а применение силы было разумно необходимо при данных обстоятельствах для того, чтобы арестовать ее.

Предмет жалобы. Опираясь, в частности, на статьи 3, 5—7, 11, 13 и 14 Конвенции, заявительница жаловалась, что она подвергалась жестокому обращению, незаконному задержанию, была осуждена несправедливым судом за действия, которые не представляют собой уголовное преступление, не смогла принять участие в мирных собраниях; в ее распоряжении не было эффективного средства правовой защиты, способного устранить нарушения основных прав; и что она была подвергнута дискриминации на основании ее этнического происхождения и религиозных убеждений.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд заключил, что права заявительницы в соответствии со статьями 3, 5—7, 11, 13 и 14 Конвенции не были нарушены.

Дело «Сергей Кузнецов против России»/Case of Sergey Kuznetsov v. Russia	10877/04	Россия/ Russia	23/10/2008
---	----------	-------------------	------------

Факты. Заявитель, Сергей Владимирович Кузнецов, гражданин России, проживающий в г. Екатеринбурге. 25 марта 2003 г. г-н Кузнецов и еще несколько человек провели пикет у Свердловского областного суда, чтобы привлечь внимание общественности к нарушениям права на доступ к правосудию. Заявитель уведомил о пикете власти за восемь дней, в связи с этим органам правопорядка было дано распоряжение о поддержании общественного порядка и безопасности дорожного движения во время мероприятия.

Предмет жалобы. Заявитель ссылаясь на статьи 10 (свобода выражения мнения) и 11 Конвенции (свобода собраний и ассоциаций) и утверждал, что они были нарушены привлечением его к административной ответственности (штрафу) за нарушение срока подачи уведомления о пикете, препятствование проходу в здание суда и распространение листовок, в которых утверждалось о коррупции в областном суде и содержался призыв к отставке председателя суда.

Решение Европейского Суда. Во-первых, Европейский Суд отметил, что заявитель представил уведомление о пикете за восемь вместо десяти дней, как это предусмотрено законодательством. Однако Европейский Суд считает, что простое формальное нарушение срока не является существенным, тем более, что это не помешало властям сделать необходимые приготовления к проведению пикета. Во-вторых, никаких жалоб не было получено от посетителей, судей и работников аппарата суда о якобы препятствовании проходу в суд, и заявитель сотрудничал с властями: когда пикетирующих попросили отойти подальше от здания суда, они отошли. В-третьих, листовки, распространяемые заявителем во время пикета, и призыв к отставке председателя суда не являются оскорблениями, а также не содержат клеветнических заявлений, призывов к насилию или отказы от демократических принципов. Поэтому Европейский Суд сделал вывод, что российские власти не представили «убедительных и достаточных» причин, чтобы оправдать вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнений и собраний и единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 11 в совокупности со статьей 10 Конвенции. Европейский Суд присудил заявителю компенсацию за моральный ущерб в размере 1 500 евро.

Дело «Патыи и другие против Венгрии»/Case of Patyi and Others v. Hungary	5529/05	Венгрия/ Hungary	07/10/2008
--	---------	---------------------	------------

Факты. Заявители — 48 венгерских граждан, являвшиеся кредиторами обанкротившейся частной компании.

Предмет жалобы. Заявители жаловались на запрет провести ряд демонстраций в 2004 г. около частной резиденции премьер-министра в г. Будапеште. Заявители утверждают, что их права, гарантированные статьями 10 (свобода выражения мнения) и 11 Конвенции (свобода собраний и объединений) были нарушены.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд отметил, что демонстрация планировалась с участием 20 лиц, которые хотели стоять молча в линию на тротуаре перед домом премьер-министра. Ширина тротуара — около 5 м — позволяла и другим пешеходам проходить по нему во время демонстрации. Европейский Суд не убежден, что в данных обстоятельствах демонстранты действительно мешают проходу других граждан. Европейский Суд постановил, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции и нет необходимости рассматривать отдельно по существу жалобы в соответствии со статьей 10 Конвенции. Европейский Суд постановил, что установление факта нарушения само по себе является достаточной справедливой компенсацией за любой нематериальный ущерб, и присудил заявителю 1 800 евро в качестве компенсации судебных расходов.

Дело «Сая и другие против Турции»/Case of Saya and Others v. Turkey	4327/02	Турция/ Turkey	07/10/2008
---	---------	-------------------	------------

Факты. Заявители — 11 турецких граждан, проживающие в г. Адьяман (Турция). 1 мая 1999 г. группа людей, в том числе заявители, собралась у здания рабочих профсоюзов и начала двигаться к амфитеатру. Однако они были остановлены сотрудниками правоохранительных органов. Заявив, что они получили предварительное разрешение от губернатора, группа попыталась продолжить свой марш. После этого вмешалась полиция и разогнала группу. В ходе этого инцидента заявители были ранены в результате применения силы со стороны полиции. По данным отчета о происшествии, 38 человек, в том числе заявители, были арестованы.

Предмет жалобы. Заявители утверждали, что полиция применила чрезмерную силу для их ареста, и что власти не провели эффективного, независимого и беспристрастного расследования. Они основывали свои требования на статьях 3 (запрещение бесчеловечного или

унижающего достоинство обращения и отсутствие эффективного расследования), 6 (право на справедливое судебное разбирательство), 11 (свобода собраний и объединений) и 13 Конвенции (право на эффективное средство правовой защиты).

Решение Европейского Суда. Европейский Суд постановил, что имело место существенное нарушение статьи 3 Конвенции в отношении пятерых заявителей, имели место процедурные нарушения статьи 3 Конвенции по причине неспособности властей провести эффективное расследование утверждений заявителей о жестоком обращении, имело место нарушение статьи 11 Конвенции. Кроме того, Европейский Суд присудил компенсацию морального вреда в размере от 1 000 до 3000 евро каждому заявителю.

Дело «Эва Мольнар против Венгрии»/Case of Éva Molnár v. Hungary	10346/05	Венгрия/ Hungary	07/10/2008
---	----------	---------------------	------------

Факты. Заявительница, Эва Мольнар, является венгерской гражданкой и проживает в г. Энгельскирхене (Германия). После парламентских выборов 2002 г. в Венгрии заявительница принимала участие в демонстрации, проводимой с целью предъявления требований о пересчете голосов.

Предмет жалобы. Заявительница жаловалась на то, что демонстрация была разогнана по той причине, что в полицию не было заявлено предварительное уведомление. Она основывает свои требования на статье 11 (свобода собраний и объединений) Конвенции.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд отмечает, что пункт 2 статьи 11 Конвенции дает государствам право устанавливать «законные ограничения» на осуществление права на свободу собраний. Европейский Суд подчеркивает, что ограничения на свободу мирных собраний в общественных местах могут служить защитой прав других лиц с целью предотвращения беспорядков и поддержания упорядоченного движения. В связи с тем, что демонстрация была проведена без предварительного уведомления в нарушение закона, хотя это не было вызвано чрезвычайными обстоятельствами (т.е. была возможность подать уведомление), длилась несколько часов до вмешательства полиции, нарушила движение по главной магистрали города, Европейский Суд посчитал, что разгон демонстрации был необходим в демократическом обществе и не может рассматриваться как несоразмерная мера для достижения законных целей. Соответственно, не имело места нарушение статьи 11 Конвенции.

Дело «Ашугхян против Армении»/Case of Ashughyan v. Armenia	33268/03	Армения/ Armenia	17/07/2008
--	----------	---------------------	------------

Факты. Заявитель является гражданином Армении, проживающим в г. Ереване (Армения). После президентских выборов 2003 г. он принял участие в серии акций протеста в г. Ереване, организованных оппозиционными партиями. Он был подвергнут административному задержанию 7 и 9 апреля 2003 г. и в первый раз приговорен к административному штрафу, а во второй — к аресту сроком на пять дней.

Предмет жалобы. Заявитель жаловался на то, что он был арестован только потому, что принимал участие в этих демонстрациях. Он также жаловался на незаконность своего задержания и на несправедливость судебного разбирательства. Заявитель ссылается, в частности, на статьи 5 (право на свободу и личную неприкосновенность), 6 (право на справедливое судебное разбирательство), 10 (свобода выражения мнения), 11 Конвенции (свобода собраний и объединений) и статью 2 Протокола № 7 (право на апелляцию по уголовным делам) Конвенции.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд объявил неприемлемыми жалобы заявителя по статье 5 Конвенции и в соответствии со статьей 6 отклонил жалобу в части утверждения о том, что национальный суд не был независим. Европейский Суд постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 в совокупности с подпунктом «б» пункта 3 статьи 6 Конвенции, поскольку заявитель не получил достаточного времени и возможности для подготовки своей защиты в судебном разбирательстве как 7, так и 9 апреля 2003 г. Кроме того, Европейский Суд постановил, что нет необходимости рассматривать остальные жалобы в соответствии со статьей 6 или жалобы в соответствии со статьей 10 Конвенции. В соответствии со статьей 11 Конвенции Европейский Суд единогласно пришел к выводу о том, что имело место нарушение в отношении права заявителя на свободу мирных собраний в связи с демонстрациями как 7, так и 9 апреля 2003 г. И наконец, поскольку заявитель не обладал возможностью обжалования соответствующих судебных решений, Европейский Суд единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 2 Протокола № 7 в отношении как 7, так и 9 апреля 2003 г.

Дело «Нуреттин Альдемир и другие против Турции»/Case of Nurettin Aldemir and Others v. Turkey	32124/02; 32126/02; 32129/02	Турция/ Turkey	18/12/2007п
---	------------------------------------	-------------------	-------------

Факты. Заявители — восемь турецких граждан, проживающие в г. Анкаре и г. Стамбуле. Они члены профсоюза работников образо-

вания, который является членом «Ассоциации профсоюзов государственных служащих». Все они приняли участие в акции профсоюзов, которая была разогнана властями. В 2001 г. «Ассоциация профсоюзов государственных служащих» решила организовать акции в г. Анкаре в знак протеста против законопроекта о профсоюзах, находящегося на рассмотрении парламента, на том основании, что он не соответствует международным стандартам. Выбранное место акции входило в число тех, где нельзя было проводить публичные мероприятия (согласно правилам, изданным в соответствии с Законом о собраниях и демонстрациях). Тем не менее заявители приняли участие в акции. Демонстранты перекрыли главную улицу района Кызылай (Ататюрк авеню) и попытались идти к канцелярии премьер-министра. Но вмешалась полиция и применила дубинки, палки и слезоточивый газ для разгона толпы. Некоторые из демонстрантов напали на силы безопасности, закидывая их камнями, были ранены семеро полицейских. Заявители также получили ранения в ходе инцидентов. 14 ноября 2001 г. уголовный суд г. Анкары оправдал демонстрантов. 29 января 2002 г. в г. Анкаре прокурор издал решение об отказе от уголовного преследования в отношении сотрудников полиции по заявлениям заявителей.

Предмет жалобы. Заявители жаловались, в частности, что их права, предусмотренные статьей 11 Конвенции, были нарушены (свобода собраний и объединений).

Решение Европейского Суда. Европейский Суд отметил, что заявители приняли участие в демонстрации, чтобы привлечь внимание общественности к важным проблемам. Вместе с тем их мероприятие было остановлено полицией на том основании, что было выбрано несоответствующее место. Поэтому Европейский Суд счел, что имело место вмешательство в их право на свободу мирных собраний. Это вмешательство было предусмотрено законом и преследовало законные цели предотвращения беспорядков и защиты общественной безопасности. Что же касается критерия «необходимо в демократическом обществе», Европейский Суд отметил, что нет никаких доказательств того, что две группы демонстрантов изначально представляли собой серьезную опасность для общественного порядка. Однако, вполне вероятно, что акция могла повлечь некоторые нарушения на оживленной площади в центре г. Анкары. Акции первоначально были мирными. В связи с этим Европейский Суд считает, что силовое вмешательство сотрудников полиции было не пропорциональным и не являлось необходимым для предотвращения беспорядков. Европейский Суд постановил пятью голосами против двух, что имело место нарушение статьи 11 (свобода собраний и ассоциаций) Конвенции.

Дело «Балчык и другие против Турции»/Case of Balçık and Others v. Turkey	25/02	Турция/ Turkey	29/11/2007п
--	-------	-------------------	-------------

Факты. Заявителями являются семь граждан Турции, проживающие в г. Стамбуле (Турция).

5 августа 2000 г., в полдень, заявители собрались в г. Стамбуле вместе с 39 другими гражданами, чтобы сделать заявление для прессы, в котором они протестовали против тюрем типа F. Демонстранты были проинформированы полицией, что их марш является незаконным: без предварительного уведомления он мог нарушить общественный порядок. Им было приказано разойтись. Группа не выполнила это распоряжение и пыталась продолжать акцию. Затем полиция разгоняла группы с помощью дубинок и слезоточивого газа. Заявители и другие демонстранты были арестованы и доставлены в полицейский участок, где они находились в течение одного дня. Двое заявителей были доставлены в больницу. Затем заявители подали заявление в прокуратуру в отношении сотрудников полиции, которые проводили задержание. Национальный суд постановил, что применение силы должностными лицами осуществлялось в соответствии с законом «об обязанностях и полномочиях полиции» и не было чрезмерным. В августе 2000 г. против заявителей были выдвинуты уголовные обвинения за участие в незаконной демонстрации, проводимой без предварительного разрешения, и за отказ разойтись, несмотря на предупреждения полицейских. Однако заявители были оправданы.

Предмет жалобы. Заявители жаловались на их арест во время демонстрации. Они ссылались, в частности, на статьи 3 (запрещение бесчеловечного или унижающего достоинство обращения), 7 (нет наказания без закона), 11 (свобода собраний и объединений), 17 (запрещение злоупотреблений правами) и 18 Конвенции (ограничения по использованию в отношении прав).

Решение Европейского Суда. Европейский Суд отметил, что хотя не было предварительного уведомления, тем не менее, полицейские получили доклады разведки об акции. Поэтому нельзя сказать, что силы безопасности реагировали без предварительной подготовки. Кроме того, ничто в материалах дела не позволяет предположить, что демонстранты представляли собой угрозу для общественного порядка. Европейский Суд также сослался на решение уголовного суда, который оправдал заявителей по всем пунктам обвинения. При таких обстоятельствах Европейский Суд установил, что турецкое правительство не смогло предоставить убедительных или заслуживающих доверия аргументов, которые могут объяснить или оправдать применение силы в отноше-

нии заявителей, чьи травмы были подтверждены медицинскими справками. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что вмешательство в право заявителей на свободу собраний осуществлялось как действиями полиции, так и последующими уголовными делами, возбужденными против них, независимо от конечного результата. Он отметил, в частности, что группа демонстрантов состояла из 46 человек, которые хотели привлечь внимание к актуальной проблеме. Шествие началось в полдень и через полчаса уже закончилось арестом группы. Европейский Суд был особенно поражен нетерпением властей положить конец демонстрации. Он также напомнил, что властям было известно об этой демонстрации и что они могли принять соответствующие меры. Европейский Суд также установил, что имеет важное значение для органов государственной власти проявлять определенную степень терпимости к мирным собраниям. Он считает, что силовое вмешательство полиции было несоразмерно и не было необходимо для предотвращения беспорядков в нарушение статьи 11 Конвенции.

Со ссылкой на свой вывод о нарушении в соответствии со статьей 11 Конвенции Европейский Суд единогласно постановил, что нет необходимости рассматривать отдельно жалобы заявителей по статьям 7, 17 и 18 Конвенции.

В соответствии со статьей 41 Конвенции (справедливая компенсация) Европейский Суд присудил 3 000 евро двум заявителям в возмещение морального вреда (нарушение по статье 3 Конвенции). Он также постановил, что установление нарушения само по себе является достаточной справедливой компенсацией за нематериальный ущерб по статье 11 Конвенции.

Дело «Галстян против Армении»/Case of Galstyan v. Armenia	26986/03	Армения/ Armenia	15/11/2007
---	----------	---------------------	------------

Факты. Заявитель, Аршам Галстян, является гражданином Армении, проживающим в г. Ереване (Армения). После президентских выборов в Армении в феврале и марте 2003 г. г-н Галстян принял участие в серии акций протеста в г. Ереване, организованных оппозицией.

7 апреля 2003 г. по дороге домой с демонстрации он был арестован за «воспрепятствование движению и проведение демонстрации не в положенное время» и доставлен в полицейский участок для допроса.

В полицейском участке он был обвинен в «мелком хулиганстве» в соответствии со статьей 172 Кодекса об административных правонарушениях (далее — КоАП). Заявителем был подписан протокол и под-

тверждено, что он был уведомлен о своих правах согласно статье 267 КоАП, а также добавлены слова: «Я не хочу иметь адвоката».

Заявитель утверждал, что сначала он отказался подписать протокол, но в течение пяти с половиной часов сотрудники полиции заставляли его подписать протокол, а также отказывали в юридической помощи. Затем он был доставлен в районный суд г. Еревана, который рассмотрел дело.

По мнению правительства, заявитель содержался в полицейском участке в течение только двух часов, и полицейские объяснили ему, что он вправе иметь адвоката, а также, что заявитель подписал протокол добровольно, без возражений.

Судья после краткого слушания приговорил заявителя в соответствии со статьей 172 КоАП к административному аресту на три дня за «воспрепятствование осуществлению уличного движения» и «громкий шум». Согласно материалам суда слушания были проведены с участием судьи, секретаря и заявителя.

Заявитель утверждал, что отчет о слушаниях был составлен в какой-то момент после проведения слушания. На самом деле секретаря не было. Слушание длилось всего пять минут. Он был проведен в кабинет судьи, в котором присутствовали только судья и заявитель (с сопровождающим полицией).

14 апреля 2003 г. заявитель обратился в общественную правозащитную организацию, которая подала заявление в правоохранительные органы о привлечении к ответственности сотрудников полиции, но им было отказано в возбуждении уголовного дела.

Предмет жалобы. Г-н Галстян жаловался, что было нарушено его право на свободу собраний и свободу выражения мнений. Он также утверждал, что не было справедливого публичное разбирательства его дела беспристрастным судом, что ему не дали времени для подготовки своей защиты и отказали в правовой помощи.

Заявитель также ссылаясь на статью 5 (право на свободу и личную неприкосновенность), пункт 1 статьи 6 (право на справедливое судебное разбирательство), статью 10 (свобода выражения мнения), статью 11 Конвенции (свобода собраний и ассоциаций) и статью 2 Протокола № 7 (право на апелляцию по уголовным делам).

Решение Европейского Суда. Что касается справедливости судебного разбирательства по делу заявителя, Европейский Суд счел, что тот факт, что единственным доказательством в судебном разбирательстве были показания полицейского, сам по себе не противоречит статье 6 Конвенции, поскольку заявитель — даже если слушания проходили очень быстро — был в состоянии сделать заявление в защиту своей позиции.

Что касается утверждения заявителя о том, что судья был политически ангажирован, Европейский Суд посчитал, что нельзя сделать вывод о предвзятости судьи.

Европейский Суд также считает, что нет достаточных доказательств того, что слушание не было проведено в общественном месте.

В связи с этим, по мнению Европейского Суда, не имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, касающегося права заявителя на справедливое и публичное разбирательство дела беспристрастным судом.

Европейский Суд счел, что тот факт, что заявитель подписал документ, в котором заявил, что не отказывается от юридической помощи адвоката, не означает, что он не нуждался в достаточном времени и возможностях, чтобы подготовиться для судебного разбирательства.

Поэтому Европейский Суд заключил, что имело место нарушение пункта 3 статьи 6 в совокупности с пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд, отметив, что заявитель был обвинен в мелком правонарушении, и максимально возможное наказание не могло превышать 15 дней содержания под стражей, обязательное юридическое представительство не требуется в интересах правосудия. В связи с этим власти не могут нести ответственность за то, что он не был юридически представлен в ходе административного производства в отношении него. Следовательно, не имело место нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что вмешательство в право заявителя на свободу собраний было предписано законом и преследовало законную цель по предотвращению беспорядков.

Что касается того, «необходимо ли [это] в демократическом обществе», Европейский Суд напомнил, что право принимать участие в мирных собраниях имеет столь важное значение, что лицо не может быть подвергнуто санкциям за участие в демонстрации, которая не была запрещена, пока этот человек не совершил предосудительные действия в таких случаях.

Заявитель был подвергнут лишению свободы на три дня за «препятствие уличному движению» и «громкий шум». Как следует из полицейского отчета, улица, где состоялась демонстрация, была набита людьми, и правительство не оспаривает того, что движение было приостановлено ГАИ до начала демонстрации. Отсюда следует, что «препятствия уличному движению», в которых заявитель был признан виновным, составили его физическое присутствие на демонстрации, проведенной на улице, где движение уже было приостановлено. Что касается «шума», то трудно себе представить публичную политическую демонстрацию, на которой люди выражают свое мнение, не создавая при этом шума. Поэтому Европейский Суд заключил, что вмешатель-

ство в право заявителя на свободу мирных собраний не было «необходимым в демократическом обществе», что является нарушением статьи 11 Конвенции.

Европейский Суд счел, что рассмотрение дела заявителя в порядке, предусмотренном КоАП, не предусматривает право на апелляцию ясно и четко, и эта процедура не была последовательно применима на практике. Следовательно, имело место нарушение статьи 2 Протокола № 7.

Европейский Суд единогласно постановил, что нет необходимости рассматривать жалобу заявителя по статье 10 Конвенции, и что его жалоба в соответствии со статьей 5 Конвенции была признана неприемлемой.

Два судьи Европейского Суда выразили совместное особое мнение.

В соответствии со статьей 41 Конвенции (справедливая компенсация) Европейский Суд присудил г-н Галстяну 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Дело «Букта и другие против Венгрии»/Case of Bukta and Others v. Hungary	25691/04	Венгрия/ Hungary	17/07/2007
--	----------	---------------------	------------

Факты. Заявители — трое граждан Венгрии, проживающих в г. Будапеште. 1 декабря 2002 г. румынский премьер-министр посетил с официальным визитом г. Будапешт и дал прием в отеле «Кемпински» по случаю национального праздника Румынии. За день до этого премьер-министр Венгрии заявил, что он будет присутствовать на приеме. Заявители считали, что он не должен присутствовать на мероприятии, посвященном негативной части венгерской истории. Около 150 человек, в том числе заявители, собрались у отеля. Они предварительно не подавали уведомление об акции, несмотря на законодательные требования уведомить об этом за три дня. Услышав взрыв, присутствующие сотрудники полиции заставили демонстрантов разойтись. Заявители возбудили разбирательство в национальном суде и просили признать вмешательство полиции незаконным. Им было отказано по той причине, что демонстрация была разогнана в связи с тем, что полиция не была проинформирована о демонстрации.

Предмет жалобы. Основываясь на статье 10 (свобода выражения мнения) и статье 11 Конвенции (свобода собраний и объединений), заявители жалуются, что их мирная демонстрация была разогнана только потому, что не было заявлено предварительного уведомления.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд отметил, что национальные суды не исследовали, была ли демонстрация мирной, и основывали свои решения исключительно на отсутствии уведомления. Учитывая, что нет никаких оснований полагать, что демонстрация

представляла опасность для общественного порядка, следовательно, ограничение права заявителей на свободу мирных собраний было несоразмерным преследуемым целям. В связи с этим Европейский Суд постановил, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции. Кроме того, он постановил, что нет необходимости рассматривать жалобу отдельно по статье 10 Конвенции, и что вывод о нарушении сам по себе представляет справедливую компенсацию за моральный ущерб. Заявителям были присуждены 2 000 евро за судебные расходы и издержки.

Дело «Бачковский и другие против Польши»/Case of Bączkowski and Others v. Poland	1543/06	Польша/ Poland	03/05/2007
--	---------	-------------------	------------

Факты. Заявители: Фонд по вопросам равноправия и пять его членов, а также члены неправительственных организаций, которые представляли интересы от имени лиц гомосексуальной ориентации. В рамках кампании под названием «Дни равенства» с 10 по 12 июня 2005 г. заявители хотели организовать шествие по улицам г. Варшавы. Марш проводился с целью привлечения внимания общественности к проблеме дискриминации в отношении меньшинств, женщин и инвалидов. Заявители также были намерены провести акции 12 июня на семи различных площадях г. Варшавы, некоторые из которых были направлены на протесты по поводу дискриминации в отношении различных меньшинств.

Заявители представили ходатайства о разрешении провести марш 12 мая 2005 г. и акции 3 июня 2005 года. 20 мая 2005 г. в Национальной газете было опубликовано интервью с мэром г. Варшавы, который в ответ на вопросы о рассмотрении просьбы заявителей на проведение демонстрации, заявил, что он запретил их и что, по его мнению, «пропаганда гомосексуализма неравнозначна реализации права на свободу собраний». 3 июня 2005 г. представитель мэра г. Варшавы отказал в разрешении на проведение марша. Причиной данного решения стал тот факт, что организаторы не представили «план организации дорожного движения» в соответствии с Законом о дорожном движении. Заявители утверждали, что они не просили представить такой документ.

Предмет жалобы. Заявители жаловались, что их право на свободу мирных собраний было нарушено. Они также жаловались, что не имели в своем распоряжении какой-либо процедуры, которая позволила бы им получить окончательное решение национального суда до даты запланированных демонстраций. Они также утверждали,

что отказ в проведении акции носил дискриминационный характер, и ссылались на статьи 11, 13 и 14 Конвенции в совокупности со статьей 11 Конвенции.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд подтвердил, что он придает особо важное значение плюрализму, толерантности и широте взглядов. Плюрализм был также построен на подлинном признании и уважении разнообразия и динамики культурных традиций, этнической и культурной самобытности, религии, художественной, литературной и социально-экономических идей и концепций. Гармоничное взаимодействие людей и групп с различиями имеет важное значение для достижения социальной сплоченности.

Позитивное обязательство государства обеспечить реальное и эффективное уважение свободы ассоциаций и собраний имеет особое значение для тех, кто принадлежит к меньшинствам, потому что они более других уязвимы к виктимизации. Европейский Суд признал, что демонстрации в конечном счете были проведены в запланированные сроки. Однако заявители приняли на себя риск с учетом официального запрета. Такая ситуация не могла быть устранена: средств правовой защиты, имеющихся в распоряжении заявителей, было недостаточно, поскольку соответствующее решение было дано после даты, в которую демонстрации были проведены.

Таким образом, Европейский Суд установил, что имело место вмешательство в права заявителей, гарантированные статьей 11 Конвенции. Кроме того, учитывая, что решения национального суда первой инстанции были отменены, следует вывод, что вмешательство не было «предусмотрено законом». В связи с этим Европейский Суд заключил, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

Европейский Суд счел, что возможность оспорить отказ в проведении акций только ретроспективно нарушает статью 13 Конвенции в совокупности со статьей 11 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что решения в отношении просьбы заявителей о выдаче разрешений на проведение демонстраций было дано городскими властями, действующими от имени мэра, после того, как он уже довел до сведения общественности свое мнение по этому вопросу. Поэтому Европейский Суд пришел к выводу, что можно предположить, что мнение мэра повлияло на процесс принятия решений и, как следствие, были нарушены права заявителей на свободу собраний на дискриминационной основе. Соответственно, Европейский Суд считает, что имело место нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 11 Конвенции.

Дело «Зеленые Балканы против Болгарии»/Case of Zeleni Balkani v. Bulgaria	63778/00	Болгария/ Bulgaria	12/04/2007
---	----------	-----------------------	------------

Факты. Заявителем является болгарская некоммерческая экологическая организация, находящаяся в г. Пловдив (Болгария). В неустановленный день муниципалитет г. Пловдива начал очистку берегов и русла реки Марица, которая проходит через весь город. Эти работы сопровождались процедурой выкорчевывания и ликвидации деревьев и растений, которые блокируют поток реки. Организация-заявитель посчитала, что действия муниципалитета нарушали национальное экологическое законодательство и что беспорядочное выкорчевывание и ликвидация деревьев и растений будет нарушать биологическое равновесие реки. 18 апреля 2000 г. организация-заявитель сообщила муниципалитету о своем намерении провести митинг на следующий день, 19-го, перед муниципалитетом. Целью акции были протест против действий муниципалитета и предъявление требований о прекращении беспорядочного выкорчевывания и ликвидации растений, потому что при этом уничтожались важные аллювиальные деревья и места обитания редких, исчезающих видов птиц. В письме от 19 апреля 2000 г., подписанном секретарем муниципального образования, организации-заявителю сообщалось, что муниципалитет не допустит проведения митинга. В тот же день сотрудники полиции посетили офис организации-заявителя и получили письменное заверение от ее лидеров, что они знают о запрете и не будут организовывать акции, как планировалось. Организация-заявитель не проводила митинг 19 апреля 2000 г., и расчистка берегов и русла реки продолжалась. 26 апреля 2000 г. организация-заявитель обжаловала запрет муниципалитета. 28 марта 2001 г. Пловдивский областной суд объявил недействительным запрет муниципалитетом митинга, так как он был издан в нарушение законодательства.

Предмет жалобы. Опираясь на статьи 11 и 13 Конвенции, организация-заявитель жалуется на запрет проведения митинга.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд отметил, что Пловдивский областной суд установил, что запрет муниципалитетом митинга был выдан в нарушение национального закона. Поэтому запрет представлял собой вмешательство в осуществление права организации-заявителя на свободу мирных собраний и не отвечал критерию «предусмотрено законом». Следовательно, Европейский Суд счел, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что национальный суд не рассматривал обращение заявителя в установленный пятидневный срок, а вынес

свое решение спустя десять месяцев. Поэтому использованная заявителем процедура обжалования неэффективна. В отношении возможности для заявителя получить возмещение за противоправные действия муниципалитета, Европейский Суд отметил, что он не обладает таким правом. Европейский Суд также не убеждают аргументы правительства о том, что организация-заявитель могла бы подать иск за ущерб в рамках гражданского производства. Европейский Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьями 11 Конвенции.

В соответствии со статьей 41 Конвенции (справедливая компенсация) Европейский Суд присудил заявителю 2 500 евро в качестве компенсации морального вреда и 1 500 евро за судебные расходы и издержки.

Дело «Силоджлу и другие против Турции»/Case of Ciloglu and Others v. Turkey	73333/01	Турция/ Turkey	06/03/2007
---	----------	-------------------	------------

Факты. Заявители: 12 турецких граждан, проживающих в г. Стамбуле. В мае 1995 г. был проведен ряд демонстраций по инициативе родственников заключенных в виде еженедельных сидячих забастовок перед Галатасарайской средней школой в г. Стамбуле в поддержку акции протеста заключенных против планов создания тюрем типа F. Заявители приняли участие в одной из этих акций 26 сентября 1998 г. Группа демонстрантов состояла из 60 человек. Полиция дала им приказ разойтись. Когда они отказались, полиция применила слезоточивый газ и взяла заявителей под стражу. Заявители были выпущены на свободу 28 сентября 1998 г. Затем против них было возбуждено уголовное дело за нарушение закона о публичных собраниях и демонстрациях.

Предмет жалобы. Основываясь на статье 3 Конвенции (запрещение бесчеловечного и унижающего достоинство обращения), заявители жаловались на применение слезоточивого газа (перечный спрей) для разгона группы демонстрантов. Кроме того, они жаловались, в соответствии со статьями 11 Конвенции (свобода собраний и ассоциаций), в частности, что их права на свободу выражения мнений и мирных собраний были нарушены.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд отметил, что заявители не представили каких-либо медицинских заключений, чтобы доказать, что они пострадали, как ими утверждается, от вредных последствий воздействия газа.

Что касается синяков, указанных в медицинских заключениях в отношении семи заявителей, Европейский Суд установил, что эти травмы, как представляется, были нанесены во время их столкновений с поли-

цией во время ареста. Европейский Суд счел, что телесные повреждения не имеют достаточной степени тяжести и не подпадают под действие статьи 3 Конвенции. В связи с этим Европейский Суд единогласно постановил, что не имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

Кроме того, Европейский Суд отметил, что демонстрации, о которых идет речь, были запрещены, и демонстранты были проинформированы об этом. Было очевидно, что такие встречи в общественном месте регулярно проводятся каждую субботу утром в течение трех лет и стали практически постоянным событием, создающим помехи движению транспорта и приводящим к нарушению общественного порядка. С учетом продолжительности и количества предыдущих демонстраций Европейский Суд счел, что власти отреагировали в рамках «свободы усмотрения» в смысле Конвенции. В связи с этим Европейский Суд постановил пятью голосами против двух, что не имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

Дело «Ойа Атаман против Турции»/Case of Ataman v. Turkey	74552/01	Турция/ Turkey	05/12/2006
--	----------	-------------------	------------

Факты. Заявительница, гражданка Турции, проживающая в г. Стамбуле. Она является юристом и президентом Стамбульской Ассоциации по правам человека. В апреле 2000 г. заявительница организовала демонстрации на площади Султанахмет в г. Стамбуле в форме марша, после чего планировала сделать заявление для прессы в знак протеста против планов создания тюрем типа F. Около полудня полиция попросила группу из 40–50 человек, которые проводили демонстрацию, размахивая плакатами, прекратить акцию. Когда демонстранты отказались подчиниться, полиция разогнала группу с помощью слезоточивого газа. Они арестовали 39 демонстрантов, в том числе заявительницу, которая была освобождена после проверки личности. Она подала жалобу на начальника полиции г. Стамбула и сотрудников полиции, утверждая, что с ней жестоко обращались, незаконно арестовали и лишили возможности сделать публичное заявление, запланированное на конец демонстрации. Прокуратура прекратила судопроизводство по ее жалобе, и это решение было поддержано судом присяжных 25 сентября 2000 г.

Предмет жалобы. Основываясь на статьях 3 и 11 Конвенции, заявительница жаловалась, что слезоточивый газ был использован для разгона демонстрантов, и что ее права на свободу выражения мнения и свободу собраний были нарушены.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд отметил, что перечный газ используется в некоторых странах — членах Совета Европы для разгона демонстрантов в случаях беспорядков. Он не относится к числу токсичных газов, перечисленных в Приложении к Конвенции о

химическом оружии (Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г.). Тем не менее Европейский Суд отметил, что использование этого газа может вызвать побочные эффекты, такие как проблемы с дыханием, тошноту, рвоту, раздражение дыхательных путей, раздражение слезных протоков и глаз, спазмы, боль в грудной клетке, дерматит или аллергические реакции. В данном случае Европейский Суд отметил, что заявительница не представила никаких медицинских заключений, чтобы доказать отрицательное воздействие на нее газа. Так как она была выпущена вскоре после ареста, то не просила о проведении медицинского освидетельствования. При таких обстоятельствах Европейский Суд считает, что нет никаких доказательств в обоснование утверждения заявительницы о жестоком обращении. Следовательно, Европейский Суд пришел к выводу, что не имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

Европейский Суд подчеркнул, что имело место вмешательство в свободу собраний. Вмешательство было предписано законом и преследовало легитимную цель предотвращения беспорядков и сохранения прав других людей и права на свободное передвижение без ограничений. Европейский Суд уточнил, что демонстрация была незаконной, что не оспаривается заявительницей. Однако незаконное положение не может служить оправданием нарушения права на свободу собраний. Как следует из доказательств, представленных Европейскому Суду, группа демонстрантов была проинформирована несколько раз, что марш является незаконным и нарушает общественный порядок, и что они получили приказ разойтись. Заявительница и другие демонстранты не выполнили приказ и пытались пробиться. В то же время нет оснований полагать, что группа демонстрантов представляла какую-либо опасность для общественного порядка, за исключением, быть может, создания помех движению транспорта. На демонстрации присутствовало более 50 человек, которые хотели привлечь внимание общественности к актуальной проблеме. Митинг начался около полудня и закончился арестом группы в течение получаса. Европейский Суд был особенно поражен нетерпением властей в стремлении положить конец демонстрации, которая была организована под эгидой Ассоциации по правам человека. По мнению Европейского Суда, если демонстранты не участвуют в актах насилия, важно, чтобы государственные органы проявляли определенную степень терпимости к мирным собраниям. При таких обстоятельствах Европейский Суд считает, что силовое вмешательство полиции было несоразмерно и не было необходимо для предотвращения беспорядков по смыслу Конвенции. Поэтому он постановил, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

Европейский Суд счел, что установление факта нарушения Конвенции само по себе служит достаточно справедливой компенсацией за нематериальный ущерб, понесенный заявительницей, и присудил ей компенсацию в размере 1 000 евро за судебные расходы и издержки.

Дело «Четинкая против Турции»/ Case of Cetinkaya v. Turkey	75569/01	Турция/ Turkey	27/06/2006гп
---	----------	-------------------	--------------

Факты. Заявитель является гражданином Турции, проживающим в г. Измире (Турция). Заявитель присутствовал на пресс-конференции 2 июля 1999 г. под названием «Демократия, секуляризм и мир». Конференция была организована демократической платформой (гражданские группы охватывают различные профсоюзы, ассоциации и профессиональные объединения) по случаю годовщины событий, произошедших в г. Сивасе 2 июля 1993 г. Заявление, осуждающее, в частности, инертность турецких властей в судебном преследовании и наказании лиц, ответственных за события г. Сиваса, подписанное различными членами группы платформы, в том числе Ассоциацией по правам человека, было зачитано на конференции. В тот же день офицеры полиции составили отчет об инциденте, в котором пресс-конференция, на которой присутствовало около 800 человек, была охарактеризована как «собрание под открытым небом». Заявитель и шесть членов исполнительного комитета были привлечены к ответственности за участие в незаконном собрании и за нарушение целей, указанных в учредительном договоре. 2 ноября 2000 г. заявитель был признан виновным в предъявленных ему обвинениях и приговорен к шести месяцам тюремного заключения, которое впоследствии было заменено денежным штрафом. Он обжаловал это решение, но безуспешно.

Предмет жалобы. Заявитель утверждал, что он был осужден за участие в пресс-конференции, и там самым были нарушены его права на свободу выражения мнения в смысле статьи 10 (свобода выражения мнения) и 11 Конвенции (свобода собраний и объединений). Основываясь на пункте 1 статьи 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство), он утверждал, что был лишен права на справедливое судебное разбирательство по причине того, каким образом были приняты доказательства турецкими судами.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд счел, что он должен рассмотреть жалобы по статьям 10 и 11 Конвенции только в соответствии со статьей 11 Конвенции. Европейский Суд отметил, что заявитель был осужден в качестве директора ассоциации, а не как частное лицо и не за лозунги в поддержку террористической организации, а за участие в пресс-конференции, которая де-факто была квалифицирована как «незаконное собрание» со стороны властей. Он был осуж-

ден только за присутствие на конференции без учета того, была ли она мирной или нет. В этой связи Европейский Суд подтвердил, что принятие радикальных мер превентивного характера для подавления свободы собраний и выражения мнений, кроме случаев подстрекательства к насилию или отказа от демократических принципов, оказало «медвежью услугу демократии». Правовые рамки, которые служили основанием для осуждения заявителя, составили общий запрет, ограничивающий осуществление права на свободу мирных собраний в течение неопределенного времени, которые зависят от национальных органов власти и оценки целей учредительного договора ассоциации. Таким образом, Европейский Суд постановил, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

Вновь подтверждая, что Конвенция не устанавливает правила в отношении принятия доказательств как таковых, Европейский Суд пришел к выводу, что не имело место нарушение статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд присудил заявителю компенсацию в размере 2 000 евро за нематериальный ущерб и 1 500 евро за судебные издержки и расходы.

Дело «Христианско-демократическая народная партия против Молдовы»/Case of Christian Democratic People's Party v. Moldova	28793/02	Молдова/ Moldova	14/02/2006п
--	----------	---------------------	-------------

Факты. Заявители — несколько молдавских граждан, проживающих в г. Кишиневе. Они являются членами и/или сторонниками Христианско-демократической народной партии (далее — ХДНП), которая во время рассматриваемых событий являлась оппозиционной политической партией в Республике Молдова.

Предмет жалобы. Заявители жаловались на административные штрафы, налагаемые на них за организацию и/или участие в демонстрациях протеста против введения обязательного изучения русского языка в молдавских школах. Заявители ссылались на статьи 10 (свобода выражения мнения) и 11 Конвенции (свобода собраний и объединений).

Решение Европейского Суда. Европейский Суд подтвердил, что лишь очень серьезные нарушения, которые ставят под угрозу политический плюрализм и основные демократические принципы, могли бы оправдать запрет на деятельность политических партий. Собрание ХДНП было исключительно мирным, и на нем не звучало призывов к насильственному свержению правительства или к любому другому посягательству на принципы плюрализма и демократии. Поэтому нельзя сказать, что мера, применяемая к ХДНП, была пропорциональна пре-

следуемой цели. Поскольку производство по делу связано с одними обстоятельствами по нескольким жалобам заявителей, Европейский Суд объединил эти дела. Европейский Суд постановил, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции, и не считает необходимым рассматривать отдельно жалобы заявителей в соответствии со статьей 10 Конвенции. Европейский Суд присудил 2 000 евро каждому заявителю, за исключением двух, в качестве возмещения морального вреда, а также в общей сложности 2 000 евро за судебные расходы и издержки.

Дело «Иванов и другие против Болгарии»/Case of Ivanov and Others v. Bulgaria	46336/99	Болгария/ Bulgaria	24/11/2005
--	----------	-----------------------	------------

Факты. Заявители — четыре гражданина Болгарии македонского происхождения, которые живут или жили в г. Благоевград (Болгария). Все они являлись членами Объединенной македонской организации «Илинден—Пирин» (далее — Организация), которая позже получила регистрацию в качестве политической партии, а затем ее объявили «неконституционной» и ликвидировали.

С 3 августа по 1 сентября 1998 г. заявители сообщили мэру г. Софии, что намерены провести мирные митинги 10 августа (годовщина Бухарестского договора 1913 г.) и 12 сентября 1998 г. (в память о геноциде против македонцев).

Мэр г. Софии запретил проведение митингов на том основании, что акции будут «создавать условия для нарушения общественного порядка». Апелляция на запрет проведения митинга 10 августа 1998 г. не была подана. Тем не менее заявители подали апелляцию на запрет проведения митинга, запланированного на 12 сентября 1998 г.

8 сентября 1998 г. Софийский районный суд вынес решение о том, что он не обладает юрисдикцией для рассмотрения апелляции, и постановил, что обжаловать запрет следует через первый Исполнительный комитет Народного Совета, как это предусмотрено законодательством. Европейский Суд прекратил судебное разбирательство и направил апелляцию в муниципальный совет (который он посчитал преемником Исполнительного комитета Народного совета, прекратившего свое существование). В результате заявители проиграли в суде кассационной инстанции.

Предмет жалобы. Заявители утверждали, что запреты на проведение двух запланированных акций не отвечали критерию «в соответствии с законом» и не были «необходимы в демократическом обществе» в нарушение статьи 11 Конвенции. Они также утверждали, что суды неправомерно отказались рассматривать жалобу на запрет второй акции и, следовательно, отказали им в эффективном средстве правовой защиты, что является нарушением статьи 13 Конвенции.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд счел, что запреты были законными. Что касается цели и необходимости вмешательства, Европейский Суд отметил, что оба отказа мэра содержали только краткие ссылки на якобы существующую угрозу для общественного порядка без указания оснований для такого заключения. Даже если предположить, что цели отказов преследовали обеспечение общественной безопасности и предотвращение беспорядков, Европейский Суд вряд ли может сделать вывод, что власти предоставили соответствующие и достаточные обоснования и, что такие запреты были необходимы в демократическом обществе. Болгарское правительство просто заявило, что власти действовали в соответствии с национальным законодательством и их действия не были произвольными. Даже если власти подозревают, что некоторые лидеры Организации, которая позднее была объявлена неконституционной, придерживались сепаратистских взглядов, которые выражались в понятии самостоятельности для региона Пирин Македонии или даже в требованиях о выходе из Болгарии, и можно было ожидать, что сепаратистские лозунги будут звучать в ходе запланированных акций, то такая вероятность не может *как таковая* оправдать запреты. Следовательно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции (пятью головами против двух).

Европейский Суд отметил, что возможность обратиться к несуществующему органу, Исполнительному комитету Народного совета, не является эффективным средством правовой защиты. Хотя Верховный кассационный суд в конечном счете поддержал позицию заявителей, но его решение было вынесено около четырех с половиной лет после акций. Кроме того, принимая во внимание, что сроки проведения митингов имеют решающее значение для организаторов и участников, и то, что организаторы своевременно уведомили компетентные органы, Европейский Суд счел, что в данных обстоятельствах понятие эффективного средства правовой защиты подразумевает возможность получения постановления до времени запланированных мероприятий. Тем не менее в данном случае этого не произошло. Соответственно, Европейский Суд установил, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

Европейский Суд единогласно постановил, что нет необходимости выносить решение относительно утверждения о нарушении статьи 14 Конвенции.

В соответствии со статьей 41 Конвенции (справедливая компенсация) Европейский Суд присудил заявителям совместно 2 000 евро в качестве компенсации судебных издержек и расходов.

Дело «Айдын Абдулкадир и другие против Турции»/Case of Abdulkadir Aydin and Others v. Turkey	53909/00	Турция/ Turkey	20/09/2005
--	----------	-------------------	------------

Факты. Заявители — трое граждан Турции, проживающих в г. Диярбакыре (Турция). В июне 1998 г. исполнительный комитет турецкой партии принял решение организовать проведение ряда мероприятий с целью встречи с местным населением и гражданскими организациями на юго-востоке Турции. Делегация столкнулась с трудностями в передвижении, в связи с тем, что силы безопасности отказали им в выступлениях в некоторых городах. Кроме того, полиция государства, действуя от имени губернатора, отказала местному отделению партии в г. Диярбакыре организовать конвой, чтобы приветствовать делегации, заявив, что в силу закона и введенного чрезвычайного положения в регионе такой съезд запрещен.

Предмет жалобы. Заявители жаловались, что они были не в состоянии выполнить ряд запланированных визитов. Они ссылались на статью 11 (свобода собраний и объединений) и статью 13 (право на эффективное средство правовой защиты) Конвенции.

Решение Европейского Суда. Дело было вычеркнуто из списка дел, подлежащих рассмотрению Европейским Судом, после дружественного урегулирования спора, по результатам которого каждому из заявителей было присуждено по 2 000 евро убытков и по 2 000 евро совместных затрат и расходов, что в общей сложности составило 8 000 евро.

Дело «Гунери против Турции»/Case of Guneri v. Turkey	42853/98; 43609/98; 44291/98	Турция/ Turkey	12/07/2005
--	------------------------------------	-------------------	------------

Факты. Заявители: три гражданина Турции, Партия демократии и мира. Один из заявителей живет в г. Ване (Турция), а двое — в г. Анкаре. 1 июня 1998 г. исполком партии решил посетить города Кыршехир, Малатия, Элазыг Бингель, Ван, Муш, Битлис, Диярбакыр, Мардин, Шанлыурфа, Адане и Конье. Председатель партии и члены исполкома должны были принять участие в поездке с целью встречи с местным населением и гражданскими организациями на юго-востоке Турции. 10 июня 1998 г. губернатор издал Указ о введении чрезвычайного положения в регионе, запрещающий собрания под открытым небом, которые были запланированы в г. Ване, на том основании, что ситуация там была напряженной и, что, благодаря своим размерам, встреча могла привести к инцидентам, а крики и лозунги могли использоваться для разжигания насилия и критики правительственных мер. В соответствии с указом заявителям и другим членам группы было отказано

в доступе в города Мардин, Диярбакыр, и Ван и им сообщили, что они не смогут провести совещание в г. Ване.

Предмет жалобы. Заявители утверждали, что указ губернатора нарушил их право на свободу собраний, что он противоречит статье 11 Конвенции (свобода собраний и объединений). Они также жаловались на нарушение статьи 13 Конвенции (право на эффективное средство правовой защиты) в отсутствие каких-либо средств правовой защиты, позволяющих обжаловать решения губернатора. Наконец, они жаловались в соответствии со статьей 14 Конвенции (запрещение дискриминации) о дискриминации в отношении партии на том основании, что большинство его лидеров и членов лица курдского происхождения.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд должен был решить вопрос, может ли вмешательство в право заявителя на свободу собраний считаться «необходимым в демократическом обществе». В связи с этим Европейский Суд признал, что политическая ситуация может «висеть на волоске» из-за небезопасной обстановки, вызванной террористическими актами на юго-востоке Турции в тот момент времени. Тем не менее губернатор заранее был проинформирован о запланированных поездках заявителей. Европейский Суд отметил, что государство может потребовать получение разрешения на проведение собраний и регулировать свободу передвижения лиц, участвующих в мирных собраниях, касающихся общественного порядка и национальной безопасности. Однако в рассматриваемом деле губернатор не привел каких-либо причин для принятия своего решения, которое на первый взгляд не представляется адекватной и необходимой мерой, принимаемой для обеспечения того, чтобы визиты проходили без инцидентов. Кроме того, не существует оснований предполагать, что запланированные поездки могли служить платформой для пропаганды насилия и отказа от демократии или что есть какие-либо потенциально вредные последствия, которые оправдывали бы их запрещение. При таких обстоятельствах Европейский Суд установил, что принятые меры не могут обоснованно считаться удовлетворяющими «насущной социальной потребности» и поэтому не были «необходимы в демократическом обществе» по смыслу статьи 11 Конвенции. В связи с этим Европейский Суд единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

Кроме того, Европейский Суд единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием средств правовой защиты, предусмотренных в турецком законодательстве, для того, чтобы меры были оспорены, а также, что нет необходимости рассматривать жалобу по статье 14 Конвенции.

Что касается справедливой компенсации, Европейский Суд присудил заявителям 2 000 евро и 1 500 евро каждому из них за нематери-

альный ущерб, а также совместно 1 090 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек.

Дело «Аплби и другие против Соединенного Королевства»/ Case of Appleby and Others v. United Kingdom	44306/98	Соединенное Королевство/ United Kingdom	06/05/2003
---	----------	--	------------

Факты. Заявители: два британских гражданина, один ирландский гражданин и экологические организации, которые проводили кампании против планов строительства на единственном общественном игровом поле, недалеко от центра г. Вашингтона (Англия). В марте и апреле 1998 г. заявители приступили к сбору подписей под петицией, чтобы убедить совет отказаться от проекта строительства. Они пытались выяснить общественное мнение в торговом центре г. Вашингтона, который фактически стал центром города. Они не смогли сделать это, однако, «Постель», частная компания, которая приобрела большую часть торгового района и имела, согласно национальному законодательству, право исключить любое лицо, осуществляющее несанкционированное мероприятие на своей земле, предоставила им такую возможность. Менеджер одного из магазинов в торговом центре дал заявителям разрешение на сбор подписей в магазине. Тем не менее разрешение не было дано в апреле 1998 г., когда заявители хотели повторно собрать подписи под петицией. Менеджер сообщил заявителям, что в разрешении было отказано по той причине, что владелец центра занял строго нейтральную позицию в отношении всех политических и религиозных вопросов.

Предмет жалобы. Опираясь на статьи 10 (свобода выражения мнения) и 11 Конвенции (свобода собраний и объединений), заявители жаловались, что были лишены возможности встречи в центре города для обмена информацией и идеями по поводу предлагаемых планов строительства. Они также жаловались на основании статьи 13 Конвенции (право на эффективное средство правовой защиты), что у них не было средств правовой защиты в рамках внутреннего законодательства для проверки законности вмешательства в свои права.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд не счел, что правительство не смогло выполнить позитивное обязательство по защите свободы выражения мнений заявителей, а также высказал идентичные соображения в отношении их права на свободу собраний.

После 2 октября 2000 г., когда Закон о правах человека вступил в силу, заявители могли бы подать жалобы в национальные суды.

Европейский Суд постановил шестью голосами против одного, что не было нарушения статей 10 и 11 Конвенции, и единогласно постановил, что не было нарушения статьи 13 Конвенции.

Дело «Джавит Ан против Турции»/ Case of Djavit An v. Turkey	20652/92	Турция/ Turkey	20/02/2003
--	----------	-------------------	------------

Факты. Заявитель, гражданин Кипра турецкого происхождения, работает педиатром, живет в Никосии, к северу от «зеленой линии». Он критикует власти «киприотов-турок» и турецкое военное присутствие в северной части Кипра, которую он определяет как «оккупация», заявитель является также координатором Движения за независимый и федеральный Кипр, не зарегистрированного объединения турецких и греческих киприотов, основанного в 1989 г. в г. Никосии. Движение стремится развивать тесные отношения между двумя общинами и организует политические, культурные, медицинские и социальные встречи. Заявитель, как правило, не в состоянии получить разрешение от турецких и турецко-кипрских властей посетить «буферную зону» в южной части острова, чтобы принять участие в различных межобщинных встречах. В период с 8 марта 1992 г. по 14 апреля 1998 г. только шесть из 46 просьб заявителей о предоставлении таких разрешений были удовлетворены. Кроме того, в мае 1992 г. турецко-кипрские власти отказались разрешить киприотам-грекам принять участие в совещании, организованном заявителем в северной части острова. Заявитель утверждал, что Кабинет «Турецкой Республики Северного Кипра» (ТРСК) принял решение, запрещающее ему вступать в контакт с киприотами-греками.

Предмет жалобы. Заявитель жаловался, что отказы турецких и турецко-киприотских властей разрешить ему пересечь «зеленую линию» в южной части Кипра и принять участие в межобщинных заседаниях нарушили статьи 10, 11 и 13 Конвенции.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд заключил, что данное дело подпадает под юрисдикцию Турции и может повлечь за собой ответственность Турции в рамках Конвенции.

Европейский Суд отметил, что вопрос о свободе выражения мнений в данном случае не может быть отделен от права на свободу собраний. Защита личных мнений является одной из целей свободы мирных собраний, закрепленных в статье 11 Конвенции, поэтому нет необходимости отдельно рассматривать вопрос в соответствии со статьей 10 Конвенции. Европейский Суд постановил, однако, рассмотреть статью 10 при рассмотрении и толковании статьи 11 Конвенции.

Европейский Суд счел, что заявитель хотел принять участие в собраниях, которые были направлены на развитие диалога и обмена идеями и мнениями между турками-киприотами, проживающими на севере, и киприотами-греками, проживающими на юге, в надежде добиться мира на острове. Отказы в выдаче таких разрешений заявителю и дей-

ствие запрета на участие заявителя в межобщинных заседаниях мешает ему мирно собираться с людьми из обеих общин. Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что имело место вмешательство в право заявителя на свободу мирных собраний. Поскольку нет закона, регулирующего выдачу разрешений для турок-киприотов, проживающих в северной части Кипра, чтобы пересечь «зеленую линию» в южной части Кипра и собираться мирно с греками-киприотами, и учитывая, как были введены ограничения на осуществление заявителем его права на свободу собраний, то данный запрет не был «предусмотрен законом». Таким образом, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что, турецкое правительство не смогло доказать, что ни одно из внутренних средств правовой защиты было бы эффективным, поэтому имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

В соответствии со статьей 41 Конвенции (справедливая компенсация) Европейский Суд присудил заявителю 15 000 евро за нематериальный ущерб и 4 715 евро за судебные расходы и издержки.

Дело «Селванаягам против Соединенного Королевства»/Case of Selvanayagam v. United Kingdom	57981/00	Соединенное Королевство/United Kingdom	12/12/2002р.
---	----------	--	--------------

Факты. Заявитель является гражданином Соединенного Королевства, живет в г. Ньюкасл-апон-Тайн. Он принимал участие в мирных акциях протеста, направленных против частной фермы. 10 сентября 1997 г. Верховный суд вел временный запрет в отношении заявителя (и других лиц) согласно разделу Закона «О защите от преследования» в связи с гражданским иском против него семьи Харрисона, проживавшей на ферме. В марте 1998 г. заявитель был арестован и обвинен (наряду с двумя другими лицами) в уголовном преступлении за продолжение линии поведения, на которую был наложен запрет.

Предмет жалобы. Заявитель жалуется, что гражданское предписание от 10 сентября 1997 г. было выдано на основании решения, принятого в судебном заседании, прошедшем без его участия, а также что уголовный процесс по его делу прошел с нарушениями пунктов 1 и 2, подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Он жалуется, что предписание привело к неоправданному вмешательству в его права в соответствии со статьями 10 и 11 Конвенции, и что запрет, который был введен по решению суда первой инстанции, не был достаточно определенным в законе, несоразмерным, что нарушило тем самым положения статей 10 и 11 Конвенции.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд не считает, что имели место какие-либо процессуальные нарушения, которые могут нарушать права заявителя в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции на основании судебного решения окружного суда в одностороннем порядке. Что касается вопроса материального права, линия поведения заявителя не может считаться разумной в условиях, когда это было в нарушение запрета Верховного суда. Европейский Суд не счел, что действие судебного решения в *одностороннем порядке может* рассматриваться как нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции. Европейский Суд пришел к выводу, что жалобы заявителя в соответствии с пунктами 1 и 2, подпункта «d» пункта 3 Конвенции должны быть отклонены как явно необоснованные по смыслу пунктов 2 и 4 статьи 35 Конвенции.

Европейский Суд приходит к выводу, что вмешательство в права заявителя в соответствии с пунктом 1 статьи 10 Конвенции было необходимо в демократическом обществе и представляло собой пропорциональный ответ. Европейский Суд полагает, что жалоба заявителя в соответствии со статьей 10 Конвенции должна быть отклонена как явно необоснованная по смыслу пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

Европейский Суд считает, что вопросы, возникающие в связи со статьей 11 Конвенции, являются такими же, как и в соответствии со статьей 10 выше. По тем же причинам он считает, что жалоба в соответствии со статьей 11 Конвенции является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции и должна быть отклонена по смыслу пункта 4 статьи 35 Конвенции.

Дело «Сиссе против Франции»/Case of Cisse v. France	51346/99	Франция/ France	09/04/2002
---	----------	--------------------	------------

Факты. Заявительница является гражданкой Сенегала и проживает в г. Дакаре (Сенегал). Она была пресс-секретарем группы иностранцев, не имеющих прописки, а с июня по август 1996 г. оккупировавших церковь Сен-Бернар в Париже вместе с другими 200 нелегальными иммигрантами. Цель движения состояла в том, чтобы обратить внимание на трудности, с которыми сталкиваются иностранцы при получении иммиграционного статуса во Франции. С этой целью десять членов этой группы начали голодовку. 22 августа 1996 г. комиссар полиции г. Парижа распорядился, чтобы всех лиц эвакуировали из помещения на том основании, что пребывание в церкви не было связано с религиозным поклонением, а также из-за плохих санитарных условий и серьезной опасности для здоровья, мира, безопасности и общественного порядка. Полиция эвакуировала людей на следующий день и всех их доставила на допрос. Некоторые из них были задержаны и

впоследствии высланы из страны. Заявительница не имеет вида на жительство и была обвинена в нарушении правил въезда и пребывания во Франции и получила два месяца условно. Апелляционный суд г. Парижа подтвердил осуждение и наложил запрет на въезд во Францию в течение трех лет. Обращение заявителя в Кассационный суд было отклонено 4 июня 1998 г.

Предмет жалобы. Заявительница жаловалась на нарушение статьи 11 Конвенции (свобода собраний и объединений), что ее право на свободу мирных собраний с другими иностранцами было нарушено.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд счел, что эвакуация из церкви составила вмешательство в осуществление свободы заявительницы на мирные собрания, и это вмешательство было предписано Законом 1905 г. об отделении церкви от государства. Было также установлено, что вмешательство преследовало законную цель: предотвращение беспорядков. Кроме того, Европейский Суд отметил, что здание церкви было занято в течение двух месяцев иностранцами, в том числе заявительницей, которые находились во Франции без действительного вида на жительство, их присутствие там подрывало общественный порядок и обряды поклонения прихожан, привело к созданию ситуации, в которой здоровье голодающих ухудшилось, и серьезно ухудшились санитарные условия. При таких обстоятельствах Европейский Суд признал, что было необходимо ограничить осуществление права заявительницы на собрания. Учитывая изложенное, Европейский Суд установил, что вмешательство в свободу заявительницы не было несоразмерным и единогласно постановил, что не имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

Дело «Османи и другие против бывшей Югославской Республики Македония»/Case of Osmani and Others v. Former Yugoslav Republic of Macedonia	50841/99	Бывшая Югославская Республика Македония/ Former Yugoslav Republic of Macedonia	11/10/2001п
--	----------	---	-------------

Факты. Заявители живут в г. Гостиваре, бывшей Югославской Республике Македония. На местных выборах 1996 г. один из заявителей был избран мэром г. Гостивара. 14 февраля 1997 г. в г. Гостиваре Поместный Собор принял решение о реализации раздела 140 Статута муниципалитета г. Гостивара об использовании флагов. Это решение заключалось в том, что албанские и турецкие флаги должны помещаться вместе с македонским флагом перед городской ратушей. Другие государственные учреждения были проинформированы о необходимости вывешивать албанские и турецкие флаги во время государственных

праздников. 14 марта 1997 г. правительство и политическая партия просили Конституционный суд рассмотреть конституционность и законность решения местного совета г. Гостивара на том основании, что ни Конституция, ни законодательство не предоставляют соответствующие полномочия муниципалитетам по регулированию использования флагов. 21 мая 1997 г. Конституционный суд признал просьбу о рассмотрении конституционности и законности раздела 140 Статута муниципалитета г. Гостивара приемлемым и временным распоряжением приостановил действие решения. 24 мая 1997 г. заявитель организовал встречу, на которой не было вывешено македонского флага, а был флаг Республики Албания и играл албанский гимн.

26 мая 1997 г. местный совет сообщил в Конституционный суд о своем решении не выполнять временное постановление Конституционного суда от 21 мая 1997 г., подчеркнув, что снятие флагов приведет к межэтническим конфликтам. 26 мая 1997 г. группа граждан попыталась убрать албанский флаг со здания ратуши г. Гостивара, что привело к вооруженному столкновению между гражданами. 6 июня 1997 г. заявитель предупредил Конституционный суд, что временное распоряжение от 21 мая 1997 г. приведет к межэтническим конфликтам. 11 июня 1997 г. Конституционный суд отменил раздел 140 Статута на том основании, что местный совет превысил свои полномочия, так как он не был уполномочен на это Конституцией или законом.

9 июля 1997 г., примерно в два часа ночи, полиция сняла флаги со здания Гостиварской ратуши, что привело к дальнейшему росту напряженности в г. Гостиваре. Все заявители были отстранены от исполнения своих государственных обязанностей. События получили широкое освещение в СМИ. Первый и второй заявители были задержаны и арестованы, соответственно, почти на три и один месяц до начала судебного разбирательства. Первый заявитель был признан виновным по трем пунктам: разжигание национальной, расовой и религиозной ненависти, несогласия и нетерпимости со стороны государственного должностного лица, организация сопротивления против законного решения или действия государственного органа, неисполнение решения Конституционного суда. Он был приговорен к лишению свободы сроком на семь лет. Другие заявители были признаны виновными в невыполнении решения Конституционного суда и приговорены к тюремному заключению сроком на два года. Конституционный суд отклонил жалобу первого заявителя о том, что его право на свободу выражения мнения было нарушено. Заявители, в конечном счете, были амнистированы и освобождены от отбывания тюремного заключения.

Предмет жалобы. Заявители жалуются в соответствии со статьями 10 и 11 Конвенции о нарушении их права на свободу выражения мнений и собраний.

Решение Европейского Суда. Один из заявителей был признан виновным как государственное должностное лицо в разжигании национальной, расовой и религиозной ненависти, несогласии и нетерпимости из-за того, что он организовал открытое собрание 24 мая 1997 г. под девизом «защиты официального использования государственного флага», на котором играл гимн Республики Албания, и он выступил с речью, в которой призвал граждан албанского происхождения к защите флага Республики Албания. Данный заявитель был задержан в ожидании суда 10 июля 1997 г. и признан виновным 8 августа 1997 г. после беспорядков 9 июля 1997 года. Европейский Суд с учетом наличия фактически действительного призыва к насилию, а также устроенных заявителями беспорядков считает, что в данном случае вмешательство в осуществление заявителем права на свободу мирных собраний было законным, преследовало одну или несколько законных целей в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Конвенции и было «необходимым в демократическом обществе». Таким образом, жалоба заявителя о нарушении его прав на свободу выражения мнений и собраний была явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции и была отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

Дело «Макбрайд против Соединенного Королевства»/ Case of McBride v. United Kingdom	27786/95	Соединенное Королевство/ United Kingdom	05/07/2001
---	----------	--	------------

Факты. Заявительница, Джульетта Макбрайд, является гражданкой Великобритании, проживает в г. Саутгемптоне. 5 сентября 1993 г. она приняла участие в демонстрации, организованной движением против торговли оружием в г. Олдершот. Демонстрация проходила недалеко от военной базы. Заявительница вышла на акцию в сопровождении подруги. Они обе были готовы подняться на тротуар, но им было сказано полицией не идти по тропинке, так как это территория военной базы. Заявительница ответила, что это дорога является общественным местом. Ей сказали, что если она продолжит путь, то будет арестована за нарушение общественного порядка. Подруга заявительницы вернулась, а заявительница продолжила путь в одиночку. Заявительница была арестована в 10 часов 52 минуты и пробыла под стражей до 12 часов 25 минут, когда она была освобождена без предъявления обвинений. Впоследствии она предъявила гражданский иск в связи с неправомерным арестом. Дело было прекращено 22 ноября 1994 г., и судья сделал, *в частности*, следующий вывод: «Мой вывод заключается в том, что был вполне реален высокий риск насилия, учитывая, что она открыто выразила намерение продолжить путь в направлении военной

базы. Смысл этого решения — не допустить демонстрантов пойти на военную территорию. Поэтому я убежден, что это была разумная причина ареста, и дело будет закрыто...».

Предмет жалобы. Заявительница утверждает, что имело место нарушение статей 5, 10 и 11 Конвенции. Она утверждает, что в нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции не было никакого намерения довести ее дело до суда. Кроме того, она утверждает, что ее арест и задержание явились серьезным вмешательством в ее право на свободу выражения мнений и свободу собраний.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд отмечает, что согласно протоколу задержания содержание заявительницы под стражей было поручено «до тех пор, пока будет происходить нарушение общественного порядка и для получения доказательств путем опроса и для сохранения и обеспечения доказательств по другим вопросам». Тот факт, что не было принято решение наказывать ее или предать ее суду не означает, что цель содержания под стражей не соответствовала смыслу подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. В заключение Европейский Суд отметил, что представляется, что эта часть жалобы является явно необоснованной по смыслу пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд пришел к выводу, что по смыслу статьи 10 Конвенции арест заявительницы в связи с нарушением общественного порядка и ее задержание преследовали легитимную цель предотвращения беспорядков и защиты прав других лиц. Он считает, что меры, принимаемые против заявительницы, преследовали те же цели. При определении того, были ли эти меры «необходимыми в демократическом обществе», т.е. пропорциональными преследуемой цели, Европейский Суд вновь ссылается на выводы национального судьи о том, что арест заявителя был разумным, и существовали вероятные причины «высокого риска насилия». В связи с этим Европейский Суд не считает, что данные меры были непропорциональными: удаление заявительницы с демонстрации и ее задержание в течение примерно полутора часов. Из этого следует, что жалоба, должна быть отклонена как явно необоснованная в смысле пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

Дело «Дриман и другие против Норвегии»/Case of Drieman and Others v. Norway	33678/96	Норвегия/ Norway	04/05/2000
---	----------	---------------------	------------

Факты. Заявителей по данному делу четверо: два голландских гражданина, один британский подданный и гражданин Соединенных Штатов Америки. В июле 1994 г. «Гринписом» проводились на своих судах, зарегистрированных в Нидерландах, и быстрых резиновых лодках, на-

ходящихся на борту судов, акции протеста против норвежского китобойного промысла.

Первый заявитель был директором Фонда «Гринпис» в Нидерландах, и формально являлся руководителем кампании на борту одной из лодок начиная с 14 июля 1994 г. Трое других заявителей являлись, соответственно, капитаном, матросом и помощником инженера на борту этого судна. В течение месяца они следили за деятельностью китобойного судна «Сенет», который был единственным судном, занимавшимся бойней китов в этом районе.

Одна из лодок «Гринписа» прибыла в район, где «Сенет» охотился во второй половине дня 20 июля 1994 г. Во второй половине дня «Сенет» при помощи гарпуна начал охоту на кита. Это было обнаружено заявителями на борту другой лодки («Соло»), которая путем совершения разных маневров на воде мешала им охотиться на кита.

После вышеупомянутых событий четверо заявителей были арестованы и содержались под стражей в предварительном заключении в течение двух дней. После чего их привлекли к ответственности.

Предмет жалобы. Заявители жаловались, что им отказывают в осуществлении их права на свободу мирной демонстрации, а именно на протест против охоты на китов, и что норвежские власти нарушили их права в смысле статей 10 и 11 Конвенции.

Решение Европейского Суда. Европейский Суд отмечает, что заявители приговорены к штрафам и конфискации лодки первого заявителя — эти меры осуществлялись в рамках реализации юрисдикции государства-ответчика, принятых в смысле статьи 1 Конвенции, и, таким образом, заявители могут его привлечь к ответственности в рамках Конвенции.

Европейский Суд считает, что общественный интерес в принятии оспариваемых мер в отношении заявителей был преобладающим, власти государства-ответчика действовали в пределах своего усмотрения. Европейский Суд полагает, что ожалуемое вмешательство о поддержке соответствующих и достаточных оснований было соразмерно для целей пункта 2 статьи 10 и пункта 2 статьи 11 Конвенции, а также было «необходимо в демократическом обществе». Отсюда следует, что жалоба является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции. Таким образом, Европейский Суд объявил данную жалобу неприемлемой.

*Автономная некоммерческая организация
«Юристы за конституционные права и свободы»*

**Свобода мирных собраний в практике
Европейского Суда и Комиссии
по правам человека**

*Сборник решений
и постановлений*

Формат 60×90/16

Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22,5
Тираж 500 экз. Подписано в печать 09.06.2011 г. Заказ №

Редакционно-издательское объединение
«Новая юстиция»

127006 Москва, Воротниковский пер., д. 7, стр. 4.
тел./факс: (495) 699—6500
E-mail: info@sudprecedent.ru

Отпечатано
в ООО «Арт Гэйт Студио»
105005 г. Москва, ул. Радио, д. 24, к. 1